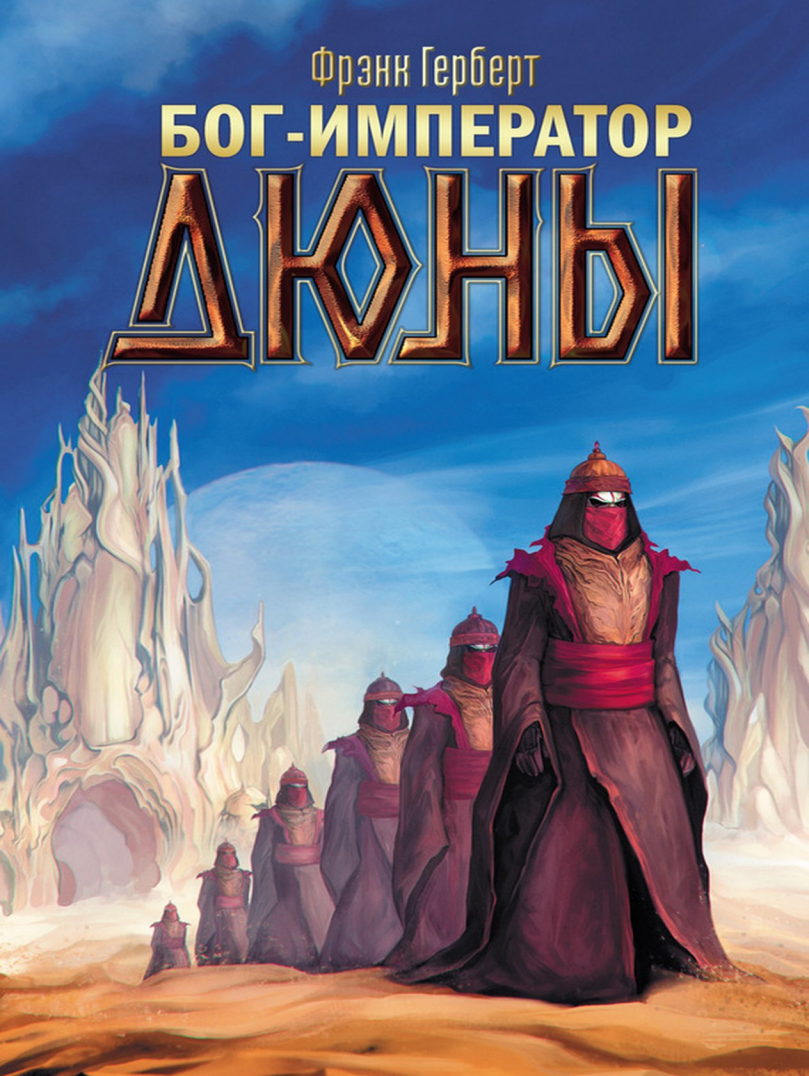
Фрэнк Герберт

БОГ-ИМПЕРАТОР ДЮНЫ



Бог-Император Дюны
Фрэнк Герберт

Аннотация
Фрэнк Герберт. Бог-Император Дюны

Аннотация

Масштабная экологическая трансформация подошла к завершению. На Арракисе появились леса, озера и реки. Но нет больше великой пустыни и нет песчаных червей, производивших Пряность – самую большую драгоценность планеты…

Фрэнк Герберт
Бог-Император Дюны

Frank Herbert
GOD EMPEROR OF DUNE
Печатается с разрешения Herbert Properties LLC и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.
© Frank Herbert, 1981
© Перевод. А. Анваер, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Из доклада Хади Бенотто об открытии в Дар-эс-Балате на планете Ракис

Для меня не только радость объявить вам сегодня о нашем открытии этого замечательного хранилища, в котором среди прочего была обнаружена монументальная коллекция рукописей на ридулианской кристаллической бумаге; я также буду горд сообщить вам о наших доказательствах, касающихся аутентичности нашего открытия, доложить вам, почему мы столь уверены в том, что нам удалось открыть оригинальные записки Лето Второго, Бога-Императора.

Во-первых, позвольте мне напомнить вам об историческом сокровище, которое известно всем нам под названием *«Похищенные рукописи».* Эти написанные в глубокой древности тома позволили нам в течение последних нескольких столетий лучше понять наших предков. Как вы знаете, «Похищенные рукописи» были расшифрованы специалистами Космической Гильдии, и разработанный ими метод лег в основу расшифровки и вновь найденных томов. Никто не может отрицать антикварную ценность Ключа Гильдии, ибо он и только он позволяет перевести на современный язык содержание упомянутых томов.

Во-вторых, эти тома были напечатаны с помощью древнего иксианского аппарата. «Похищенные рукописи» не оставляют никаких сомнений в том, что именно этот метод использовал Лето Второй для фиксации своих исторических наблюдений.

В-третьих — мы думаем, что это по важности можно назвать настоящим открытием, — само хранилище. Хранилище книг было выполнено по иксианскому проекту — весьма древнему и примитивному, но такому замечательному, что несомненно сама конструкция хранилища поможет пролить свет на ту историческую эпоху, которая известна теперь под названием «Рассеяние». Как и надо было предвидеть, хранилище оказалось невидимым. Оно было погребено гораздо глубже, чем мы могли предполагать на основе мифов и устных преданий, этот объект испускал и поглощал радиацию так, что можно было подумать, что речь идет о естественном объекте. Такая инженерная мимикрия неудивительна сама по себе — удивительно другое — как можно было достигнуть такой степени маскировки, пользуясь отсталой древней технологией.

Я вижу, что многие из вас взволнованы этой находкой, точно так же, как мы. Мы полагаем,

что видим сейчас первый иксианский глобус, образец, на основе которого были сделаны все последующие подобные приспособления. Конечно, это не первый экземпляр, но он, несомненно, один из первых и воплощает в себе те же принципы.

Позвольте мне теперь же удовлетворить ваше законное любопытство и повести вас на краткую экскурсию по хранилищу. Хочу только попросить вас соблюдать тишину, ибо наши инженеры продолжают работу, раскрывая тайны древнего хранилища.

Все вышесказанное приводит меня к четвертому пункту, и это будет краеугольным камнем нашего открытия. Трудно описать мои чувства, которые я испытал, когда обнаружил в этом хранилище еще одну реликвию, а именно запись человеческого голоса — это запись Лето Второго, который вещал голосом своего отца — Пауля Муад'Диба. Поскольку аутентичные записи голоса Бога-Императора хранятся в архивах Бене Гессерит, мы послали образцы записи, сделанной на древней микропористой системе, в Общину Сестер с официальной просьбой провести сравнительный анализ. Мы пока не получили ответа, но у нас практически нет сомнений, что мы имеем

дело с аутентичной записью.

Теперь я попрошу вас обратить внимание на переведенные отрывки, которые вам вручили в самом начале нашего заседания. Позвольте мне также принести извинения за их большой вес. Я слышал, как многие из вас отпускали шутки по этому поводу. Мы использовали обычную бумагу только из соображений экономии. Оригиналы написаны такими мелкими буквами, что для прочтения нуждаются в многократном увеличении. Действительно, нужно около сорока томов, подобных тому, что вы держите в руках, чтобы напечатать обычным шрифтом содержание одного тома, нанесенного мелкими символами на ридулианскую бумагу. Наш перевод помещен на экране справа. Я хочу привлечь ваше внимание к поэтическим красотам слов, а также к смыслу перевода. Стиль позволяет идентифицировать личность автора. Мы полагаем, что написать такое мог только человек, обладающий выраженной предковой памятью, способный испытать необычное погружение в прошлые жизни, погружение, которое не в состоянии оценить те, кто этого дара лишен.

Обратите внимание на смысловое содержание. Все ссылки согласуются со всем тем, о чем

рассказывает нам история относительно того человека, который один только мог написать такой рассказ.

Мы приготовили для вас еще один сюрприз. Я позволил себе вольность пригласить сюда известного поэта Ребета Врееба, чтобы он выступил здесь и прочел нам первую страницу короткого пассажа из нашего перевода. Мы уже поняли, что даже в переводе эти слова, произнесенные вслух, оказывают совершенно иной эффект, чем если их молча читать с листа. Мы хотим, чтобы вы разделили с нами необыкновенные свойства, открытые нами в этих томах.

Дамы и господа, давайте поприветствуем Ребета Врееба.

Из декламации Ребета Врееба

Заверяю вас, что я — книга судьбы.

Вопросы — мои враги. Ибо мои вопросы взрываются! Ответы же выплывают, как страшные тучи, на небосвод моей неотвратимой памяти. И нет ни одного ответа, которым я был бы доволен.

Какие призмы вспыхивают ярким светом, когда я вступаю в устрашающие пределы моей памяти. Я кристалл расколотого кремня, заключенный в ящик. Ящик вращается и трясется. Я же бьюсь о его стенки в вихре тайн. И когда крышка открывается и я возвращаюсь в мир, то чувствую себя как путник, попавший в страну дикарей.

Медленно (я говорю — медленно) я заново выучиваю свое имя.

Но это отнюдь не значит познать себя!

Этот человек, которого зовут Лето, — он второй, кто носит это имя, — находит в своей душе иные голоса, иные имена и иные места. О, я клянусь вам (как я уже обещал), что откликаюсь только на одно имя. Если вы скажете: «Лето», то я откликнусь. Я делаю это, потому что терпелив, но не только:

Я держу нити!

Все они мои. Мне стоит только вообразить

объект поиска — например… *мужи, погибшие от меча,* и вот они все передо мной со всеми своими мучениями, каждый их образ целен и правдив — я слышу каждый стон, сорвавшийся с их уст, вижу каждую гримасу, исказившую их лица.

Радость материнства, думаю я, и вот я уже на родовом ложе. Множество детских улыбок и сладкое щебетание новых поколений. Первый шаг ползунка и первая победа юности — я делю с ними все. Они толкаются в толпе, наступают друг на друга, и только по прошествии времени я начинаю видеть что-то, кроме тождества и повторений.

Оставь все это в покое, говорю я себе.

Кто может отрицать ценность такого опыта, ценность того, что я узнаю каждый момент?

Но, увы, это прошлое.

Разве вы не понимаете?

Это же только прошлое!

В то утро я родился в юрте на краю конского пастбища в одной стране, на одной планете, которой больше не существует. Завтра я появлюсь на свет кем-нибудь еще и в другом месте. Я еще не сделал выбор. То утро и… ах! та жизнь! Когда мои глаза научились различать предметы, я стал смотреть на свет солнца, на поле с вытоптанной копытами травой и на бодрых людей, совершавших сладостные деяния своей жизни. Где… о, где теперь эта бодрость?

(Похищенные рукописи)

Три человека, растянувшись почти на полкилометра, бежали цепочкой по Запретному Лесу. Последний из них опережал на каких-нибудь сто метров несущихся сзади Д-волков. Было слышно, как звери щелкали зубами и тяжко выдыхали воздух — волки всегда так делают, когда видят впереди добычу.

Первая Луна была почти над головой, и в лесу было светло, и хотя дело происходило в высоких широтах Арракиса, лес дышал накопленным за жаркий летний день теплом. Ночной ветер, дувший из Последней Пустыни Сарьира, был пропитан смолистым духом и сырыми испарениями

мягкой лесной подстилки. Ветер с озера Кинеса, расположенного за Последней Пустыней, временами доносил до беглецов запах соли и рыбы.

По странной иронии судьбы последнего из бегущих звали Улот, что на фрименском языке означает «Любимый последыш». Он был мал ростом и страдал излишней полнотой, из-за чего ему пришлось посидеть на диете во время подготовки к этому приключению. Но даже стремительный бег не смог избавить Улота от округлых черт лица. Большие карие глаза были широко раскрыты — в них была тоска, вызванная роковым избытком плоти.

Улоту было ясно, что далеко он не убежит. От быстрого бега он тяжело, со свистом дышал, совершенно выбившись из сил. Временами его шатало. Но он не звал на помощь товарищей, зная, что они ничем не смогут ему помочь. Все они принесли одну и ту же клятву, понимая, что нет у них иной защиты, кроме старинной доблести и фрименской верности. Эти вещи остались незыблемыми, хотя то, что когда-то было фрименом, давно превратилось в музейный экспонат. Старые клятвы действительно хранились в Музее фримена.

Но именно из-за фрименской верности Улот

продолжал бежать молча, прекрасно сознавая свою обреченность. То была великолепная демонстрация древних качеств, и очень жаль, что у всех бегущих были чисто книжные представления и знания устных преданий о тех доблестях, которым они сейчас подражали.

Д-волки уже наступали на пятки Улоту — гигантские серые фигуры, в холке высота их достигала человеческого роста. Звери рвались вперед, воя от предвкушения скорой добычи.

Улот споткнулся левой ногой о корень и едва устоял на ногах; это придало ему сил, и он снова кинулся вперед, оторвавшись от преследователей на целый волчий корпус. Кровь тяжело пульсировала в сжатых кулаках, Улот шумно дышал открытым ртом.

Д-волки и не думали менять темп бега. Словно серебристые тени, они почти бесшумно неслись сквозь зеленые запахи родного леса. Они знали, что победят… и уже имели такой опыт.

Улот снова споткнулся, но сумел сохранить равновесие, ухватившись за молодое деревце, и продолжил бег. Дыхание со свистом рвалось из его груди, ноги дрожали, отказываясь повиноваться. Сил на новый рывок уже не было.

Один из зверей — волчица обогнала Улота сле-

ва. Резко повернув, она бросилась на человека. Огромные клыки вонзились в плечо, но Улот удержался на ногах. К ароматам леса добавился острый, едкий запах крови. Меньший по размерам самец схватил Улота за правое бедро, и на этот раз человек упал. Раздались дикий предсмертный крик, клацанье волчьих зубов, и все стихло.

Продолжая поглощать добычу, волки снова взяли след. Обнюхав лесную подстилку и втянув ноздрями воздух, они учуяли свежие следы еще двух бегущих от них людей.

Следующим на их пути был Квутег, представитель старинной семьи Арракиса, чьи корни восходили еще к временам Дюны. Один из его предков был в сиетче Табр мастером погребальной церемонии, но прошло уже три тысячи лет, и мало кто на планете верил, что все это когда-то происходило в действительности. Квутег легко бежал на своих длинных, стройных ногах, словно самой природой приспособленных для такого долгого бега. Длинные черные волосы развевались по плечам, обрамляя лицо с тонким орлиным профилем. Как и на его товарищах, на Квутеге был облегающий плотный черный беговой костюм. Он подчеркивал контуры ра-

ботавших мышц и ровное глубокое дыхание. Правда, бежал Квутег не в полную силу — сказались последствия травмы колена, полученной при спуске с оборонительного пояса Цитадели Бога-Императора в Сарьире.

Квутег слышал внезапно оборвавшийся крик Улота и приближающиеся вой и щелканье зубов Д-волков. Он изо всех сил старался не представлять себе, как еще одного друга убили эти твари — сторожевые псы Лето, но он не мог не представлять себе, как волки расправятся с ним самим. Он хотел было выругаться в адрес тирана, но передумал — надо было беречь дыхание. Оставалась еще призрачная надежда, что они успеют добежать до спасительной реки Айдахо. Квутег знал, что думают о нем его друзья, даже Сиона. Его всегда считали консерватором. Даже когда Квутег был ребенком, никакая сила в мире не могла бы заставить его попусту тратить энергию, он всегда берег ее, расходуя малыми порциями.

Несмотря на боль в поврежденном колене, Квутег ускорил бег. Он знал, что река уже близка. Рана стала нестерпимо болеть, сжигая огнем всю ногу и бок. Квутег понимал, что терпение его на исходе. Знал он, и что Сиона уже возле воды. Она была самым быстрым бегуном среди них, и у нее

находился запечатанный пакет, который они похитили в крепости Сарьира. Квутег постарался думать только о пакете.

Спаси его, Сиона! Воспользуйся им, чтобы уничтожить тирана!

Совсем близко, сзади раздался алчный вой волков, нарушив ход мыслей Квутега. Они уже слишком близко. Он понимал, что ему тоже не уйти.

Но Сиона должна спастись!

Он оглянулся через плечо и увидел, что один из волков кинулся ему наперерез. План их атаки был ясен. Одновременно с волком рванулся вперед и Квутег. Спрятавшись от стаи за деревом, он бросился под ноги атакующему волку, схватил его за заднюю лапу и, подняв в воздух, начал вращать им, как дубиной, распугивая остальных. Волк оказался не таким тяжелым, как он ожидал, и неожиданная перемена обстановки принесла Квутегу облегчение. Он вращал волка, как древний дервиш пращу, поразив в головы двух волков. Но Квутег не мог одновременно следить за всеми волками, и один из них — тощий самец, — улучив момент, кинулся на человека. Зверю удалось отбросить человека к дереву, и Квутег выронил свою живую дубину.

— Беги! — крикнул он изо всех сил.

Стая бросилась на свою жертву, и тогда Квутег впился зубами в горло тощего самца. Волчья кровь залила ему глаза и ослепила. Квутег покатился по земле, потеряв всякое представление о том, где находятся остальные волки. Он вытер глаза и схватил другого волка. Часть стаи с воем разбежалась, часть с рычанием вонзила клыки в раненого самца. Но большинство зверей бросилось на человека. Волчьи зубы с двух сторон впились в горло Квутега.

Сиона тоже слышала крик Улота, потом крик резко оборвался, и волки возобновили погоню. Ее наполнил такой гнев, что она была готова взорваться. Улота включили в их экспедицию только за его аналитические способности — этот человек по нескольким фрагментам любого явления мог составить четкое представление о целом. Именно Улот, когда они были в Цитадели, достал из фримпакета умножитель, исследовал два странных тома, которые они нашли, и объявил, что это, несомненно, шифр.

Вот тогда Ради… бедный Ради, первый из них, кому пришлось умереть, сказал:

— Мы не можем позволить себе брать лишний вес. Выбросите их.

Улот начал возражать:

— Ненужные вещи так не запечатывают.

Квутег поддержал Ради:

— Мы пришли в Цитадель за ее планом, и теперь он у нас есть. Эти книги слишком тяжелы.

Но Сиона согласилась с Улотом:

— Я понесу их.

Это и положило конец спору.

Бедный Улот.

Они все знали, что он самый плохой бегун в их команде. Улот был медлителен во многих вещах, но его блестящий ум не стал бы оспаривать никто.

Ему можно доверять.

Улоту можно *было* доверять.

Сиона усмирила гнев и использовала энергию для ускорения бега. Мимо в лунном свете мелькали деревья, в ушах свистел ветер. Девушка вошла в то состояние, которое иногда охватывает бегуна, когда для него перестает существовать все на свете, кроме его собственных движений. Тело само делало то, что надо было делать.

Мужчины восхищались красотой ее бега, и Сиона знала это. Ее длинные темные волосы были стянуты на затылке в тугой узел, чтобы не развевались на ветру и не тормозили бег. Она

даже упрекнула Квутега в глупости за то, что он отказался копировать ее стиль.

Где Квутег?

Ее волосы были не похожи на его волосы. Они были темно-каштановые, и их можно было принять за черные, но они имели совершенно иной оттенок.

Как это иногда бывает с генами, они, совершив долгий путь, воссоздали на лице Сионы черты ее давно умершего предка: мягкий овал лица, полные губы, живые глаза и маленький нос. Ее тело было тонким и стройным от постоянных упражнений в беге, но от всей фигуры веяло сексуальностью, которая всегда привлекала к ней мужчин.

Где Квутег?

Волчья стая молчала, и это очень тревожило девушку. Так было, когда звери свалили Ради, а потом Сетузу.

Она твердила себе, что эта тишина может говорить о чем угодно. Квутег был тоже молчалив… и очень силен. Казалось, что травма нисколько его не беспокоит.

Сиона почувствовала боль в груди, сейчас должно прийти второе дыхание — она знала это по опыту многокилометровых тренировок. Пот

пропитал тонкую ткань спортивного костюма. Мешок, запечатанный в водонепроницаемую оболочку, был укреплен высоко на спине — предстоял переход через реку. Сиона подумала о карте Цитадели, которая находилась у нее за спиной.

Где Лето прячет свои запасы Пряности?

Наверняка это место находится где-то внутри Цитадели. Обязательно именно там. Где-то в картах должен быть ключ к нахождению этого места. Эти меланжа с Пряностью — очень лакомый кусок для Бене Гессерит, Космической Гильдии и для всех прочих… Цена такой находки стоила любого риска.

И два этих таинственных тома. Квутег был прав в одном — эта ридулианская бумага на кристаллах очень тяжела. Но Сионе было понятно и волнение Улота. В этих зашифрованных строчках скрывается что-то очень важное.

В лесу позади нее раздался мягкий шум погони — это бежали волки.

Беги, Квутег, беги!

Впереди между деревьями показалась безлесная полоса — берег реки Айдахо. Было видно, как в воде отражается яркая луна.

Беги, Квутег!

Как ей хотелось услышать сейчас голос Квутега,

хоть какой-нибудь звук! Из одиннадцати человек, которые начали этот путь, остались только они двое. Девять других заплатили своими жизнями за это приключение: *Ради, Алина, Улот, Ининег, Онемао, Хутье, Мемар* и *Оала.*

Сиона мысленно перечислила их имена, вознося за каждого молчаливую молитву старым богам, а не тирану Лето. Особенно молилась она Шаи-Хулуду.

Молю Шаи-Хулуда, живущего в песках.

Лес внезапно закончился, и перед Сионой открылся берег реки, покрытый скошенной травой. Вода за узкой полоской гальки неудержимо манила к себе. На фоне тяжелой маслянистой массы воды берег в лунном свете казался серебряным.

Она едва не упала, услышав позади, в лесу, громкий, пронзительный крик. Голос Квутега одиноко прозвучал, заглушив на мгновение дикий вой волчьей стаи. Ошибки быть не могло, он не назвал ее имени, но прозвучавшее слово так много значило для нее — это было слово, говорившее о жизни и смерти:

— Беги!

Раздался яростный визг стаи, голос Квутега пропал. Сиона поняла, куда ушли его последние силы.

Он задержал их, чтобы я могла уйти.

Подчиняясь приказу Квутега, девушка подбежала к берегу и бросилась в воду головой вперед. Для разогретого бегом тела холод речной воды показался ей ледяным. Едва не задохнувшись, она рванулась вперед, стараясь плыть и одновременно восстановить дыхание. Драгоценный груз бил ее по затылку.

Река Айдахо в этом месте не отличалась шириной — всего около пятидесяти метров, течение делало прихотливые изгибы возле песчаных кос, густо поросших тростником и травой, здесь вода отказывалась течь по прямой линии, проложенной для нее инженерами Лето Второго. Сионе придавало силы сознание того, что Д-волки были воспитаны так, что естественной преградой для них служила вода. Их ареал был четко очерчен рекой и валом Пустыни с противоположной стороны. Тем не менее Сиона проплыла под водой несколько метров, вынырнула под обрывистым берегом и оглянулась.

Волчья стая, вытянувшись в шеренгу, стояла на противоположном берегу — все, кроме одного зверя, который спустился к кромке воды. Волк принялся тоскливо выть.

Сиона знала, что волк видит ее. Д-волки отли-

чались превосходным зрением. Среди предков этих зверей были Всевидящие Псы Лето, которых он использовал для выведения этой новой, страшной, породы. Их отбирали именно на глаз. Эти охотники, преследуя добычу, шли по следу, ориентируясь только на глаз. Но если этот один-единственный волк отважится войти в воду, никто не знает, что последует дальше. Сиона затаила дыхание и только теперь почувствовала, насколько она измотана. Они пробежали около тридцати километров, почти половину этого расстояния волки шли по пятам.

Волк на краю берега взвыл последний раз, потом резко развернулся и присоединился к стае. По какому-то молчаливому сигналу все звери одновременно кинулись в лес.

Сиона знала, куда они пойдут. Волкам разрешалось пожирать все, что они обнаружат в Запретном Лесу. Это знали все. Именно поэтому Д-волки без устали рыскали по лесу — они были стражами Сарьира.

— Ты заплатишь, за все, Лето, — прошептала она. Голос прозвучал тихо, почти неслышно на фоне шелеста тростника. — Ты заплатишь за Улота, за Квутега и остальных. Ты заплатишь.

Она легла на воду и плыла по течению до тех

пор, пока ноги ее не коснулись дна в одной из песчаных бухточек. Тело было свинцовым от усталости, но Сиона заставила себя выйти из воды, остановиться и проверить, надежно ли запечатан мешок. Упаковка была цела — значит, содержимое мешка осталось сухим. Девушка взглянула на луну, потом перевела взгляд на лес по ту сторону реки.

Цена, которую мы заплатили, — десять дорогих друзей.

Слезы навернулись на глаза, но Сиона была фриженкой, и слезы быстро высохли. Переход через реку, потом через лес, охраняемый волками, потом путь сквозь Последнюю Пустыню, преодоление стен Цитадели — все это было уже сном… даже бег наперегонки со смертью, который все они предвидели, ибо было ясно, что сторожевые волки Запретного Леса будут ждать их на дороге… все это было сном, сном о чем-то далеком. Опасное предприятие навсегда осталось в прошлом.

Я спаслась.

Она снова взвалила мешок на спину и зафиксировала его.

Я прорвалась сквозь все твои преграды, Лето.

Только теперь Сиона вспомнила о зашифрованных томах. Она была уверена, что в тайнописных

строках можно будет найти способ мести тирану.

Я уничтожу тебя, Лето!

Она не подумала: «*Мы уничтожим тебя!*» Сиона не могла думать о себе во множественном числе. Она сама будет мстить.

Повернувшись спиной к реке, она направилась к саду, раскинувшемуся за прибрежной скошенной травой, повторяя клятву, заканчивавшуюся древней фрименской формулой, где называлось ее полное имя:

— Сиона ибн Фуад аль-Сейефа Атрейдес проклинает тебя, Лето. Ты сполна заплатишь за все!

Из выполненного Хади Бенотто перевода томов, обнаруженных в Дар-эс-Балате

Мое имя — Лето Атрейдес II. Я родился более трех тысяч стандартных лет назад, если считать от того момента, когда печатаются эти строки. Мой отец — Пауль Муад'Диб. Моя мать была его фрименской супругой, звали ее Чани. Моей бабкой по материнской линии была Фарула, известная фрименская травница. Бабкой по отцовской линии была Джессика, она родилась в результате выполнения программы Бене Гессерит по выведению мужчины, который мог

бы разделить знания Общины Сестер, получив власть, равную власти Преподобной Матери. Моим дедом по материнской линии был Лиет-Кинес, планетолог — организатор экологической трансформации Арракиса. Моим дедом по отцовской линии был Атрейдес, происходивший из Дома Атрея. Он мог проследить свою родословную до ее греческих истоков.

Однако достаточно об этом!

Мой дед по отцовской линии умер, как подобает доброму греку, пытаясь убить своего смертельного врага, старого барона Владимира Харконнена. Оба они до сих пор не слишком уютно чувствуют себя в моей предковой памяти. Даже мой отец недоволен таким соседством. Я сделал то, что боялся совершить он сам, но теперь его тень вынуждена делить со мной ответственность за последствия.

Этого требует Золотой Путь. Но что такое Золотой Путь, спросите вы. Это выживание человечества, ни больше ни меньше. Для нас, тех, кто обладает предзнанием, кто знает о ловушках, ожидающих человечество, нахождение Золотого Пути всегда было высшей ответственностью.

Выживание.

Как вы к этому относитесь: ваши мелкие горе-

сти и радости и даже мучения и терзания — редко интересуют нас. Мой отец обладал этой силой. Но я обладаю ею в гораздо большей степени. Мы можем время от времени отодвигать завесу Времени и заглядывать в будущее.

Эта планета — Арракис, — откуда я управляю своей мультигалактической Империей, разительно переменилась с тех пор, когда она была известна как Дюна. В те времена вся планета представляла собой пустыню. Теперь от нее осталась лишь малая часть — мой Сарьир. По планете больше не бродят черви, продуцируя меланжу. Пряность! Дюна ценилась из-за Пряности и только из-за нее! Наша планета была единственным источником этой Пряности. Какая это необыкновенная субстанция. Ни одна лаборатория в мире не сумела синтезировать ее. А ведь это самое ценное вещество из всех, какие когда-либо знало человечество.

Без меланжи, которая воспламеняла провидческое воображение навигаторов Космической Гильдии, люди смогли бы преодолевать парсеки космоса лишь со скоростью черепахи. Без меланжи Бене Гессерит не смогла бы создать ни Вещающего Истину, ни Преподобную Мать. Без гериатрических свойств меланжи люди продол-

жали бы жить срок, отпущенный им древней природой, — сто лет или около того. Теперь же Пряность имеется только в Космической Гильдии и на складах Бене Гессерит, небольшие количества остались в распоряжении немногих Великих Домов, и есть мои гигантские запасы, которых жаждут все вышеперечисленные. Как бы хотели они напасть на меня! Но не смеют. Они знают, что я уничтожу все запасы, прежде чем они до них доберутся.

Нет, они приходят ко мне со шляпой в руке и просят меня дать им Пряность. Я выдаю ее, как награду, и отказываю в ней в виде наказания. Теперь они ненавидят меня за это.

Это моя власть, объясняю я им. Это мой, и только мой, дар.

С помощью этого дара я основал Мир. Они получили около трех тысяч лет Мира Лето. Это есть состояние вынужденного покоя, но человечество испытывало такое состояние кратчайшие периоды своей истории до моего восшествия на престол. Если вы забыли об этом, то почитайте повествование о Мире Лето, оно записано в этих томах.

Я начал этот рассказ в первые годы моего правления, во времена родовых мук моего мета-

морфоза, когда во мне было много человеческого, что было видно невооруженным глазом. Кожа из песчаных форелей, которую я воспринял (и от которой отказался мой отец), придала мне невиданную силу и способность противостоять нападениям и старению — эта кожа продолжала покрывать чисто человеческие формы: две ноги, две руки и человеческое лицо, обрамленное складками новой кожи.

Ах, это лицо! Я все еще обладаю им — единственным участком человеческой кожи, которую я являю миру. Вся остальная моя плоть по-прежнему связана с телами этих мелких существ, крошечных переносчиков наследственности, которым суждено в один прекрасный день превратиться в гигантских червей.

И этот день когда-нибудь настанет.

Я часто думаю об этом конечном метаморфозе, который будет очень похож *на смерть*. Я знаю, как именно это произойдет, но не знаю, когда именно и кто, кроме меня, будет в этом участвовать. Это единственное, что мне не дано знать. Я могу знать только одно — продолжается ли Золотой Путь, или он уже закончился. Когда печатаются эти мои слова, Золотой Путь все еще продолжается, и я этим весьма доволен.

Я не чувствую больше, как песчаные форели проникают в мою плоть своими ресничками, сохраняя воду моего тела в своих плацентарных барьерах. Теперь мы стали с ними единым телом, они — моя кожа, а я — то, что приводит в движение это единое целое… большую часть времени.

Когда пишутся эти строки, упомянутое мной единое целое стало очень и очень большим. Мое тело имеет семь метров в длину и два метра в диаметре. Поверхность этого тела ребристая почти на всем протяжении. На одном конце этого цилиндра на высоте человеческого роста расположено мое лицо — лицо Атрейдеса. Руки (их еще можно разглядеть) расположены непосредственно книзу от лица. Мои ноги и ступни? Ну что ж, они почти совсем атрофировались. Подобно плавникам, они переместились на заднюю поверхность моего тела. Мой вес сейчас составляет около пяти старых тонн. Я привожу эти данные, потому что знаю: они будут представлять исторический интерес.

Как мне удается носить такую непомерную тяжесть? Большей частью я передвигаюсь на Королевской Тележке, этом произведении иксианских мастеров. Вы шокированы? Люди боятся и ненавидят иксианцев еще больше, чем они бо-

ятся и ненавидят меня. Они полагают, что дьявол гораздо лучше, чем иксианец. И кто знает, что они могут изобрести и сделать? Кто?

Я этого не знаю. Во всяком случае, не все.

Однако я испытываю определенную симпатию к иксианцам. Они так страстно верят в свою технологию, свою науку, свои машины. Поскольку мы верим (содержание веры в данном случае не имеет значения), то мы понимаем друг друга — они и я. Они сделали для меня множество приспособлений и думают, что я им очень за это благодарен. Те слова, которые вы сейчас читаете, кстати говоря, записаны с помощью иксианского аппарата, который называется диктейтель. Если настроить мышление на определенный лад, то диктейтель активируется. После этого остается только думать в определенном режиме, а аппарат печатает мои мысли словами на ридулианской кристаллической бумаге толщиной всего в одну молекулу. Иногда я заказываю копии, которые печатают на менее долговечном материале. Именно два таких оттиска и были украдены у меня Сионой.

Скажите, разве она не очаровательна, моя Сиона? Если вы поймете, насколько она важна для меня, то сможете даже спросить, действительно

ли я должен был дать ей умереть в лесу. Не стоит в этом сомневаться. Смерть — вещь глубоко личная, а я редко вмешиваюсь в личные дела людей. Я не стал бы делать этого даже для тех, кого надо испытать, как Сиону. Я мог бы позволить ей умереть на любом этапе испытания. В конце концов мне ничего не стоило бы создать нового кандидата через короткий промежуток времени (по моим меркам, разумеется).

Но она очаровала даже меня. Я наблюдал за ней тогда, в лесу. Я наблюдал за ней с помощью хитроумного иксианского аппарата, удивляясь, что не предвидел такого поворота событий. Но Сиона… это Сиона. Вот почему я ничего не сделал, чтобы остановить волков. Это было бы неправильно. Д-волки — это продолжение меня самого, продолжение моей цели, а моя цель заключается в том, чтобы быть самым великим из всех известных хищников.

Записки Лето II

Нижеследующий краткий диалог взят из рукописи, известной под названием «Уэлбекский фрагмент». Считается, что автором рукописи является Сиона Атрейдес. В разговоре участвуют сама Сиона и ее отец Монео, который был (как утверждают историки) мажордомом и старшим помощником Лето Второго. Разговор датируется тем временем, когда Сиона была подростком и отец посетил ее в общежитии Школы Говорящих Рыб в Городе Празднеств Онн, самом населенном центре планеты, называемой в наше время Ракис. Согласно некоторым данным, Монео посетил дочь тайно, чтобы предупредить ее о том, что ей угрожает гибель.

СИОНА: Как ты мог оставаться в живых столь долгое время, отец? Он убивает тех, кто находится рядом с ним. Это известно всем.

МОНЕО: Нет! Ты не права, он никого не убивает.

СИОНА: Нет никакой необходимости мне лгать.

МОНЕО: Я говорю совершенно искренне. Он никого не убивает.

СИОНА: Тогда как объяснить смерти, о которых

все знают?

МОНЕО: Убивает Червь. Червь — Бог. Лето живет в груди Бога, но сам он никого не убивает.

СИОНА: Но тогда как смог выжить ты?

МОНЕО: Я умею распознавать Червя. Я вижу это по его лицу и угадываю по движениям. Я знаю, когда приближается Шаи-Хулуд.

СИОНА: Но он не Шаи-Хулуд!

МОНЕО: Да, так называли Червя в эпоху фрименов.

СИОНА: Я читала об этом. Но он не Бог Пустыни.

МОНЕО: Тише, глупая девчонка! Ты ничего не смыслишь в этих вещах.

СИОНА: Я знаю, что ты трус.

МОНЕО: Как мало ты знаешь. Ты никогда не стояла рядом с ним, не видела его лица и его рук.

СИОНА: Что ты делаешь, когда приближается Червь?

МОНЕО: Я ухожу.

СИОНА: Это мудро. Он убил девять Дунканов Айдахо, мы это точно знаем.

МОНЕО: Говорю тебе, он никого не убивает.

СИОНА: Какая разница? Лето или Червь, они теперь единое целое.

МОНЕО: Но это два разных существа. Лето —

Император, а *Червь — это тот, кто есть Бог.*

СИОНА: Ты сошел с ума.

МОНЕО: Возможно. Но я служу Богу.

Из всех когда-либо живших я – самый страстный наблюдатель людей. Я слежу за ними изнутри и снаружи. Прошлое и настоящее причудливо переплетаются, создавая странные образы. По мере того как моя плоть претерпевает метаморфоз, чудесные вещи происходят с моими чувствами. Я воспринимаю все сущее так, словно это случается в непосредственной близости от меня. У меня очень острые слух и зрение, а обоняние позволяет различать великое множество запахов. Я способен улавливать и идентифицировать феромоны в концентрации три молекулы на миллион. Я знаю это. Я проверял. Вы никогда не спрячете ничего от моих обостренных чувств. Вы ужаснетесь, если узнаете, что я могу определить только с помощью обоняния. Ваши феромоны скажут мне, что вы делаете и даже что вы собираетесь делать. Каждый жест и каждая поза! Однажды я полдня смотрел на старика, сидевшего на скамейке в центре Арракина. Этот потомок наиба Стилгара в пятом колене даже не подозревал об этом. Я рассмат-

ривал его согбенную шею, складки кожи под подбородком, потрескавшиеся губы и влагу под носом, большие поры за ушами и жидкие косицы седых волос, торчавшие из-под капюшона старомодного защитного костюма. Он так и не заметил, что за ним наблюдают. Ха! Стилгар определил бы это в течение пары секунд. Но этот старик просто ждал, ждал того, кто так и не пришел. Он встал и поплелся прочь, с трудом разогнувшись после долгого сидения. Я знал, что никогда больше не увижу его во плоти. Он был близок к смерти, его вода почти истощилась. Но это уже не имело для меня никакого значения.

(Похищенные записки)

Лето считал то место, где он ждал своего нынешнего Дункана Айдахо, самым интересным местом во вселенной. По самым распространенным человеческим стандартам, это было гигантское пространство, сердцевина запутанной системы катакомб под фундаментом Цитадели. Помещения высотой тридцать метров и шириной двадцать, словно лучи, расходились от центрального зала, где он ожидал появления

Айдахо. Коляска стояла в самом центре сводчатого зала диаметром четыреста метров и высотой сто метров.

Такие размеры внушали Лето уверенность в себе.

Был полдень, но подземный зал освещался лишь несколькими подвешенными круглыми светильниками, настроенными на приглушенный оранжевый цвет. Свет не проникал глубоко в боковые помещения, но Лето на память знал точное расположение того, что там находилось: кости, вода и прах его предков и тех Атрейдесов, которые жили и умирали здесь со времен Дюны. Все они были здесь плюс немного меланжи, чтобы создать иллюзию, что это и есть весь его запас, созданный на случай какой-нибудь катастрофы.

Лето знал, почему Дункан хочет его видеть. Айдахо узнал, что на Тлейлаксу изготовили нового Дункана, другого гхола, созданного по заказу Бога-Императора. Этот, нынешний Дункан боится, что его хотят заменить после шестидесяти лет службы. Такие вещи постоянно происходили с Айдахо перед его заменой. Агент Гильдии уже успел предупредить Лето, что Айдахо получил с Иксиана специальное ружье.

Лето усмехнулся. Гильдия остается очень чув-

ствительной ко всему, что может угрожать и без того очень скромным поставкам меланжи. Они просто в ужасе от того, что Лето является последним связующим звеном между Гильдией и песчаными червями, которые продуцируют столбики Пряности.

Если я умру от воды, то Пряности больше не будет — никогда.

Этот страх, подобно дамоклову мечу, постоянно висел над Гильдией. Тем более что служащие в Гильдии историки убедили навигаторов в том, что именно Лето обладает единственными во вселенной запасами меланжи. Это знание делало Гильдию вполне надежным союзником.

В ожидании Айдахо Лето занимался упражнениями для рук и пальцев, упражнениями, усвоенными в Бене Гессерит. Руки были его, Лето, гордостью. Скрытые под серой оболочкой из песчаных форелей, эти руки с длинными пальцами можно было использовать точно так же, как обычные человеческие руки. Почти бесполезные плавники, в которые превратились ноги и ступни, были для Лето скорее источником неудобства, нежели стыда. Он мог ползать, перекатываться и бросать свое тело, но иногда, падая на плавники, Лето испытывал боль.

Почему задерживается Дункан?

Лето представил себе, как этот человек, испытывая внутренние колебания, всматривается в зыбкий горизонт Сарьира. Сегодня очень жарко, и воздух ведет себя как живое существо. Перед тем как спуститься в катакомбы, Лето видел на юго-западе мираж. Тепловое зеркало показало сотрудников Музея фримена, которые вели группу туристов мимо показательного фрименского сиетча.

В подземелье же было всегда прохладно и всегда царил полумрак. Туннельные ответвления были погружены в темноту, поднимаясь вверх и вниз очень полого, чтобы Императору было удобно передвигаться по ним в своей коляске. Некоторые туннели, прикрытые фальшивыми стенами, простирались на много километров, создавая сеть тайных ходов и запасных помещений. По этим многокилометровым туннелям Лето передвигался с помощью умных иксианских механизмов.

Проигрывая в уме предстоящую беседу, Лето начал заметно нервничать. Это была интересная эмоция, и он некоторое время ею наслаждался. Лето знал, что за последние годы очень привязался к нынешнему Айдахо. У Лето оставалась некоторая

надежда, что Дункан переживет предстоящий им разговор. Иногда Дунканы оставались жить после таких бесед. Было маловероятно, что Дункан представляет для него смертельную угрозу, хотя полностью исключать такую возможность было нельзя. Когда-то Лето пытался объяснить это одному из предыдущих Дунканов… Кстати, это происходило здесь же.

— Ты находишь это странным, что я, с моей силой и властью, могу говорить о шансах и везении, — сказал тогда Лето.

Дункан разозлился.

— Ты никогда не оставляешь места для случайности! Я очень хорошо тебя знаю!

— Как это наивно с твоей стороны. Случайность есть суть моей вселенной.

— Не случайность, а зло! И ты всегда был автором этого зла!

— Прекрасно, Дункан! Зло — это одно из самых глубинных удовольствий. Имея дело со злом, мы укрепляем свои творческие способности.

— Ты совершенно перестал быть человеком! — О, как был зол тот Дункан.

Лето нашел это обвинение раздражающим, как песчинка в глазу. Лето относился к остаткам человеческого в своем существе с некоторой

жестокостью, этого нельзя было отрицать, но самым близким к гневу чувством, которое он позволил себе испытать в тот момент, было именно раздражение.

— Твоя жизнь стала похожа на клише, — обвинил он Айдахо.

В ответ на это обвинение Дункан извлек из складок одежды взрывчатку. Каков сюрприз!

Лето любил сюрпризы, даже такие отвратительные.

Это было нечто, чего я не смог предвидеть! Он и сказал это Дункану, который, как ни странно, стоял перед ним в нерешительности как раз в тот момент, когда требовалась только решительность.

— Такой заряд мог убить тебя, — произнес Дункан.

— Прости меня, но эта хлопушка могла бы только легко меня ранить, не более того.

— Но ты же сам признал, что не предвидел этого! — Айдахо сорвался на пронзительный крик.

— Дункан, Дункан, абсолютное предзнание для меня означает смерть, а она невыразимо скучна.

Айдахо хотел было отбросить гранату в сторону, но заряд был недостаточно стабилен и взорвался слишком рано, убив Дункана. Но ничего страш-

ного, в баках Тлейлаксу был уже изготовлен следующий Айдахо.

Один из светильников несколько раз мигнул. Волнение охватило Лето. Сигнал Монео! Верный Монео предупреждает, что Дункан спускается в крипту.

Открылись створки лифта под северо-западной аркой зала, и в проеме показалась фигурка Айдахо. Дункан был еще очень далеко, но Лето мог различить мельчайшие детали его внешности. Вот складка на рукаве у локтя — это говорит о том, что человек сидел у стола, опершись подбородком на руку. Да, на подбородке даже остались следы пальцев. Запах Дункана распространялся впереди его и свидетельствовал, что в крови Айдахо бушует адреналин.

Лето молча ждал, когда человек приблизится, внимательно приглядываясь к деталям. Несмотря на свою многолетнюю службу, Айдахо шел пружинистой походкой молодого человека. Возможно, это результат приема небольших доз меланжи. На Дункане была старая черная форма атрейдесовских воинов с золотым ястребом на груди. Это должно было означать: «Я служу чести старых Атрейдесов!» Волосы все еще были черными и кудрявыми, как каракуль, черты лица

резкими, скулы выступали.

На Тлейлаксу хорошо знают свое дело, мысленно произнес Лето.

В руке Дункан держал тонкий чемоданчик, сплетенный из темно-коричневого волокна. Обычно в этом чемоданчике находились документы, подготовленные Айдахо, но на этот раз кейс вздувался от слишком массивного предмета.

Иксианское ружье.

Приближаясь, Айдахо не отрывал взгляд от лица Лето. Да, то, без сомнения, было лицо настоящего Атрейдеса — тонкие черты и голубые глаза, которые, как казалось слабонервным, могли физически пронзить человека насквозь. Лицо пряталось в глубокой нише, образованной складкой из песчаных форелей. Эти складки могли в считанные мгновения развернуться в защитный капюшон. Айдахо знал, что для этого Лето достаточно слегка пошевелить лицевыми мышцами. Лицо казалось неправдоподобно розовым на фоне форельей кожи. Лицо Лето казалось непристойностью, остатком потерянной человечности, внедренной в нечто, совершенно чуждое человеческому существу.

Остановившись всего в шести шагах от Ко-

ролевской тележки, Айдахо не счел нужным скрыть свои злобные намерения. Он не подумал даже о том, чтобы получше спрятать лазерное ружье. Империя слишком далеко ушла от старых представлений о морали, присущих Атрейдесам, и превратилась в беспощадный безликий джаггернаут[1], сокрушающий невинного на его пути. Этому надо положить конец!

— Я пришел поговорить с вами о Сионе и других вещах, — произнес Айдахо. Он поставил кейс так, чтобы без затруднений достать оружие.

— Очень хорошо, — едва подавляя зевоту, ответил Лето.

— Сиона была единственной, кому удалось избежать смерти, но у нее остались другие мятежные товарищи.

— Ты думаешь, я этого не знаю?

— Я знаю вашу опасную терпимость к мятежникам и заговорщикам! Чего я не знаю, так это содержимого пакетов, которые они украли.

— Ах, вот оно что… У Сионы в руках полный план Цитадели.

На краткий миг Айдахо снова превратился в

[1] Примечания: 1

В индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну. В переносном смысле обозначает некую несокрушимую, безликую и беспощадную силу (землетрясение, извержение вулкана и т. д.).

бдительного начальника стражи, шокированного таким небрежением безопасностью.

— И вы позволили ей бежать с этим?

— Не я, а ты.

Айдахо был до глубины души уязвлен этими словами; желание убить тирана вновь поднялось в его душе.

— Это все, что она взяла? — поинтересовался он.

— Там было два тома моих записок, копии и карты. Она украла копии.

Айдахо изучающе посмотрел на неподвижное лицо Лето.

— И каково содержание этих записок? Иногда вы говорили, что это история, иногда — что дневники.

— Понемногу того и другого. Пожалуй, их можно даже назвать учебником.

— Вас очень беспокоит эта кража?

Лето позволил себе слегка улыбнуться, что Айдахо воспринял как отрицательный ответ. По червеобразному телу Лето пробежала волна мышечного напряжения, когда Айдахо сунул руку в тонкий кейс. Что он достанет — доклад или оружие? Хотя нынешнее тело Лето было устойчивым к воздействию высокой температуры, было

несколько участков, чувствительных к поражающему действию лазерного ружья, особенно лицо.

Айдахо извлек из кейса доклад и начал читать. Но Лето было уже все ясно, Дункан не информировал патрона, он искал ответ на свои вопросы. Айдахо искал оправдания своим действиям, убийству, на которое он уже решился.

— Нами обнаружены группы последователей культа Алии на Гьеди Один, — читал между тем Айдахо.

Лето промолчал, Айдахо начал рассказывать подробности. *Как это скучно,* подумал Лето. Мысли его блуждали. Последователи культа давно умершей сестры его отца были забавны, не более того. Но Дунканы по очереди, и это неудивительно, рассматривали деятельность этой секты как скрытую угрозу власти.

Айдахо закончил свой доклад. Ничего не скажешь, его агенты были очень старательны. Скучны и старательны.

— Все это не более опасно, чем возрождение культа Изиды, — заметил Лето. — Мои жрецы и жрицы немного развлекутся, подавляя этот культ, только и всего.

Айдахо, словно отвечая своим мыслям, задумчиво покачал головой.

— Бене Гессерит знает об этом культе, — сказал он.

Вот это уже интересно, подумал Лето.

— Община Сестер никогда не простит мне того, что я лишил их любимого детища — селекционной программы.

— Этот культ не имеет ничего общего с селекционной программой.

Лето подавил чувство изумления. Дунканы всегда были очень понятливы в вопросах селекции, правда, иногда и на них находил какой-то ступор.

— Понятно, — сказал Лето. — Понимаешь, Бене Гессерит всегда отличались изрядным сумасбродством, но сумасшествие — это резервуар сюрпризов, а некоторые из них бывают полезными.

— Я, как ни стараюсь, не могу увидеть в них ничего полезного.

— Так ты думаешь, что за культом Алии стоит Бене Гессерит? — спросил Лето.

— Да.

— Объяснись.

— У них есть священная гробница. Они называют ее «Гробницей хрустального ножа».

— Она существует и сейчас?

— Их верховная жрица носит титул «Хранительница света Джессики». О чем это может говорить?

— Великолепно! — воскликнул Лето, не пытаясь на этот раз сдержать удивления.

— Что же в этом великолепного?

— Они ухитрились объединить мою бабку и тетку в одно божество, это забавно.

Айдахо, ничего не понимая, медленно покачал головой.

Лето на мгновение позволил себе расслабиться. Бабка в его генетической памяти была не очень озабочена судьбой своего нынешнего культа на Гьеди Один. Надо все же отгородиться от ее памяти и ее личности.

— И в чем же, ты полагаешь, состоит цель организации этого культа? — спросил Лето.

— Она очевидна. Создать конкурирующую религию, с тем чтобы подорвать вашу власть.

— Это слишком просто. Что ни говори о Бене Гессерит, но простаками они не были никогда.

Айдахо ждал объяснений.

— Они хотят получать больше Пряности! — сказал Лето. — Они чтят ее больше, чем своих Преподобных Матерей.

— Так они будут раздражать вас до тех пор,

пока вы их не купите?

— Я разочарован в тебе, Дункан.

Айдахо уставился на Лето, который хотел вздохнуть. Теперь для него это было очень сложное и несвойственное для нового тела движение. Дунканы обычно были более понятливы, но Лето предположил, что злодейский умысел помрачил рассудок этого Айдахо.

— Они выбрали своей штаб-квартирой Гьеди Один, — сказал Лето. — Что ты можешь сказать по этому поводу?

— Там находится крепость Харконненов, но это очень древняя история.

— Там умерла твоя сестра, она стала жертвой Харконненов, и в твоем сознании Гьеди и Харконнен слились воедино. Почему ты раньше не говорил мне об этом?

— Потому что не считал это важным.

Лето плотно сжал губы. Упоминание о сестре взволновало Дункана. Умом этот человек понимал, что он всего лишь звено в последовательности плотских копий одного и того же человека, что он всего-навсего продукт бродильных баков Тлейлаксу, в которых живут аксолотли, размножающие его, Дункана, исходные клетки. Ни один Дункан не может полностью избавиться от своей

врожденной памяти. Он прекрасно помнил, что именно Атрейдесы освободили его из застенков Харконненов.

И кем бы я ни был, подумал Лето, *я все равно навеки останусь Атрейдесом.*

— Что вы пытаетесь сказать? — требовательно спросил Айдахо.

Лето решил, что пора повысить голос:

— Харконнены были ворами Пряности!

Айдахо отступил на один шаг.

Лето продолжал, понизив голос:

— До сих пор на Гьеди Один есть спрятанные склады Пряности. Община Сестер пытается обнаружить их, используя для маскировки свои религиозные трюки.

Айдахо был ошеломлен. Слово было сказано, и ответ очевиден.

Это мой недосмотр, подумал Айдахо.

Окрик Лето снова расставил все по своим местам: Дункан по-прежнему был начальником стражи. Айдахо знал упрощенную до предела экономику Империи: никаких долгов под проценты — только наличные на бочку. Единственной валютой были монеты с изображением лица Лето — Бога-Императора. Истинная ценность заключалась в Пряности, ее цена была огромной

и продолжала расти. За маленький чемоданчик Пряности можно было купить планету средних размеров.

Контролировать надо финансы и суд, все остальное сделает чернь, подумал Лето. Эту фразу сказал когда-то старик Джекоб Брум, и Лето услышал, как Джекоб хихикнул в его генетической памяти. *Да, старик, с тех пор мало что изменилось*, сказал Бруму Лето.

Айдахо виновато вздохнул.

— Надо немедленно известить об этом Бюро Веры.

Лето хранил безмолвие.

Айдахо расценил это как разрешение продолжать и снова принялся читать доклад, но Лето слушал его вполуха, отмечая про себя те места, на которых стоило сосредоточиться.

Теперь он начнет говорить о Тлейлаксу.

Ты вступаешь на опасную для себя почву, Дункан.

Однако эта мысль придала рефлексии Лето новое направление.

Хитроумные тлейлаксианцы до сих пор делают мне Дунканов из исходного клеточного материала. С религиозной точки зрения они совершают преступное деяние, и мы все это отлично зна-

ем. Я не разрешаю искусственные манипуляции с генетическим материалом человека. Но на Тлейлаксу знают, как я ценю Дунканов в качестве начальников придворной стражи. Не думаю, что они находят это удивительным. Меня лично забавляет другое — что имя Айдахо носит теперь река, которая течет на том месте, где когда-то высилась одноименная гора, которую пришлось уничтожить, чтобы добыть материал для строительства стен вокруг моего Сарьира.

Конечно, тлейлаксианцы знают, что время от времени я скрещиваю Дунканов с женщинами, исполняя свою селекционную программу. В этих Дунканах есть какая-то монгольская сила… и еще кое-что. Каждый огонь должен чем-то гаситься.

Этот экземпляр я хотел скрестить с Сионой, но теперь это невозможно.

Ха! Он говорит, что мне пора бы «обрушиться» на Тлейлаксу. Почему бы ему прямо не спросить, не собираюсь ли я его заменить?

Я испытываю большое искушение сказать ему об этом.

Рука Айдахо снова опустилась к кейсу. Внутренний монитор Лето включился без промедления.

Лазерное ружье или еще один доклад? Еще один доклад.

Дункан держится настороженно. Он хочет убедиться не только в том, что я ни о чем не подозреваю, но и в том, что я больше не стою его верности. Он слишком долго колеблется. Да, впрочем, он всегда был таким. Сколько раз я говорил ему, что не стану использовать свое предзнание для того, чтобы предсказать время своего исхода из моего нынешнего состояния. Но он сомневается. Он всегда и во всем сомневается.

Эта огромная пещера скрадывает голос, и если бы не моя сверхчувствительность, то здешняя сырость могла бы скрыть химические свидетельства страха. Сейчас я отключусь от восприятия его голоса — Дункан стал невыносимо скучен. Он опять рассказывает мне историю, историю мятежа Сионы, однако нет сомнения, что он одобряет ее последнюю эскападу.

«Это не обычный мятеж», — говорит он.

Он меня достал! Дурак. Все мятежи ординарны и до бесконечности скучны. Все эти революции и восстания скроены на один манер. Движущей силой является пристрастие к собственному адреналину и жажда личной власти. Все эти мятежники и революционеры — не более чем карманные аристократы. Вот почему я могу

так легко обратить их.

Почему этот Дункан никогда не слушал меня, когда я пытался это объяснить? Мы же спорили о мятежах вот с этим самым Дунканом. То было наше с ним первое столкновение, и произошло оно именно в этой крипте.

«Искусство правления требует не отдавать инициативу в руки радикальным элементам», — сказал тогда Дункан.

Подумайте, какая педантичность! Радикалы вырастают в каждом поколении, и вы никогда не должны этому препятствовать. Именно это имел в виду Айдахо, говоря: «.. не отдавать инициативу». Он хочет раздавить их, подавить, остановить, не допустить. Дункан — живое доказательство тому, насколько мала разница между военным и полицейским мышлением.

Тогда я сказал ему: «Радикалов стоит бояться только тогда, когда ты пытаешься их подавить. Напротив, ты должен показать, что готов воспользоваться лучшим из того, что они могут предложить».

«Они опасны! Они очень опасны». Он думал, что многократным повторением сумеет убедить меня в истинности своих слов.

Медленно, шаг за шагом, я привел его к пони-

манию моего метода, и временами он делал вид, что внимательно меня слушает.

«В этом и заключается их слабость. Радикалы все упрощают — для них существует только белое и черное, добро и зло, мы и они. Обращаясь таким образом со сложнейшими проблемами, они разрывают порядок вещей и порождают хаос. Искусство правления, как ты выразился, и заключается в умении управлять хаосом».

«Никто не может управлять неожиданностями».

«Неожиданности? Кто говорит о неожиданностях? В хаосе нет ничего неожиданного, он обладает вполне предсказуемыми характеристиками. Прежде всего он уничтожает порядок и доводит противостояние сил до крайности».

«Но ведь радикалы и стремятся к этому. Разве они не хотят потрясти все до основания, чтобы овладеть ходом событий?»

«Они думают, что делают так. На самом деле они только плодят новых экстремистов, новых радикалов и все начинается сначала».

«Но что, если появится радикал, который, понимая все это, все же пойдет на вас под знаменем радикализма?»

«Это будет не радикал, а соперник, желающий

захватить власть».

«И что вы тогда будете делать?»

«С ним надо либо объединиться, либо его надо уничтожить. Это есть самый низший уровень борьбы за власть».

«Но что вы можете сказать о мессиях?»

«Таких, как мой отец?»

Этот Дункан не любит подобных вопросов. Он знает, что неким непостижимым образом я тождествен моему отцу. Он знает, что я могу говорить его голосом и даже надевать его психологическую маску, что моя память о нем точна и неумолима.

Айдахо неохотно заговорил: «Ну да... если хотите».

«Дункан, я весь соткан из них, и я знаю: никогда не было на свете бескорыстных мятежников — они все лицемеры — сознательные или бессознательные, это безразлично».

Помнится, эти слова растревожили осиное гнездо в моей предковой памяти. Некоторые из моих предков так и не расстались с наивной верой в то, что они и только они держали в руках ключ к решению всех проблем человечества. Ну что ж, в этом они очень похожи на меня. Я могу им только посочувствовать, ибо их неудача и есть

демонстрация моей правоты.

Однако я вынужден их заблокировать. Нечего привыкать к их обществу. Они очень ядовитые напоминания… так же, как и этот Дункан, который стоит передо мной…

О великий Боже! Он же усыпил мою бдительность, держит в руке лазерное ружье и целится мне в лицо.

— Эй, Дункан! Ты тоже решил меня предать?

Ти quoque, Brute?[2]

Каждый нерв Лето пришел в состояние боевой готовности. Тело его начало подергиваться. Плоть Червя обладала своей собственной волей.

Айдахо дерзко заговорил:

— Скажи мне, Лето, сколько раз я должен платить за верность?

Лето сразу понял глубинный смысл вопроса: *«Сколько раз меня восстанавливали?»* Дунканы всегда хотели это знать. Каждый Дункан задавал этот вопрос и оставался недовольным ответом, не веря в него и терзаясь сомнениями.

Лето заговорил самым грустным голосом Муад'Диба:

— Разве ты не гордишься моим восхищением,

---

[2] Примечания: 2

И ты, Брут? (*лат.*) — слова Цезаря, произнесенные им, когда среди заговорщиков он увидел Брута.

Дункан? Ты никогда не задумывался над тем, почему я хочу, чтобы ты был моим постоянным товарищем на протяжении стольких веков?

— Ты считаешь меня законченным и отпетым дураком!

— Дункан! — Голос рассерженного Муад'Диба всегда приводил в замешательство любого Айдахо. Несмотря на то что Айдахо не знал, что Лето владеет Голосом Бене Гессерит так, как им не могла владеть ни одна Сестра, было вполне предсказуемо, что рука Дункана дрогнет при звуке этого Голоса. Так и случилось — дуло ружья дрогнуло.

Этого оказалось достаточно — тело Лето, развернувшись в мгновение ока, вылетело из тележки. Айдахо никогда не видел, как его повелитель покидает тележку, он даже не предполагал, что такое может произойти. От Лето требовались только две вещи: тело червя должно было почувствовать опасность и освободиться от тележки. Быстрота, с которой все произошло, поразила даже самого Императора.

Теперь главной заботой было лазерное ружье. Его луч мог серьезно поранить, но, однако, мало кто знал о том, какой жар способно перенести тело Червя.

Повернувшись, Лето ударил Айдахо хвостом, и ружье в момент выстрела отклонилось. Рудимент, в который превратилась одна из ног Лето, ощутил страшный ожог, боль заполонила все существо Лето, однако тело Червя было уже запрограммировано и действовало с безошибочной быстротой. Хвост зверя начал совершать сильные биения. Ружье было отброшено далеко в сторону из конвульсивно дернувшейся руки Айдахо.

Откатившись от Дункана, Лето изготовился к новой атаке, но в ней уже не было никакой нужды. Поврежденный рудимент все еще посылал болевые импульсы, и Лето понял, что остаток конечности тяжело обожжен, а один палец просто сгорел. Форелья кожа быстро наросла, закрыв дефект, боль превратилась в ноющую пульсацию.

Айдахо корчился в судорогах. Не было никаких сомнений в том, что он смертельно ранен. Грудная клетка была буквально раздавлена. Судя по дыханию, наступила агония, но Дункан смог открыть глаза и посмотреть на Лето.

Как упрямо одержимы бывают эти смертные! — подумал Лето.

— Сиона! — выдохнул Айдахо.

Лето увидел, как жизнь покидает тело начальника стражи.

Интересно, подумал Лето. *Возможно ли, чтобы Дункан и Сиона… Нет! Этот Дункан всегда испытывал презрительное недовольство по отношению к глупостям Сионы.*

Лето вновь забрался в Императорскую тележку. То была закрытая модель. Не приходилось сомневаться, что Айдахо целил в *мозг*. Лето, да и все остальные знали, что его рудиментарные конечности подвержены внешним воздействиям и являются уязвимыми, но его мозг был больше не связан ни с лицом, ни с головой. В человеческом понимании это вообще был не мозг, а цепочка нервных узлов, вытянутая вдоль тела. Это Лето поведал только своим тайным запискам.

О, какие ландшафты я видел! А каких людей! Дальние странствия фрименов и все остальное, вплоть до самых древних мифов Терры – праматери Земли. О, эти уроки астрономии, их захватывающая интрига, паническое бегство, переселения народов, бесконечный ночной бег – до онемения в ногах и боли в легких – во всех тех местах вселенной, где мы защищали свою преходящую собственность. Я говорю вам, что мы – образец для подражания, и порукой тому моя бесконечная память.

(Похищенные записки)

Женщина, работавшая за небольшим подвешенным к стене столом, была слишком велика для узкого стульчика, на котором она примостилась. На улице был полдень, но в помещении, находившемся глубоко под землей города Онн, естественно, не было окон, и светильник, расположенный под потолком, был единственным источником света. Несмотря на то что светящийся шар был настроен на теплый желтоватый свет, он был не в состоянии развеять мрачную серость комнаты — стены и потолок были выполнены из тусклого серого металла.

Вся мебель в комнате состояла из единственно-

го топчана — убогой узкой лежанки, застеленной грубым одеялом. Было совершенно очевидно, что никакая мебель в помещении не была предназначена для работавшей в нем женщины.

На ней была надета темно-синяя пижама, туго обтягивающая широкие плечи. Лампа освещала коротко стриженные светлые волосы и правую часть лица с сильно развитой нижней челюстью, беззвучно двигавшейся в такт словам, которые женщина набирала на клавиатуре, лежавшей на столе. Женщина относилась к машине с благоговейным, почти мистическим почтением, граничившим со страхом, который не исчезал, несмотря на давнее знакомство с техникой.

Женщина нажимала клавиши, а на экране, вмонтированном в стену над столом, появлялся текст.

«Сиона продолжает свою деятельность, на основании чего можно предположить, что она готовит нападение на Вашу Священную Особу, — писала женщина. — Сиона остается непоколебимой в своих преступных целях. Она сказала мне, что передаст копии похищенных записей группе лиц, чьей верности Вам ни в коем случае нельзя доверять. Она собирается передать копии Бене Гессерит, Гильдии и иксианцам.

Сиона утверждает, что в записках содержатся Ваши зашифрованные слова, и она надеется, что получатели помогут ей перевести Ваши Священные Слова.

Господин, я не знаю, какое Великое Откровение содержится в этих страницах, но если там записано то, что может угрожать Вашей Священной Особе, то я прошу освободить меня от клятвы верности Сионе. Я не могу понять, почему Вы так настаивали на том, чтобы я принесла эту клятву, но я очень ее боюсь.

Остаюсь Вашей преданной слугой, Наила».

Стул заскрипел, когда Наила откинулась на спинку и, глядя на экран, принялась обдумывать написанные ею слова. В комнате царила почти неестественная тишина, нарушаемая лишь едва слышным дыханием женщины и работой машины, от которой слегка вибрировал пол.

Наила внимательно перечитывала текст, обдумывая каждое слово. Послание было предназначено исключительно для глаз Бога-Императора и требовало не только безусловной правдивости. Оно требовало предельной искренности и беспристрастности, которые истощали Наилу. Наконец женщина решительно кивнула головой и нажала клавишу, которая закодирует послание

и приготовит его к передаче. Склонив голову, она молча помолилась и, повернув столик, утопила его в стену. Послание было передано. Бог лично вмонтировал ей в мозг специальное устройство и лично взял с женщины клятву, что она никогда и ни под каким видом никому об этом не расскажет, предупредив, что может настать момент, когда он, Бог, будет говорить с ней с помощью этого устройства. До сих пор этот момент не наступил. Наила подозревала, что этот аппарат придумали иксианцы — уж очень подозрительный был у него вид. Но Бог самолично имплантировал ей в мозг этот аппарат, и Наила могла с чистой совестью игнорировать тот факт, что прибор очень походил на компьютер, а они были запрещены Великим Сходом.

«Не сотвори машину по образу и подобию ума!»

Наила содрогнулась. Она встала и поставила стул на его обычное место возле топчана. Тяжелому мускулистому телу было тесно в тонкой синей пижаме. Во всем облике женщины сквозила обдуманность действий, идеально приспособленных к огромной физической силе. Около топчана она оглянулась и посмотрела на то место, где был экран. Сейчас он был закрыт стенной панелью,

которая ничем, абсолютно ничем не отличалась от прочих темно-серых металлических панелей.

Наила глубоко вздохнула, взяла себя в руки и вышла из комнаты через единственную дверь в серый проход, освещенный белым шаровым светильником. Здесь шум машин был громче. Наила свернула налево и через несколько минут оказалась в большой комнате Сионы. В середине помещения стоял стол, на котором были сложены вещи, похищенные в Цитадели. Вся сцена освещалась серебристыми шаровыми лампами — у стола стояли Сиона и ее помощник Топри.

Наила, с восхищением относившаяся к Сионе, не могла понять, что хорошего девушка находит в Топри, по ее мнению, этот человек не заслуживал ничего, кроме откровенной неприязни. Топри был нервный, толстый мужчина с зелеными навыкате глазами, курносым носом, тонкими губами и полным, с ямочкой, подбородком. Голос у Топри был неприятным и визгливым.

— Посмотри-ка, Наила! Нет, ты только посмотри, что нашла Сиона между страницами книг.

Наила молча закрыла и заперла единственную дверь комнаты.

— Ты слишком много говоришь, Топри, — произнесла она. — Ты — болтун. Откуда ты знал, что

я в коридоре одна?

Топри побледнел. На лице его появилась сердитая гримаса.

— Боюсь, что она права, — заговорила Сиона. — Почему ты решил, что я хочу, чтобы Наила знала о моем открытии?

— Но ты же полностью ей доверяешь.

Сиона обернулась к Наиле.

— А ты знаешь, почему я тебе доверяю, Наила? — вопрос был задан будничным тоном, лишенным каких бы то ни было эмоций.

Наилу липкой, противной волной окатил страх. Неужели Сиона раскрыла ее тайну?

Неужели я подвела моего господина?

— Ты не можешь ответить мне на этот вопрос?

— Разве я когда-нибудь давала повод подозревать меня? — ответила Наила вопросом на вопрос.

— Это недостаточный повод для доверия, — возразила Сиона. — В мире нет совершенства — ни среди людей, ни среди машин.

— Но тогда почему ты мне доверяешь?

— Потому что твои действия находятся в полном согласии с твоими словами. Вот, например, ты не любишь Топри и не считаешь нужным скрывать это за лживыми словами.

Наила посмотрела на Топри, и тот нервно кашлянул.

— Я ему не доверяю, — призналась женщина.

Слова сорвались с ее языка без всякого обдумывания, и только спустя мгновение Наила осознала истинную причину своей неприязни — Топри предаст любого ради личной выгоды.

Лицо мужчины снова исказилось от гнева.

— Я не собираюсь стоять здесь и спокойно выслушивать ее оскорбления, — сказал он и направился к выходу. Сиона остановила его движением руки. Топри в нерешительности остановился.

— Хотя мы произносим старинные фриженские формулы и клянемся друг другу в верности, не это держит нас вместе, — сказала Сиона. — Все основано на деле и целях. Это единственное, что я принимаю во внимание. Вы меня понимаете?

Топри машинально кивнул, но Наила отрицательно покачала головой.

Сиона улыбнулась женщине.

— Ты не всегда соглашаешься с моими решениями, не правда ли, Наила?

— Нет, — через силу выдавила из себя женщина.

— Больше того, ты никогда не считаешь нуж-

ным скрывать свое несогласие, но тем не менее ты всегда мне подчиняешься. Почему?

— Потому что я дала клятву.

— Но я же сказала, что этого недостаточно.

Наила почувствовала, что покрывается потом, поняла, что выдает себя, но не могла ничего поделать. *Как мне быть? Я поклялась Богу, что буду во всем подчиняться Сионе, но не могу сказать ей об этом.*

— Ты должна ответить на мой вопрос, — жестко произнесла Сиона. — Я тебе приказываю.

Наила затаила дыхание. Возникла дилемма, которой она всегда очень боялась. Выхода не было. Она мысленно помолилась и тихо заговорила:

— Я поклялась Богу, что буду тебе повиноваться.

Сиона хлопнула в ладоши и рассмеялась.

— Так я и знала.

Топри усмехнулся.

— Молчи, Топри, — приказала Сиона. — Я хочу преподать урок *тебе*. Ты не веришь никому, даже самому себе.

— Но я…

— Молчать, я сказала! Наила верит. Я верю. Это то, что нас объединяет. Вера.

Топри был до крайности изумлен.

— Вера? Ты веришь…

— Идиот, я верю не в Бога-Императора! Мы верим, что высшая сила поставит на место тирана в облике червя. И мы — та высшая сила.

Наила порывисто вздохнула.

— Все в порядке, Наила, — сказала Сиона. — Мне совершенно все равно, откуда ты черпаешь свою силу… и свою веру.

Наила широко улыбнулась. Никогда еще не была она столь сильно взволнована мудростью своего Господа. *Мне позволено говорить правду, и это служит моему Богу!*

— Давайте я лучше покажу вам, что мне удалось найти в этих книгах, — заговорила Сиона и ткнула пальцем в листки обыкновенной бумаги. — Эти листочки были заложены между страницами записок.

Наила обошла вокруг стола и с любопытством посмотрела на бумажки.

— Но сначала посмотрите на это. — Сиона взяла в руку предмет, который Наила поначалу не заметила. Это были прядь волос и тонкий сухой стебелек, на котором было что-то, весьма напоминающее…

— Цветок? — нерешительно спросила Наила.

— Он был заложен между двумя листками

бумаги. А на самой бумаге было написано вот это. — Сиона склонилась над столом: — Прядь волос Ганимы и звездный цветок, который она мне однажды подарила.

Сиона посмотрела на Наилу и сказала:

— Оказывается, наш Бог-Император очень сентиментален. Это слабость, которой я от него не ожидала.

— Ганима? — спросила Наила.

— Его сестра! Вспомни Устные Предания.

— О да, я помню. Есть молитва Ганиме.

— А теперь послушайте вот это. — Сиона взяла со стола еще один листок и начала читать:

Песок на берегу сер, как мертвая щека,

В ряби зеленого прилива отражаются мрачные тучи;

Я стою на мокром песке у края воды.

Холодная пена омывает мои пальцы.

Я чувствую запах гниющего в воде дерева.

Сиона еще раз взглянула на Наилу.

— Эти стихи озаглавлены: «Слова, которые я написал, когда узнал о смерти Гани». Что ты об этом скажешь?

— Он… он любил свою сестру.

— Да! Он способен любить. О да! Теперь он от нас не уйдет.

Время от времени я позволяю себе сафари, которое не может позволить себе ни один смертный. Для этого мне достаточно сместиться вглубь по оси моей памяти. Словно школьник, выбирающий тему для сочинения о проведенных каникулах, я выбираю интересующий меня предмет. Например, пусть это будут… женщины-интеллектуалы! После этого я погружаюсь в океан памяти моих предков. При этом я чувствую себя словно глубоководная рыба. Я открываю рот и начинаю поглощать знания о прошлом. Иногда… только иногда я выбираю для охоты личности, попавшие в анналы истории. Какое это наслаждение лично пережить перипетии жизни этого человека и сравнить их с фактами официальной биографии.

(Похищенные записки)

Монео спускался в крипту с явной неохотой. Ему было грустно и тяжело, но… что поделать, такова служба. Богу-Императору нужно время, чтобы оплакать потерю очередного Дункана… Но жизнь продолжается.

Лифт бесшумно скользил вниз, идеально под-

чиняясь воле Монео. Иксианцы умели делать надежные механизмы. Правда, однажды Бог-Император крикнул своему мажордому: «Монео! Иногда мне кажется, что тебя тоже изготовили на Иксе!»

Монео почувствовал, что лифт остановился. Двери открылись, и мажордом увидел в полумраке крипты массивную тень Императорской тележки. Никаких признаков того, что Лето заметил прибытие своего слуги. Монео вздохнул и направился к своему господину. Шаги гулко отдавались под сводами огромного помещения. Возле тележки лежало мертвое тело. Никаких *duja vu.* Это Монео видел наяву и уже не в первый раз.

Однажды, когда Монео только начинал свою службу, Лето сказал:

— Я вижу, Монео, что тебе не нравится это место.

— Нет, господин.

Потребовалось небольшое усилие памяти, чтобы явственно услышать голос из такого наивного прошлого. И голос Лето, который ответил:

— Ты не считаешь мавзолей приятным местом, Монео, я же нахожу его источником бесконечной силы.

Монео вспомнил, как ему захотелось сменить

тему разговора.

— Да, мой господин.

Но Лето настаивал:

— Здесь очень мало моих предков. Здесь вода Муад'Диба. Гани и Харк аль-Ада тоже здесь, но они не мои предки. Нет, это не захоронение моих предков, этот мавзолей — я. Здесь Дунканы и другие порождения моей селекционной программы. Ты тоже окажешься здесь в один прекрасный день.

Монео вдруг осознал, что от таких воспоминаний он несколько замедлил шаг. Он вздохнул и двинулся быстрее. Лето временами бывал очень нетерпелив, но пока он не подавал никаких знаков своего присутствия. Однако старый мажордом был слишком опытен, чтобы не понимать, что Лето следит сейчас за каждым его шагом.

Лето возлежал на тележке с закрытыми глазами, включив для слежения за Монео другие чувства. Сейчас Императора занимали мысли о Сионе.

Сиона — мой заклятый враг, думал он. *Мне не нужны донесения Наилы, чтобы знать это. Сиона — женщина поступка. Она живет на поверхности такой огромной энергии, что это наполняет мои*

фантазии необыкновенным восторгом. Я не могу бросать вызов этим энергиям, не испытывая при этом экстаза. Именно эти фантазии суть оправдание моего бытия, всего, что я до сих пор сделал… Они — оправдание даже тела этого глупого Айдахо, которое лежит здесь передо мной.

Слух подсказывал Лето, что Монео не прошел еще и половины пути, отделявшего его от тележки. Человек шел все медленнее и медленнее, потом, словно опомнившись, снова убыстрил шаг.

Какой подарок преподнес мне Монео в виде этой девочки. Своей дочери, подумал Лето. *Сиона свежа и драгоценна. Она — это* новое, *в то время как я являю собой собрание ветхих древностей, проклятых реликтов, потерь и заблуждений. Я — собрание пропавших кусков истории, исчезнувших из вида и затонувших в глубинах прошлого. Никто из смертных не может представить себе такого скопища мерзавцев.*

Лето выстроил свое прошлое в памяти, чтобы показать *им* то, что происходит в крипте.

Мой конек — мелочи!

Однако Сиона… Сиона — это чистая грифельная доска, на которой можно начертать великие письмена.

Я храню эту грифельную доску с величайшим тщанием. Я готовлю ее, очищаю ее.

Что хотел сказать Дункан, когда произнес ее имя?

Монео не слишком уверенно приблизился к ложу повелителя, зная наверняка, что тот не спит.

Лето открыл глаза, когда Монео остановился возле трупа Дункана. От лицезрения этой сцены Император получил величайшее удовольствие. На мажордоме была надета белая форма Дома Атрейдес без знаков различия. Маленький нюанс — лицо Монео было известно почти так же, как и лицо самого Лето, и служило лучшим знаком различия. Монео застыл в терпеливом ожидании, ни одним жестом не выдав своих чувств. Густые светлые волосы были разделены безупречным прямым пробором. В глубине серых глаз таилась прямота, которая является отражением осознания своей огромной власти. Этот взгляд Монео прятал лишь в присутствии Бога-Императора, да и то не всегда. Не впервые приходилось мажордому видеть труп на полу крипты.

Лето продолжал хранить молчание, и Монео, откашлявшись, заговорил первым:

— Я очень опечален, мой господин.

Замечательно! — подумал Лето. *Он знает,*

что я испытываю искреннее сожаление по поводу смерти каждого Дункана. Монео читал их донесения и часто видел их мертвыми. Он-то прекрасно знает, что лишь девятнадцать Дунканов умерли естественной смертью — остальные были убиты.

— У него было иксианское лазерное ружье, — сказал Лето.

Монео метнул взгляд влево, где валялось оружие, давая тем самым понять Императору, что уже успел заметить ружье. Он снова обернулся к Лето, опустив глаза к полу, где лежал труп.

— Вы не ранены, мой господин?

— Это совершеннейший пустяк.

— Но он сумел причинить вам травму.

— Эти плавники мне совершенно не нужны. Через пару сотен лет они и сами исчезнут.

— Я лично позабочусь о теле Дункана, мой господин, — сказал Монео. — Есть ли здесь…

— Та часть моего тела, которую он сжег, превратилась в пепел. Мы развеем его здесь. Крипта — самое подходящее для этого место.

— Как прикажет мой господин.

— Прежде чем избавиться от тела, разряди ружье и оставь его в таком месте, где я мог бы представить его иксианскому послу. Что же каса-

ется пилота Гильдии, который предупредил нас о ружье, то его надо наградить десятью граммами Пряности. Да, кстати, наши жрицы на Гьеди Один должны быть извещены о тайном складе меланжи; вероятно, это остатки контрабандных запасов старого Харконнена.

— Как вы желаете распорядиться Пряностью, когда она будет найдена?

— Часть пойдет на оплату тлейлаксианцев за изготовление нового гхола. Остальное следует перенести сюда, в крипту.

— Мой господин. — Монео склонил голову в легком полупоклоне, давая понять, что понял приказ и готов его исполнить. Мажордом взглянул в глаза повелителя.

Лето улыбнулся, подумав: *Мы оба знаем, что Монео не уйдет, пока не выяснит прямо обстоятельства дел, которые интересуют нас больше всего.*

— Я видел донесение о Сионе, — заговорил Монео.

Лето улыбнулся еще шире. Видеть Монео в такие минуты было сущим наслаждением. Его слова касались множества вещей, которые не требовали никакого обсуждения. Его слова и поступки находились в полном согласии друг с

другом, и им обоим было ясно, что Монео находится в курсе всего происходящего при дворе да и вообще в Империи. Естественно, он озабочен судьбой собственной дочери, но хочет, чтобы его озабоченность была истолкована владыкой как беспокойство о высшем благе — благе Империи. Пройдя подобную эволюцию сам, Монео прекрасно понимал природу нынешних дарований Сионы.

— Разве не я создал ее, Монео? — спросил Лето. — Разве это не я позаботился о ее родословной и надлежащем воспитании?

— Она — моя единственная дочь, мое единственное дитя, господин.

— Кстати, она сильно напоминает мне Харка аль-Ада, — продолжал Лето. — В ней очень немного от Гани, я полагал, что от моей сестры она унаследует больше. Кажется, Сиона вернулась к исходному пункту селекционной программы Общины Сестер.

— Зачем вы говорите это мне, мой господин?

Лето задумался. Надо ли Монео знать такие частности о своей дочери? Временами Сиона уклоняется с пути предзнания. Золотой Путь оставался, но Сиона сворачивала с него. Однако… Сиона не обладает предзнанием. Она уникаль-

на… и если останется в живых… Нет, не стоит снижать эффективность работы Монео подобного рода информацией.

— Припомни свое собственное прошлое, — сказал Лето.

— Действительно, господин! У нее такие способности, такой потенциал, которого у меня никогда не было. Но это делает ее опасной.

— К тому же она совсем тебя не слушается, — проговорил Лето.

— Нет, но я внедрил в среду ее мятежников своего агента.

Должно быть, это Топри, подумал Лето.

Не надо было обладать предзнанием, чтобы понимать: Монео обязательно внедрит в эту среду своего агента. С самого момента смерти матери Сионы Лето знал обо всех действиях Монео, даже о тех, которые он только замышлял. Наила давно заподозрила Топри. И вот теперь Монео обнаружил свои страхи и свои действия, чтобы обеспечить своей дочери большую безопасность.

Как жаль, что эта женщина успела родить от Монео только одного ребенка.

— Вспомни, как я обращался с тобой в подобной ситуации, — сказал Лето. — Ты знаешь требования Золотого Пути не хуже, чем я.

— Но тогда я был молод и глуп, мой господин.

— Ты был молод и дерзок, но отнюдь не глуп.

Монео позволил себе натянутую улыбку, принимая комплимент и все больше и больше убеждаясь в том, что только теперь понимает намерения Лето. *Однако они очень опасны!*

Желая укрепиться в своем убеждении, он сказал:

— Вы же знаете, как я обожаю сюрпризы.

Это верно, подумал Лето. *Монео обо всем догадывается. Но даже удивляя меня, Сиона постоянно напоминает о том, чего я боюсь больше всего на свете — обыденности и скуки, которые могут исказить Золотой Путь. Надо лишь вспомнить, как скука едва не позволила Дункану одолеть меня! Сиона — это тот контраст, который позволяет мне понимать мой глубинный страх. Озабоченность Монео по поводу меня вполне понятна и обоснованна.*

— Мой агент будет продолжать наблюдение за ее новыми товарищами, господин, — сказал Монео. — Они мне не нравятся.

— Ее товарищи? У меня самого когда-то были подобные товарищи.

— Мятежники, господин? У вас? — Монео был не на шутку изумлен таким признанием.

— Разве я не доказал, что являюсь другом бунтовщиков?

— Но, господин…

— Аберрация прошлого в нашей памяти распространена гораздо шире, чем ты думаешь!

— Да, господин. — Монео был обескуражен, хотя его все еще разбирало любопытство. Он знал, что Лето обычно становится разговорчивым после смерти очередного Дункана. — Должно быть, вы знали многих мятежников, мой господин.

При этих словах мысли Лето невольно погрузились в глубины памяти о предках, которые восстали перед его внутренним взором.

— Ах, Монео, — пробормотал Лето. — Мои путешествия по закоулкам, где прячутся мои предки, воссоздают такие события, которые я больше никогда не желаю видеть.

— Могу себе представить эти внутренние путешествия, господин.

— Нет, ты не можешь этого представить. Я видел людей и планеты в таком количестве, что они потеряли свое значение даже в моем воображении. О, какие ландшафты я видел. Узор чужих дорог выступает из пространства и запечатлевает во мне это внутреннее видение, запечатлевает в моей памяти осознание того, что я — ничтожная

пылинка.

— Не вы, мой господин. Определенно, это не вы.

— Я меньше, чем пылинка! Я видел людей и их бесплодные сообщества с такой регулярной повторяемостью, что их полная бессмыслица наполнила меня скукой, слышишь?

— Я не хотел разгневать вас, господин, — кротко произнес Монео.

— Ты не злишь меня. Иногда ты меня раздражаешь, но не более того. Ты не можешь себе представить всего того, что я видел, — халифов и меджидов, рак, раджей и башаров, королей и императоров, премьер-министров и президентов — я видел их всех, вплоть до самого ничтожного фараона.

— Простите мне мою самонадеянность, господин.

— Проклятые римляне! — воскликнул Лето.

Он сказал то же самое мысленно, обращаясь к предкам. *Проклятые римляне!*

Скопище предков разразилось в ответ жутким хохотом.

— Я не понимаю вас, господин, — осмелился проговорить Монео.

— Это правда. Ты действительно меня не по-

нимаешь. Римляне распространили по миру болезнь фараонов, разбрасывая ее семена, как сеятели разбрасывают зерна. От этого семени произошли всходы — цезари, кайзеры, цари, императоры… казерии… палатосы… и проклятые фараоны!

— Я не знаю многих из этих титулов, мой господин!

— Возможно, я последний из их числа, Монео. Молись, чтобы это было так.

— Как прикажет мой господин.

Лето взглянул на человека.

— Мы — убийцы мифа, Монео. Ты и я. Это мечта, которую мы оба разделяем. Могу уверить тебя с моей олимпийской высоты, что правительство — это миф, в который верят многие. Как только умирает миф, умирает и правительство.

— Так ты учил меня, господин.

— Нашу мечту породил инструмент, состоящий из людей-автоматов, — армия, друг мой.

Монео нервно откашлялся.

Лето понял, что мажордом проявляет признаки нетерпения.

Монео все понимает относительно армий. Он знает, что только глупец может считать армию основным инструментом государственного

правления.

Лето молчал, и Монео направился к лазерному ружью, поднял его с холодного пола крипты и принялся разряжать.

Лето наблюдал за его действиями и думал о том, что эта маленькая сценка является отражением сути армейского мифа. Армия питает технику, поскольку сила автоматического оружия кажется столь очевидной близоруким и недальновидным.

Лазерное ружье — это не более чем простая машина. Но всякая машина отказывает или ее превосходит другая машина. Однако армия держится за машину как за святыню — чарующую и одновременно страшную. Посмотрите, как люди боятся иксианцев! Армия нутром чувствует, что они — ученики чародея. Вооружение снимает узду с техники, и этого джинна уже невозможно загнать обратно в бутылку.

Я же учу их иной магии.

Лето обратился к толпе своих предков:

«Вы видите? Монео разрядил этот смертоносный инструмент. Связь прервалась, капсула раздавлена».

Лето втянул носом воздух, ощутив эфирный запах ружейного масла, смешанный с запахом

пота Монео.

Обращаясь к предкам, Лето продолжил: *«Но джинн не умер. Технология — питательная среда для анархии. Она способствует широкому распространению таких инструментов, а это провоцирует насилие. Способностью производить невиданные разрушения начинают обладать все более мелкие группы, и так продолжается до тех пор, пока оружие не попадает в руки каждого отдельно взятого человека».*

Монео вернулся на прежнее место, держа в правой руке разряженное ружье.

— На Парелле и планетах Дана поговаривают о новом джихаде против подобного оружия.

Монео поднял вверх ружье, улыбкой давая понять Лето, что понимает всю парадоксальность таких пустых мечтаний.

Лето прикрыл глаза. Орда предков подняла было крик, но Император заглушил их, подумав: *Джихады порождают армии. Бутлерианский джихад пытался избавить мир от машин, имитирующих мозг человека. Бутлериане оставили на страже армии, и иксианцы получили возможность создавать свои сомнительные механизмы… Спасибо им за это. Что же такое анафема? Ее мотивация — разрушение, и никако-*

го значения не имеет, какое орудие применяют для этой цели.

— Это произошло, — пробормотал он.

— Что вы сказали, мой господин?

Лето открыл глаза.

— Я поеду в свою башню, — сказал он. — Хочу наедине с собой оплакать моего верного Дункана.

— Новый Айдахо находится на пути сюда, — сказал Монео.

Вы – первый, кто видит мои записки спустя четыре тысячи лет после их создания. Однако берегитесь. Не стоит раздуваться от гордости за первенство в открытии тайны этого иксианского хранилища. Обнаружив и прочитав записки, вы испытаете боль. У меня было всего несколько озарений, позволивших мне изредка заглядывать во тьму будущего через четыре тысячелетия. Эти прозрения убедили меня, что Золотой Путь продолжается и будет продолжаться. Поэтому я не уверен, что мои записи будут очень важны для людей вашего времени. Я твердо знаю только одно – мои записи канули в небытие, и сведения о событиях, о которых я рассказываю, будут до неузнаваемости искажены преданиями и историческими хрониками. Могу заверить вас, что прозрение будущего – весьма скучное занятие. Даже если вас почитают за Бога, каковым я определенно был, то и в этом бесконечная скука. Мне не раз приходило в голову, что священная скука есть достаточное основание для изобретения свободы воли.

(Надпись на воротах хранилища в Дар-эс-Балате)

Я — Дункан Айдахо.

Это было единственное, что он хотел знать наверняка. Ему не нравились объяснения тлейлаксианцев, их *россказни*. Но делать нечего, тлейлаксианцев всегда боялись. Им не доверяли и их боялись.

Они доставили его на эту планету в маленьком челноке Гильдии на рассвете, когда зеленый венец солнца только что засветился на горизонте. Зайдя на посадку, звездолет нырнул в глубокую и темную тень. Космопорт не был похож ни на что, виденное Дунканом прежде. Взлетная полоса была больше и окружена странными зданиями.

— Вы уверены, что это Дюна? — спросил он.

— Это Арракис, — поправил сопровождавший Айдахо тлейлаксианец.

В запертой машине Дункана привезли в какой-то дом в городе, название которого — Онн — сопровождавший называл, произнося «н» в нос. Комната, где его оставили, имела площадь не более трех метров и представляла собой куб с голыми стенами. В помещении не было светильников, но оно было залито теплым желтоватым светом.

Я — гхола, сказал он себе.

Это было потрясение, но в этот факт ему придется поверить. Сознание того, что он жив, несмотря на то что умер много столетий назад, было само по себе большим испытанием. Тлейлаксианцы взяли клетки его мертвой плоти и вырастили существо в одном из своих чанов. Эти клетки начали размножаться и превратились в существо, имеющее его нынешнее тело, в котором сам Айдахо поначалу чувствовал себя чужаком.

Он опустил взгляд и принялся рассматривать свое тело. Оно было одето в темно-коричневые брюки и куртку из грубой ткани, которая раздражала кожу. На ногах были обуты простые сандалии. Вот и все, чем они снабдили его, — кроме тела, разумеется. Такая бережливость могла многое сказать об истинном тлейлаксианском характере.

В помещении отсутствовала какая бы то ни было мебель. В стене была единственная дверь без ручки. Айдахо внимательно оглядел потолок, стены и дверь. Взгляду было не за что зацепиться, однако Дункана не покидало ощущение, что за ним внимательно наблюдают.

— За вами придут женщины из Императорской гвардии, — сказали ему на прощание сопровож-

дающие и ушли, издевательски посмеиваясь.

Женщины из *Императорской гвардии?*

Тлейлаксианский эскорт испытывал прямо-таки садистское наслаждение от своей способности изменять черты лица. Никогда не знаешь, на кого станет похожа в следующую минуту эта образина — настолько пластична и текуча была их плоть.

Проклятые мордоплясы!

Они знали о нем все. Знали, конечно, и о его отвращении к людям, меняющим свою форму.

Можно ли доверять чему бы то ни было, если это исходит от мордоплясов? Очень и очень немногому. Можно ли верить тому, что они говорят?

Мое имя. Я знаю мое имя.

Кроме того, у него есть память. Они шокировали Дункана, наделив его прежней памятью. Вообще, гхола не должны обладать способностью знать о своей исходной идентичности. Но для него тлейлаксианцы сделали исключение и заставили его поверить в истинность памяти, потому что он понял, что именно они сделали.

Он знал, что в начале был лишь полностью сформированный гхола — взрослый человек, точнее, его плоть, лишенная имени и памяти, — палимпсест, на котором тлейлаксианцы могли

написать все, что им заблагорассудится.

— Ты — гхола, — сказали они ему. Это и было его единственным именем на протяжении очень долгого времени. С гхола обращались как с послушным ребенком, обучая его убивать определенного человека — человека, как две капли воды похожего на Пауля Муад'Диба, которого Айдахо обожал и которому служил верой и правдой. Сходство было настолько велико, что Дункан решил, что это тоже гхола. Но откуда тлейлаксианцы могли взять клетки Муад'Диба?

В клетках Айдахо было что-то, что не давало ему бунтовать против Атрейдесов. Он помнил, как стоял с ножом в руке против копии Муад'Диба, который смотрел на него с выражением гнева и страха.

Память вливалась в сознание мощным потоком. Он помнил гхола и помнил Дункана Айдахо.

Я — Дункан Айдахо, оруженосец Атрейдесов.

Стоя посреди желтой комнаты, Дункан начал вспоминать.

Я погиб, защищая Пауля и его мать в сиетче, расположенном в недрах песков Дюны. Я вернулся на эту планету, но Дюны больше нет. Теперь это всего-навсего Арракис.

Он читал усеченную историю Дюны, которой снабдили его тлейлаксианцы, но не поверил ни единому слову. *Более тридцати пяти столетий?* Кто поверит, что живая плоть может существовать столь долгий срок? Но… на Тлейлаксу все возможно. Пришлось довериться собственным чувствам.

— Вас было очень много, — сказал ему инструктор.

— Сколько?

— Это тебе расскажет Господь Лето.

Господь Лето?

История Тлейлаксу утверждает, что господин Лето Второй — это внук того самого Лето, которому Айдахо служил с фанатичной преданностью. Однако этот второй Лето стал таким странным созданием, что Дункан так и не смог понять природу его трансформации.

Как может человек постепенно превратиться в песчаного червя? Как может мыслящее существо жить более трех тысяч лет? Даже самые сумасшедшие дозы гериатрической Пряности не могут обеспечить такого долголетия.

Лето Второй, Бог-Император?

Нет, нельзя верить в эти тлейлаксианские небылицы!

Айдахо вспомнил этого странного ребенка… Хотя нет, ведь это были близнецы — Лето и Ганима, дети Чани, умершей во время родов. Тлейлаксианская история утверждает, что Ганима умерла, прожив срок нормальной человеческой жизни, но Бог-Император Лето продолжал жить и жить, и жить…

— Лето — тиран, — сказал инструктор. — Он приказал нам изготовить тебя в наших бродильных чанах и прислать ему для несения службы. Мы понятия не имеем, что случилось с твоими предшественниками.

И вот я здесь.

Айдахо еще раз оглядел голые стены и потолок.

Послышался приглушенный звук голосов, и он взглянул на дверь. Голоса по-прежнему звучали глухо, но один из них несомненно принадлежал женщине.

Женщины Императорской гвардии?

Дверь беззвучно открылась внутрь, и в помещение вошли две женщины. Первое, что привлекло внимание Айдахо, было то, что одна из женщин была в маске — на ее голову был накинут капюшон из тонкой ткани — она могла свободно видеть все, что происходит вокруг, сквозь эту

ткань, но ее лицо не мог разглядеть никто, даже пользуясь самыми совершенными оптическими приборами. Сам этот капюшон был красноречивым свидетельством того, что иксианцы или их наследники все еще живы и работают не покладая рук на благо Империи. Женщины были одеты в форменные комбинезоны темно-синего цвета, на груди у обеих были значки — ястреб Атрейдесов на красном поле.

Айдахо внимательно рассматривал женщин, пока они закрывали дверь.

Женщина в маске отличалась плотным телосложением, вся ее фигура дышала мощью. Она передвигалась с обманчивой неуверенностью человека, посвятившего жизнь физическому усовершенствованию. Вторая женщина на фоне первой выглядела хрупкой и тонкокостной. На лице с высокими скулами выделялись миндалевидные глаза. На поясах женщин висели вложенные в ножны кинжалы, которыми они, без сомнения, мастерски владели.

Стройная женщина заговорила:

— Меня зовут Люли. Пусть я буду первой, кто назовет вас полковником. Моя спутница должна остаться безымянной. Так приказал наш господин Лето. Вы можете называть ее Другом.

— Полковник? — переспросил Айдахо, не веря своим ушам.

— Господин Лето пожелал, чтобы вы командовали его Императорской гвардией, — ответила Люли.

— Вот как? Но давайте сначала поговорим с ним об этом.

— О нет! — возразила потрясенная Люли. — Господин Лето примет вас в нужное время. Но сейчас он желает, чтобы мы позаботились о вашем удобстве и радости.

— И я должен вам беспрекословно подчиниться?

В ответ Люли лишь озадаченно покачала головой.

— Я раб?

Люли успокоилась и улыбнулась:

— Ни в коем случае. Дело в том, что у господина Лето очень много дел и забот, которые требуют его личного внимания. Для вас он выделил подходящее для себя время. Он послал нас, потому что беспокоится за судьбу своего Дункана Айдахо. Вы слишком долго были в руках грязных тлейлаксианцев.

Грязных тлейлаксианцев, подумал он.

В этом отношении по крайней мере ничего не

изменилось.

Однако одно место в объяснении Люли его сильно обеспокоило.

– *Его* Дункан Айдахо?

— Разве вы не воин Атрейдесов? — ответила Люли вопросом на вопрос.

Она попала в точку. Айдахо кивнул и покосился в сторону женщины в маске.

— Почему у вас закрыто лицо?

— Никто не должен знать, что я служу господину Лето, — ответила женщина. У нее было мягкое, приятное контральто, но Айдахо решил, что и это результат действия хитроумного капюшона.

— Тогда зачем вы здесь?

— Господин Лето доверил мне определить, не испортили ли вас грязные тлейлаксианцы.

В горле у Айдахо внезапно пересохло. Эта мысль несколько раз приходила ему в голову еще на борту транспорта Гильдии. Если они смогли натаскать его на убийство дорогого друга, то кто знает, что еще могли они вложить в душу возрожденной плоти.

— Я вижу, что вы думали об этом, — проницательно заметила женщина в маске.

— Вы ментат? — спросил Дункан.

— О нет, — живо вмешалась в разговор Люли. —

Господин Лето не разрешает воспитывать ментатов.

Айдахо посмотрел на Люли, потом снова обратил свой взор на женщину в маске. *Никаких ментатов.* Тлейлаксианская история умалчивает об этом интересном факте. Но почему Лето запрещает подготовку ментатов? Несомненно, человеческий ум, подготовленный для выполнения логических и вычислительных операций, все еще нужен и наверняка пользовался бы спросом. Тлейлаксианцы заверили его, что Великое Соглашение все еще сохраняет силу, и производство мыслящих машин считается святотатством. Но эти женщины наверняка знают, что Атрейдесы всегда использовали ментатов.

— Как вы считаете, — заговорила женщина в маске, — испортили ли грязные тлейлаксианцы вашу психику?

— Я не… не думаю.

— Но вы в этом не уверены?

— Нет.

— Не бойтесь, полковник Айдахо, — сказала женщина. — У нас есть способы выяснить это и устранить последствия, если они имеют место. Однажды грязные тлейлаксианцы попробовали сыграть с нами такую шутку, но дорого заплати-

ли за свою ошибку.

— Ваши слова вселяют в меня уверенность. Не направил ли господин Лето мне какое-либо послание?

На этот вопрос ответила Люли:

— Он велел заверить вас в том, что он любит вас, как всегда любили вас все Атрейдесы. — Люли пришла от своих слов в благоговейный трепет.

Айдахо слегка расслабился. Как старый служака Атрейдесов, великолепно подготовленный оруженосец, он использовал эту встречу для того, чтобы без труда выяснить для себя несколько вопросов. Эти две женщины были отлично натасканы, буквально выдрессированы для несения службы и беспрекословного подчинения. Если для того, чтобы замаскировать личность женщины, потребовалось лишь надеть капюшон, то можно сказать, что в окружении Лето достаточно много женщин подобного телосложения. Все это говорило о том, что самого Лето на каждом шагу подстерегают опасности, которые требуют мер предосторожности, системы шпионажа и большого арсенала вооружений.

Люли испытующе взглянула на свою спутницу.

— Что скажешь, Друг?

— Его можно отправить в Цитадель, — ответила женщина в маске. — Здесь мне не нравится — в этой комнате побывали тлейлаксианцы.

— Я бы с удовольствием принял горячую ванну и переоделся, — сказал Айдахо.

Люли продолжала смотреть на свою подругу.

— Ты уверена?

— Мудрость господина не подлежит сомнению, — ответила женщина в маске.

Айдахо не уловил признаков фанатизма в голосе Друга, но уверился в цельности Атрейдесов. Они бывали циничными и вероломными по отношению к чужакам и врагам, но к своим людям относились справедливо и сохраняли по отношению к ним верность слову. Превыше всего для Атрейдесов была верность своим людям.

А я — один из их людей, подумал Айдахо. *Но что со мной случилось, что меня заменяют?* При этом он понимал, что эти две женщины не в состоянии ответить на подобный вопрос.

На него ответит Лето.

— Мы отправляемся? — спросил он. — Я просто горю желанием смыть с себя тлейлаксианскую грязь.

Люли ласково улыбнулась:

— Пойдемте. Я сама вас искупаю.

Враги усиливают тебя.
Союзники ослабляют.
Я говорю это в надежде помочь вам понять, почему я действую так, а не иначе, полностью сознавая, что в Империи накапливаются силы, единственной целью которых является мое уничтожение. Вы, кто читает эти записки, наверняка знаете, что фактически произошло, но не понимаете сути происшедшего.

(Похищенные записки)

Церемония «Показа», которой начинались собрания революционеров, производила на Сиону неизменно очень тягостное впечатление. Она сидела в первом ряду и старалась не смотреть на Топри, который вел церемонию. Это помещение в заброшенной штольне близ Онна настолько напоминало все остальные места сходок, что могла служить стандартной моделью места конспиративных встреч.

Место встречи бунтовщиков — класс Б, подумала она.

Официально это место было складским помещением, поэтому светильники горели здесь постоянно, излучая призрачный белый свет. Комната была тридцать шагов в длину и пример-

но столько же в ширину. Пройти в нее можно было по длинному коридору, шедшему через анфиладу подобных помещений, одно из которых было заставлено складными стульями и предназначалось для отдыха персонала подземных коммуникаций. Теперь на этих стульях сидели девятнадцать друзей Сионы, несколько стульев были свободны на случай, если подойдут опоздавшие.

Время встречи было выбрано в промежутке между ночной и утренними сменами, чтобы не бросалось в глаза слишком большое количество рабочих. Большинство повстанцев были переодеты в рабочие робы, некоторые, включая Сиону, были одеты в зеленую форму инспекторов-механиков.

Голос Топри звучал с навязчивой монотонностью, но в нем не было визгливых интонаций, от которых он умел непостижимым образом избавляться во время проведения церемонии. Сиона против воли была вынуждена признать, что Топри в этой роли был на своем месте, хотя ее отношение к Топри несколько изменилось после того, как Наила заявила, что не доверяет этому человеку. Наила умела говорить наивные вещи с необыкновенной прямотой, срывая все

маски. Кроме того, за последнее время Сиона и сама кое-что узнала о Топри.

Сиона повернула голову и взглянула на него. Холодный серебристый свет лишь подчеркивал бледность его лица. Во время церемонии Топри пользовался копией фрименского ножа, приобретенного организацией не вполне законным путем. Глядя на клинок в руке Топри, Сиона припомнила, как происходила эта покупка. Идея принадлежала Топри, и Сионе она в какой-то момент пришлась очень по душе. Он назначил ей встречу в какой-то лачуге на окраине Онна, для этого пришлось покинуть город в сумерках. Пришлось ждать глубокой ночи, когда фримен — сотрудник Музея фримена — мог без опаски встретиться с ними, поскольку жителям сиетча запрещалось покидать его пределы без специального разрешения Бога-Императора.

Сиона уже отчаялась ждать, когда долгожданный фримен вынырнул из темноты и вошел в хибарку, а сопровождавшие его люди остались охранять вход. Топри и Сиона сидели на лавке у влажной стены в совершенно убогой комнате. Единственным источником света был факел на длинной палке, воткнутой в грязную стену.

Первые же слова фримена вызвали возмуще-

ние Сионы.

— Вы принесли деньги?

Топри и Сиона одновременно поднялись при появлении этого человека. Топри, казалось, совершенно не тронул вопрос. Он похлопал рукой по объемистому кошельку, спрятанному под одеждой. Раздался мелодичный звон монет.

— Деньги у меня с собой.

Фримен представлял собой довольно комичную фигуру — согбенную и неуклюжую. Он был одет в копию старинной фрименской одежды, под которой что-то поблескива — ло, — по-видимому, новомодная версия защитного костюма. Капюшон был надвинут на лоб, почти совершенно скрывая лицо. Мигающий свет факела отбрасывал на его лицо пляшущие отблески.

Человек посмотрел сначала на Топри, потом на Сиону и только после этого достал из-за пазухи какой-то предмет, завернутый в тряпицу.

— Это настоящая копия, — сказал он, — но сделана из пластика, этим ножом даже масла не разрежешь.

Он извлек из упаковки лезвие и поднял его вверх.

Сиона, которая видела ножи только в музее и на видеоматериалах семейного архива, была зача-

рована при виде клинка. В ней сработал какой-то атавистический рефлекс, она моментально вообразила этого музейного беднягу в образе настоящего фримена прошлых эпох с настоящим ножом в руке. Подделка, которую он держал в руке, на какой-то краткий миг превратилась в грозное оружие, блистающее при свете факела.

— Я гарантирую аутентичность клинка, — тихо проговорил фримен. В самой невыразительности его голоса таилась какая-то неясная угроза.

Сиона уловила скрытый яд в его округлых вкрадчивых гласных и встрепенулась.

— Если ты попытаешься предать нас, то мы раздавим тебя, как червяка, — пригрозила она.

Топри ошарашенно взглянул на Сиону.

Музейный фримен съежился, словно от удара. Нож дрогнул в его руке, но карликовые пальцы сжались так, словно вцепились в чье-то горло.

— Кто говорит о предательстве, госпожа? Нет, нет. Но мы решили, что запросили слишком малую цену за товар. Конечно, она не самая лучшая, но, изготовляя ее, мы подвергали себя очень большой опасности.

Сиона горящими глазами посмотрела на фримена и вспомнила старое фрименское изречение из Преданий: *«Если твоя душа стала душой тор-*

говца, то сукк *стал полнотой твоего бытия»*.

— Сколько ты хочешь?

Он назвал сумму, вдвое превышающую исходную.

Топри едва не задохнулся.

Сиона обратилась к своему спутнику:

— У тебя есть столько?

— Не все, ведь мы же договаривались…

— Отдай ему все, что у нас есть. Все до последней монеты, — произнесла Сиона.

— Все?

— Ты что, не понял, что я сказала? — Она посмотрела в лицо служителю музея. — Ты получишь требуемое.

В ее интонациях не было сомнений, и старик завернул лезвие в тряпицу и передал девушке.

Топри, выругавшись сквозь зубы, отдал фримену кошель с деньгами.

Сиона повернулась к музейному фримену:

— Мы знаем твое имя. Ты — Тейшар, помощник Гаруна из Туоно. У тебя душа *сукк*, и мне стыдно, что фримены стали такими.

— Госпожа, но мы тоже хотим жить, — запротестовал старик.

— Вы не живете, — отрезала Сиона. — Убирайся!

Тейшар повернулся и быстро удалился, прижимая к груди кошель с деньгами.

Воспоминание о той ночи не доставило удовольствия Сионе, когда она рассматривала Топри, размахивавшего пластиковой копией фрименского ножа. *Мы не лучше, чем Тейшар,* подумала она. *Копия — это хуже, чем ничто.* Топри взмахнул нелепой подделкой над головой, и вступительная церемония окончилась.

Сиона отвернулась от Топри и посмотрела на Наилу, сидевшую рядом с ней по левую руку. Девушка внимательно посматривала то в одну сторону, то в другую. Особое внимание она уделяла новым рекрутам, сидевшим в задних рядах. Заслужить доверие Наилы было задачей не из легких. Сиона сморщила нос — в воздухе повеяло запахом машинного масла. В этих подземельях Онна постоянно витают какие-то опасные механические запахи. Она шмыгнула носом. А это помещение! Ей никогда не нравились подобные места встреч. Такие катакомбы легко могут превратиться в ловушку. Охрана может перекрыть выход и пустить по коридорам вооруженный патруль. Слишком легко можно покончить в этих подвалах со всей их революцией. Сиона чувствовала себя вдвойне неуютно от того, что это место

для встреч выбрал Топри.

Одна из немногих ошибок Улота, подумала она. Бедный мертвый Улот, ведь это он предложил принять Топри в организацию.

— Он — мелкая сошка в городской коммунальной службе, — объяснял свое решение Улот. — Топри может предложить множество мест для тайных встреч и складов оружия.

Тем временем Топри наконец добрался до конца своей церемонии. Он положил нож в украшенный узором футляр и поставил футляр у своих ног.

— Мое лицо — это залог моей честности, — сказал он, повернувшись к аудитории сначала правым боком, потом левым, демонстрируя всем свой профиль. — Я показываю вам лицо, чтобы вы могли узнать меня где угодно и знать, что я — один из вас.

Дурацкая церемония, подумала Сиона.

Однако она не осмелилась ломать ритуал, и когда Топри извлек из кармана черную марлевую маску и надел ее на лицо, она последовала его примеру. По комнате прошло некое шевеление. Все надели маски. Большинство присутствующих знали, что Топри пригласил на встречу какого-то особого гостя. Сиона завязала шнурки маски за

ушами, сгорая от нетерпения.

Топри прошел к одной из дверей комнаты. Раздался стук складываемых стульев — люди вставали у стены, противоположной двери. По сигналу Сионы Топри трижды постучал в дверь, потом сосчитал до двух и постучал еще четыре раза.

Дверь тотчас же открылась, и в комнату вошел высокий мужчина в официальном костюме. На нем не было маски, все могли видеть его лицо — тонкое, властное, с тонкими губами, узким хрящеватым носом, темными, глубоко посаженными темно-карими глазами под кустистыми бровями. Почти все сидящие в помещении мгновенно узнали вошедшего.

— Друзья мои, — заговорил Топри. — Я хочу представить вам Айо Кобата, посла Икса.

— Бывшего посла, — поправил его Кобат. Он говорил гортанным, хорошо поставленным голосом. Гость встал у задней стены, оглядывая сидящих в зале людей в масках.

— Сегодня я получил известие о немилости и приказ нашего Бога-Императора покинуть Арракис.

— За что?

Сиона выкрикнула свой вопрос прямо с места,

без всяких формальностей.

Кобат резко обернулся и вперил взор в закрытое маской лицо Сионы.

— Была попытка покушения на жизнь Бога-Императора. Оружие вывело его на мой след.

Товарищи Сионы расступились, открывая пространство между ней и Кобатом, молчаливо давая понять, что уступают ей право говорить.

— Но почему он не убил вас? — спросила Сиона.

— Думаю, что высылкой он сказал мне, что я не стою смерти. Мне кажется, что он использует меня для отправки на Икс своего послания.

— Какого послания? — Сиона прошла разделявшее их расстояние и остановилась в двух шагах от Кобата. При этом она почувствовала, что он очень сексуально разглядывает ее фигуру.

— Вы — дочь Монео, — сказал он.

В тишине маленького зала возник ропот. Почему он так легко открыл, что узнал Сиону? Кого еще он узнал? Кобат не похож на дурака. Зачем он это сделал?

— Ваша фигура, голос и манеры хорошо известны всем в Онне, — сказал Кобат. — Весь этот маскарад — просто глупость.

Сиона сорвала с лица маску и улыбнулась

послу.

— Я согласна с вами, а теперь ответьте на мой вопрос.

Сиона услышала, как слева к ней подошли Наила и еще два ее помощника.

Кобат понял, что в случае неудачного ответа его ожидает смерть, но голос его не потерял своей властности, хотя посол заговорил медленно, взвешивая каждое свое слово:

— Бог-Император сказал мне, что ему известно о соглашении между Иксом и Гильдией. Мы собираемся создать механический усилитель… тех способностей навигаторов, которые сейчас держатся только и исключительно на Пряности.

— В этой комнате мы называем его Червем, — сказала Сиона. — И что сможет сделать ваша иксианская машина?

— Вам известно, что Гильд-навигаторы нуждаются в Пряности, или меланже, чтобы обретать способность *видеть* маршрут.

— И вы решили заменить навигаторов машинами?

— Это может оказаться возможным.

— И что за послание, касающееся такой машины, везете вы своему народу?

— Я должен сказать нашим людям, что они мо-

гут продолжать работу над проектом, но обязаны при этом докладывать Императору о ее ходе.

Сиона с сомнением покачала головой:

— Ему не нужны такие доклады. Это глупое сообщение.

Кобат сглотнул слюну, не скрывая больше своей нервозности.

— Гильдию и Общину Сестер очень взволновал наш проект, — признал он. — Они принимают в нем участие.

Сиона кивнула:

— При этом они платят Иксу за свое участие Пряностью.

Кобат с яростью взглянул на Сиону.

— Это очень дорогостоящие работы, — сказал он. — Нам нужна Пряность для осуществления испытательных и сравнительных полетов.

— Это ложь и надувательство, — заявила Сиона. — Ваш аппарат никогда не будет создан, и Червь прекрасно об этом знает.

— Как вы смеете обвинять нас…

— Тихо! Я только что сказала вам об истинном послании. Червь велит вам, иксианцам, и впредь водить за нос Гильдию и Бене Гессерит. Это его забавляет.

— Прибор может заработать, — настаивал на

своем Кобат.

Сиона откровенно рассмеялась ему в лицо.

— Кто пытался убить Червя?

— Дункан Айдахо.

Наила судорожно вздохнула. По комнате прошел ропот удивления.

— Айдахо мертв? — спросила Сиона.

— Думаю, что да… но, увы, Червь отказывается это подтвердить.

— Почему же вы тогда думаете, что он мертв?

— С Тлейлаксу послан сюда новый гхола Айдахо.

— Понятно.

Сиона обернулась и подала сигнал Наиле. Та подошла с пакетом из розовой бумаги, в какую продавцы заворачивают в магазинах праздничные подарки. Наила вручила пакет Сионе.

— Это цена нашего молчания, — произнесла Сиона, протягивая пакет Кобату. — Только из-за этого Топри было разрешено пригласить вас сюда.

Не отрывая взгляда от лица Сионы, Кобат взял протянутый ему пакет.

— При чем здесь молчание? — поинтересовался бывший посол.

— Мы обязуемся не информировать Сестер и

Гильдию о том, что вы их обманываете.

— Мы не обма…

— Не стройте из себя дурака!

У Кобата пересохло в горле. До него сразу дошло содержание ее угрозы. Правдивому или нет, но слуху, пущенному повстанцами, поверят. Это обычное проявление «здравого смысла», как любит выражаться Топри.

Сиона взглянула на Топри, стоявшего за спиной Кобата. В организацию не вступали люди, обладающие здравым смыслом. Неужели Топри не понимал, что этот пресловутый здравый смысл может выдать его с головой? Она снова обратила свое внимание на Кобата.

— Что в этом пакете? — спросил он.

Интонация его голоса подсказала Сионе, что бывший посол прекрасно знает ответ.

— Там лежит нечто, что я хочу послать на Икс. Вы отвезете этот пакет в качестве личного одолжения. Там копии двух томов, которые мы похитили в крепости Червя.

Кобат внимательно посмотрел на пакет. Было видно, что он с превеликим удовольствием швырнул бы его на пол, это приключение с мятежниками обернулось смертоносным бременем. Такого поворота он явно не ожидал. Он бросил

яростный взгляд на Топри, и этот взгляд ясно говорил: «Почему ты меня не предупредил?»

— Что… — Он снова взглянул на Сиону и откашлялся. — Что содержится в этих томах?

— Об этом нам расскажут ваши люди. Мы думаем, что там собственные произведения Червя, которые мы не в состоянии расшифровать.

— Но почему вы думаете…

— Вы, иксианцы, хорошо разбираетесь в таких вещах.

— А если у нас ничего не выйдет?

Она пожала плечами:

— Мы не станем винить вас за это. Однако если вы используете эти тома в иных целях или не сообщите нам о расшифровке в случае удачи…

— Но как можно быть уверенным…

— Мы же не собираемся полностью положиться только на вас. Копии получат и другие люди. Мне кажется, что Гильдия и Община Сестер не пожалеют сил для расшифровки.

Кобат сунул пакет под мышку и прижал его к телу.

— Что заставляет вас думать, что… Червь не знает о ваших намерениях… или даже об этой сходке?

— Я, напротив, думаю, что он много чего знает.

Ему даже, скорее всего, известно, кто именно похитил эти тома. Мой отец уверен, что Червь обладает истинным предзнанием.

— Ваш отец верит в Устное Предание!

— В него верят все здесь присутствующие. Устное Предание не расходится с официальной историей в важных вещах.

— Но почему тогда Червь ничего не предпринимает против вас?

Сиона указала рукой на пакет под мышкой Кобата.

— Вероятно, ответ содержится там.

— Или вы и эта тайнопись не содержат в себе реальной угрозы для него, — сказал Кобат, не пытаясь скрыть гнев. Он не любил, когда его вынуждали принимать самостоятельные решения.

— Возможно. Но скажите, почему вы вдруг упомянули об Устном Предании?

Кобат снова расслышал в вопросе скрытую угрозу.

— В нем говорится, что Червь не способен испытывать человеческих чувств.

— Это не причина, — сказала Сиона. — У вас в запасе есть еще одна попытка, чтобы сказать правду.

Наила сделала еще два шага по направлению

к Кобату.

— Я… Мне сказали, что стоит почитать это Предание, потому что ваши люди… — Он недоуменно пожал плечами.

— Что мы используем его как заклинание?

— Да.

— Кто вам это сказал?

Кобат судорожно сглотнул, бросил опасливый взгляд на Топри, потом снова посмотрел на Сиону.

— Топри? — спросила она.

— Я думал, что это поможет ему лучше понять нас, — сказал Топри.

— И ты назвал ему имя нашего лидера?

— Он его и без того знал! — В голосе Топри вновь появились визгливые нотки.

— И какие же части Устного Предания вам посоветовали почитать?

— Э-э-э-э… о линии Атрейдесов.

— И теперь вы думаете, что знаете, почему люди присоединяются к моему заговору?

— В Устном Предании говорится о том, как он относится к каждому из потомков Атрейдесов! — сказал Кобат.

— Он бросает нам короткую веревку, а потом затягивает в свои сети? — спросила Сиона обман-

чиво бесстрастным тоном.

— Именно так он поступил с вашим отцом, — сказал Кобат.

— А теперь он позволяет мне играть в мятеж?

— Я — простой вестник, — проговорил Кобат. — Если вы меня убьете, то кто доставит ваше послание?

— Или послание Червя, — добавила Сиона.

Кобат промолчал.

— Я не думаю, что вы поняли Устное Предание, — заявила Сиона. — Мне кажется, что вы не слишком хорошо знаете Червя и не понимаете сути его послания.

Лицо Кобата вспыхнуло гневом.

— Что мешает вам стать такой же, как и остальные Атрейдесы, милой, послушной частью… — Кобат осекся, внезапно поняв, куда может завести его злость.

— Еще одним рекрутом для внутреннего кружка Червя, — закончила его мысль сама Сиона. — Как Дункан Айдахо?

Она обернулась и посмотрела на Наилу. Две ее помощницы — Анук и Тау подтянулись, но сама Наила оставалась бесстрастной.

Сиона еще раз кивнула ей.

Выполняя свою задачу, Анук и Тау блокировали

выход. Наила подошла к Топри и положила руку ему на плечо.

— Что такое… Что происходит? — залепетал Топри.

— Мы хотим знать точно всю подноготную, которой бывший посол может с нами поделиться, — сказала Сиона. — Мы хотим знать полное содержание послания.

Топри задрожал. На лбу Кобата выступил холодный пот. Он оглянулся на Топри, потом перевел взгляд на Сиону. Этого было достаточно, чтобы Сиона поняла, что за отношения связывают этих двоих.

Она торжествующе улыбнулась. Это было лишь еще одним подтверждением того, что она уже знала.

Кобат притих.

— Вы можете начинать, — проговорила Сиона.

— Я… Что вы хотите…

— Червь дал вам частное послание для ваших мастеров. Я хочу его услышать.

— Он… хочет увеличить размеры тележки.

— Значит, вырастет еще больше. Что еще?

— Мы должны будем прислать ему кристаллическую ридулианскую бумагу.

— Для какой цели?

— Он никогда не объясняет, зачем ему нужно то или другое.

— Это пахнет вещами, которыми он запрещает пользоваться другим.

— Себе он никогда ничего не запрещает, — с горечью сказал Кобат.

— Вы посылаете ему какие-нибудь запрещенные игрушки?

— Я не знаю.

Он лжет, подумала Сиона, но решила не заострять внимания на этом вопросе. Достаточно было одного знания о том, что в доспехах Червя есть еще одна трещина.

— Кто заменит вас? — спросила Сиона.

— Они пришлют племянницу Малки, — ответил Кобат. — Вы, должно быть, помните, что он…

— Мы помним Малки, — сказала Сиона. — Почему новым послом станет его племянница?

— Не знаю. Но так было приказано даже до того, как Бо… Червь выслал меня.

— Ее имя?

— Хви Нори.

— Мы попробуем обработать Хви Нори. Вы не стоили такой обработки. Но эта Нори может оказаться не такой, как вы. Когда вы возвращаетесь на Икс?

— Сразу же после праздника, первым же кораблем Гильдии.

— Что вы скажете вашим хозяевам?

— О чем?

— О моем послании!

— Они поступят так, как вы просили.

— Понятно. Вы можете идти, экс-посол Кобат.

Он так спешил покинуть комнату, что едва не столкнулся с охранниками. Топри собрался было последовать за ним, но Наила крепко схватила его за руку. Он бросил испуганный взгляд на ее мускулистую фигуру, потом взглянул на Сиону, которая, закрыв дверь за Кобатом, начала говорить.

— Его послание адресовано не только иксианцам, но и нам, — сказала она. — Червь вызывает нас на бой и говорит о правилах сражения.

Топри попытался высвободиться из хватки Наилы.

— Что вы…

— Топри! — прикрикнула на него Сиона. — Я тоже могу послать сообщение. Передай моему отцу, чтобы он сказал Червю, что мы принимаем вызов.

Наила отпустила руку Топри. Он потер онемевшее запястье.

— Вы что, серьезно…

— Уходи, пока мы позволяем тебе это сделать, и никогда не возвращайся.

— Неужели ты хочешь сказать, что подозре…

— Я велела тебе убираться! Ты слишком неуклюж, Топри. Я долго училась в школе Говорящих Рыб. Там меня научили распознавать неуклюжие действия.

— Кобат уезжает. Какой вред может возникнуть от…

— Он не только знает меня, он знал, что именно я украла из Цитадели! Но он не знал, что я собираюсь послать на Икс эти тома. Твои поступки сказали мне, что Червь хочет, чтобы я так поступила.

Топри попятился от Сионы к двери. Анук и Тау широко распахнули перед ним дверь и освободили проход, куда он и бросился, преследуемый голосом Сионы:

— Не спорь, что это Червь говорил с Кобатом обо мне и моем пакете, который я должна передать ему! Червь не шлет неуклюжих посланий. Передай ему, что я это сказала!

Некоторые говорят, что я лишен совести. Как же они заблуждаются даже по отношению к самим себе. Я – единственная совесть, которая когда-либо существовала. Так же как вино сохраняет аромат бочки, в которой его хранили, так же и я сохранил сущность моего древнего бытия, а это и есть семя совести. Именно это обстоятельство делает меня святым. Я Бог, потому что я единственный, кто по-настоящему знает свое происхождение.

(Похищенные записки)

Инквизиторы Икса собрались на заседание в Большом Дворце для обсуждения кандидатуры Посла Икса при дворе Господа Лето. Ниже следует протокол этого заседания.

ИНКВИЗИТОР: Вы показали, что хотите сообщить нам о мотивах Господа Лето. Говорите.

ХВИ НОРИ: Ваш формальный анализ не дает ответов на те вопросы, которые я хотела бы задать.

ИНКВИЗИТОР: Какие это вопросы?

ХВИ НОРИ: Я спросила себя, какие мотивы могли подвигнуть Лето на столь отвратительную трансформацию своего тела и потерю человече-

ского облика. Вы предположили, что это было сделано с целью захвата власти и достижения необычайного долголетия.

ИНКВИЗИТОР: Разве этого недостаточно?

ХВИ НОРИ: Спросите себя, согласились бы вы уплатить столь громадную цену за столь ничтожную цель?

ИНКВИЗИТОР: Поясните же нам с высот вашей небесной мудрости, по какой причине Лето предпочел стать Червем.

ХВИ НОРИ: Сомневается ли кто-нибудь из присутствующих в том, что Лето обладает способностью прозревать будущее?

ИНКВИЗИТОР: Вот оно что! Но разве это не достаточная плата за подобную трансформацию?

ХВИ НОРИ: Но он и до трансформации, как и его отец, обладал такой способностью. Нет! Я полагаю, что он решился на столь отчаянный шаг только потому, что видел в нашем будущем нечто столь ужасное, что предотвратить его наступление можно было, только пойдя на такую жертву.

ИНКВИЗИТОР: И что же это за ужас, который только он один мог предвидеть?

ХВИ НОРИ: Этого я не знаю, но предлагаю открыть эту причину.

ИНКВИЗИТОР: Вы хотите сделать тирана беско-

рыстным слугой народов!

ХВИ НОРИ: Разве не это отличительная черта Атрейдесов, семьи, из которой он происходит?

ИНКВИЗИТОР: Во всяком случае, этому учит нас официальная история.

ХВИ НОРИ: Об этом же говорит и Устное Предание.

ИНКВИЗИТОР: Какие еще добродетельные качества вы хотите приписать тирану Червю?

ХВИ НОРИ: *Добродетельные*, господин?

ИНКВИЗИТОР: Да, опишите, если можете, его характер.

ХВИ НОРИ: Мой дядя Малки часто говорил, что Господь Лето способен проявлять большую терпимость по отношению к избранным им соратникам.

ИНКВИЗИТОР: Других соратников он казнит без всякой видимой причины.

ХВИ НОРИ: Мне кажется, что такие причины существуют, и мой дядя Малки отыскал некоторые из них.

ИНКВИЗИТОР: Приведите нам ход его рассуждений.

ХВИ НОРИ: Его личности угрожает неуклюжее ничтожество.

ИНКВИЗИТОР: Неуклюжее? За кого вы нас при-

нимаете?

ХВИ НОРИ: Он не переносит притворства и лжи. Вспомните казненных историков и уничтожение их трудов.

ИНКВИЗИТОР: Он просто не желает знать истину.

ХВИ НОРИ: Лето сказал моему дяде Малки, что эти историки исказили прошлое. И заметьте себе, кто мог знать прошлое лучше, чем Лето? Всем нам известен предмет его интроверсии.

ИНКВИЗИТОР: Но какие доказательства мы имеем для подтверждения того, что в его памяти живут все его предки?

ХВИ НОРИ: Я не собираюсь вступать в бесплодный спор по этому поводу. Могу только сказать, что я верю в это потому, что в это верил мой дядя Малки и мне кажутся основательными те причины, по которым он верил.

ИНКВИЗИТОР: Мы читали доклады вашего дяди и поняли их по-иному. Малки был буквально влюблен в Червя.

ХВИ НОРИ: Мой дядя считал Лето самым искусным дипломатом Империи, мастером диалога и экспертом во всех областях человеческой деятельности.

ИНКВИЗИТОР: Не говорил ли ваш дядя о жесто-

кости Червя?

ХВИ НОРИ: Мой дядя считал его весьма цивилизованным.

ИНКВИЗИТОР: Я спрашиваю о жестокости.

ХВИ НОРИ: Он способен на жестокость, это правда.

ИНКВИЗИТОР: Ваш дядя боялся его.

ХВИ НОРИ: Господь Лето начисто лишен невинности и наивности. Его следует бояться, если он начинает притворяться, что ему присущи эти черты. Именно об этом говорил мой дядя.

ИНКВИЗИТОР: Да, он писал такие слова.

ХВИ НОРИ: Более того! Малки говорил: «Господь Лето приходит в восторг от гениев и многообразия человечества. Он мой самый любимый собеседник».

ИНКВИЗИТОР: Поделитесь с нами вашей непревзойденной мудростью и попытайтесь растолковать нам смысл этих слов.

ХВИ НОРИ: Не смейтесь надо мной!

ИНКВИЗИТОР: Мы не смеемся. Мы хотим понять.

ХВИ НОРИ: Эти слова Малки и многое другое, о чем он мне писал, говорят о том, что Господь Лето всегда искал новое и оригинальное, но был очень обеспокоен возможным разрушительным

потенциалом прогресса. Так думал мой дядя.

ИНКВИЗИТОР: Не хотите ли вы что-нибудь добавить к сказанному от своего имени?

ХВИ НОРИ: Я не вижу причин добавлять что-либо к уже сказанному и прошу прощения за отнятое у вас время.

ИНКВИЗИТОР: Вы недаром отняли у нас время. Мы утверждаем вас послом при дворе Господа Лето, Бога-Императора всей известной Вселенной.

Вы должны помнить, что я могу по первому требованию испытать любой из известных истории опытов. Это тот источник энергии, из которого я черпаю всякий раз, когда сталкиваюсь с милитаристским мышлением. Если вы не слышали жалобных криков раненых и умирающих, то вы ничего не знаете о войне. Я слышал эти крики в таком количестве, что они порой просто преследуют меня. Я и сам не раз плакал после битвы. Я испытывал боль от ран в самые разные эпохи – от удара кулаком, дубиной или камнем, шестопером или бронзовым мечом, булавой или пушечным ядром. Мне причиняли раны стрелы и пули, я медленно умирал от молчаливой радиоактивной пыли, от биологического оружия, от которого чернеет язык и сгорают легкие, от языков пламени огнеметов и от боевых отравляющих веществ... я не хочу перечислять дальше! Я все это видел и прочувствовал. Тем, кто осмелится спросить меня, отчего я так себя веду, я могу ответить: имея такую память, я не могу вести себя иначе. Нет, я не трус,

но и я когда-то был человеком.

(Похищенные записки)

Во время теплого сезона, когда спутникам, контролирующим погоду, приходится выдерживать натиск ветров, дующих над великими морями, на окраинах Сарьира временами выпадают дожди. В один из таких дней Монео инспектировал периметр Цитадели и, возвращаясь домой, был застигнут ливнем. Ночь наступила прежде, чем он успел добраться до укрытия. Женщина из охраны Говорящей Рыбы помогла ему снять сырой плащ. Женщина отличалась мощным телосложением и квадратным лицом, тот тип, который Лето предпочитал набирать в охрану.

— Эти проклятые погодные спутники давно пора переделать, — сочувственно сказала она, отдавая Монео плащ.

Монео коротко кивнул женщине и направился наверх, в свои апартаменты. Все охранницы Говорящей Рыбы знали об отвращении, которое Лето испытывает по отношению к влаге, думая, что то же самое испытывает и Монео.

Это Червь ненавидит воду, думал Монео. *Шаи-Хулуд тоскует по Дюне.*

Войдя в свою квартиру, Монео тщательно вытерся и переоделся в сухую одежду, прежде чем

спуститься в крипту. Незачем навлекать на себя напрасный гнев Червя. Сейчас необходим обстоятельный разговор с Лето о его путешествии в Город Праздников Онн.

Прислонившись спиной к стене лифта, Монео прикрыл глаза. Им немедленно овладела сильная усталость. Последние дни он постоянно не высыпался, и никакого просвета впереди не предвиделось. Как он завидовал Лето, который вовсе не нуждался во сне. Для Бога-Императора было достаточно подремать полчаса в месяц.

Запах крипты и остановка лифта пробудили Монео от дремоты. Он открыл глаза и увидел Императора в его тележке посередине огромного зала. Монео собрался с силами и вышел из лифта, направившись к своему ужасному владыке. Лето, очевидно, ждал его. Это был хороший знак.

Лето прекрасно видел, как остановился лифт, как открылись двери, как пробудился Монео. Человек выглядел усталым, и это было вполне объяснимо. На носу паломничество в Онн со всеми вытекающими отсюда хлопотами: инопланетные визитеры, ритуал с Говорящей Рыбой, смена Императорской гвардии, отставки и назначения, а тут еще новый Дункан Айдахо, которого надо гладко и безболезненно внедрить в аппарат.

Монео, как всегда, вникал во все мелочи, но возраст неумолимо давал о себе знать.

Так, так, подумал Лето. *Через неделю после нашего возвращения из Онна Монео исполнится сто восемнадцать лет.*

Если человек принимает достаточно Пряности, то он может прожить в несколько раз дольше этого срока, но Монео отказывался принимать Пряность, и Лето не сомневался, что знает истинную причину. Монео достиг такого положения в обществе, когда любой на его месте начинает желать скорой смерти. Единственное, чего он еще хотел, — это пристроить Сиону на имперскую службу в качестве директора имперского общества Говорящих Рыб.

Мои частики, как говорил Малки.

Монео знал, что намерением Лето было соединить в браке Сиону и Дункана Айдахо. Видимо, время для этого настало.

Монео остановился в двух шагах от тележки и поднял глаза на Лето. Что-то в его облике напомнило Лето языческого жреца из древних земных времен, молящегося на своем семейном капище.

— Господин, вы провели много часов, наблюдая за новым Дунканом, — сказал Монео. — Не испортили ли тлейлаксианцы его клетки или

психику?

— Он остался незапятнанным.

Монео глубоко вздохнул, но в этом вздохе не было облегчения.

— Ты, кажется, возражаешь против его использования в качестве племенного жеребца?

— Мне странно думать о нем как о предке и супруге моей дочери одновременно.

— Но это позволит мне получить скрещивание в первом поколении между старой формой человека и продуктом многовековой селекции. Сиона — представитель двадцать первого поколения в этом ряду скрещиваний.

— Я не вижу смысла в таких скрещиваниях. У Дункана замедлена реакция по сравнению с вашими гвардейцами.

— Меня не интересуют отдельно взятые потомки, Монео. Неужели ты думаешь, что я не знаю о геометрической прогрессии, которая диктует правила моей селекционной программы?

— Я видел ваш селекционный журнал, господин.

— В таком случае ты должен знать, что я отслеживаю появление рецессивных аллелей и исключаю их. Меня интересуют ключевые доминантные признаки.

— А мутации, господин? — в интонациях голоса Монео появились злые нотки, что заставило Лето внимательно взглянуть на него.

— Мы не будем обсуждать этот вопрос, Монео.

Лето увидел, как его помощник спрятался в раковину своей обычной осторожности.

Он необыкновенно чутко улавливает мое настроение, подумал Лето. *Мне кажется, что он частично обладает теми же способностями, что и я, но они действуют у него на уровне подсознания. Его вопрос позволяет предположить, что он подозревает, чего мы достигли в Сионе.*

Чтобы удостовериться в своей догадке, Лето заметил:

— Мне ясно, что ты не до конца понимаешь, чего я хочу достичь своей селекционной программой.

Лицо Монео прояснилось.

— Мой господин знает, что я изо всех сил пытаюсь вникнуть в правила этой селекции.

— Законы, если брать их в долговременной перспективе, суть временны и преходящи, Монео. Нет такого понятия, как правила развития творчества.

— Но, господин мой, вы сами только что сказали о законах, которые управляют вашей селекцион-

ной программой.

— Что я только что сказал тебе, Монео? Пытаться отыскать законы творчества — это все равно что отделить разум от тела.

— Но ведь в результате получается что-то конкретное, господин. Я знаю это по себе!

Он знает это по себе! Дорогой Монео, как ты близок к разгадке.

— Почему ты всегда хочешь услышать исчерпывающее толкование, Монео?

— Я слышал, как вы говорили о трансформационной эволюции, господин. Так озаглавлен и ваш селекционный журнал. Но что за сюрприз…

— Монео, правила меняются с каждым сюрпризом.

— Мой господин, вашей целью является улучшение человеческой породы?

Лето посмотрел на мажордома горящим взглядом, думая: *Если я сейчас произнесу ключевое слово, то поймет ли он меня? Вероятно…*

— Я хищник, Монео.

— Хищ… — Монео поперхнулся, произнося это слово, и покачал головой. Он понимал значение этого слова или думал, что понимает, и все же оно потрясло его. Может быть, Бог-Император шутит?

— Хищник, мой господин?

— Хищники улучшают породу.

— Как это может быть, господин? Ведь вы не ненавидите нас.

— Ты меня разочаровал, Монео. Хищник не может ненавидеть свою жертву.

— Хищники убивают, мой господин.

— Я убиваю, но без ненависти. Жертва утоляет голод. Добыча — это благо.

Монео с недоумением уставился в розовое лицо Лето в сером обрамлении.

Не пропустил ли я приближение Червя? — подумал Монео.

Он со страхом посмотрел на повелителя. Но нет, гигантское тело не вибрировало, глаза не горели хищным пламенем, и рудименты конечностей не подрагивали.

— По отношению к чему вы испытываете голод, мой господин? — очертя голову спросил Монео.

— Я испытываю голод по отношению к способности человечества принимать долговременные верные решения. Знаешь ли ты ключ к такой способности, Монео?

— Вы много раз говорили мне об этом, мой господин. Ключ — это способность изменять свой разум.

— Да, именно изменять. Но что я имею в виду под долгосрочностью?

— Для вас эти отрезки времени измеряются тысячелетиями, господин.

— Даже мои тысячелетия — мгновения по сравнению с вечностью.

— Но ваша перспектива наверняка отличается от моей, господин.

— С точки зрения вечности любой, даже самый длительный, но ограниченный срок краток.

— Но тогда выходит, что никаких правил вообще не существует. — В голосе Монео появились истерические нотки.

Лето улыбнулся, чтобы успокоить своего слугу.

— Вероятно, существует только одно правило. Краткосрочные решения всегда оказываются неверными в долгосрочной перспективе.

В полной растерянности Монео смог лишь покачать головой:

— Но, господин, ваши перспективы…

— Время необратимо утекает для любого конечного наблюдателя. Не существует закрытых систем. Даже я сумел лишь растянуть свою временную матрицу.

Монео отвел взгляд от лица Лето и посмотрел на коридоры мавзолея. *Я тоже лягу здесь в один*

прекрасный день. Золотой Путь сможет быть продолжен, но мой путь закончится. Конечно, это не имело никакого значения. Только Золотой Путь, который был неразрывным единством, имел какое-то значение. Он снова посмотрел на Лето, избегая взгляда его ярко-голубых глаз. Неужели в этом гигантском теле сидит заурядный хищник?

— Ты не понимаешь функции хищника, Монео, — сказал Лето.

Эти слова потрясли Монео — от них веяло способностью читать чужие мысли. Он взглянул в глаза повелителю.

— Умом ты понимаешь, что даже мне придется когда-то испытать ужас смерти, но чувством ты в это не веришь, — произнес Лето.

— Как я могу верить в то, чего никогда не увижу?

Никогда еще Монео не чувствовал себя таким одиноким и испуганным. Что делает Бог-Император? *Я спустился сюда, чтобы обсудить детали паломничества... и выяснить его намерения относительно Сионы. Он просто играет мной?*

— Давай поговорим о Сионе, — сказал Лето.

Он опять читает мысли!

— Кода вы собираетесь испытать ее, госпо-

дин? — Монео прекрасно знал ответ на этот вопрос и ждал ответа уже давно, но в этот момент он испытал неподдельный страх.

— Скоро.

— Простите меня, мой господин, но вы, без сомнения, понимаете, как я волнуюсь за судьбу моего единственного дитя.

— Но другие же пережили это испытание. Например, ты.

Монео нервно сглотнул слюну, вспомнив, как его испытывали на чувствительность к Золотому Пути.

— Меня готовила к испытанию мать, но у Сионы нет матери.

— У нее есть Говорящие Рыбы. У нее есть ты.

— Бывают и несчастные случаи, мой господин.

Из глаз Монео брызнули слезы.

Лето отвернулся, подумав: *Он разрывается между чувством верности мне и любовью к Сионе. Как же мучительна эта тревога о потомстве. Неужели он не понимает, что мое дитя — это все человечество?*

Он вновь обратился к Монео:

— Ты прав, говоря о несчастных случаях, они случаются даже в моей вселенной. Разве это ничему тебя не научило?

— Мой господин, но на этот раз не может…

— Монео, не хочешь же ты, чтобы я доверял власть слабым администраторам?

Монео отступил на шаг.

— Нет, мой господин. Конечно, нет.

— Тогда верь в силу Сионы.

Мажордом расправил плечи.

— Я выполню свой долг.

— Сиона должна пробудиться ото сна и вспомнить, что она потомок Атрейдесов.

— Да, конечно, мой господин.

— Разве не этому мы посвятили нашу жизнь, Монео?

— Я и не отрицаю этого, мой господин. Когда она будет представлена новому Дункану?

— Сначала она пройдет испытание.

Монео уставил глаза в холодный пол крипты.

Как часто стал он смотреть в пол, подумал Лето. *Что он может там увидеть? Тысячелетние следы моей тележки? Ах нет — он смотрит в глубину той сокровищницы тайны, куда ему скоро предстоит отправиться.*

Монео снова посмотрел в глаза Лето.

— Надеюсь, ей понравится общество Дункана, мой господин.

— Будь уверен в этом. Тлейлаксианцы не изме-

нили его внешность ни на йоту.

— Это вселяет в меня уверенность, мой господин.

— Нет сомнения, что ты заметил, что его генотип очень привлекателен для женщин.

— Да, именно об этом говорят мои наблюдения, мой господин.

— Да, есть что-то в этих проницательных глазах, этих резких чертах, этих густых, как грива, волосах — от всего этого тает женская душа.

— Вы говорите истину, мой господин.

— Ты знаешь, что сейчас он с Говорящими Рыбами?

— Мне сообщили об этом, мой господин.

Лето улыбнулся. Ну конечно же, Монео обо всем сообщили.

— Скоро его приведут ко мне, чтобы он мог лицезреть своего Бога-Императора.

— Я уже видел смотровую комнату, господин. Там все готово.

— Иногда мне кажется, что ты все делаешь для того, чтобы ослабить меня, Монео. Оставь мне хотя бы эти мелочи.

Мажордом изо всех сил попытался сбросить с себя гнетущий страх. Он поклонился и попятился.

— Вы правы, мой господин, но есть вещи, которые входят в мои обязанности.

Повернувшись, он поспешил прочь. Только оказавшись в поднимающемся лифте, Монео вспомнил, что Лето не отпускал его.

Он должен знать, как я устал, и простит меня.

Господу ведомо, что у тебя на сердце. Днесь твоя душа свидетельствует против тебя, а иные свидетели мне не нужны. Ты не повинуешься душе своей, но лишь своему гневу и ярости.

(Господь Лето кающемуся грешнику. Устное Предание)

Следующие положения о государственном устройстве Империи в год 3508-й правления Господа Лето взяты из Велбекских Извлечений. Оригинал текста находится в Архивном Хранилище Капитула Ордена Бене Гессерит. Сравнение показывает, что в изложении полностью сохранена суть исходного документа.

Именем нашего Священного Ордена и нерушимой Общины Сестер это сообщение признано заслуживающим доверия и может быть направлено на хранение в Архив Капитула на правах хроники.

Сестры Ченоу и Таусуоко благополучно вернулись с Арракиса, где им удалось найти доказательства факта казни девяти историков (о чем давно существовали подозрения), которые исчезли в Цитадели в год 2116-й правления Господа Лето. Сестры сообщают, что все девять человек

были приведены в бессознательное состояние и сожжены на костре, сложенном из их исторических трудов. Это полностью соответствует тем слухам, которые циркулировали в Империи в то время. Происхождение этих слухов приписывают самому Господу Лето.

Сестры Ченоу и Таусуоко привезли рукописные свидетельства, в которых утверждается, что когда некоторые историки обратились к Лето, обеспокоенные судьбой своих коллег, он ответил им:

«Они были уничтожены за злонамеренную ложь. Не бойтесь, что мой гнев падет на ваши головы за ваши невольные заблуждения и ошибки. Я не люблю создавать мучеников. Мученики размывают эффекты воздействия драматических событий на ход истории, а именно исторические драмы суть цель моего хищничества. Трепещите только в том случае, если вы намеренно искажаете факты и держитесь за свой обман, раздувая щеки от гордости за него. Теперь можете удалиться — мы не будем больше говорить об этом».

Анализ рукописного текста позволяет утверждать, что он был написан Иконикром, мажордомом Господа Лето в год 2116-й.

Особое внимание привлекает тот смысл, который Господь Лето вкладывает в слово «хищниче-

ский». В свете теории, выдвинутой Преподобной Матерью Сиаксой, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что Господь Лето рассматривал себя хищником в естественном, природном смысле этого слова.

Сестре Ченоу было позволено присоединиться к Говорящим Рыбам, которые сопровождают Господа Лето в его немногочисленных путешествиях. Однажды ей было позволено проехать недолго рядом с Королевской тележкой и поговорить с Господом Лето. Вот что сестра сообщает об этом диалоге.

Господь Лето сказал: «Здесь, на Королевской Дороге я часто чувствую себя как на поле битвы, где мне приходится защищаться от врагов».

Сестра Ченоу сказала: «Никто не нападет на вас здесь, господин».

Господь Лето сказал: «Вы, сестра Бене Гессерит, постоянно нападаете на меня и даже здесь пытаетесь склонить на свою сторону моих Говорящих Рыб».

Сестра Ченоу укрепила свой дух, приготовившись к смерти, но Бог-Император просто остановил тележку и оглянулся на свою свиту. Ченоу говорит, что все послушно остановились на почтительном расстоянии и застыли в ожи-

дании.

Господь Лето сказал: «Их не так много, но они мне все рассказывают, поэтому не отрицайте моих обвинений».

Сестра Ченоу сказала: «Я не отрицаю их».

Тогда Господь Лето посмотрел на нее и сказал: «Тебе нечего бояться за свою жизнь. Я хочу, чтобы ты донесла мои слова до вашего Капитула».

Сестре Ченоу стало ясно, что Господь Лето знает все о ней и о ее миссии, о ее специальной подготовке, усилившей ее память. Лето знал о ней действительно все.

«Он был как Преподобная Мать, — сказала сестра Ченоу. — От него ничего нельзя было утаить».

Потом Император Лето приказал сестре Ченоу: «Посмотри на мой Город Празднеств и расскажи, что ты видишь».

Сестра Ченоу посмотрела в сторону Онна и сказала: «Я вижу вдали город. Он прекрасен в свете сегодняшнего утра. Справа находится ваш лес. Там столь обильная растительность, что я могла бы потратить много часов, описывая ее. Слева и вокруг множество строений, в которых живут ваши слуги, там же я вижу сады. Некоторые выглядят очень богатыми, а другие столь же бедными».

Господь Лето сказал: «Мы сделали свой ландшафт суетным! Деревья — это суета. Дома, сады… Можно ли восторгаться таинствами в таком ландшафте?»

Сестра Ченоу, осмелевшая после слов Лето, спросила: «Господин все еще жаждет чудес и таинств?»

Господь Лето ответил на это: «В таком ландшафте отсутствует внешняя открытая духовная свобода. Разве ты не видишь этого? Вселенная не открывается здесь человеку — вокруг лишь замкнутые пространства — двери, замки и запоры».

Сестра Ченоу спросила: «Значит, человечество, на ваш взгляд, больше не нуждается в частной жизни и защите?»

Господь Лето сказал: «Вернувшись домой, передай Сестрам, что я восстановлю открытость вселенной в ее духовной свободе. Такой ландшафт, какой ты видишь здесь, направляет внимание человека внутрь и заставляет искать духовной свободы в себе. Но большинство людей не обладает достаточной силой, чтобы найти силу в себе самом».

Сестра Ченоу сказала: «Я в точности передам ваши слова Общине Сестер».

Господь Лето сказал: «Обязательно сделай это. Передай своим Сестрам также, что Бене Гессерит должны лучше других людей видеть опасность генетических скрещиваний, когда хотят получить вполне определенный результат».

Сестра Ченоу считает, что это было вполне осознанное напоминание об отце Лето, Пауле Атрейдесе. Надо при этом отметить, что мы получили Квисатц Хадераха одним поколением раньше. Став Муад'Дибом, вождем фременов, Пауль ускользнул из-под нашего контроля. Нет сомнения в том, что Пауль был мужчиной со способностями Преподобной Матери, обладал он и другими силами, за что человечество до сих пор платит дорогую цену. Как сказал Господь Лето: «Вы получили то, чего никак не ожидали. Вы получили меня, и мне удалось создать Сиону».

Господь Лето не стал подробно распространяться о дочери своего мажордома Монео. Мы расследуем это дело сами.

В том, что касается других дел, то там наши следователи могут сообщить Капитулу следующую информацию:

Говорящие Рыбы

Женский легион Господа Лето выбирает своих

представительниц на празднества в Арракисе, которые бывают один раз в десять лет. От каждого планетного гарнизона на праздник направляются три женщины. (Список этих избранниц см. в приложении.) Обычно на праздник не приглашаются взрослые мужчины и даже супруги Говорящих Рыб. Список супругов изменился за период нашего пребывания очень мало. Мы включили в список эти новые имена, сопроводив их, где это было возможно, краткой генеалогической справкой. Только два таких супруга являются прямыми потомками Дункана Айдахо. Мы ничего не можем добавить к нашим наблюдениям относительно использования Господом Лето гхола в его селекционной программе.

Ни одна из наших попыток образовать союз между Говорящими Рыбами и Бене Гессерит не увенчалась успехом. Господь Лето продолжает увеличивать численность некоторых гарнизонов. Кроме того, Говорящие Рыбы наделяются функциями, отличными от военных. Это вполне ожидаемый результат возрастающего на местах восхищения и уважения по отношению к этим гарнизонам. (В приложении указаны гарнизоны, увеличенные в последнее время. Примечание редактора: самые подходящие для наших целей

гарнизоны расположены на родных планетах Бене Гессерит, Иксе и Тлейлаксу. По нашим наблюдениям, гарнизоны Космической Гильдии увеличены не были.)

Священники

За исключением нескольких естественных смертей и новых назначений (см. приложение) никаких существенных изменений в корпусе священников не произошло. Те чиновники, которые направлены на должности, имеют жесткие инструкции и обязаны консультироваться с Арракисом по каждому мало-мальски важному случаю. По мнению Преподобной Матери Саксии и некоторых других, религиозный характер Говорящих Рыб постепенно сходит на нет.

Селекционная программа

Кроме ничем не подкрепленных сведений о Сионе и неудаче с ее отцом, мы не можем сообщить ни о чем существенно новом по сравнению с нашими данными о селекционной программе Господа Лето. В его планах имеется некоторое стремление к рандомизации, о чем можно судить по его замечанию о генетических целях, но мы не уверены, что Господь Лето был искренен и откровенен с Сестрой Ченоу. Мы хотим обратить ваше

внимание на многие случаи, когда Лето лгал либо кардинально менял смысл своих высказываний, никак нас об этом не предупреждая.

Господь Лето продолжает политику нашего недопущения в его селекционную программу. Его наблюдатели в нашем гарнизоне Говорящих Рыб твердо элиминируют из своих планов наши рождения, против которых они категорически возражают. Только ценой больших усилий нам удается сохранить генетический потенциал для создания Преподобных Матерей. Мы не получили ответа на наши протесты. В ответ на прямой вопрос Сестры Ченоу Господь Лето сказал: «Будьте благодарны за то, что имеете».

Это предупреждение оценено нами должным образом. Мы передали Господу Лето самое искреннее благодарственное письмо.

Экономика

Капитул продолжает поддерживать свою платежеспособность, но меры консервации не могут стать мягче. Более того, на ближайшее время следует предусмотреть более жесткие дополнительные меры консервации. Эти меры должны предусмотреть уменьшение ритуального расхода меланжи и увеличить его вложения

в необходимые службы. Мы надеемся увеличить поступления вдвое за счет обучения женщин — представительниц Великих Домов — в течение следующих четырех отчетных периодов. Тем самым мы предлагаем вам приготовить аргументы в пользу увеличения квот меланжи, отпускаемой на эти цели.

Господь Лето отказал в нашей просьбе об увеличении его выплат в виде меланжи. Объяснений этого решения мы не получили.

Наши отношения с Объединенным Советом Передовой и Честной Торговли остаются успешными и плодотворными. ОСПЧТ за прошедший отчетный период основал картель межзвездного ювелирного проекта, картель, участвуя в котором мы получили немалую прибыль благодаря консультативным и посредническим услугам. Поступления от этих сделок позволят покрыть убытки, связанные с потерями на Гьеди Один. Эти расходы официально списаны в убыток.

Великие Дома

За отчетный период тридцать один Великий Дом пережил экономическую катастрофу. Только шесть из них смогли оправиться настолько, что достигли статуса Малых Домов (см. приложе-

ние). Такие события есть проявление тенденции, которая прослеживается на протяжение последнего тысячелетия, когда многие Великие Дома постепенно скатываются на второстепенные роли. Надо особо отметить, что из шести Великих Домов, которым удалось избежать полной катастрофы, пять имели свою долю в межзвездном ювелирном проекте ОСПЧТ. Полученная прибыль позволила вложить деньги в редкие китовые меха с Каладана.

(Запасы нашего риса почти удвоились в результате успешных операций холдинга китового меха. Основания для таких операций будут приведены в обзоре следующего отчетного периода.)

Семейная жизнь

Согласно наблюдениям наших исследователей, на протяжении последних двух тысяч лет происходит неуклонное нивелирование семейного уклада. Исключения, как и ожидалось, касаются Гильдии, Говорящих Рыб, придворных, тлейлаксианцев (которые, несмотря на все усилия, остаются гибридами) и, конечно, нашей Общины Сестер.

Стоит в этой связи отметить, что семейный уклад на разных планетах становится все более

и более единообразным, а это не может быть случайностью. По-видимому, это часть грандиозного замысла Господа Лето. Даже беднейшие семьи очень хорошо питаются, это так, но условия жизни становятся все более и более статичными.

Хотим напомнить высказывание Лето, сделанное им восемь поколений назад: «Я — единственное зрелище, на которое еще стоит смотреть в Империи».

Преподобная Мать Саксия предложила теоретическое обоснование наблюдаемой тенденции, которое разделяют теперь многие из нас. Преподобная Мать Саксия приписывает Лето мотив, основанный на концепции гидравлического деспотизма. Как вы знаете, гидравлический деспотизм возможен только тогда, когда условия, от которых в абсолютной степени зависит жизнь, могут управляться относительно небольшой централизованной силой. Концепция гидравлического деспотизма возникла в ту эпоху, когда количество орошающей воды увеличивало численность человеческой популяции до такого уровня, что жизнь людей становилась в абсолютную зависимость от этого количества. Как только поступление воды прекращалось, наступала массовая гибель людей.

Этот феномен наблюдался неоднократно на протяжении человеческой истории и касался не только воды и продуктов землепашества, но и углеводородного топлива, поступление которого можно было легко контролировать с помощью трубопроводов и других распределительных сетей. В то время, когда электричество доставлялось потребителям по проводам, оно тоже было инструментом гидравлического деспотизма.

Преподобная Мать Саксия считает, что Господь Лето строит еще более жестокую систему гидравлического деспотизма, основанную на распределении меланжи. В этой связи стоит заметить, что меланжа является одним-единственным средством замедления наступления старости, хотя и не является при этом радикальным средством излечения от старения. Преподобная Мать Саксия предполагает даже, что Лето собирается преднамеренно поразить человечество некой болезнью, от которой существует только одно средство — меланжа. Хотя такое предположение несколько экстравагантно, его нельзя полностью сбрасывать со счетов. Случались и более странные вещи, и мы не должны забывать о роли сифилиса в ранней истории человечества.

Транспорт/Гильдия

Три вида транспорта, некогда присущих почти исключительно Арракису (передвижение пешком с грузом на лямках, по воздуху с помощью орнитоптера и кораблями Гильдии с планеты на планету), становятся доминирующими и в остальных частях нашей обитаемой вселенной. Единственным исключением является Икс.

Мы приписываем это явление общей тенденции к планетарному застою и формированию статического образа жизни. Частично такое положение вещей обусловлено стремлением во всем копировать древний Арракис. В этой тенденции не последнюю роль играет всеобщее отвращение к производимым на Иксе вещам. Нельзя отрицать и того, что подобное положение вполне устраивает Говорящих Рыб, которые поддерживают такую транспортную систему, поскольку она облегчает их службу.

Что касается Гильдии, то здесь такое положение обусловлено полной зависимостью навигаторов от меланжи. Мы в свете изложенного пристально наблюдаем за попытками Космической Гильдии в сотрудничестве с Иксом создать механическое приспособление для улучшения способности навигаторов выбирать маршрут и держаться его во время перелета. Без меланжи или ее замены

каждое путешествие в космосе с транссветовой скоростью грозит обернуться катастрофой. Хотя мы не очень высоко оцениваем перспективу совместного проекта Гильдии и Икса, тем не менее мы будем внимательно следить за развитием событий, ибо все в мире возможно.

Бог-Император

Если оставить в стороне некоторое увеличение размеров тела, то можно сказать, что физические характеристики Господа Лето практически не изменились за отчетный период. Упорно циркулировавшие слухи об отвращении Лето к воде не подтвердились, хотя мы доподлинно знаем, что черви не выносили воду и был даже ритуал водного убийства, когда древние фримены убивали водой молодых червей, чтобы добыть Пряность для своих оргий.

Есть все основания полагать, что Господь Лето проявляет большой интерес к совместному проекту Гильдии и Икса, поскольку при его успехе снизится потребность в меланжи, а это уменьшит власть Лето в Империи.

Он продолжает иметь дела с Иксом, поскольку там изготовили его повозку и продолжают вносить в нее усовершенствования.

Новый гхола Дункан Айдахо был прислан Господу Лето с Тлейлаксу. Это определенно говорит в пользу того, что предыдущий гхола мертв, хотя обстоятельства его смерти остаются нам неизвестны. Мы хотим обратить ваше внимание на то, что есть данные, по которым можно утверждать, что Господь Лето самолично убил нескольких своих гхола.

Существует все возрастающее количество свидетельств в пользу того, что в своей деятельности Господь Лето использует компьютеры. Если он действительно нарушает свои собственные запреты и проскрипции бутлерианского джихада, то при наличии доказательств мы могли бы усилить свое влияние на Господа Лето, возможно, даже образовать с ним совместное предприятие, создания которого мы давно добиваемся. Нашей первоочередной задачей является по-прежнему суверенный контроль над селекционной программой. Мы, естественно, будем продолжать наши исследования, но со следующими мерами предосторожности:

Как и в каждом докладе, который предшествовал данному, мы должны сказать несколько слов о предзнании, которым обладает Господь Лето. Нет сомнения, что его способность предсказывать

события задолго до их реализации, дар оракула, которым он обладает в гораздо большей мере, чем любой из его предков, — суть основа его политической власти.

Мы ни в коем случае не отрицаем этого!

Более того, мы глубоко убеждены, что он знает о каждом нашем важном действии задолго до того, как мы решаем его предпринять. Таким образом, своими действиями мы ни в коей мере не способны создать для него какую-либо опасность или поставить под угрозу исполнение его планов. Мы должны обратиться к нему приблизительно со следующими словами:

«Говорите нам о том, что наши планы угрожают вам, чтобы мы могли вовремя прекратить их осуществление».

И:

«Скажите нам о ваших планах, чтобы мы могли помочь их осуществлению».

Он не дал ответа ни на один вопрос из всех, которые были нами заданы.

Иксианцы

Нам практически нечего сообщить вам об Иксе, кроме совместного проекта Гильдии и Икса. Больше ничего интересного об Иксе мы сообщить

в данный момент не можем. Икс послал на Арракис нового посла ко двору Господа Лето. Это Хви Нори — племянница Малки, который был когда-то по слухам добрым товарищем Господа Лето. Причина замены посла неизвестна, хотя есть основания подозревать, что Хви Нори воспитана для определенной цели, возможно, специально для представительства Икса на Арракисе. Мы полагаем, что и сам Малки был генетически предрасположен к тому, кем он был для Лето.

Мы продолжим наши исследования в этом направлении.

Музей фримена

Эти выродившиеся реликты некогда гордого племени воинов продолжают действовать как наш главный источник информации о событиях, происходящих на Арракисе. Этот музей представляет собой большую статью расходов нашего бюджета, потому что его аппетиты растут, а мы не можем позволить себе портить отношения с ним.

Интересно в этой связи отметить, что хотя их жизнь очень мало напоминает жизнь их далеких предков, копирование фрименского образа жизни безупречно. Мы приписываем это влиянию

Говорящих Рыб на подготовку сотрудников Музея фримена.

Тлейлаксу

Мы не ждем каких-либо сюрпризов от нового гхола Дункана Айдахо. Тлейлаксу не хотят снова возбуждать недовольство Господа Лето, как это было однажды, когда они вознамерились изменить клеточную природу и психику очередного Дункана Айдахо.

Последние сообщения с Тлейлаксу говорят о том, что они снова хотят вовлечь нас в совместное с ними предприятие по созданию чисто женского сообщества, в котором не было бы необходимости в мужчинах. По очевидной причине, включающей в себя неприятие того, что исходит с Тлейлаксу, мы, как всегда, ответили вежливым отказом. Наше посольство при Городе Празднеств во время традиционного Фестиваля доложит Господу Лето о нашем решении.

С искренним уважением подписано:

Преподобные Матери: Сиакса, Йитоб, Мамулут, Экнекоск и Акели.

Это может показаться странным, но великая борьба, образцы которой вы можете почерпнуть из моих записок, очень часто остается невидимой для тех, кто в этой борьбе принимает непосредственное участие. Очень многое зависит от того, о чем мечтает человек в глубине своей души. Я всегда уделял самое пристальное внимание четкому оформлению не только своих действий, но и своих мечтаний. Между строк моих записок вы можете прочесть о моей борьбе со взглядами человечества на самое себя – это тяжкая битва на поле, где правят мотивы, коренящиеся в нашем непроницаемом прошлом, возникают из бессознательного и становятся событиями, с которыми нам приходится не только жить, но и бороться. Это чудовище с головой гидры, которое нападает на нас с невидимой нами стороны. Поэтому я молюсь о том, чтобы вы, когда вам удастся пройти мою часть Золотого Пути, не остались детьми, танцующими под музыку, которая не слышна вам самим.

(Похищенные записки)

Твердыми, тяжелыми шагами Наила поднималась по винтовой лестнице, ведущей в Зал Аудиенций Бога-Императора на вершине южной башни Цитадели. Каждый раз, когда Наила пересекала юго-восточную арку башни, она видела лучи солнца, падавшие сквозь узкие окна и видимые во взвешенной в воздухе пыли. Наила знала, что в центральной стене башни, за ее спиной, находится лифт, достаточно мощный, чтобы перемещать огромное тело Бога, и который, без сомнения, мог бы поднять ее невесомое в сравнении с такой тяжестью тело. Однако тот факт, что она была обязана подниматься пешком, не вызывал у женщины возмущения.

Ветерок, дувший сквозь бойницы, доносил до Наилы кремнистый жаркий запах обдуваемой знойными бурями Пустыни. Низкое солнце освещало сложенную из грубого камня внутреннюю стену, и вкрапления из красного минерала вспыхивали в лучах солнца, как спички. Временами Наила бросала взгляд в узкие окна и видела дюны. Как ей хотелось остановиться и насладиться этим величественным зрелищем! Но…

— У тебя героическое терпение, Наила, — сказал ей однажды Господь Лето.

Воспоминание об этих словах согрело душу женщины.

Лето следил за продвижением Наилы с помощью хитроумного иксианского приспособления, которое формировало перед глазами Императора трехмерное голографическое изображение женщины в три четверти натуральной величины.

Как точны ее движения, подумал он.

Эта точность проистекает из ее одухотворенной страстью простоты.

Наила была одета в синий мундир Говорящих Рыб с капюшоном, но без ястреба на груди. Миновав пост охраны, она сбросила лицевую маску, в которой была обязана явиться на аудиенцию. Ее массивное мускулистое тело было таким же, как тела ее товарок, но лицо было совершенно необыкновенным. Оно было практически квадратным. Это впечатление усиливал большой рот, который, казалось, окружал щеки. Рот казался еще больше от глубоких складок, которые залегали у углов рта. Глаза светло-зеленые, коротко подстриженные волосы напоминали старую слоновую кость. Лоб гармонировал с лицом — он был широким и совершенно плоским, светлые брови казались незаметными из-за яркости глаз. Плоский прямой нос заканчивался практически

у линии тонких губ.

Когда Наила говорила, ее челюсти двигались, как у примитивного животного. О ее силе среди Говорящих Рыб ходили легенды. Лето видел однажды, как она без всяких видимых усилий подняла одной рукой мужчину весом сто килограммов. Наила прибыла на Арракис без ведома Монео, хотя мажордом, конечно, знал, что Лето использует Говорящих Рыб в качестве своих тайных агентов.

Лето отвернулся от движущегося голографического изображения и посмотрел в широкое окно, бросив взгляд на пустыню, раскинувшуюся к югу от Цитадели. Перед его глазами заплясали цвета скал — коричневый, золотой, янтарный. Далекая скала, имевшая очертания белой цапли, обрела в лучах заходящего солнца фантастический розовый ореол. Белые цапли не водились на Арракисе и существовали только в памяти Лето. Стоило ему представить себе этот белый камень, как казалось, что перед глазами пролетает грациозная большая птица.

Подъем по лестнице должен был утомить даже Наилу, поэтому, Лето знал это по опыту, женщина остановится отдохнуть, причем остановится точно на две ступени ниже отметки в три четверти.

Это было проявлением пунктуальности Наилы — черты, из-за которой ее и взяли в Сарьир из далекого сепрекского гарнизона.

На расстоянии нескольких размахов крыльев от окна пролетел дюнный ястреб. Внимание Лето привлекли также тени у подножия Цитадели — там обитали какие-то мелкие зверьки. Ястреб пролетел на фоне облаков.

Это зрелище было удивительным для души старого фримена, каким был Лето: облака на Арракисе, дожди и открытые водоемы.

Лето прислушался к своему внутреннему голосу: осталась последняя пустыня — мой Сарьир; превращение Дюны в зеленый Арракис с первого дня моего правления проводилось в жизнь беспощадной железной рукой.

Влияние географии на историю осталось совершенно незамеченным, подумал Лето. *Люди чаще задумываются о влиянии истории на географию.*

Кому принадлежат русла этих рек? Зеленые долины? Этот полуостров? Эта планета?

Никому из нас.

Наила снова двинулась по лестнице, взгляд ее был устремлен на ступени, которые ей предстояло преодолеть. Лето снова стал наблюдать за ней.

Во многих отношениях она самый полезный помощник из всех, кто у меня когда-либо был. Я — ее Бог. Она поклоняется мне без всяких вопросов и рассуждений. Даже когда я шутки ради подвергаю испытанию ее веру, она и воспринимает это как простое испытание. Она знает, что способна выдержать любое испытание.

Когда он послал ее в среду заговорщиков и велел подчиняться Сионе, Наила не стала задавать вопросов. Если Наила в чем-то сомневалась, даже в тех случаях, когда она была способна выразить свои сомнения словами, ее мыслей вполне хватало на восстановление веры. Или это было раньше, а теперь… Последнее послание Наилы говорило о том, что требуется личная аудиенция у Божества, чтобы восстановить внутреннюю силу Наилы.

Лето припомнил первый разговор с ней, с женщиной, которая трепетала от желания угодить.

— Даже если Сиона пошлет тебя убить меня, ты обязана подчиниться. Она ни в коем случае не должна знать, что ты служишь мне.

— Никто не может убить вас, господин.

— Но ты должна повиноваться Сионе.

— Конечно, господин, ведь это ваш приказ.

— Ты должна повиноваться ей во всем.

— Я сделаю это, господин.

Это просто еще одно испытание. Наила не обсуждает их, а воспринимает как укусы мухи. Ее Господь требует? Наила подчиняется. Я не должен допустить, чтобы эти отношения каким-то образом изменились.

В старые времена из нее получилась бы превосходная шадут, подумал Лето. Именно по этой причине он в свое время дал ей отравленный фрименский нож, один из немногих настоящих ножей, сохранившихся со времен сиетча Табр. Этот нож принадлежал когда-то одной из жен Стилгара. Теперь Наила носила его под плащом, больше в качестве талисмана, нежели в качестве оружия. Лето дал ей нож, выполнив при этом особый ритуал, который пробудил в его памяти эмоции, которые, как он сам считал, были навсегда похоронены в ее глубинах.

— Это зуб Шаи-Хулуда.

Он протянул ей клинок своими руками, обтянутыми серебристой чешуей.

— Прими его, и ты станешь частью одновременно прошлого и будущего. Осквернишь его, и твое прошлое не даст тебе перейти в будущее.

Наила приняла нож, потом ножны.

— Рассеки палец до крови, — приказал Лето.

Наила повиновалась.

— Вложи клинок в ножны. Если обнажишь его, то кровь должна пролиться.

Наила снова безмолвно повиновалась.

Глядя на приближающееся трехмерное изображение Наилы, Лето почувствовал, как его воспоминания о старинной церемонии окрашиваются в грустные тона. Старый фримен мертв, а без него весь ритуал, да и сам нож превращаются в бесполезную игрушку. Польза сохранится только до тех пор, пока жива Наила.

Я отбросил часть своего прошлого.

Очень печально, что шадут прошлого выродился в Говорящих Рыб настоящего, а древний нож используется только для того, чтобы крепче привязать слугу к хозяину. Лето знал, что многие считают Говорящих Рыб жрицами — на это он отвечал Бене Гессерит.

Он создает новую религию, — утверждал Орден.

Чушь! Я не создал религию. Я сам — *религия!*

Наила вошла в зал и остановилась в трех шагах от повозки. Взгляд, как и положено, опущен долу.

— Женщина, подними глаза, — произнес Лето, все еще охваченный своими воспоминаниями.

Наила повиновалась.

— Я создал священную непристойность, — сказал он. — Религия, центром которой являюсь я сам, отвратительна мне самому.

— Да, господин.

В зеленых глазах Наилы не было намека на вопрос, не было размышлений, не было даже желания что-то ответить.

Если я пошлю ее собирать с неба звезды, она пойдет и попытается это сделать. Она думает, что я снова ее испытываю. Мне кажется, что она в конце концов может меня разозлить своей покорностью.

— Эта проклятая религия должна закончиться вместе со мной! — крикнул Лето. — Почему я должен навязывать религию моему народу? Религии разрушаются изнутри — так же, как Империи и личности! Все происходит одинаково.

— Да, господин.

— Религии порождают таких фанатиков и радикалов, как ты!

— Благодарю вас, господин.

Какое-то подобие ярости быстро промелькнуло в глубинах его памяти. Ничто не могло оставить след в вере Наилы.

— Топри все доложил мне через Монео, — сказал Лето. — Теперь расскажи мне о Топри.

— Топри — червь.

— Не так ли вы называете и меня, когда собираетесь на свои мятежные сходки?

— Я во всем повинуюсь моему господину.

Туше!

— Стало быть, Топри не подлежит обработке? — спросил Лето.

— Сиона правильно его оценила. Он неуклюж. Он говорит вещи, которые повторяют другие, и его рука сразу становится видна в каждом деле. Буквально спустя секунду после того, как Кобат начал говорить, Сиона поняла, что Топри — шпик.

С этим согласны все, даже Монео, подумал Лето. *Топри — плохой агент.*

Это единодушие доставило Лето удовольствие. Эти мелкие махинации слегка замутили воду, которую он сам считал совершенно прозрачной. Однако действующие лица пока неплохо справлялись со сценарием.

— Не подозревает ли Сиона тебя?

— Я не отличаюсь неуклюжестью.

— Знаешь ли ты, зачем я тебя позвал?

— Чтобы испытать мою веру.

Ах, Наила, как мало знаешь ты об испытаниях.

— Я хочу, чтобы ты сказала, как ты оцениваешь

Сиону. Я хочу увидеть ее на твоем лице, увидеть ее в твоих движениях и услышать ее в твоем голосе, — сказал Лето. — Готова ли она?

— Она нужна Говорящим Рыбам, господин. Зачем вы подвергаете ее такому риску?

— Форсировать события — это самый верный путь потерять то, что я больше всего ценю в Сионе, — ответил Лето. — Она должна прийти ко мне с нерастраченными силами.

Наила опустила глаза.

— Как будет угодно моему господину.

Лето понял смысл этого ответа. Наила всегда реагировала так на вещи, смысл которых был ей непонятен.

— Переживет ли она испытание, Наила?

— Судя по описанию испытания… — Наила подняла голову, посмотрела в глаза Лето и пожала плечами. — Я не знаю, господин. Конечно, она сильна. Она — единственная, кто сумел уйти от волков. Но ею управляет ненависть.

— Это естественно, — возразил Лето. — Скажи мне, Наила, что она собирается делать с вещами, украденными у меня?

— Разве Топри не сказал вам, что она сделала с книгами, в которых содержатся Ваши Священные Слова?

Как она умеет выделять голосом заглавные буквы в словах, подумал Лето, прежде чем заговорить:

— Да, да. Иксианцы получили свою копию, а скоро Гильдия и Община Сестер засядут за тяжкую работу по расшифровке моих записей.

— Что это за книги, господин?

— Это мое обращение к моему народу. Я хочу, чтобы их прочитали. Я хочу знать, что сказала Сиона о карте Цитадели, которую она тоже взяла.

— Она говорит, что под фундаментом Цитадели расположено огромное хранилище меланжи, господин, и что по карте можно понять, где оно находится.

— По карте она этого не поймет. Собирается ли она прокладывать подземный ход под Цитадель?

— Она хочет добыть у иксианцев необходимые для этого инструменты.

— Она их не получит.

— Действительно ли там находится Пряность, господин?

— Да.

— О том, как охраняются эти сокровища, ходят легенды. Говорят, что рассыплется весь Арракис, если кто-нибудь попытается проникнуть на этот склад. Это правда?

— Да, такая попытка сотрясет всю Империю. Не уцелеют ни Гильдия, ни Община Сестер, ни Икс, ни Тлейлаксу, ни даже Говорящие Рыбы.

По телу Наилы пробежала невольная дрожь.

— Я не позволю Сионе добраться до запасов меланжи.

— Наила, я же приказал тебе во всем повиноваться Сионе. Вот как ты верно мне служишь!

Она застыла перед ним, полная страха перед его гневом. Никогда еще не была она так близко от того, чтобы потерять веру. То был кризис, который он намеренно создал, зная, чем все закончится. Наконец Наила медленно пришла в себя и успокоилась. Он видел ее мысли так же ясно, как если бы они были высказаны вслух.

Последнее испытание!

— Ты вернешься к Сионе и будешь защищать ее жизнь ценой своей, — сказал Лето. — Это задание, которое я дал тебе, а ты согласилась его принять. Именно поэтому я выбрал тебя. Вот почему только ты носишь отравленный фрименский нож Стилгара.

Наила пощупала рукой спрятанный под накидкой нож.

Как это верно, подумал Лето, *что оружие способно сделать поведение человека вполне пред-*

сказуемым.

Он зачарованно посмотрел на напряженное тело Наилы. В глазах ее не было ничего, кроме обожания.

Конечный результат риторического деспотизма… скоро я начну его презирать!

— Иди! — рявкнул он.

Наила сделала поворот кругом и покинула Священное Присутствие.

Стоит ли оно того? — подумал Лето.

Однако Наила сказала ему то, что он хотел знать. Она восстановила и обновила свою веру и открыла ему то, что скрывалось под туманным образом Сионы. Инстинктам Наилы можно верить.

Сиона достигла того взрывоопасного момента, который был мне так нужен.

Дунканы всегда находили очень странным то, что я формирую вооруженные силы из женщин, но дело в том, что мои Говорящие Рыбы – это во всех смыслах временная армия. Хотя женщины могут проявлять насилие и ярость, они сильно отличаются от мужчин в своем увлечении битвой. Колыбель бытия предрасполагает их к более бережному отношению к жизни. Они являются лучшими хранителями Золотого Пути. Я лишь усилил эту врожденную предрасположенность системой тренировок. На какое-то время я вырываю их из обыденной рутины, они получают то, о чем потом с удовольствием вспоминают всю оставшуюся жизнь. В юном возрасте они вступают в товарищество Сестер и готовятся к вещам очень глубоким. В таких товариществах люди всегда готовятся к великим свершениям. Воспоминания о днях, проведенных с Сестрами, покрывается со временем ностальгической дымкой, то время кажется им чудесным и непохожим на те серые будни, которые они вынуждены влачить ныне. Именно

таким способом можно сегодня менять ход будущей истории. Современники в действительности не живут в одно время. Прошлое всегда меняется в их глазах, но лишь немногие понимают это.

(Похищенные записки)

Отправив послание Говорящим Рыбам, Лето поздним вечером спустился в крипту. Он решил, что лучше всего будет устроить новому Дункану аудиенцию в темноте, чтобы Лето сначала описал себя и только потом дал возможность новому Айдахо увидеть свое тело пресуществующего Червя. Таким требованиям удовлетворяла небольшая комната, вырубленная в черном камне неподалеку от центральной ротонды. Помещение было достаточно большим, чтобы вместить Лето в его тележке, хотя потолок был очень низок. Освещение Лето мог регулировать по собственному усмотрению, дверь была одна, но состояла из двух секций — одной большой, достаточной для проезда Королевской тележки, а вторая — маленькие воротца для прохода людей.

Лето направил тележку в помещение, закрыл большие ворота, открыл маленькую дверь и после этого приготовился к церемонии.

Самой большой проблемой была скука. Изделия

тлейлаксианцев были стандартизованы настолько, что один гхола нисколько не отличался от всех прочих. Однажды Лето даже предупредил тлейлаксианцев, чтобы они больше не делали одинаковых Дунканов, но он сам прекрасно сознавал, что в этом они откажутся повиноваться ему.

Иногда я думаю, что они поступают так просто из духа противоречия!

На Тлейлаксу жестко держались за эту привилегию, понимая, что это залог их выживания.

Присутствие Айдахо тешит во мне Пауля Атрейдеса.

Лето сказал Монео, когда мажордом впервые появился в Цитадели:

— Дункан должен явиться ко мне после дополнительной подготовки. Ты должен проследить, чтобы мои гурии смягчили его и ответили на некоторые его вопросы.

— На какие вопросы они имеют право отвечать, господин?

— Они знают.

За много лет Монео давно изучил процедуру во всех подробностях.

За дверью раздались голоса Монео и эскорта из Говорящих Рыб. Послышался неуверенный шаг

нового гхола.

— Входи в эту дверь, — сказал Монео. — Там темно. Остановись, как только войдешь, мы закроем дверь, а ты жди, когда заговорит господин Лето.

— Почему там темно? — не скрывая возмущения, спросил Дункан.

— Он сам тебе все объяснит.

Айдахо втолкнули в темное помещение и заперли за ним дверь.

Лето прекрасно знал, что видит сейчас Дункан: тени среди теней; в непроглядном мраке он не сможет даже определить, откуда раздается голос Лето. Как обычно, Лето заговорил голосом Пауля Муад'Диба:

— Я рад снова видеть тебя, Дункан.

— Но я не могу вас видеть!

Айдахо был воин, а воин атакует. Этот выпад убедил Лето, что копия полностью повторяет оригинал. Моральная игра, с помощью которой тлейлаксианцы пробуждали предсмертную память Дунканов, оставляла некоторую неопределенность в их мышлении. Некоторые Айдахо полагали, что когда-то угрожали Муад'Дибу. Этот гхола тоже разделял подобную иллюзию.

— Я слышу голос Пауля, но не в состоянии его

разглядеть, — сказал Айдахо. Он даже не попытался скрыть растерянность — она прозвучала в его голосе.

Зачем это Атрейдес продолжает играть в свою глупую игру? Пауль давно мертв, а здесь присутствует Лето, который говорит оживившим голосом Пауля, его памятью, впрочем, как и памятью многих и многих других! — если, конечно, тлейлаксианцы сказали ему правду.

— Тебе сказали, что ты лишь последний в длинной череде двойников, — произнес Лето.

— Сам я не помню этого.

Лето расслышал в тоне Айдахо почти истерику, едва прикрытую храбростью воина. Будь прокляты эти тлейлаксианцы — их бродильные чаны производили людей с окрошкой в мозгах! Этот Дункан прибыл в состоянии, близком к шоку, подозревая, что безумен. Лето понимал, что потребуются тончайшие движения души, чтобы привести беднягу в чувство. Это будет тяжким эмоциональным потрясением для обоих.

— Произошло много изменений, Дункан, — заговорил Лето, — лишь одно осталось неизменным — я все еще Атрейдес.

— Мне сказали, что ваше тело…

— Да, оно изменилось.

— Проклятые тлейлаксианцы! Они пытались заставить меня убить того, кого я… короче, он был похож на вас. И я вдруг вспомнил, кто я, и было… Это мог быть гхола Муад'Диба?

— Уверяю тебя, это был обычный мим, Танцующий Лицом.

— Он был так похож… Вы полностью уверены?

— Нет, нет. Это был актер, не более того. Он остался жив?

— Конечно! Но именно так они пробудили мою память. Они мне все объяснили. Это правда то, что они говорили?

— Это истинная правда, Дункан. Мне отвратительны эти игры, но я допустил их не в силах отказать себе в удовольствии находиться в твоем обществе.

Потенциальные жертвы всегда выживают, подумал Лето. *Особенно это касается потенциальных жертв Дунканов. Бывают, конечно, и ошибки. Поддельных Муад'Дибов убивают, а Дунканы не удаются. Но на этот случай существуют тщательно сохраняемые клетки оригиналов.*

— Так что произошло с вашим телом? — продолжал настаивать Айдахо.

Теперь можно оставить личину Муад'Диба. Лето заговорил своим обычным голосом:

— Я сделал из песчаных форелей новую кожу для себя. Дальше все произошло само собой — они изменили мою внешность.

— Зачем?

— Я объясню тебе все по ходу дела.

— Тлейлаксианцы говорят, что вы выглядите как песчаный червь.

— А что говорят мои Говорящие Рыбы?

— Они говорят, что вы — Бог. Почему вы называете их Говорящими Рыбами?

— Это старая уловка. Первая жрица говорила, что во сне она разговаривала с рыбами. Таким образом эти женщины узнают массу полезных и ценных вещей.

— Но откуда вы об этом знаете?

— Я сам — эти женщины… и то, что было до них и будет после них.

Лето услышал, как Айдахо судорожно проглотил слюну.

— Теперь я понимаю, почему здесь темно. Вы даете мне время привыкнуть к вам.

— Ты всегда был очень быстр Айдахо.

Кроме тех случаев, когда становился слишком медлительным.

— Как давно вы изменились?

— Тридцать пять веков назад.

— Выходит, тлейлаксианцы сказали мне правду.

— Мне они редко осмеливаются лгать.

— Но это очень долгий срок.

— Очень долгий.

— Тлейлаксианцы копировали меня много раз?

— Много.

Теперь настало время спросить, сколько именно раз.

— И сколько копий они изготовили?

— Ты сам прочтешь этот реестр.

Вот так это начинается, подумал Лето.

Такой разговор обычно удовлетворял Дунканов, хотя мучительная суть вопроса этим не разрешалась.

«Сколько же раз я являлся?»

Дунканы не замечали, что их новая плоть отличается от старой, хотя передачи памяти между гхола не происходило.

— Я помню свою смерть, — заговорил Айдахо. — Блеск мечей людей Харконнена, которые пытались убить вас и Джессику.

Лето снова заговорил голосом Муад'Диба:

— Да, это был я, Дункан.

— Таким образом, я являюсь заменой, это

так? — спросил Дункан.

— Это верно, — ответил Лето.

— Как другой… я… я хочу спросить, как он умер?

— Всякая плоть в конце концов изнашивается, ты прочтешь об этом в отчетах.

Лето терпеливо ждал, удивляясь тому, насколько велико недоверие Дункана ко всей этой истории.

— Как вы в действительности выглядите? — спросил Айдахо. — Что это за тело червя, о котором твердили тлейлаксианцы?

— Когда-нибудь я буду выглядеть как настоящий песчаный червь. Метаморфоз не закончен и продолжается.

— Что вы имеете в виду под настоящим червем?

— У него увеличится количество ганглиев, которые сообщат червю человеческое сознание.

— Нельзя ли зажечь здесь свет, я хочу посмотреть на вас.

Лето дал команду, и помещение было тотчас залито ярким светом. Черные стены и пучок света, сфокусированный на живом Боге, — тело Лето стало видимым во всех мельчайших деталях.

Айдахо вперил недоуменный взор в разде-

ленное поперечными полосами тело червя, на котором выступали едва заметные рудименты рук и ног. При этом один из них был заметно короче других. Он снова посмотрел на остатки конечностей, потом поднял глаза и увидел розовое лицо, которое выглядело довольно нелепо на фоне огромного тела.

— Я предупреждал тебя, Дункан.

Айдахо от изумления потерял дар речи.

— Зачем это нужно? — спросил за него Лето.

Айдахо кивнул.

— Я все еще Атрейдес, Дункан, и уверяю тебя, что для этого были очень веские причины.

— Но что…

— Об этом ты узнаешь в свое время.

Айдахо молча покачал головой.

— Это не слишком приятное откровение, — сказал Лето. — Сначала ты должен узнать более важные для себя вещи. Положись на слово Атрейдеса.

На протяжении столетий Лето убедился в том, что упоминание о верности Атрейдесам безотказно гасило все вопросы Айдахо. Сработало и на этот раз.

— Значит, я снова призван на службу к Атрейдесам, — сказал Айдахо. — Это мне знакомо, не

так ли?

— Во многом да, мой друг.

— Для вас я старый друг, но для себя самого… Как я буду служить?

— Разве тебе не рассказали об этом Говорящие Рыбы?

— Они сказали, что я буду командовать элитной гвардией, набранной из них. Этого я не понял. Что, армия состоит из женщин?

— Мне нужен верный товарищ, который командовал бы армией. Ты возражаешь?

— Но почему женщины?

— Между полами существует большая поведенческая разница, и поэтому женщины особенно ценны в роли гвардейцев.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Ты полагаешь, что они не подходят на эту роль?

— Некоторые из них выглядят весьма крепкими, но…

— Но другие проявили непозволительную мягкость, не правда ли?

Айдахо покраснел.

Лето нашел эту реакцию очаровательной. Дунканы оставались одними из немногих в эти времена, кто сохранил способность краснеть. Все

это было понятно и объяснимо — Айдахо прошел курс обучения в те времена, когда были иные понятия о чести — он был настоящий рыцарь.

— Я не понимаю, почему вы доверили женщинам охранять свою жизнь? — Кровь медленно отхлынула от его щек. Он взглянул в глаза Лето.

— Но я всегда доверял им так же, как доверяю тебе, — я доверяю вам свою жизнь.

— От какой опасности мы должны вас охранять?

— Тебя введут в курс дела Монео и Говорящие Рыбы.

Айдахо переминался с ноги на ногу, тело его дрожало в такт бешеному сердцебиению. Он лихорадочно озирался, осматривая блуждающим взглядом стены и потолок маленького помещения. Внезапно он принял решение и посмотрел в лицо Лето.

— Как мне обращаться к вам?

— Ты согласишься называть меня Господь Лето?

— Да… господин? — Айдахо, не отводя взор, посмотрел в голубые фрименские глаза Лето. — Правду ли говорят Рыбы, что… вы храните множественную память… память о…

— Да, мы все здесь, Дункан, — теперь Лето го-

ворил голосом своего деда с отцовской стороны, потом:

— Здесь даже женщины, — теперь звучал голос бабки Лето по отцовской линии.

— Ты их знал, а они знали тебя, — сказал Лето.

Дрожа всем телом, Айдахо перевел дух.

— Мне потребуется какое-то время, чтобы к этому привыкнуть.

— Моя реакция была поначалу точно такой же, — отозвался Император.

Айдахо разразился хохотом. Лето подумал, что его намек вряд ли мог быть поводом для такого безудержного смеха, но ничего не сказал.

Успокоившись, Айдахо заговорил:

— Ваши Говорящие Рыбы должны были привести меня в хорошее расположение духа?

— Они преуспели в этом, не правда ли?

Дункан внимательно присмотрелся к лицу Императора, узнавая в нем отчетливые черты Атрейдесов.

— Вы, Атрейдесы, всегда хорошо понимали, чем можно меня расположить к себе, — сказал Айдахо.

— Вот так-то лучше, — похвалил его Лето. — Ты начинаешь понимать, что я не один Атрейдес, а все они, вместе взятые.

— Это когда-то говорил мне Пауль.

— Я говорю то же самое! — этого человека могли убедить только голос и интонации Пауля Муад'Диба.

Айдахо судорожно глотнул и повернулся к двери.

— Вы что-то отняли у нас, — проговорил Айдахо. — Я это чувствую. Монео, женщины…

***Мы** против **вы**,* подумал Лето. *Эти Дунканы всегда, что бы ни происходило, берут сторону людей.*

Айдахо вновь посмотрел в лицо Лето.

— Что вы дали нам взамен?

— Мир Лето во всей Империи!

— И я вижу, что все счастливы до блаженства! Именно поэтому вы нуждаетесь в личной охране.

Лето улыбнулся.

— Мой мир усилил спокойствие, а люди всегда восстают против спокойствия.

— И кроме того, вы даете нам Говорящих Рыб.

— И иерархию, которая определяется людьми безошибочно.

— И женскую армию, — процедил сквозь зубы Айдахо.

— Это сила, способная обуздать мужчин, —

заметил Лето. — Секс всегда был средством подчинить себе агрессивность мужчины.

— Именно этим они и заняты — смирением агрессивности?

— Они предотвращают и сглаживают инциденты, которые в противном случае могли бы привести к еще большему насилию.

— И это вы заставили их поверить в вашу Божественность? Я бы не сказал, что мне это нравится.

— Путь святости для меня не менее тяжел, чем для тебя.

Айдахо нахмурился. Он ожидал совершенно иного ответа.

— Какую игру вы ведете, Господь Лето?

— Очень древнюю, но по новым правилам.

— По вашим правилам!

— Ты хочешь, чтобы я снова позволил устанавливать правила ОСПЧТ Совету Земель и Великим Домам?

— Тлейлаксианцы говорят, что Совета Земель больше не существует. Вы упразднили всякое самоуправление.

— Ну хорошо, тогда, допустим, я мог бы уступить место Бене Гессерит, или иксианцам, или тем же тлейлаксианцам. Ты хочешь, чтобы я

нашел еще одного барона Харконнена и вручил ему власть над Империей? Скажи только слово, Дункан, и я отрекусь!

От такого натиска Айдахо только покачал головой.

— В злых руках, — сказал Лето, — монолитная централизованная власть — опасный и скользкий инструмент.

— А ваши руки — подходящие для этого?

— Я не могу с уверенностью сказать, подходят ли мои руки для того, чтобы держать власть, но я могу сказать это со всей определенностью о руках тех, кто был до меня. Их-то я знаю очень хорошо.

Айдахо повернулся к Лето спиной.

Какой очаровательный, чисто человеческий жест, подумал Лето. *Неприятие вкупе с осознанием своей уязвимости.*

Лето заговорил в спину Айдахо:

— Ты совершенно прав в том, что я иногда использую людей без их осознанного согласия.

Айдахо обратил к Лето свой профиль, потом взглянул в лицо Императору, слегка приподняв голову, чтобы взглянуть в синие, как небо, глаза повелителя.

Он меня изучает, подумал Лето. *Но для вынесения суждения он может пользоваться только*

лицом.

Атрейдесы учили своих людей читать мысли и чувства людей по малейшим нюансам жестов и мимики, но в данном случае задача была за гранью способностей Айдахо.

Дункан откашлялся.

— Что плохого вы от меня ждете? — спросил он.

Как это похоже на Дункана! — подумал Лето. Этот был классическим представителем, он не нарушит верность Атрейдесам, но при этом не сможет подняться над рамками своей личной морали и нравственности.

— От тебя потребуется охранять меня всеми необходимыми средствами и хранить мою тайну.

— Какую тайну?

— Что я уязвим.

— Так вы не Бог?

— Не в этом конечном смысле.

— Ваши Говорящие Рыбы рассказывали о мятежниках.

— Они действительно существуют.

— Почему?

— Они молоды и мне не удалось убедить их, что мой путь лучше. Очень трудно убедить молодежь

в чем бы то ни было. Они обременены слишком большими знаниями.

— Я не помню, чтобы Атрейдесы прежде так презрительно относились к молодежи.

— Вероятно, это оттого, что сам я очень стар — моя старость помножена на старость других. Моя задача усложняется с каждым следующим поколением.

— В чем заключается ваша задача?

— Постепенно ты сам это поймешь.

— Что будет, если я не справлюсь со своей задачей? Ваши женщины меня ликвидируют?

— Я не стану отягощать женщин чувством вины.

— Значит, вы отяготите им меня?

— Если ты примешь это условие.

— Если я найду, что вы хуже Харконнена, то обращусь против вас.

В этом весь Дункан. Они меряют все зло Харконненами. Как мало знают они о зле.

— Барон пожрал целые планеты, Дункан. Что может быть хуже этого?

— Пожрать всю Империю.

— Я чреват Империей, Дункан. Умирая, я дам ей жизнь.

— Если бы я мог в это поверить…

— Ты будешь командовать моей гвардией?

— Но почему я?

— Потому что ты самый лучший.

— Воображаю, какая это опасная работа. От нее принимали смерть мои предшественники?

— Некоторые из них.

— Хотелось бы мне иметь их память.

— Ты не можешь ее иметь и поэтому будешь оригинален в решениях.

— Тем не менее я хотел бы о них знать.

— Ты узнаешь о них.

— Итак, Атрейдесам все еще нужны острые ножи?

— У нас есть дела, которые можно доверить только Дункану Айдахо.

— Вы хотели сказать — Дунканам… — Айдахо поперхнулся, посмотрел на дверь, потом на лицо Лето.

Лето заговорил с ним как Муад'Диб, но голосом Лето:

— Когда мы последний раз вместе карабкались к сиетчу Табр, то были верны друг другу — ты мне, а я тебе. С тех пор ничто не изменилось.

— Но то был ваш отец.

— Это был я! — восклицание Муад'Диба поразило гхола до глубины души.

— Все вы… в одном теле… — прошептал Айдахо. Он был сломлен и сдался, прекратив сопротивление.

Лето молчал. Наступил решительный момент.

Айдахо улыбнулся своей характерной улыбкой, выражавшей: «Да черт бы вас всех побрал в конце концов!»

— Тогда я хочу говорить с первым Лето и Паулем, с теми, кто лучше всех меня знал. Используйте меня как следует, ведь я действительно любил вас.

Лето прикрыл глаза. Эти слова всегда расстраивали его. Он знал, что это была любовь к тем, по отношению к кому он был наиболее уязвим.

На помощь пришел Монео, слышавший весь разговор. Он вошел в помещение.

— Господин, должен ли я отвести Лето к гвардии, которой он будет командовать?

— Да, — это было единственное слово, которое Лето был сейчас в состоянии произнести.

Монео взял Айдахо под руку и вывел его из комнаты.

Добрый Монео, подумал Лето. *Как он добр. Он так хорошо меня понимает, но я скоро приду в полное отчаяние от его понимания.*

Я хорошо сознаю все зло моих предков, потому что я и эти люди – одно. Равновесие очень и очень хрупко. Я знаю, немногие из вас, тех, кто читает эти слова, когда-либо думали о своих предках так, как я. Вам никогда не приходило в голову, что ваши предки выжили наперекор обстоятельствам, и само выживание потребовало от них диких решений, непроизвольной, необузданной жестокости, жестокости, которую с таким трудом подавляет в себе цивилизованное человечество. Какую цену согласны вы платить за такое подавление? Примете ли вы со смирением собственный уход?

(Похищенные записки)

Одеваясь утром первого дня своей службы, Айдахо постарался стряхнуть с себя следы ночного кошмара. Он просыпался от него дважды и оба раза выходил на балкон, смотрел на звезды, а сон продолжал реветь у него в ушах.

Женщины… безоружные женщины в черных доспехах… надвигались на него с диким бессмысленным криком, как чудовищная шайка разбойников… они размахивали руками, влажными от алой крови… когда они набросились на него,

то обнажили в страшных улыбках огромные острые клыки!

В этот момент он просыпался.

Утренний свет не сгладил тягостное впечатление от ночного видения.

Ему отвели комнату в северной башне. С балкона открывался вид на дюны и дальнюю скалу с глинобитными домиками у ее подножия.

Глядя на эту сцену, Айдахо застегнул тунику.

Почему Лето набирает в свою армию только женщин?

Несколько хорошеньких Говорящих Рыб предложили своему новому командиру провести с ними ночь, но он отказался. Не подобает Атрейдесам завоевывать верность слуг сексом!

Он осмотрел свою одежду: черная форма с золотыми шевронами и красным ястребом на левой стороне груди. Это по крайней мере знакомо. Но нет ни знаков различия, ни чина.

— Они знают вас в лицо, — сказал Монео.

Странный маленький Монео.

Эта мысль несколько подняла настроение Айдахо. По размышлении он решил, что Монео вряд ли можно назвать маленьким, в росте он не уступал Айдахо. *Он подавлен, да, но маленьким его не назовешь. Он не меньше, чем я.* Монео был

словно погружен в себя и очень… собран.

Айдахо оглядел свои покои — при его равнодушии к комфорту это было настоящее сибаритство — мягкие подушки, приспособления, вделанные в стены, покрытые панелями из полированного дерева. Ванна была украшена голубыми плитками, под душем и в ванне могли одновременно мыться не меньше шести человек. Все так и говорило о распущенности и лени. Это была квартира, подходящая для того, чтобы вспомнить о всех возможных удовольствиях и радостях жизни.

— Умно, — прошептал он.

В дверь вежливо постучали, и женский голос произнес:

— Командир? Здесь Монео.

Айдахо бросил еще один взгляд на выжженную солнцем скалу.

— Командир? — Голос прозвучал громче и настойчивее.

— Войдите, — отозвался Айдахо.

Вошел Монео и закрыл за собой дверь. Туника и брюки на нем были ярко-белого цвета, что вынуждало при встрече сразу обращать внимание на лицо. Монео оглядел комнату.

— Вот куда они вас поместили. Проклятые женщины! Полагаю, что они думали, что делают для

вас благо, но могли бы подумать и лучше.

— Откуда вам известно, что мне нравится? — спросил Айдахо. Не успев закончить вопрос, он оценил его глупость.

Я не первый Дункан Айдахо, которого видит Монео.

Монео бесхитростно улыбнулся и пожал плечами:

— Я не хотел обидеть вас, полковник. Вы сохраните эту квартиру?

— Мне нравится вид.

— Но не обстановка. — Это был не вопрос, а констатация факта.

— Ее можно заменить, — сказал Айдахо.

— Я позабочусь об этом.

— Мне кажется, вы пришли, чтобы рассказать мне о моих обязанностях.

— Я сделаю это, насколько смогу. Я знаю, что все, что здесь происходит, покажется вам поначалу очень странным. Эта цивилизация глубоко отличается от той, к которой вы привыкли и которую знали.

— Это я уже вижу. Скажите, как… умерли мои предшественники?

В ответ Монео пожал плечами. Кажется, это был его излюбленный жест, в котором не было и

намека на растерянность или незнание.

— Он не смог избежать последствий своих решений, — ответил Монео.

— Уточните.

Монео вздохнул.

— Его погубил мятеж. Вам нужны подробности?

— Они будут для меня полезны?

— Нет.

— Сегодня я потребую полный отчет об этом мятеже. Но сначала о другом: почему в армии Лето нет мужчин?

— Есть — вы.

— Вы же понимаете, что я имею в виду.

— У Лето любопытная теория об армиях. Я много раз обсуждал ее с ним. Но не хотите ли позавтракать до моих объяснений?

— Нельзя ли совместить эти два дела?

Монео обернулся к двери и произнес только одно слово:

— Сейчас!

Эффект поразил Айдахо. В комнату буквально ворвалась группа Говорящих Рыб. Две из них извлекли из-за стенной панели раскладной стол и стулья и вынесли их на балкон. Остальные сервировали стол на двоих. Другие принесли блюда

— свежие фрукты, горячий рулет и дымящийся напиток, пахнущий кофе и Пряностью. Все это было сделано молча и настолько стремительно, что стало ясно, что у этих женщин большая практика в подобных делах. Не говоря ни слова, женщины, сделав свое дело, удалились.

Через минуту ошеломленный Айдахо уже сидел за столом напротив Монео.

— И так каждое утро? — спросил Дункан.

— Да, если вы этого пожелаете.

Айдахо попробовал напиток — кофе с меланжей. Узнал он и фрукт — сладкую дыню с Каладана — парадан.

Моя любимая дыня.

— Вы неплохо меня знаете, — сказал он.

Монео улыбнулся:

— Теперь о ваших вопросах.

— И любопытной теории Лето.

— Да, он считает, что чисто мужская армия создает опасность для своей гражданской базы, которая ее поддерживает и питает.

— Но это же сумасшествие! Без армии не будет…

— Я предвижу ваш аргумент, но он говорит, что мужская армия есть пережиток скринирующей функции, переданной нескрещивающимся сам-

цам доисторического стада. Он говорит, что это очень любопытный и упорный факт, заключавшийся в том, что старшие самцы всегда посылали в битвы более молодых.

— Что такое скринирующая функция?

— Это те, кто всегда находится за периметром опасности, защищая ядро размножающегося стада — то есть производителей самцов, женщин и детей. Это те, кто первым встречает хищника.

— Но… почему это создает опасность для гражданского населения?

Айдахо откусил кусок дыни и нашел ее восхитительно спелой.

— Господь Лето говорит, что в отсутствие внешнего врага чисто мужская армия всегда обращается против своего населения. Всегда.

— И борется с другими мужчинами за женщин?

— Возможно, но он полагает, что не все так просто.

— Я не нахожу эту теорию любопытной.

— Вы еще не до конца меня выслушали?

— Есть еще что-то?

— О да. Он говорит, что чисто мужская армия склонна к гомосексуализму.

Айдахо в упор посмотрел в глаза Монео.

— Я никогда…

— Естественно, нет. Имеется в виду сублимация энергии, ее отклонение и все остальное.

— Что остальное? — Его охватил гнев, в выпадах Лето он почувствовал угрозу своему мужскому самоуважению.

— Юношеские отношения — мальчики, живущие вместе, шутки, предназначенные для того, чтобы причинить боль, верность только своей казарме и полку… ну и все в таком же роде.

— И что вы об этом думаете? — холодно осведомился Айдахо.

— Я вспоминаю себя в тех условиях. — Монео отвернулся и посмотрел на расстилавшийся перед ними вид. — И думаю, что он прав. Он же сам каждый солдат в мировой истории. Он предложил мне целую галерею выдающихся военных, которые в своем развитии застыли на стадии подростка. Я отказался от предложения, но внимательно вспомнил собственную историю и свои характерологические особенности.

Монео посмотрел в глаза Айдахо.

— Подумайте об этом, полковник.

Айдахо очень гордился своей честностью, и это больно ударило его, как бумеранг. Культ юности и детства воспитывается армией? В этом зерно

истины. Даже в его опыте есть доказательства тому…

Монео кивнул.

— Гомосексуализм, латентный или иной, поддерживает эти условия, которые можно назвать чисто психологическими, заставляет людей в армии искать боли и причинять ее другим. Господь Лето говорит, что этот обычай уходит корнями в обряды инициации доисторических времен.

— Вы ему верите?

— Я — да.

Айдахо взял еще кусок дыни — на этот раз она показалась ему совершенно безвкусной, и он отложил кусок в сторону.

— Мне надо подумать над этим, — сказал Айдахо.

— Конечно.

— Вы совсем ничего не едите, — сказал Айдахо.

— Я встал еще до рассвета и позавтракал, — произнес Монео. — Эти женщины постоянно стараются меня соблазнить.

— Им это удается?

— Время от времени.

— Вы правы, я тоже нахожу эту теорию любопытной. Есть в ней еще что-нибудь?

— Господь Лето говорит, что когда армия вы-

рывается из гомосексуально-юношеской узды, она становится склонной к изнасилованиям. Изнасилования часто сочетаются с убийствами, а это уже не поведение, призванное обеспечить выживание.

Айдахо нахмурился.

Губы Монео искривились в жесткой усмешке.

— Господь Лето говорит, что только дисциплина Атрейдесов и моральные ограничения позволяли в ваше время избегать самых худших эксцессов.

Айдахо глубоко вздохнул.

Монео откинулся на спинку стула и вспомнил слова, некогда сказанные Богом-Императором. *«Не имеет значения, насколько сильно и страстно мы ищем истины. Несмотря на это, знание правды может оказаться очень горьким и неприятным. Мы не слишком хорошо относимся к Вещателям Истины».*

— Эти проклятые Атрейдесы! — в сердцах воскликнул Айдахо.

— Я — Атрейдес, — просто сказал Монео.

— Что? — Айдахо был потрясен.

— Его селекционная программа, — заговорил в ответ Монео. — Я уверен, что на Тлейлаксу вам говорили о ней. Я — прямой потомок от брака его

сестры и Харка аль-Ада.

Айдахо подался вперед.

— Тогда скажи мне, Атрейдес, чем женщины как солдаты лучше мужчин?

— Им легче взрослеть.

Айдахо в изумлении тряхнул головой.

— Сама природа толкает их к ускоренному созреванию, — сказал Монео. — Как говорит Господь Лето: «Выносите девять месяцев ребенка в своем чреве, и это изменит вас».

Айдахо откинулся назад.

— Что он может об этом знать?

Монео ничего не ответил, просто посмотрел на Айдахо непонимающим взглядом, и тут Дункан вспомнил о множественной живой памяти Лето — который был одновременно мужчиной и женщиной. Монео понял это, вспомнив еще одно изречение Бога-Императора: *«Твои слова зажгли на его лице то выражение, которого ты добивался».*

Молчание затянулось, Монео откашлялся и заговорил первым:

— Огромная память Господа Лето заставила замолчать и меня.

— Он честен с нами? — спросил Айдахо.

— Я ему верю.

— Но он делает так много… Я имею в виду селекционную программу. Как долго она продолжается?

— С самого начала. С того дня, как он отнял проведение программы у Бене Гессерит.

— Чего он хочет от своей программы?

— Мне бы очень хотелось это знать.

— Но ведь вы…

— Я — Атрейдес и первый адъютант, это так.

— Но вы не убедили меня, что женская армия лучше мужской.

— Женщины продолжают род.

Наконец-то гнев и растерянность Айдахо нашли свой объект.

— Так, выходит, то, чем я занимался с ними первую ночь, — тоже селекция?

— Возможно, Говорящие Рыбы не предохраняются от беременности.

— Будь он проклят! Я же не животное, которое можно передавать из стойла в стойло, как… как…

— Жеребца, хотите вы сказать?

— Да!

— Но Господь Лето не хочет следовать примеру тлейлаксианцев и заниматься генной хирургией и искусственным оплодотворением.

— Как тлейлаксианцы получили…

— Они сами — объект изучения. Это вижу даже я. Их Танцующие Лицом — мулы, колония организмов, а не люди.

— Эти другие… я… мои копии… они тоже были племенными жеребцами?

— Некоторые были. У вас были потомки.

— Кто?

— Я один из них.

Айдахо уставился на Монео, внезапно растерявшись от такого родства. Он не понял, как такое вообще может быть. Монео же намного старше его… Но я? Кто из них в действительности старше? Кто из них предок, а кто потомок?

— Иногда у меня самого бывают трудности такого рода, — признался Монео. — Господь Лето говорит мне, что вы — не мой потомок в обычном смысле этого слова. Но вы — отец некоторых из моих потомков.

В ответ Айдахо только ошеломленно покачал головой.

— Иногда мне кажется, что до конца понять эти вещи может только сам Бог-Император, — сказал Монео.

— Вот это другое дело, — согласился Айдахо. — Такие дела — это промысел Божий!

— Господь Лето говорит, что он создал святую непристойность.

Это был вовсе не тот ответ, на который рассчитывал Айдахо. *Он ненавидит своего Бога-Императора! Нет, он его боится. Но разве мы не ненавидим тех, кого боимся?*

— Почему вы в него верите?

— Вы хотите спросить, разделяю ли я народную религию?

— Нет! Я хочу знать, разделяет ли ее он сам?

— Да, я так думаю.

— Почему? Почему вы так думаете?

— Потому что он говорит, что не желает больше создавать Танцующих Лицом. Он настаивает на своем человеческом происхождении, говорит, что если бы он когда-то вступил в брак, то у него было бы обычное потомство.

— Но какое все это имеет отношение к программе и к его божественности?

— Вы спросили меня, во что он верит. Я думаю, что он верит в случай. Я думаю, что он действительно Бог.

— Но это же суеверие!

— Учитывая обстановку в Империи, это очень смелое суеверие.

Айдахо уставился на Монео горящими глаза-

ми.

— Вы проклятые Атрейдесы! — процедил он сквозь зубы. — Все-то вы осмеливаетесь.

Монео услышал в его голосе неприязнь, смешанную с восхищением.

Дунканы всегда начинают именно так.

В чем заключается принципиальное различие между нами, между вами и мной? Вы уже знаете это – разница в памяти моих предков. Мои предки являются мне во всей полноте своих осознанных воспоминаний – ваши являются вам из темного подсознания. Некоторые называют это инстинктом или судьбой. Память предков испытывает свои рычаги на каждом из нас – это касается и того, что мы думаем, и того, что мы делаем. Вы думаете, что устойчивы к таким воздействиям? Я – как Галилей. Вот я стою здесь и говорю: «И все-таки она вертится!» То, что так движется, обладает такой силой, какой не обладает ни один из смертных, даже те, кто осмеливается рисковать. Я осмеливаюсь на это.

(Похищенные записки)

— Будучи ребенком, она любила наблюдать за мной, помнишь? Когда она думала, что я не вижу ее, Сиона кружила вокруг меня, как пустынный ястреб, который кружит над логовом своей жертвы. Ты сам мне об этом рассказывал.

Говоря эти слова, Лето повернулся в четверть

оборота, приблизив свое лицо к Монео, который ехал рядом с его тележкой.

Только-только забрезжил рассвет, они находились на дороге, проложенной по искусственному горному хребту, соединявшему Цитадель Сарьира с Городом Празднеств. Дорога, прямая, как луч лазера, доходила до каньонов реки Айдахо и, изгибаясь широким полукругом, ныряла в скалы, пересекая реку. Воздух был насыщен влажным туманом, поднимающимся от шумно текущей вдалеке реки, но Лето был защищен от влаги большим пузырьковым покрытием, которое окружало тележку спереди. Влага причиняла организму Червя некоторые страдания, но сладостный запах пустынной растительности, которым был напоен туман, приятно щекотал человеческое обоняние Лето. Он приказал кортежу остановиться.

— Почему мы остановились, господин? — спросил Монео.

Лето не отвечал. Тележка натужно скрипнула, когда тело Червя, выгнувшись дугой, приподнялось, и Лето смог посмотреть вдаль, туда, где виднелся Запретный Лес, расположенный возле Моря Кинеса. Лес серебристо блестел вдалеке справа от дороги. Дамба поднималась здесь на

высоту более двух тысяч метров, чтобы защитить Сарьир от влажного ветра с моря. Со своей высоты Лето легко мог разглядеть небольшую точку — там было место, где он повелел построить Онн — Город Празднеств.

— Меня остановила моя прихоть, — признал Лето.

— Мы не пересечем мост перед отдыхом? — спросил Монео.

— Я не отдыхаю.

Лето продолжал неотрывно смотреть вперед. После нескольких аттракционов, видимых с этого расстояния, как смутные тени, дорога пересекала реку по фантастически высокому мосту, взбегала на защитный хребет и плавно опускалась к городу, казавшемуся отсюда собранием множества остроконечных шпилей.

— Похоже, этот Дункан смирился со своей участью и ведет себя разумно. Ты поговорил с ним? — спросил Лето.

— Как вы и приказывали мне, господин.

— Конечно, прошло всего-навсего четыре дня, — продолжал Лето. — Для того чтобы прийти в себя, им иногда требуется гораздо больший срок.

— Все это время он занимался с вашей гвар-

дией, господин. Вчера они снова допоздна были в поле.

— Дунканы не любят, когда мы выезжаем на прогулки, они постоянно ждут нападения.

— Я знаю, мой господин.

Лето повернул голову и в упор посмотрел на Монео. Поверх белой формы на мажордоме был надет зеленый плащ. Он стоял возле защитного пузыря точно в том месте, где предписывал регламент подобных выездов.

— Ты очень добросовестен, Монео.

— Благодарю вас, господин.

Стражники и придворные стояли на почтительном расстоянии от тележки, ожидая продолжения движения. Большинство из них старались, чтобы не было даже похоже, что они могут услышать хотя бы обрывки разговора Лето с Монео. То же самое делал и Айдахо. Своих Говорящих Рыб он расположил вдоль дороги в боевом охранении. Сам он стоял в отдалении и пристально смотрел на тележку. На Дункане была надета черная форма с белым шевроном — подарок Говорящих Рыб. Монео нарушил молчание:

— Им очень нравится их новый командир, он хорошо знает свое дело.

— А чем он занят, Монео?

— Как? Он охраняет вашу персону, господин.

Женщины Императорской гвардии были одеты в облегающую зеленую форму с красным ястребом Атрейдесов на левой стороне груди.

— Они очень внимательно на него смотрят, — заметил Лето.

— Он учит их боевому языку жестов; говорит, что это старая система Атрейдесов.

— Это абсолютно верно. Интересно, почему этого не сделал предыдущий Дункан?

— Господин, если этого не знаете даже вы…

— Я шучу, Монео. Предыдущий Дункан просто не замечал опасности до тех пор, пока не стало слишком поздно. Этот воспринял наши объяснения?

— Во всяком случае, мне так сказали, господин. Он очень рьяно принялся за службу.

— Почему он вооружен только ножом?

— Женщины убедили его, что лазерные ружья необходимо брать только в особых случаях и вооружать ими наиболее тренированных и подготовленных гвардейцев.

— Твои опасения безосновательны, Монео. Скажи женщинам, что бояться этого Дункана еще рано.

— Как прикажет мой господин.

Для Лето было очевидно, что Дункан отнюдь не в восторге от такого большого количества придворных, и он старался держаться от них в отдалении. Ему сказали, что большинство этих людей занимаются гражданскими делами. Почти все они были разодеты в самое лучшее, что у них было, чтобы явиться во всем блеске своего могущества перед лицом Бога-Императора. Лето понимал, какими надутыми глупцами должны были казаться эти люди Айдахо. Однако Император помнил еще худшие времена, и такое положение вещей казалось ему шагом вперед.

— Ты представил его Сионе? — спросил Лето.

При упоминании Сионы Монео нахмурил брови.

— Успокойся, она очень мне нравится, несмотря на то что шпионит за мной.

— Она становится очень опасной, мой господин. Иногда мне кажется, что она проникает в мои самые сокровенные мысли.

— Мудрое дитя должно знать своего отца.

— Я не шучу, мой господин.

— Да, это я вижу. Тебе не кажется, что Дункан проявляет нетерпение?

— За это время они разведали дорогу почти до моста, — ответил Монео.

— Они что-нибудь нашли?

— То же самое, что и я, — новый Музей фримена.

— Они подали новую петицию?

— Не гневайтесь, мой господин.

Лето снова внимательно посмотрел вперед. Необходимость пребывать на открытом воздухе, эти длительные ритуальные путешествия, предпринимаемые только затем, чтобы вселить высокий моральный дух в Говорящих Рыб, — все это очень беспокоило Лето. Да тут еще эта злосчастная петиция!

Твердым шагом к Монео подошел Айдахо и остановился возле тележки.

В движениях Дункана было что-то угрожающее. *Не может быть, чтобы так скоро,* подумал Лето.

— Почему мы остановились, мой господин? — спросил Айдахо.

— Я часто останавливаюсь здесь, — ответил Лето.

Это была истинная правда. Он обернулся и посмотрел на высокий мост. Дорога, извиваясь, шла над каньоном, затем ныряла в Запретный Лес и дальше выходила в поля над рекой. Лето часто останавливался здесь, чтобы полюбоваться

восходом солнца. Сегодня в этом зрелище было что-то особенное… вид восходящего светила пробуждал в Лето давнюю память.

Поля Императорской плантации простирались за Лес, и лучи утреннего солнца играли золотыми бликами на спелых колосьях. Зерно напомнило Лето о песках, о двигавшихся дюнах, которые когда-то покрывали эту землю.

И скоро покроют опять.

Впрочем, зерно не очень походило на кремнистый янтарный песок, который он так хорошо помнил. Лето оглянулся на скалу, замыкавшую въезд в Сарьир, — эта скала много лет назад была его убежищем. Но цвет скалы разительно изменился с тех давних пор. Как бы то ни было, глядя на Город Празднеств, Лето испытывал боль, чувствуя, что его сердце превратились во что-то чуждое роду человеческому.

Чем отличается это утро, что я чувствую такую тоску по утраченной человечности? — с удивлением подумал Лето.

Из всего императорского кортежа только он один, глядя на буйную растительность, думал о *бахр бела ма*, океане без воды.

— Дункан, — обратился Лето к Айдахо. — Посмотри туда, в сторону города. Когда-то там

был Танзеруфт.

— Страна Ужаса? — В глазах Айдахо мелькнуло изумление, когда он взглянул в сторону Онна и снова посмотрел на Лето.

– *Бахр бела ма,* — сказал Лето. — В течение последних трех тысяч лет он покрыт океаном растительности. Из всех ныне живущих на Арракисе только мы с тобой видели настоящую Пустыню.

Айдахо снова посмотрел в сторону Онна.

— Где же Защитный Вал? — спросил он.

— Там, где пропасть Муад'Диба, там, где мы построили Город.

— Вот эта линия небольших холмов и есть Защитный Вал? Что же с ним случилось?

— Сейчас ты стоишь прямо на нем.

Айдахо воззрился на Лето, потом посмотрел себе под ноги и, наконец, огляделся по сторонам.

— Мы двинемся дальше, мой господин? — почтительно спросил Монео.

У Монео в груди вместо сердца тикают часы — он настоящее воплощение службы, подумал Лето. Ему предстояло провести важные переговоры, встретиться с множеством посетителей и сделать еще массу важных дел. Время подгоняло его. И ему не нравилось, когда его Бог-Император начинал толковать с Дунканами, вспоминая

фременское прошлое.

Лето вдруг осознал, что на этот раз задержался в пути дольше обычного. Придворные и гвардейцы давно замерзли на свежем утреннем холодке, тем более что придворные надели одежду, предназначенную для праздника, а не для защиты от погоды.

Хотя кто знает, подумал Лето, *вероятно, для них празднество — это своеобразная форма защиты.*

— Там были дюны, — произнес между тем Айдахо.

— Да, протянувшиеся на тысячи километров, — согласился Лето.

Мысли Монео пришли в смятение. Бог-Император отличался склонностью к рефлексии, но мажордом никогда не видел своего господина таким грустным. Вероятно, он грустит из-за смерти предыдущего Дункана. Кроме того, иногда Лето в таком состоянии высказывал вслух свои тайные мысли. Никогда нельзя спрашивать о причинах плохого настроения владыки, но им можно и нужно воспользоваться.

Надо предупредить Сиону, подумал Монео. *Если бы только юная глупышка могла меня послушать!*

Мятежный дух в Сионе был очень силен, не то, что в Монео. Лето обуздал его, приучил к Золотому Пути и беспорочной службе, но методы, которыми пользовался Лето для его воспитания, не годятся для Сионы. За время службы Монео узнал о таких способах воспитания, о которых он раньше не мог и подозревать.

— Я совершенно не узнаю местность, — признался Дункан.

— Прямо там, — продолжал Лето, — где кончается Лес, начинается дорога к Расщепленной Скале.

Монео перестал прислушиваться к их голосам. *Очарование и колдовство Бога-Императора — вот что заставило меня так беззаветно ему служить.* Лето никогда не перестает удивлять и поражать. Он непредсказуем. Монео посмотрел на профиль Императора. *Во что он превратился?*

В начале своей карьеры Монео изучал секретные журналы Цитадели, читал историю трансформации Лето. Но симбиоз с песчаной форелью оставался тайной за семью печатями, и даже рассказы самого Лето не могли рассеять этого непонимания. Если верить записям, то кожа из песчаных форелей сделала тело Лето неуязви-

мым по отношению к времени и физическому воздействию. Ребристый корпус мог противостоять даже зарядам лазерного ружья.

Сначала песчаная форель, потом червь — это часть великого цикла, в конце которого образуется Пряность. Этот цикл помещается в теле Императора, отмечает его время.

— Давайте двигаться, — произнес наконец Лето.

Монео мучила мысль о том, что он что-то пропустил. Он вышел из задумчивости и посмотрел в улыбающееся лицо Айдахо.

— Это называется витать в облаках, — смеясь, произнес Лето.

— Простите меня, господин, — сказал Монео. — Я…

— Ты витал в облаках, — повторил Лето, — но в этом нет ничего страшного.

Лето поудобнее разместился в тележке, закрыл защитный пузырь, оставив снаружи только голову, и двинул свой экипаж. Повозка начала медленно взбираться на подъем.

Айдахо поравнялся с Монео.

— Под тележкой есть воздушная подушка, но он пользуется колесами, — сказал Айдахо. — Почему он это делает?

— Господу Лето нравится использовать колеса вместо антигравитации.

— Но почему? И как он управляет этим экипажем?

— Вы его не спрашивали?

— У меня не было такой возможности.

— Императорскую повозку изготовили на Иксе.

— Что вы хотите этим сказать?

— Говорят, что Господь Лето приводит экипаж в движение, когда начинает думать об этом каким-то особым способом.

— Но точно вы не знаете?

— Такие вопросы не доставляют ему удовольствия.

Даже для близких ему людей Лето остается загадкой, подумал Монео.

— Монео, — окликнул Лето своего мажордома.

— Вам лучше вернуться к своим обязанностям, — сказал Монео, жестом направляя Айдахо в арьергард.

— Я бы предпочел быть впереди, — возразил Дункан.

— Господь Лето не желает этого! Ступайте назад!

Монео поспешил занять свое место возле лица

Лето, заметив, что Айдахо выполнил его приказ.

Лето взглянул на Монео.

— Ты очень хорошо это исполнил, Монео.

— Благодарю вас, мой господин.

— Ты знаешь, почему Дункан хочет находиться впереди?

— Конечно, ведь именно там должен находиться командир гвардии.

— Правильно, и он очень хорошо ощущает опасность.

— Я не понимаю вас, господин. Я никогда не понимаю, почему вы делаете ту или иную вещь.

— И это правильно, Монео. Так и должно быть.

Присущее женщинам чувство сопричастности является изначально семейным чувством – забота о детях, собирание и приготовление пищи, общие радости, любовь и горести. Похоронный плач – явление тоже изначально женское. Религия при своем зарождении была чисто женской монополией, она была отнята у женщин только после того, как стала мощной социальной силой. Женщины были первыми учеными-медиками и практикующими врачами. Между полами никогда не существовало явного равновесия, потому что власть обусловлена ролью точно так же, как и знаниями.

(Похищенные записки)

Это утро было совершенно катастрофическим для Преподобной Матери Терциус Айлин Антеак. Она прибыла на Арракис со своим Вещателем Истины Маркус Клер Луйсейал и официальной делегацией после трехчасового пребывания на корабле Гильдии, зависшем на стационарной орбите. Во-первых, они получили апартаменты на самой окраине Города Празднеств, в одном из последних домов квартала посольств. Комнаты

были малы и не слишком чисты.

— Еще немного и нас поселили бы в трущобе, — сказала Луйсейал.

Во-вторых, их лишили средств связи. Экраны мониторов не зажигались, какие бы кнопки ни нажимали и какие бы диски ни вращали прибывшие.

Антеак, не скрывая гнева, обратилась к одной из Говорящих Рыб — женщине с насупленными бровями и мускулатурой грузчика.

— Я хочу обратиться с жалобой к вашему командиру!

— Во время Праздника не допускаются никакие жалобы, — хрипло ответила амазонка.

Антеак прожгла женщину горящим взглядом, но этот взгляд, от которого приходили в замешательство Преподобные Матери, вызвал у стражницы лишь улыбку.

— У меня есть приказ. Я должна оповестить вас, что ваша аудиенция у Бога-Императора отложена на последнее место в ряду аудиенций.

Большая часть делегации Бене Гессерит уже слышала об этом, и даже самые мелкие сошки прекрасно поняли значение этой немилости. Все партии Пряности к этому времени будут уже распределены или вовсе исчерпаны.

— Сначала у нас была третья очередь, — как можно мягче и сообразуясь с обстоятельствами, сказала Преподобная Мать.

— Таков приказ Бога-Императора!

Антеак знала эту интонацию Говорящих Рыб. Дальнейшие возражения могли спровоцировать стражу на применение силы.

Какое неудачное утро, а теперь еще и это!

Антеак присела на низкий стул у стены одной из почти пустых комнат их крошечного номера. Кроме стула, в комнате была только низкая жесткая лежанка — это жилище прекрасно подошло бы для прислуги. Обшарпанные светло-зеленые стены давно не мылись, светильник был настолько стар, что его нельзя было настроить ни на какой цвет, кроме желтого. Было похоже, что раньше комната была кладовой, в ней стоял затхлый плесневый запах, черный пластиковый пол покрывали зазубрины и царапины.

Разглаживая на коленях аба, Антеак, подавшись вперед, внимательно слушала посланницу, которая, склонив в поклоне голову, стояла на коленях перед Преподобной Матерью. У посланницы были простоватые глаза, светлые волосы; лицо и шея были покрыты потом. Платье было запылено, подол заляпан грязью.

— Ты уверена, абсолютно уверена? — Антеак говорила очень мягко, почти с нежностью, чтобы успокоить бедную девушку, которая все еще дрожала от страха.

— Да, Преподобная Мать. — Взгляд посланницы опустился еще ниже.

— Ты должна пройти через это еще раз, — сказала Антеак, а девушка подумала: *Мной жертвуют из-за нехватки времени. Я правильно ее поняла.*

— Как мне было приказано, я вошла в контакт с иксианцами в их посольстве и передала им ваше приветствие. После этого я поинтересовалась, нет ли у них послания, которое они хотели бы передать вам.

— Да, да, девочка! Я это знаю, скорее переходи к сути.

Посланница судорожно сглотнула.

— Представитель посольства назвался Отхви Йак, временный глава посольства и помощник бывшего посла.

— Ты уверена, что он не Танцующий Лицом?

— Нет, в нем не было заметно никаких признаков этого, Преподобная Мать.

— Очень хорошо, мы знаем этого Йака. Можешь продолжать.

— Йак сказал, что они ожидают прибытия

нового…

— Хви Нори, новый посол, она должна прибыть сегодня.

Посланница судорожно облизнула сухие губы.

Мысленно Преподобная Мать решила направить несчастное создание на более элементарный курс тренировок. Посланницы должны быть более выдержанными, хотя в данном случае извинением может служить очень щекотливое и опасное задание.

— После этого он попросил меня подождать, — продолжила посланница. — Он вышел и скоро вернулся с тлейлаксианцем, Танцующим Лицом. Я в этом уверена, присутствовали все признаки…

— Я тоже уверена, что ты не ошиблась, девочка, — сказала Антеак. — Теперь переходи… — Она осеклась, в комнату вошла Луйсейал.

— Что это такое? Я сегодня весь день только и слышу что о посланиях от тлейлаксианцев и иксианцев.

— Сейчас вот эта девушка рассказывает мне о них. Кстати, почему меня никто не известил? — Антеак посмотрела на Вещающую Истину, думая, что Луйсейал, наверное, самая лучшая в своем деле, но слишком хорошо знает себе цену. Луйсейал была очень молода, но в ее чертах угадывалась

Джессика и ее ум.

— Служанка сказала, что ты медитируешь, — мягко обратилась Антеак к Вещательнице.

— Да, — кивнула та и села на кушетку, обратившись к девушке: — Продолжай.

— Танцующий Лицом сказал, что у него есть послание для Преподобных Матерей. Он использовал множественное число — я не ослышалась.

— Он знает, что нас здесь двое, — проговорила Антеак.

— Об этом уже все знают, — вставила свое слово Луйсейал.

Антеак снова обратила свое лицо к посланнице.

— Воспользуйся состоянием транса, девочка, и перескажи нам доподлинные слова Танцующего Лицом.

Посланница кивнула, села на пятки, положила руки на колени, сделала три глубоких вдоха и заговорила писклявым голосом, произнося гласные немного в нос:

— Передайте Преподобной Матери, что сегодня к вечеру Империя избавится от своего Бога-Императора. Мы поразим его до того, как он успеет прибыть в Онн. Ошибки быть не может.

Посланница испустила глубокий вздох. Глаза

ее открылись, и она взглянула на Антеак.

— Иксианец Йак порекомендовал мне поспешить назад с этим известием. Он особым образом прикоснулся к моей руке, убеждая меня в том, что не…

— Йак из наших, — сказала Антеак. — Покажи ей осязательное послание.

— К нам вошли Танцующие Лицом и поэтому нам нельзя двигаться.

Луйсейал поднялась с кушетки, и Антеак сказала:

— Я уже приняла меры по охране наших дверей. — Преподобная взглянула на посланницу. — Можешь идти, девочка, ты оказалась адекватной своей задаче.

— Слушаюсь, Преподобная Мать. — Девушка выпрямилась с присущей ей грацией, но движения ее были немного скованны. Она знала нюансы речи Антеак: адекватно — это не значит хорошо.

Когда посланница вышла, заговорила Луйсейал:

— Ей стоило получше изучить посольство и узнать, скольких иксианцев заменили.

— Думаю, что это было лишнее, в ее пределах работа выполнена вполне удовлетворительно.

Конечно, ей надо было узнать у Йака все подробности плана. Боюсь, что мы потеряли этот источник.

— Причины, по которым тлейлаксианцы послали нам это сообщение, совершенно очевидны, — сказала Луйсейал.

— Но они действительно хотят на него напасть.

— Да, и естественно, что так поступили бы совершеннейшие глупцы. Меня больше интересует, почему они передали именно нам это сообщение.

Антеак согласно кивнула.

— Они думают, что теперь у нас нет иного выбора, кроме как присоединиться к ним.

— А если мы попытаемся предупредить Господа Лето, то тлейлаксианцы тотчас расшифруют наших посланников и их связи.

— Но что, если тлейлаксианцы добьются успеха?

— Это очень маловероятно.

— Но нам не известны детали их плана, мы можем судить только о времени его исполнения.

— Что, если в этом плане принимает участие эта девушка, Сиона?

— Я уже задавала себе этот вопрос. Ты слышала

полный отчет Гильдии?

— Только резюме. Этого достаточно?

— Да, вероятнее всего, достаточно.

— Будьте осторожны с термином «вероятнее всего», — сказала Луйсейал. — Никто не должен думать, будто вы — ментат.

Антеак сухо ответила:

— Я полагаю, что ты не отодвинешь меня в сторону.

— Так ты думаешь, что Сиона в своих действиях подчиняется Гильдии?

— Для этого у меня недостаточно информации. Если им верить, то она обладает сверхъестественными способностями.

— Отец Лето обладал такими способностями?

— Любой Гильд-навигатор мог спрятаться от всевидящего ока отца Лето.

— Но не от самого Лето.

— Я не слишком тщательно читала доклад Гильдии. Она не слишком сильно маскируется, и ее действия и действия окружающих ее людей…

— Она исчезает, исчезает из поля их зрения.

— Это может делать только она одна, — подчеркнула Антеак.

— Но может ли она исчезать из поля зрения Господа Лето?

— Этого они не знают.

— Хватит ли у нас смелости войти с ней в контакт?

— А почему нет? — спросила Антеак.

— Все это может оказаться пустым звуком, если тлейлаксианцы… Антеак, мы должны сделать хотя бы попытку предупредить его.

— У нас нет подходящих средств связи, а у дверей бдительные Говорящие Рыбы. Они позволят нашим людям войти, но не выпустят их.

— Может быть, нам следует поговорить с кем-нибудь из Рыб?

— Я уже подумала об этом. Мы всегда сможем сказать, что боялись, что вместо Говорящих Рыб у наших дверей были Танцующие Лицом.

— Охрана у дверей, — процедила сквозь зубы Луйсейал. — Возможно ли, что он все знает?

— Все возможно.

— Да, это единственное, что можно определенно сказать о Господе Лето, — сказала Луйсейал.

Тихо вздохнув, Антеак поднялась со стула.

— Как я тоскую по тем временам, когда у нас было сколько угодно Пряности.

— Эта тоска всего лишь еще одна иллюзия, — сказала Луйсейал. — Надеюсь, мы хорошо усвоили урок, независимо от того, что предпримут

сегодня тлейлаксианцы.

— Что бы они ни предприняли, они все сделают грубо и топорно, — проворчала Антеак. — Господи! Теперь практически невозможно найти хорошего убийцу.

— Для этого под рукой всегда есть гхола Айдахо, — сказала Луйсейал.

— Что ты сказала? — Преподобная Мать ошеломленно уставилась на подругу.

— Всегда есть…

— Да!

— Но гхола отличаются телесной медлительностью.

— Зато они очень быстры на голову.

— Что ты обо всем этом думаешь?

— Возможно, что тлейлаксианцы… Нет, даже они не могут быть настолько…

— Неужели Айдахо — Танцующий Лицом? — прошептала Луйсейал.

В ответ Антеак молча кивнула.

— Выброси это из головы, — сказала Луйсейал. — Не могут же они действительно быть настолько глупы.

— Очень рискованно высказывать суждения о тлейлаксианцах, — не согласилась с подругой Антеак. — Нам надо приготовиться к худшему.

Зови сюда одну из Говорящих Рыб!

Нескончаемые войны приводят к появлению особых социальных условий, характер которых одинаков в самые разнообразные эпохи. Люди приобретают постоянную готовность к отражению опасности. У власти практически всегда находится автократия. Всякие новшества – будь то новые планеты, новые экономические идеи, новые изобретения, пришельцы – воспринимаются, как нечто враждебное, опасное и подозрительное. Феодализм держит такое общество мертвой хваткой, не важно, как называются его структуры – политбюро или как-нибудь иначе, – конкретная маска не имеет значения, но она всегда присутствует. Линия власти передается по наследству. Благосостояние народа делят между всеми некие наместники высшего божества. Эти люди отчетливо понимают, что наследование надо контролировать, иначе власть уплывает из рук. Теперь-то вы понимаете, в чем суть Мира Лето?

(Похищенные записки)

— Получили ли Бене Гессерит информацию о

новой схеме? — спросил Лето.

Свита тем временем достигла первой отметки, после которой дорога поднималась в гору, приближаясь к мосту через реку Айдахо. Солнце поднялось на четверть дуги, и некоторые придворные сбросили плащи. Айдахо с небольшой группой Говорящих Рыб шел на левом фланге, на его потном обмундировании уже осела пыль. Состязаться в скорости с Императорской тележкой было нелегким делом.

Монео споткнулся, но сумел удержать равновесие.

— Да, их проинформировали, господин.

Было очень нелегко изменить ритуал приема, но Монео научился приспосабливаться к неожиданным поворотам событий во время Празднеств. У него были планы практически на все случаи жизни.

— Они все еще просят разрешения учредить постоянное посольство на Арракисе? — спросил Лето.

— Да, господин, и я дал им обычный ответ.

— Достаточно было бы и простого «нет», — произнес Лето. — Нет больше необходимости напоминать им, что мне ненавистны их религиозные притязания.

— Да, господин, — сказал Монео, стараясь держаться на положенном расстоянии от тележки. В Лето сегодня было очень много от червя. Виновата была влажность, характер Червя проявлялся больше всего именно при высокой влажности.

— Религия всегда приводит к риторическому деспотизму, — сказал Лето. — До Бене Гессерит на этой ниве больше других отличились иезуиты.

— Иезуиты, господин?

— Ты наверняка знаешь о них из курса истории.

— Не уверен в этом, мой господин. Когда они жили?

— Это не важно. Ты в достаточной степени осведомлен о риторическом деспотизме, поскольку хорошо знаешь историю Бене Гессерит. Правда, они не доводят дело до явной одержимости своим учением.

Преподобные Матери прибыли в очень неудачный для них момент, подумал Монео. *Он собирается проповедовать против них, а они испытывают к этому органическое отвращение. Это может привести к серьезным осложнениям.*

— Как они отреагировали на изменение протокола? — спросил Лето.

— Мне сказали, что они были разочарованы, но

не стали настаивать на своем.

При этом Монео подумал: *Лучше всего приготовить их к еще большим разочарованиям, которые постигнут их, когда им не разрешат поддерживать контакты с делегациями Икса и Тлейлаксу.*

Подумав это, Монео покачал головой. Это могло привести к совершенно непредсказуемому и опасному заговору. Надо предупредить об этом Дункана.

— Это приводит к самостоятельно исполняющимся пророчествам и оправданию всякой мерзости, — продолжал между тем Лето.

— Вы имеете в виду… риторический деспотизм, мой господин? — спросил Монео.

— Да! Он прикрывает зло стенами самозваной праведности, которая не воспринимает аргументы, направленные против зла.

Монео с беспокойством смотрел, как рудименты рук совершают круговые движения, словно подтверждая слова Лето, сегментированное тело подергивалось. *Что мне делать, если Червь вдруг окончательно покинет его?* От этой мысли лоб Монео покрылся холодным потом.

— Такой подход питается извращенными средствами, которые намеренно применяют для дискредитации противоположных мнений, —

сказал Лето.

— Это касается всего, мой господин?

— Иезуиты называли это «укреплением основы власти». Это приводит к лицемерию, которое всегда формирует пропасть между действиями и их объяснением. Они никогда не соглашаются с противоположным мнением.

— Мне надо более тщательно ознакомиться с предметом, мой господин, — сказал Монео.

— В конечном счете власть начинает править подданными с помощью чувства вины, что приводит к охоте на ведьм и необходимости находить козлов отпущения.

— Это потрясает, мой господин.

Кортеж обогнул угол скалы, и вдалеке показался мост.

— Монео, ты внимательно следишь за моими рассуждениями?

— Да, мой господин.

— Я описываю инструмент создания основ религиозной власти.

— Я понял это, мой господин.

— Но почему ты проявляешь такой страх? Чего ты боишься?

— Разговор на религиозную тему всегда очень волнует меня, мой господин.

— Оттого ли это, что ты и Говорящие Рыбы пользуетесь властью от моего имени?

— Конечно, мой господин.

— Основы власти очень опасны, потому что привлекают к себе людей в действительности безумных, людей, которые ищут власти только ради власти. Ты понимаешь меня?

— Да, господин. Именно поэтому вы так редко удовлетворяете просьбы о назначении того или иного человека в правительство.

— Отлично, Монео!

— Благодарю вас, мой господин.

— В тени всякой религии прячется свой Торквемада, — продолжал Лето. — Ты никогда не слышал это имя. Я точно это знаю, потому что по моему приказу его изъяли из истории.

— Почему вы так поступили, мой господин?

— Он был воплощением безобразия и непристойности. Людей, которые были с ним не согласны, он превращал в живые факелы.

Монео произнес очень тихим голосом:

— То же самое произошло с историками, которые имели несчастье вызвать ваш гнев?

— Ты ставишь под вопрос целесообразность моих действий, Монео?

— Нет, мой господин!

— Очень хорошо. Эти историки умерли без мучений. Никто из них не был сожжен пламенем. Торквемада же любил посвящать своему Богу крики истязаемых жертв.

— Как это ужасно, мой господин.

Тем временем кортеж обогнул скалу, и перед людьми раскинулся мост.

Монео еще раз внимательно присмотрелся к своему Богу-Императору. Червь не стал ближе, но все равно был слишком близок к поверхности. Монео чувствовал угрозу этого непредсказуемого присутствия, Священного Присутствия, которое могло убить без всякого предупреждения.

Мажордом содрогнулся.

Что могла означать эта странная речь? Монео знал, что Бог-Император разговаривает так с очень немногими. Это были одновременно привилегия и тяжкая обязанность. Такова была цена, которую приходилось платить за Мир Лето. Поколение за поколением шествовали железным строем, созданным этим Миром. Только в Цитадели нарушался этот непоколебимый порядок — когда некоторых Говорящих Рыб высылали из Цитадели для предупреждения вспышки насилия. То было предвосхищение.

Предвосхищение!

Монео взглянул на молчавшего теперь Лето. Глаза Бога-Императора были закрыты, на лице отразилось тяжкое раздумье. Это был еще один признак Червя, не предвещавший ничего хорошего. Монео задрожал.

Предвидел ли Лето вспышки собственного насилия? То было предвидение насилия, которое приводило в трепет всю Империю. Лето в таких случаях знал, как расположить гвардию, чтобы подавить возможные беспорядки. Он знал об этом еще до того, как начинался мятеж.

От одних мыслей об этом у Монео пересохло во рту. Бывали моменты, казалось Монео, когда Бог-Император мог читать самые сокровенные мысли. О нет, Лето пользовался и услугами шпионов. Иногда какие-то закутанные фигуры препровождались Говорящими Рыбами в верхний этаж башни или в крипту. Да, это были шпионы, но Монео думал, что они только подтверждали то, что и так знал Бог-Император.

Словно в подтверждение опасений Монео, прозвучали слова Лето:

— Не пытайся сразу понять, о чем я думаю, Монео. Пусть понимание придет само.

— Я постараюсь, мой господин.

— Нет, не надо стараться, лучше скажи мне,

объявил ли ты, что не будет никаких изменений в распределении Пряности?

— Еще нет, мой господин.

— Отложи это объявление. Я передумал. Ты же знаешь, что теперь последуют предложения взяток.

Монео вздохнул. Размеры взяток, которые ему предлагали, были настолько велики, что могли вызвать лишь смех. Но Лето продолжал удивляться таким суммам.

— Тяни время, — сказал он ранее. — Посмотри, насколько высоко поднимутся ставки. Дай понять, что не откажешься от взятки.

Кортеж обогнул еще один угол, снова открылась панорама моста. Лето спросил:

— Дом Коррино предлагал тебе взятку?

— Да, господин.

— Ты знаешь миф о том, что настанет время, когда Дом Коррино вновь обретет былое могущество и захватит власть?

— Я слышал этот миф, мой господин.

— Коррино должен быть убит. Это задание для Дункана. Мы испытаем его.

— Так скоро, мой господин?

— До сих пор все знают, что меланжа может продлить человеческую жизнь, так вот, пусть

люди знают, что Пряность может ее и укоротить.

— Как прикажете, мой господин.

Монео знал, что означает такой ответ. Так Монео отвечал, когда не одобрял приказ, но не мог и возразить. Знал он и то, что Господь Лето прекрасно это понимает и немало забавляется упрямством мажордома. Эта насмешка больно ранила Монео, причиняя ему страдание.

— Не будь со мной нетерпелив, Монео, — сказал Лето.

Монео подавил в себе чувство горечи. Горечь несла с собой непоправимый вред. Горечь — это то чувство, которое движет мятежниками. Дунканы перед смертью начинали испытывать это чувство.

— Время для меня имеет иное значение, чем для вас, мой господин, — сказал Монео. — Я бы хотел понимать смысл того, что я делаю.

— Ты имеешь право хотеть, но не будешь понимать.

Монео услышал в голосе повелителя недовольный упрек и замолчал, начав размышлять о проблемах меланжи. Лето не слишком часто говорил о Пряности, обычно его речи касались распределения Пряности между подданными в виде награды или изъятия незаконных партий

Пряности, когда в места таких хранилищ посылали команду Говорящих Рыб. Самые большие запасы меланжи находились в распоряжении Лето и были спрятаны где-то под землей. В первые дни своей службы Монео в глухом капюшоне посетил этот склад. Когда ему позволили снять капюшон, он увидел огромные количества Пряности, испускающей сильный запах корицы. Единственное, что понял Монео, — это то, что склад находится под землей. Вырубленное в скале помещение освещалось старинными светильниками, выполненными в виде ажурных арабесок. Пряность отливала синим цветом в серебристо-белом свете древних ламп. Поблизости со стен капала вода. Голоса Монео и Лето гулким эхом отдавались под сводами каменного зала.

— Наступит день, когда все это исчезнет, — сказал Господь Лето.

— Но что же тогда будут делать Гильдия и Бене Гессерит? — спросил потрясенный Монео.

— То же, что они делают сейчас, но с еще большим насилием и яростью.

Оглядев гигантскую комнату с огромными запасами меланжи, подумал о тех событиях, которые сотрясали в то время Империю — кровавые убийства, пиратские набеги, шпионаж и интри-

ги. Бог-Император не допускал до худшего, но то, что происходило, было тоже достаточно скверно.

— Это искушение, — прошептал Монео.

— Да, это действительно искушение.

— И больше никогда не будет меланжи, мой господин?

— Настанет день, когда я снова вернусь в песок. Тогда я стану источником Пряности.

— Вы, мой господин?

— Да, и кроме того, я произведу нечто еще более замечательное — песчаную форель — гибрид, который будет питать размножающихся червей.

Дрожа от такого откровения, Монео уставился на смутную тень Бога-Императора, который говорил о небывалых чудесах.

— Песчаные форели, — говорил между тем Лето, — соединятся между собой и образуют воздушные пузырьки, которые запрут воду глубоко под землей, так же, как было во времена древней Дюны.

— Всю воду, мой господин?

— Большую часть. Через триста лет здесь снова будет править Червь. Клянусь тебе, это будет новый тип Червя.

— Каким же он будет, мой господин?

— Он будет обладать сознанием животного и

умом человека. Пряность станет опасно искать и еще опаснее хранить.

Монео оглядел потолок вырубленного в скале зала, словно он хотел попробовать на прочность многометровую толщу каменной породы.

— Здесь снова все превратится в пустыню, мой господин?

— Песок заполнит русла рек. Урожай погибнет. Деревья будут погребены под песчаными дюнами. Песчаная смерть будет распространяться до тех пор… до тех пор, пока на опустевшей земле не прозвучит тихий сигнал.

— Какой сигнал, мой господин?

— Сигнал начала нового цикла, прихода Делателя, приход Шаи-Хулуда.

— Это будете вы, мой господин?

— Да, Великий Червь Дюны снова поднимется из глубин. Эта страна снова станет владением Пряности и Червя.

— Но что будет с людьми, мой господин? Что будет с людьми?

— Многие умрут. Сельскохозяйственные растения и вообще всякая растительность погибнут. Без питания падет и скот.

— И на этой земле настанет голод, мой господин?

— Недоедание и давно забытые болезни начнут поражать эту землю. Выживут самые крепкие… и самые жестокие.

— Но неужели это обязательно должно произойти, мой господин?

— Альтернатива еще хуже.

— Но что это за альтернатива, мой господин?

— Со временем ты узнаешь и это.

Идя сейчас рядом с Императором этим утренним паломничеством в Онн, Монео думал о том, что теперь-то он действительно знает об альтернативе, страшной альтернативе.

Как и большинство образованных жителей Империи, Монео знал, что твердые знания, которыми он обладает, находятся в Устном Предании, мифах и диких фантастических историях, которые рассказывали время от времени появляющиеся на отдельных планетах пророки, за которыми какое-то короткое время шли немногочисленные последователи.

Правда, сейчас Монео знал, чем занимаются Говорящие Рыбы.

Знал он также о злых людях, которые, сидя за обильной трапезой, наслаждались криками подвергаемых пыткам жертв.

Все это продолжалось до того, как Говорящие

Рыбы не прекратили эти безобразия.

— Мне очень нравится, как твоя дочь следит за мной, — сказал Лето. — Она совершенно не догадывается, что мне все известно.

— Господин, я очень боюсь за нее. Она — моя кровь, моя…

— Моя тоже, Монео. Разве я не Атрейдес? Ты бы принес больше пользы, если бы боялся за себя.

Монео опасливо посмотрел на тело Бога-Императора. Признаки Червя надвигались все ближе и ближе. Монео оглянулся на кортеж. Он двигался в крутой ложбине, по коротким аркам, вырубленным в рукотворной скале, сложенной для защиты Сарьира от влаги.

— Сиона нисколько не задевает меня, Монео.

— Но она…

— Монео! Здесь, в одной из таинственных оболочек, хранится величайшая тайна жизни. Мне больше всего на свете хочется не потерять способность удивляться, удивляться новому.

— Господин, я…

— Новое! Разве это не блестящее, не чудесное слово?

— Да, если вы так считаете, господин.

Монео — это мое создание, я создал его, напомнил себе Лето.

— Нет такой цены, которой я бы не заплатил ради твоего дитя, Монео. Ты порицаешь ее товарищей, но среди них может найтись один, которого она полюбит.

Монео непроизвольно посмотрел на Айдахо, который маршировал впереди своей гвардии. Проницательным взглядом он ощупывал дорогу впереди себя. Ему не нравилось это место, со всех сторон ограниченное высокими стенами и откуда можно было в любой момент ждать нападения. Айдахо послал разведчиков в горы еще ночью, и Монео знал, что многие из них до сих пор находятся там, на вершинах. Но, кроме гор, было множество лощин и оврагов, спускавшихся к реке, на которые просто не хватало личного состава.

— Мы будем зависеть от фрименов, — уверенно сказал Монео Айдахо.

— От фрименов? — переспросил Айдахо. Ему не нравились постоянные напоминания о Музее фримена.

— По крайней мере они могут предупреждать нас о появлении чужаков.

— Ты видел их и просил об этом?

— Конечно.

Монео не осмелился поделиться с Айдахо сво-

ими мыслями о Сионе. Для этого найдется время и позже, но сейчас Бог-Император сказал очень тревожную вещь. Неужели у него изменились планы?

Монео снова обратил свое внимание на Бога-Императора и понизил голос:

— Полюбит своего товарища, мой господин? Но ведь вы говорили, что Дункан Айдахо…

— Я же сказал «полюбит». Речь идет не о селекции!

Монео задрожал, вспомнив, как происходило его скрещивание…

Нет, об этом лучше не вспоминать!

Тогда было и увлечение, и любовь… но это было позже, а в первые дни…

— Ты опять витаешь в облаках, Монео.

— Простите меня, мой господин, но когда вы говорите о любви…

— Ты полагаешь, что я не способен испытывать нежность?

— Дело не в этом, мой господин, но…

— Ты думаешь, что у меня нет памяти о любви и скрещивании? — Тележка угрожающе приблизилась к Монео, заставив того отпрыгнуть в сторону. Мажордом был по-настоящему испуган горящим взглядом Лето.

— Господин, я прошу вас…

— Это *тело* действительно не может испытывать нежность, но вся моя память со мной!

Монео понял, что червь начинает доминировать в теле Бога-Императора, понимание его действий ускользало от Монео.

Надо мной нависла серьезная опасность, подумал он. *Мы все находимся в опасности.*

Монео прислушивался теперь к каждому звуку, к скрипу Императорской тележки, покашливаниям и голосам придворных, к шагам на дороге. От Бога-Императора потянуло корицей. Расщелина рукотворной скалы хранила утренний холод и была напитана речной влагой.

Неужели эта влажность дразнит червя в Императоре?

— Послушай меня, Монео, слушай меня так, словно от этого зависит твоя жизнь.

— Я слушаю вас, мой господин, — прошептал Монео.

Он понимал, что теперь его жизнь зависит не только от внимания, но и от способности наблюдать.

— Часть моей сути живет внутри меня своей обособленной жизнью и не подчиняется моим мыслям, — сказал Лето. — Эта часть реагирует,

и все. Она не размышляет и не рассуждает логически.

Монео кивнул, продолжая рассматривать глаза Лето. Не вспыхнут ли они сейчас гневом?

— В таких случаях я бываю принужден отстраниться и просто наблюдать за своими действиями, — продолжал Лето. — Такая реакция может причинить тебе смерть. Выбор не принадлежит мне. Ты слышишь?

— Я слышу, мой господин, — прошептал Монео.

— В таком событии отсутствует произвольный разумный выбор! Ты просто это принимаешь, просто принимаешь как данность. Это невозможно ни понять, ни предотвратить. Что ты на это скажешь?

— Я боюсь неизвестности, господин.

— А я не боюсь. Попробуй сказать почему!

Монео давно ждал этого кризиса и теперь, когда он наконец наступил, испытал странное облегчение. Он понимал, что жизнь его зависит от ответа, который он сейчас даст.

— Это потому, что у вас есть огромная память, мой господин.

— Да?

Это был, конечно, неполный ответ, и Монео

стал лихорадочно подыскивать слова:

— Вы видите все, что мы знаем… все и сразу. Все, что когда-то было неизвестным! Удивление для вас… удивление может вызвать только то, что вы узнали впервые. Так?

Произнося эти слова, Монео понял, что защитился вопросительным знаком там, где должно было прозвучать простое утверждение. Однако Бог-Император только улыбнулся:

— За такую мудрость я хочу сделать тебе подарок, Монео. Чего ты хочешь?

Внезапное облегчение не принесло с собой ничего, кроме новых страхов и опасений.

— Могу я снова привезти Сиону в Цитадель?

— Это заставит меня раньше подвергнуть ее испытанию.

— Ее надо разлучить с ее товарищами-мятежниками, мой господин.

— Очень хорошо.

— Вы очень милостивы, мой господин.

— Нет, напротив, я очень эгоистичен.

Бог-Император отвернулся от Монео и погрузился в молчание.

Глядя на его сегментированное тело, Монео заметил, что признаки червя стали пропадать. Это было неплохо. Потом он вспомнил о пети-

ции фрименов, и страх вспыхнул в нем с новой силой.

Это была ошибка. Они только снова возбудят его. Зачем я сказал, что они могут подать петицию?

Фримены ждут их впереди на дороге, переправившись на эту сторону реки со своими дурацкими бумажками и приветственно размахивая руками.

Монео шел рядом с тележкой и с каждым шагом все лучше и лучше понимал, что он наделал.

Здесь ветры несут песок; и там ветры несут песок.
Там ждет богач; здесь ожидаю я.
(Голос Шаи-Хулуда из Устного Предания)

Отчет Сестры Ченоу, найденный среди документов после ее смерти.

«Я повинуюсь как своим обязанностям в Бене Гессерит, так и приказам Бога-Императора, поэтому я изъяла эти слова из моего официального отчета и спрятала их в надежном месте для того, чтобы они были найдены после того, как меня не станет. Ибо Господь Лето сказал мне: «Ты вернешься к своим руководителям с моим посланием, но сейчас эти слова нельзя обнародовать. Если у тебя не получится это сделать, то мне придется обрушить свою ярость на Общину Сестер».

Об этом же предупреждала меня Преподобная Мать Сипкса перед моей поездкой к Лето: «Ты не должна делать ничего, что навлекло бы на нас его гнев».

Пока я шла около Господа Лето во время его короткого паломничества в Онн, о котором я уже рассказывала, я решилась спросить о его сходстве с Преподобной Матерью. Я сказала: «Мой господин, я знаю, что наша Преподобная Мать об-

ладает памятью своих предков и многих других. Расскажите, как это было у вас». Лето ответил: «Так получилось в результате взаимодействия генетической памяти и Пряности. Моя сестра Ганима и я были разбужены еще во чреве матери, разбуженные до рождения присутствием нашей предковой памяти».

— Мой господин… в нашей общине это явление называют Мерзостью.

— Правильно называют, — произнес на это Господь Лето. — Количество предков в памяти способно подавить любого, и кто может знать, какая сила будет распоряжаться событиями и этой массой — добро или зло?

— Господин, как тебе удалось преодолеть эту силу?

— Я не преодолел ее, — ответил Господь Лето. — Нас с Ганимой спасла фараонская модель управления. Тебе известна эта модель, Сестра Ченоу?

— Мы в Общине прилежно изучаем историю, господин.

— Да, но вы не думаете над ней так, как думаю я, — сказал Господь Лето. — Я говорю о болезни правления, которой заразились греки и передали ее римлянам, которые наградили ею весь мир;

так что эта болезнь никогда не исчезала.

— Мой господин предпочитает говорить загадками?

— Нет. Я ненавижу эту модель, но она спасла нас. Гани и я создали могущественный союз с теми из наших предков, которые в своей деятельности придерживались фараонского образа правления. Они помогли нам создать общность со всей этой спящей до поры ордой.

— Меня очень беспокоит это, господин, и лишает сна.

— И это правильно — так и должно быть.

— Почему вы говорите мне это сейчас, господин? Вы никогда не отвечали никому из нас такой откровенностью, во всяком случае, мне об этом ничего не известно.

— Потому что ты умеешь хорошо слушать, Сестра Ченоу; потому, что ты подчиняешься мне, и потому, что я никогда больше тебя не увижу.

Сказав мне эти странные слова, Господь Лето спросил:

— Почему ты не поинтересовалась тем, что ваша Община Сестер называет моей *безумной тиранией*?

Осмелев от его поощрительной манеры разговора, я сказала:

— Господин, мы знаем о некоторых ваших кровавых казнях. Они очень беспокоят нас.

И тут Господь Лето сделал одну очень странную вещь. Он закрыл глаза и спросил:

— Я знаю, что вас учат дословно и надолго запоминать слова, которые вы услышали в вашем сознании. Поэтому я сейчас рассматриваю тебя как чистую страницу, на которой я пишу свои слова. Сохрани эти слова, я не хочу, чтобы они были утрачены.

Я заверяю свою Общину Сестер, что то, что я пишу дальше, есть доподлинные слова Господа Лето:

«Я определенно знаю, что, когда я перестану физически присутствовать среди вас, меня будут задним числом считать животным, лишенным человечности, страшным порождением Пустыни, на меня будут смотреть, как на тирана.

Это достаточно честно. Я действительно был тираном.

Тиран — это не только человеческое понятие, он не безумец — он просто тиран. Но даже вполне заурядные тираны имеют мотивы поступков, у них есть чувства помимо тех, которые приписывают им придворные историки. Но обо мне будут вспоминать, как о великом тиране. Поэтому мои

чувства и мотивы сохранятся в более полном виде, пока их окончательно не извратят историки. У истории есть способы возвеличивать некоторые характеры и отбрасывать другие.

Люди постараются понять меня и втиснуть в какие-то привычные для себя рамки. Они будут искать истины. Но истина всегда несет на себе отпечаток двойственности слов, которыми ее пытаются выразить.

Вы не сможете меня понять. Чем сильнее вы будете стараться, тем больше будете вы удаляться от истины, пока наконец я не превращусь в вечный миф о живом Боге!

Вот так обстоят дела. Я не вождь и не поводырь. Я — Бог. Я отличаюсь от вождей и поводырей. Бог не несет ответственности ни за что, кроме бытия. Бог принимает все и, таким образом, не принимает ничего. Бога надо определить, но он все равно остается безымянным. Бог не нуждается в духовном мире. Мой дух живет во мне и отвечает на мои малейшие движения. Я делюсь с вами только потому, что это доставляет мне удовольствие — делиться с вами тем, чему научил меня мой дух. Именно он и есть моя истина.

Берегись истины, дорогая Сестра. Хотя многие искали ее, истина может оказаться опасной для

того, кто это делает. Гораздо легче поверить в миф или умиротворяющую и ободряющую ложь. Если вы найдете истину, пусть даже временную, она может потребовать, чтобы вы совершенно изменили свой образ жизни. Спрячьте истину за словами. Тогда вас защитит естественная двойственность языка. Слова воспринять гораздо легче, чем дельфийские пророчества. С помощью слов можно кричать свою истину хором.

Но почему никто не предупредил меня об этом?

Я предупредил тебя. Я предупредил тебя примером, а не словами.

Слова неизбежно избыточны. Ты и сейчас записываешь их в своей замечательной памяти. Настанет день, когда люди обнаружат мои записки — в них тоже всего-навсего слова. Бессловесные движущие причины страшных событий лежат непосредственно под их поверхностью. Я предупреждаю тебя, что чтение моих слов может тебе повредить. Будь глухой! Нет никакой необходимости слышать, нет нужды ничего запоминать. Как успокаивает человека способность забывать, но как она опасна!

Такие слова, как мои, давно считаются обладающими таинственной силой. Существует

тайное знание, которое можно использовать для управления забывчивыми. Моя истина — это содержание мифов и лжи, с помощью которых тираны манипулировали массами в своих корыстных целях.

Видишь, я поделился с тобой всем, даже величайшей тайной, тайной, с помощью которой я построил свою жизнь. Я открыл тебе эту тайну обычными словами: „Единственное прошлое, которое вечно пребывает внутри тебя, — бессловесно"».

Бог-Император замолчал. Я осмелилась спросить его: «Это все слова, которые велит сохранить в памяти мой господин?»

— Да, это все слова, — ответил он, и мне показалось, что он стал очень грустным и обескураженным. Казалось, этими словами он высказал свое последнее завещание. Я припомнила, что он сказал, что не увидит меня больше никогда в жизни, меня охватил страх, но я была очень благодарна моим учителям за тренировку — страх не отразился на звучании моего голоса.

— Господь Лето, — сказала я, — для кого предназначены те записки, о которых вы говорите?

— Для потомков, которые будут жить по прошествии тысячелетий. Я персонализирую своих

скрытых во тьме будущего читателей, Сестра Ченоу. Я думаю о них, как о дальних родственниках, которые проявят любопытство к истории своей семьи. Они будут гореть желанием открыть для себя драмы, о которых могу поведать только я. Они захотят связать эти драмы со своей жизнью. Они захотят смысла, а не слов, они будут жаждать истины!

— Но вы же сами предупредили меня об опасности истины, господин, — сказала я.

— Да, это так. Вся история — это разрушительный инструмент в моих руках. О, я накопил в себе столько прошлого, столько фактов — но эти факты изменятся, когда я стану употреблять их по своему усмотрению. Что я говорю тебе сейчас? Это дневниковая запись, то есть опять-таки слова.

Господь Лето снова замолчал. Я взвесила содержание его слов, сравнила их с предупреждениями Преподобной Матери Сиаксы и с тем, что говорил мне Бог-Император. Он сказал, что я — его вестник, и поэтому я почувствовала себя под его защитой и могу осмелиться на большее, нежели другие. Поэтому я спросила:

— Господь Лето, вы сказали, что больше не увидите меня. Означает ли это, что вы скоро умрете?

Я клянусь истинностью своего отчета — Гос-

подь Лето рассмеялся в ответ на мои слова! Потом он сказал:

— Нет, уважаемая Сестра, умрешь ты. При этом ты не станешь Преподобной Матерью. Не надо печалиться по этому поводу и связывать этот факт с твоим пребыванием здесь, ибо то, что ты будешь моей посланницей, сохранишь мои слова для потомства, даст тебе нечто гораздо большее. Ты станешь интегральной составляющей моего мифа. Наши будущие родственники будут молиться на тебя за то, что некогда ты встретилась со мной.

Господь Лето снова рассмеялся, но это был добрый смех, и он тепло улыбнулся мне. Мне очень трудно выразить это словами с той точностью, на которую претендует данный отчет, но дело в том, что, когда Господь Лето произнес свои ужасные слова, я почувствовала, что нас с ним связывают неразрывные дружеские узы, словно эти узы имеют физическую природу, связывая нас так, что это невозможно выразить никакими словами. Только в этот момент я поняла, что такое бессловесная истина. Это произошло, и у меня нет слов, чтобы это описать».

Примечание архивариуса

На фоне тех великих событий, которые имели место, данный отчет представляет собой не более чем заметки на полях Истории, интересные только тем, что являются одними из самых ранних свидетельств существования записок Лето. Для тех, кто пожелает ознакомиться с отчетом Сестры Ченоу, приводим ссылку на архивную запись: *Ченоу, Святая Сестра Квинтиниус Виолет: Отчет Ченоу,* и *Непереносимость меланжи, медицинские аспекты.*

(Примечание: Сестра Квинтиниус Виолет Ченоу умерла на пятьдесят третьем году своего членства в Общине Сестер. Причина смерти приписывается непереносимости Пряности, которую она принимала в попытке достичь статуса Преподобной Матери.)

Наш предок, Ассур-назир-апли, жесточайший из жестоких, захватил трон, убив для этого собственного отца, и начал править мечом и кровью. Он завоевал область озера Урумия, что открыло ему путь в Коммоген и Хабур. Его сын обложил данью Шуйтес, Тир, Сидон, Джебель, его подданным стал даже Йегу, сын Омри, чье имя внушало страх тысячам людей. Завоевания, начатые Ассуром-назир-апли привели его армии в Мидию, а оттуда в Израиль, Дамаск, Едом, Арпад, Вавилон и Умилу. Кто помнит теперь эти географические названия? Я и так сделал достаточно намеков; попробуйте теперь угадать, что это за планета?

(Похищенные записки)

Воздух был особенно густым на том отрезке Королевской Дороги, который заканчивался плоской площадкой, ведущей к мосту через реку Айдахо. Поворачивая направо, дорога выходила за пределы огромной рукотворной скалы. Идя рядом с Императорской тележкой, Монео смотрел на вымощенную ленту дороги, взбегающую на гребень горы и переходящую в стальные, казавшиеся кружевными, конструкции моста, до

которого оставалось еще около километра.

Река, глубоководная в расселине, делала резкий изгиб и, пройдя каскад из нескольких водопадов, уходила вправо, к дальней оконечности Запретного Леса, где отвесные скалы упирались своими подножиями в берега. В этом предместье Онна находились благоухающие сады, поставлявшие фрукты для населения города.

Монео смотрел на реку. Вершина каньона освещалась ярким утренним солнцем, а остальное русло нежилось в тени, монотонность которой нарушали лишь серебристые брызги водопадов.

Дорога ярко сияла в лучах утреннего солнца, а овраги, спускавшиеся к ней с обеих сторон, зияли узкими черными тенями, словно стрелы, указывающие верный путь. Идти по дороге было уже довольно жарко, в воздухе дрожало знойное марево, предупреждая наступающий день.

Мы точно успеем в город до наступления жары, подумал Монео.

Он трусцой бежал по дороге, проявляя усталое терпение, как и всегда в этом месте. Взгляд его остановился на оврагах — в одном из них ждут музейные фримены со своей петицией — так он, во всяком случае, договорился с ними. Теперь их уже не остановить, а в Боге-Императоре все

больше и больше проявлялись черты червя.

Лето услышал фременов намного раньше, чем Монео.

— Прислушайся! — приказал Император.

Монео превратился в слух.

Лето перекатил свое длинное тело по дну тележки, выпрямил спину и, открыв защитный пузырь, стал внимательно вглядываться вперед.

Монео прекрасно понимал, что происходит. Лето, чувства которого были намного сильнее, чем у любого из смертных, ощутил впереди источник беспокойства. Фримены начали продвигаться к дороге. Монео позволил себе отстать от тележки на один шаг, продолжая двигаться за ней на положенной дистанции. В этот миг он и услышал приближение людей.

Послышался шорох гравия.

Появились первые фримены, выходящие из расселин и оврагов по обеим сторонам дороги приблизительно в ста метрах впереди кортежа.

Дункан Айдахо, опередив своих гвардейцев, догнал Монео.

— Это фримены? — спросил Айдахо.

— Да, — ответил мажордом и заметил, что Лето прижал тело ко дну тележки.

Музейные фримены собрались на дороге ком-

пактной группой и сбросили с себя плащи, под которыми были надеты красно-пурпурные наряды. Монео едва не задохнулся. Фримены были одеты как паломники — под цветной одеждой угадывались черные рубашки. Те, кто был на переднем плане, держали в руках свернутые трубкой бумажные листки. Они размахивали свитками, а вся группа принялась петь и приплясывать, продвигаясь в направлении придворного кортежа.

— Петиция, господин! — кричали первые. — Выслушай нашу петицию!

— Дункан! — крикнул Лето. — Очисти от них дорогу!

Голос Лето не успел затихнуть, как сквозь толпу придворных вперед ринулись Говорящие Рыбы — выполнять приказ своего Бога. Айдахо подал знак к атаке и сам бросился навстречу приближающейся толпе. Гвардейцы построились фалангой, во главе которой встал Дункан.

Лето одним ударом смял воздушный пузырь и, ускорив движение тележки, закричал громовым голосом: «Убирайтесь вон! Убирайтесь!» Музейные фримены, видя, что вперед двинулись гвардейцы, а тележка начала набирать скорость, расступились, освободив середину дороги. Монео,

принужденный бежать рядом с повозкой, с изумлением увидел, что фримены нагло нарушают всю программу подачи петиции.

Толпа поющих речитатив фрименов вдруг словно по команде сбросила пестрые одеяния, оказавшись в один миг в точно такой же черной форме, какую носил Айдахо.

Что они делают? — в ужасе подумал Монео.

Он не успел додумать до конца свою мысль, как увидел, что лица фрименов словно тают и превращаются в одно лицо — лицо Дункана Айдахо.

— Лицеделы! — дико крикнул кто-то.

Лето тоже был захвачен вихрем стремительно развивающихся событий, топотом множества ног по дороге, воинскими командами, под которые Говорящие Рыбы строились в фалангу. Разогнав тележку, Лето вплотную приблизился к гвардейцам, зазвенел звонок, заревел клаксон Императорской тележки, сбив с толку даже некоторых Говорящих Рыб, которых тренировали, вырабатывая привычку к этому шуму.

В этот миг просители отбросили в сторону плащи, и их лица замерцали необыкновенным сходством с лицом Айдахо. Лето услышал крик «Танцующие Лицом!» и даже узнал голос — это кричал клерк из императорской бухгалтерии.

Первой реакцией Лето было изумление.

Гвардейцы сошлись с Танцующими Лицом. Пение сменилось кликами сражающихся. Лето узнал боевой клич тлейлаксианцев. Плотное кольцо Говорящих Рыб сомкнулось вокруг одетого в черную форму Айдахо. Женщины выполняли приказ Лето, который велел им беречь своего командира в бою.

Но как они смогут отличить его от остальных?

Лето резко остановил свою повозку. Отсюда он ясно видел Говорящих Рыб, которые яростно работали своими дубинами. Солнце сверкало на клинках отравленных ножей. Раздавался резкий скрежещущий звук выстрелов лазерных ружей. Этот звук бабушка Лето описывала как «самый страшный звук в нашей вселенной». Из передних рядов воинов доносились хриплые яростные крики.

Лето среагировал на первые же выстрелы ружей. Он повернул тележку с дороги направо, снял ее с колес и поставил на шагающую подвеску и направил ее в гущу Танцующих Лицом, стараясь отыскать слабое место в их боевых порядках. Описывая короткие дуги, Лето начал поражать нападавших слева, ощущая соприкосновение ме-

талла с живой плотью. От этих ударов полилась кровь. Лето направил тележку в овраг, потом поднялся по его зубчатой стене наверх, на наблюдательный пункт, где он и остановился, будучи вне досягаемости огня ручных лазерных ружей.

Какой сюрприз!

Все огромное тело Бога-Императора сотрясалось от неудержимого хохота. Изумление его постепенно улеглось.

Со своего места Лето хорошо видел мост и поле битвы. Тела лежали повсюду, даже в оврагах. На трупах были роскошные одежды придворных, форма Говорящих Рыб, окровавленные черные мундиры Танцующих Лицом. Уцелевшие придворные столпились подальше от сражающихся, а Говорящие Рыбы сновали между телами и наносили поверженным врагам удары ножами, чтобы убить их наверняка.

Лето напряженно искал взглядом черную форму Айдахо, но не мог найти. Ни одной стоящей на ногах фигуры в черном! Лето на мгновение растерялся, потом разглядел группу Говорящих Рыб среди толпы придворных, а среди женщин фигуру обнаженного мужчины.

Совершенно голого!

Это был Дункан! *Голый! Ну конечно!* Дункан

Айдахо *без* формы не был Танцующим Лицом.

Лето снова охватил приступ смеха. Какое это было потрясение для атакующих. Они, очевидно, не были готовы к такому повороту событий.

Лето спустился на дорогу, вновь поставил тележку на колеса и покатился по мосту. Он пересекал мост с ощущением чего-то уже виденного, воскресив в памяти воспоминания о тысячах мостов, служивших полем битвы и усеянных трупами. Освободив мост и вырвавшись из кольца своих гвардейцев, Дункан бегом бросился к тележке, отталкивая ногами трупы и огибая их на ходу. Лето остановил тележку и ждал, когда Айдахо подбежит к нему. Начальник Говорящих Рыб был похож на греческого воина-вестника, который спешит принести царю сообщение о победе над неприятелем. Исторические факты переполнили память Лето.

Айдахо резко остановился возле тележки. Лето открыл пузырь.

— Танцующие Лицом, все как один, будь они прокляты! — едва переведя дух, прокричал Дункан.

Не пытаясь скрыть удивления, Лето спросил:

— Чья это была идея раздеться?

— Моя! Но они не дали мне сражаться!

Монео подбежал к тележке вместе с группой гвардейцев. Одна из Говорящих Рыб бросила Айдахо синий плащ Говорящей Рыбы, крикнув при этом:

— Мы стараемся найти целый комплект обмундирования на каком-нибудь трупе.

— Я разорвал свою форму, — пояснил Дункан.

— Ускользнул ли кто-нибудь из Танцующих Лицом? — спросил Монео.

— Ни один, — ответил Айдахо. — Я признаю, что женщины — хорошие бойцы, но почему они не дали мне вмешаться?

— Потому что по уставу они обязаны тебя защищать, — сказал Лето. — Они всегда защищают самое ценное…

— Четверо из них погибли, не пуская меня в схватку! — возмутился Айдахо.

— Всего мы потеряли около тридцати человек, господин, и подсчет еще не окончен, — сказал Монео.

— Сколько было Танцующих Лицом? — спросил Лето.

— Похоже, что их было около пятидесяти, господин, — ответил Монео. Лицо его было озабочено.

Лето усмехнулся.

— Над чем вы смеетесь? — гневно спросил Ай-

дахо. — Больше тридцати наших людей…

— Но как же неумелы были тлейлаксианцы, — проговорил Лето. — Вы не можете себе представить, что каких-нибудь пятьсот лет назад они были бы намного эффективнее и намного опаснее. Трудно себе представить, что они разыграли бы этот пошлый и глупый маскарад. И они не смогли предугадать твой блестящий ответ!

— У них были лазерные ружья, — сказал Айдахо.

Лето развернул передние сегменты своего массивного корпуса и указал на отверстие, прожженное в куполе балдахина, — края отверстия были оплавлены.

— Есть еще несколько попаданий внизу, — сказал он. — По счастью, не были задеты подвеска и колеса.

Айдахо с удивлением воззрился на отверстие — оно находилось на одном уровне с телом Лето.

— Они не попали в вас? — спросил он.

— Попали, — ответил Лето.

— Так вы ранены?

— Лучи лазера для меня безвредны, — солгал Лето. — Когда у нас будет время, я это продемонстрирую.

— Но для меня они не безвредны, — сказал Ай-

дахо, — и для моих гвардейцев тоже. Мы должны получить защитные пояса.

— Защитные полевые пояса запрещены в Империи, — ответил Лето. — Их ношение карается смертью.

— Защита — это большой вопрос, — вмешался в разговор Монео.

Айдахо, решив, что Монео спрашивает о том, что такое защитный пояс, охотно пустился в объяснения:

— Пояс образует силовое защитное поле, которое отталкивает от себя любой объект, который входит в него на опасной скорости. Но у этой защиты есть один существенный недостаток. Если силовое поле пересекается с лучом лазера, то в результате происходит взрыв, равный по мощности взрыву водородной бомбы, и этот взрыв поражает как атакующего, так и его цель.

Монео недоуменно взглянул на Айдахо, и тот утвердительно кивнул.

— Так что я хорошо понимаю, почему они запрещены, — продолжал Айдахо. — Полагаю, что Великая Конвенция относительно атомного оружия до сих пор действует?

— Действует, и даже лучше с тех пор, как мы выявили запасы атомного оружия у некоторых

Семейств, изъяли его и переправили в безопасное место, — сказал Лето. — Но думаю, что сейчас не время обсуждать подобные проблемы.

— Но мы можем обсудить более насущную проблему, — не сдавался Айдахо. — Сейчас мы выйдем на открытое место. Это очень опасно, и мы должны…

— Это традиция, и мы не станем ее нарушать, — отрезал Лето.

Монео склонился к уху Дункана.

— Ты начинаешь раздражать Господа Лето, — сказал мажордом.

— Но…

— Ты понял, насколько легче контролировать население, которое передвигается пешком? — спросил Монео.

Айдахо, только теперь все поняв, резко повернулся и посмотрел в глаза Монео.

Воспользовавшись паузой, Лето отдал необходимые распоряжения:

— Монео, позаботься, чтобы здесь не осталось никаких следов нападения, ни одного пятнышка крови, ни обрывков одежды — ничего.

— Слушаюсь, господин.

Айдахо повернулся на шум и увидел, что все, кто уцелел, даже те, кто был ранен и перевязан

на скорую руку, подошли ближе, чтобы слышать разговор.

— Вы все, — обратился к ним Лето, — не должны никому рассказывать о том, что здесь произошло. Пусть об этом волнуются тлейлаксианцы. — Он посмотрел на Айдахо. — Дункан, каким образом в этот район проникли лицеделы, ведь здесь должны были находиться лишь музейные фримены?

Айдахо непроизвольно взглянул на Монео.

— Господин, это моя вина, — сказал тот. — Это я отвечал за фрименов, которые должны были подать вам свою петицию. Я уверил в этом Дункана Айдахо.

— Я хорошо помню о том, что ты упоминал о петиции, — произнес Лето.

— Я думал, что это позабавит вас, господин.

— Петиции меня не забавляют, а раздражают. И особенно меня раздражают петиции от людей, которые в моей схеме существуют только для того, чтобы сохранить древние формы жизни.

— Господин, вы сами столько раз говорили, что эти паломничества вызывают у вас непреодолимую скуку…

— Я совершаю эти паломничества отнюдь не для того, чтобы разгонять скуку этих ряженых!

— Мой господин?

— Эти музейные фримены ничего не смыслят в древнем образе жизни. Они хороши только в соблюдении внешней обрядности. Это, естественно, нагоняет на них страшную скуку, и они подают разнообразные петиции только для того, чтобы потешиться некоторым разнообразием. Вот что меня раздражает. Я не допущу никаких изменений и никакого разнообразия. Кстати, от кого ты узнал о готовящейся петиции?

— От самих фрименов, — ответил Монео. — Была деле… — Он осекся на полуслове и нахмурился.

— Тебе были знакомы члены этой делегации?

— Конечно, господин, иначе я бы…

— Они мертвы, — вмешался в разговор Айдахо.

Монео посмотрел на него непонимающим взглядом.

— Люди, которых ты знал, были убиты и заменены Танцующими Лицом.

— Это мое упущение, — признал Лето. — Мне следовало научить всех способу распознавать этих мимов. Я обязательно сделаю это — они стали слишком дерзкими в последнее время.

— Почему они так осмелели? — спросил Айдахо.

— Возможно, потому, что хотят отвлечь нас от

чего-то очень важного, — произнес Монео.

Лето улыбнулся мажордому. Как только его жизни начинает угрожать опасность, его ум начинает очень хорошо работать. Монео ошибся, приняв Танцующих Лицом за знакомых фрименов, и теперь понимал, что продолжение его службы зависит от того, проявит ли он те способности, за которые его выбрал Император.

— Итак, теперь у нас есть время приготовиться, — сказал Лето.

— От чего они хотят нас отвлечь? — спросил Айдахо.

— От другого заговора, который они плетут, — ответил Лето. — Они думают, что я жестоко накажу их за это нападение, но их ядро останется целым, и это благодаря тебе, Дункан.

— Но не похоже, что они собирались проигрывать эту схватку, — возразил Айдахо.

— Но они были готовы к такому повороту событий, — сказал Монео.

— Они полагают, что я не уничтожу их, потому что у них единственных хранятся исходные клетки моих Дунканов, — сказал Лето. — Ты меня понимаешь, Айдахо?

— И они правы? — спросил тот.

— Их подход неверен, — уклончиво ответил

Лето. Он повернулся к Монео. — Мы должны прийти в Онн, не имея никаких следов нападения. Сменить форму, заменить мертвых и раненых гвардейцев новыми… и пусть все будет, как было.

— Убитые есть и среди придворных, — доложил Монео.

— Замените и их тоже, — распорядился Лето.

Монео поклонился.

— Слушаюсь, господин.

— Пошли в Цитадель за новым балдахином к моей тележке!

— Как прикажет мой господин.

Лето подал тележку назад, потом направил ее к мосту и, обернувшись, сказал:

— Дункан, ты будешь сопровождать меня.

Медленно и неохотно Дункан оставил Монео и других и, ускорив шаг, нагнал тележку и пошел рядом с ней, глядя на Лето.

— Что тебя тревожит, Дункан? — спросил Лето.

— Вы действительно считаете меня своим Дунканом?

— Конечно, точно так же, как и ты считаешь меня своим Лето.

— Почему вы не знали о готовящемся нападении?

— С помощью моего хваленого предзнания?

— Да!

— Танцующие Лицом долго не привлекали моего внимания, — ответил Лето.

— Теперь, я полагаю, это отношение изменится?

— Не слишком сильно.

— Почему?

— Потому что Монео прав. Я не стану отвлекаться по мелочам.

— Они действительно могли вас убить?

— С определенной долей вероятности. Знаешь, Дункан, лишь немногие понимают, какой катастрофой станет моя смерть.

— Что замышляют тлейлаксианцы?

— Ловушку; я думаю — обыкновенную, милую ловушку. Они послали мне сигнал, Дункан.

— Какой сигнал?

— Началась новая эскалация отчаянных попыток совершить переворот. Это просто идея фикс у некоторых из моих подданных.

Они перешли мост и начали взбираться на наблюдательный пункт Лето. Айдахо молча переваривал услышанное.

На вершине скалы Лето оглянулся и посмотрел на выжженную пустыню Сарьира.

За мостом, на месте нападения, слышался плач тех, кто потерял в схватке своих близких. Своим обостренным слухом Лето различил голос Монео, который предупреждал их о том, что время траура должно быть по необходимости кратким, что в Цитадели остались другие близкие и что не стоит навлекать на себя гнев Бога-Императора.

Их слезы высохнут, и на лицах вновь появятся улыбки к тому времени, когда мы достигнем Онна, подумал Лето. *Они думают, что я их презираю! Но какое значение это имеет в действительности? Это всего лишь маленькие нюансы в настроении тех, кто мало живет и мало думает.*

Вид Пустыни успокоил Лето. С этого места не было видно реку, текущую на дне каньона. Она становилась видна, только если повернуться на триста шестьдесят градусов, в направлении Города Празднеств. Слегка повернувшись влево, Лето увидел опушку Запретного Леса. Зеленый ландшафт заставил Лето вспомнить о том, что Сарьир — это всего лишь жалкий остаток той могучей бескрайней Пустыни, перед которой трепетали не только обычные люди, но даже дикие фримены, которые кочевали по ней.

Это река, подумал Лето. *Если я обернусь, то*

увижу плоды своих рук.

Рукотворная расщелина, с которой падали воды реки Айдахо, была простым расширением того пролома, который сделал Муад'Диб в Защитном Валу и сквозь который в Пустыню ворвались его легионы верхом на червях. Там, где сейчас течет вода, Муад'Диб во время бури входил в историю… *и в то, что произошло после него.*

Лето услышал знакомые шаги Монео, тот взбирался на смотровую площадку. Монео поднялся на вершину и остановился, стараясь отдышаться.

— Когда мы отправимся дальше? — спросил Айдахо.

Монео взмахнул рукой, призвав Айдахо к молчанию, и обратился к Лето:

— Господин, мы получили сообщение из Онна. Бене Гессерит предупредили нас о том, что вы будете атакованы близ моста.

Айдахо презрительно хмыкнул.

— Не слишком ли поздно пришло их предупреждение?

— Это не их вина, — сказал Монео. — Капитан Говорящих Рыб не поверила им.

Тем временем к смотровой площадке начали подтягиваться остальные члены свиты. Не-

которые из них до сих пор не оправились от потрясения и еле волочили ноги. Вселяя в них бодрость, среди них сновали Говорящие Рыбы.

— Уберите гвардию из посольства Бене Гессерит, — распорядился Лето. — Направьте им послание. Скажите, что их аудиенция будет последней, но пусть они ничего не опасаются. Скажите им, что последние станут первыми. Они поймут этот намек.

— Как быть с Тлейлаксу? — спросил Айдахо.

Лето обернулся к Монео.

— Да, о Тлейлаксу… Мы пошлем им предупреждение.

— Какое, господин?

— После моего приказа, но не ранее. Посол Тлейлаксу будет подвергнут телесному наказанию и изгнан.

— Господин!

— Ты не согласен?

— Если мы хотим сохранить тайну, — Монео оглянулся на место побоища, — то каким образом мы объясним эту порку?

— Мы не станем ничего объяснять.

— Мы не приведем никаких причин?

— Никаких.

— Но, мой господин, пойдут слухи и разгово-

ры…

— Я просто реагирую, Монео! Пусть моя бессознательная часть, которая действует автоматически, получит в этом деле полную свободу.

— Это породит большой страх, мой господин.

Айдахо расхохотался и встал между тележкой и Монео.

— Это же благодеяние для посла! Были правители, которые за такое просто сожгли бы дурака на медленном огне.

Монео обратился к Лето через плечо Айдахо:

— Но, мой господин, это действие подтвердит, что мы были атакованы.

— На Тлейлаксу об этом и так знают, — сказал Лето, — но они ничего об этом не скажут.

— И поскольку все нападавшие убиты… — вставил Айдахо.

— Ты все понял, Монео? — спросил Лето. — Если мы придем в Онн свеженькими и безмятежными, тлейлаксианцы сразу поймут, что потерпели сокрушительное поражение.

Монео оглянулся на придворных и Говорящих Рыб, которые с величайшим вниманием прислушивались к разговору. Редко им приходилось слышать такую откровенную беседу между Императором и его ближайшими помощниками.

— Когда мой господин подаст сигнал к наказанию посла? — спросил Монео.

— Во время аудиенции.

Лето услышал звук приближающихся орнитоптеров, увидел отблеск солнца на их винтах и крыльях и новый балдахин, подвешенный над машинами.

— Пусть поврежденный балдахин доставят в Цитадель и отремонтируют, — приказал Лето, все еще глядя на приближающиеся винтокрылые машины. — Могут возникнуть вопросы, тогда скажите мастерам, чтобы они говорили любопытным, что балдахин был поврежден песчаной бурей.

Монео вздохнул:

— Как будет угодно господину.

— Выше голову, Монео, — сказал Лето. — Теперь иди рядом со мной, а ты, Айдахо, следуй со своими гвардейцами впереди.

— Вы думаете, что может быть еще одна атака? — спросил Айдахо.

— Нет, но гвардию надо чем-то занять. Смени форму. Я не хочу, чтобы ты носил одежду, запятнанную грязными тлейлаксианцами.

Айдахо поклонился и отошел.

Лето дал знак Монео подойти как можно бли-

же.

Тот склонился к открытому колпаку и приблизил лицо к лицу повелителя. Лето понизил голос:

— Это особый урок для тебя, Монео.

— Господин, я понимаю, что должен был заподозрить Танцу…

— Танцующие Лицом здесь ни при чем. Это урок для твоей дочери.

— Сионы? Какое отношение она могла…

— Скажи ей следующее: очень уязвимо, подобно мне, она подчиняется непроизвольной силе, которая живет в ней. Именно благодаря Сионе и этой силе я помню, что значит быть человеком и… любить.

Монео, ничего не понимая, воззрился на Лето.

— Просто передай ей эти слова, — сказал Император. — Не пытайся понять их. Просто передай ей мои слова.

Лето закрыл колпак и приготовил балдахин к смене. К тележке уже приближались мастера, вышедшие из орнитоптера.

Монео оглянулся на людей, ожидающих сигнала на площадке. Он заметил, что многие еще не ликвидировали следы схватки, одежда и внешность многих были в некотором беспорядке.

Несколько придворных вставили в уши усилители. Они явно подслушали его разговор с Лето. Такие приспособления делали только на Иксе.

Надо предупредить об этом Айдахо и гвардию, подумал Монео.

Это открытие дало ему знать, что в государстве накапливается какая-то гниль. Как можно запрещать такие вещи, если все придворные и Говорящие Рыбы знают, что сам Император покупает на Иксе запрещенные машины?

Я начинаю ненавидеть воду. Песчаные форели, которые осуществили мой метаморфоз, сформировали органы чувств Червя. Монео и моя охрана знают об этом отвращении, но только Монео догадывается о ее истинной причине, о том, что я достиг поворотного пункта в своем развитии. Я уже предчувствую конец, правда, он наступит не так скоро, как кажется Монео, – у нас разные шкалы времени. Песчаные форели стаями стремятся к воде – это было большой проблемой на ранних стадиях нашего симбиоза. Силой своей воли я удерживал их до тех пор, пока не наступило некоторое равновесие. Теперь я должен совершенно избегать воды, поскольку на планете не существует других песчаных форелей, кроме тех, которые дремлют в моей коже. Без песчаных форелей, которые превратят Дюну в пустыню, не явится Шаи-Хулуд, не возродятся песчаные черви. Я – их последняя надежда.

(Похищенные записки)

Была уже вторая половина дня, когда императорская свита достигла последнего спуска в предместьях Города Празднеств. Огромные толпы

теснились на улицах, ограничиваемые дюжими Говорящими Рыбами в зеленой форме Атрейдесов со скрещенными дубинками.

Как только приблизилась императорская процессия, над толпой взорвался неистовый крик. В этот момент Говорящие Рыбы принялись напевать речитатив:

— Сиайнок! Сиайнок! Сиайнок!

Шум и крики отдавались оглушительным эхом от стен высоких домов, пение Говорящих Рыб оказывало странное воздействие на толпу, которая не понимала его смысла. Над скоплением людей волной пронеслась тишина, нарушаемая лишь скандированием гвардейцев. Люди в благоговейном трепете смотрели на женщин, вооруженных дубинами и охраняющих прохождение императорского кортежа. Эти женщины пели что-то непонятное, пока они во все глаза смотрели на проплывающее мимо них живое Божество.

Айдахо, шедший со своими Говорящими Рыбами позади тележки, впервые слышал пение, от которого у него волосы становились дыбом.

Монео шел рядом с тележкой, не глядя по сторонам. Однажды он спросил Лето о значении загадочного слова.

— Я дал Говорящим Рыбам только один риту-

ал, — сказал тогда Лето. Разговор происходил в Зале Аудиенций на центральной площади Онна, когда Монео был весьма утомлен распоряжениями, касавшимися поздравителей, собравшихся со всех концов Империи на Праздник Десятилетия.

— Какое отношение к ритуалу имеет это слово — слово, которое они поют, мой господин?

— Так называется ритуал — Сиайнок — Праздник в честь Лето. Это обожание, которое высказывается по отношению ко мне в моем присутствии.

— Это древний ритуал, мой господин?

— Этот ритуал существовал у фрименов в те времена, когда они еще не были фрименами. Ключ к этому ритуалу исчез после смерти старых фременов, и теперь только один я помню этот ритуал. Я возродил Празднества для своих, сугубо своих целей.

— Следовательно, музейные фримены не знают этого ритуала?

— Ни в коем случае. Это мой и только мой ритуал. Я имею на него вечные права, потому что я и есть ритуал.

— Это очень странное слово, мой господин. Я никогда прежде не слышал ничего подобного.

— Оно имеет много значений, Монео. Если я

сообщу их тебе, сохранишь ли ты их в тайне?

— Как прикажет мой господин.

— Никогда никому, даже Говорящим Рыбам, не рассказывай о том, что я сейчас поведаю тебе.

— Клянусь вам в этом, мой господин.

— Очень хорошо. Сиайнок означает воздание чести тому, кто говорит искренне. Оно обозначает воспоминание о вещах, о которых говорили искренне.

— Но, господин, не означает ли искренность убеждение… веру самого говорящего в то, что он говорит?

— Да, но Сиайнок обозначает также свет, который высвечивает реальность. Ты продолжаешь проливать свет на то, что ты видишь.

— Реальность, действительность… Это очень двусмысленные понятия, господин.

— Это воистину так! Но Сиайнок есть еще и закваска, поскольку действительность — или то, что почитается действительностью, — а это одно и то же, — это закваска, которая не дает вселенной застаиваться.

— И все это вмещается в одном слове, господин?

— Это еще не все! Сиайнок обозначает также снисхождение к молитве и имя Пишущего

Ангела, Шихайя, который с пристрастием допрашивает вновь умерших.

— Это слишком большая нагрузка для одного слова, господин.

— Слова выносят любую нагрузку, какую мы только пожелаем. Все, что для этого требуется, — это соглашение о традиции, согласно которой мы строим понятия.

— Почему мне нельзя говорить об этом Говорящим Рыбам, господин?

— Потому что это слово сохранено только для них. Они будут очень недовольны, узнав, что я делю это слово и с мужчинами.

Губы Монео сжались в тонкую полоску, когда он вспомнил об этом разговоре, идя рядом с Императорской тележкой. Он уже много раз слышал, как Говорящие Рыбы славят своего Бога-Императора, и даже добавил к слову еще несколько смысловых значений.

Оно означает тайну и престиж. Оно означает власть. Оно позволяет человеку действовать от лица Бога.

— Сиайнок! Сиайнок! Сиайнок!

Слово болезненно отдавалось в ушах Монео.

Процессия уже втянулась в город, почти достигнув центральной площади. Послеполуденное

солнце посылало свои лучи на Королевскую Дорогу, освещая путь кортежу, подчеркивая пестроту и нарядность одежд горожан, и отбрасывало резкие тени на лица Говорящих Рыб.

Пение продолжалось, и тревога Айдахо постепенно улеглась. Он спросил у ближайшей Говорящей Рыбы, что означает это странное слово.

— Оно не предназначено для мужчин, — ответила женщина, — но иногда Господь Лето рассказывает об этом своим Дунканам.

Своим Дунканам! До этого он задал Лето этот вопрос, и ему не понравился уклончивый ответ:

— Ты узнаешь об этом достаточно скоро.

Подавив свое нетерпение, Айдахо постарался забыть о своем вопросе и шел дальше, оглядывая город с любопытством туриста. Готовясь исполнять свои обязанности Начальника гвардии, Айдахо читал историю города Онн и разделил удивление Лето по поводу того, что река, на которой находился город, называлась Айдахо.

Это было в одном из больших открытых помещений Цитадели, залитым утренним светом, с большими столами, на которых Говорящие Рыбы разложили карты Сарьира и Онна.

Увидев название «Айдахо» на карте, которую

он изучал, Дункан был немало озадачен.

— Город довольно своеобразно спланирован, — сказал он, не скрывая удивления.

— Этот город построен с одной-единственной целью: публичного лицезрения Бога-Императора.

Айдахо взглянул на сегментированное тело, прикрытое складками человеческое лицо и подумал, что вряд ли привыкнет к лицезрению этого уродливого тела.

— Но это лицезрение происходит лишь один раз в десять лет, — сказал Айдахо.

— Это только Великий Праздник.

— В промежутках город бывает просто закрыт?

— Там находятся посольства, здания торговых компаний, школы Говорящих Рыб, служащие и техники, музеи и библиотеки.

— Какое пространство все это занимает? — Айдахо черкнул по карте костяшками пальцев. — Одну десятую площади?

— Даже меньше.

Айдахо в задумчивости склонился над картой.

— Есть ли еще какая-нибудь цель у этого города, господин?

— Все они подчинены лицезрению моей персоны.

— Но в городе должны быть чиновники, служащие, рабочие коммунальных служб. Где они живут?

— Большей частью в пригородах.

Айдахо указал рукой на карту.

— Вот в этих рядах апартаментов?

— Обрати внимание на балконы, Дункан.

— Они окружают по периметру всю площадь. — Он поближе склонился к карте. — Поперечник площади превышает два километра!

— Теперь посмотри: балконы располагаются ступенчато, по спирали. В этой спирали располагается элита.

— И все они могут смотреть на вас сверху вниз во время церемонии?

— Тебе это не нравится?

— Нет даже энергетического барьера, который мог бы защитить вас.

— Я представляю собой очень заманчивую мишень.

— Зачем вы это делаете?

— Об архитектурном замысле Онна существует замечательный миф. В нем говорится, что когда-то в этом городе жил народ, чьи правители должны были один раз в год показываться на его улицах в полной темноте в одиночку и без ору-

жия. Свои прогулки этот мифический правитель совершал в светящемся костюме через ночные толпы. Его же подданные были одеты в темную одежду, и никто не обыскивал их, чтобы найти оружие.

— Какое отношение имеет этот миф к Онну и… вам?

— Ну так вот, если правитель был хорошим, то у него был шанс пережить эту прогулку.

— Вы не ищете в городе оружие?

— Открыто — нет.

— Вы думаете, что люди видят вас в этом мифе. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Да, многие видят.

Айдахо посмотрел на лицо Лето, спрятанное глубоко в складках серого капюшона. Голубые глаза Императора смотрели без всякого выражения.

Меланжевые глаза, подумал Айдахо. Но Лето в настоящее время не употреблял Пряность. Теперь его тело само вырабатывало потребное количество Пряности.

— Тебе не нравится моя священная непристойность, мое преувеличенное спокойствие? — спросил Лето.

— Мне не нравится то, что вы разыгрываете

из себя Бога!

— Однако Бог может управлять своими подданными, как дирижер управляет симфоническим оркестром с помощью мановений своей палочки. Мое Божество ограничено моей физической привязанностью к Арракису. Мне приходится играть свою симфонию отсюда.

Айдахо в ответ только покачал головой и снова принялся рассматривать план города.

— Что это за квартиры позади балконов?

— Это помещения для менее важных гостей.

— Но отсюда они не могут видеть площадь.

— Могут, с помощью хитроумных иксианских приспособлений.

— Внутреннее кольцо смотрит прямо на вас. Как вы вообще попадаете на площадь?

— В центре площади есть возвышение, на котором я и нахожусь.

— И они радуются? — Айдахо смело посмотрел прямо в глаза Лето.

— Им позволяют радоваться.

— Вы, Атрейдесы, всегда считали себя частью истории.

— Ты очень проницателен — сразу разгадал природу подобной радости.

Айдахо снова обратился к плану города.

— А здесь расположена школа Говорящих Рыб?

— Да, как раз под твоей левой рукой. Там находится академия, в которой училась Сиона. Ее послали учиться, когда ей было всего десять лет.

— Сиона… Надо будет побольше о ней узнать, — вслух подумал Дункан.

— Уверяю тебя, что ничто не помешает твоему желанию.

Идя сейчас с императорской процессией, Айдахо отвлекся от своих мыслей, поняв, что пение Говорящих Рыб стало тише. Впереди тележка с Императором начала спускаться под площадь через специальную рампу. Айдахо, не успев еще спуститься под землю, поднял голову и вгляделся в сверкающую спираль. Это был вид, о котором нельзя было получить представления с помощью самой лучшей карты. Балконы были до отказа заполнены людьми, которые в полном молчании смотрели на своего Бога-Императора.

Привилегированные не радуются, подумал Айдахо. Молчание людей на балконах наполнило его мрачными предчувствиями.

Он вошел в туннель, и занавес закрыл от него площадь. По мере того как они спускались в глубину, пение Говорящих Рыб полностью стихло. Своды туннеля усиливали топот марширующих

ног.

Мрачное предчувствие уступило место живому любопытству. Айдахо с интересом огляделся. Пол был плоским, ярко освещенный проход очень широким. Айдахо прикинул, что по трубе, проложенной под площадью, могла бы свободно пройти шеренга в семьдесят человек. Здесь не было толп, только вдоль стен стоял ряд Говорящих Рыб, которые не пели, довольствуясь созерцанием своего Бога-Императора.

Вспомнив карту, Айдахо понял, что они попали в святая святых, подземный город в городе, куда только Лето, придворные и Говорящие Рыбы могли проходить без сопровождения. Но карта ничего не могла сказать о массивных колоннах, об ощущении громадного охраняемого пространства, о зловещей тишине, нарушаемой лишь топотом ног и скрипом Императорской тележки.

Айдахо посмотрел на ряды Говорящих Рыб возле стены и вдруг увидел, что губы их безмолвно шевелятся, произнося заветное слово:

— Сиайнок.

– Опять Праздник, так скоро? – спросил Господь Лето.

– Но уже прошло десять лет, – ответил мажордом.

Не кажется ли вам, что, судя по этому разговору, Господь Лето не имел ни малейшего представления о течении времени?

(Устное Предание)

Во время частных аудиенций, которые предшествовали самому Празднику, многие отметили, что Господь Лето уделил очень много времени новому послу Икса, молодой женщине по имени Хви Нори.

Она была доставлена в подземный зал двумя Говорящими Рыбами, которые еще не оправились от волнений первого дня Празднеств. Зал частных аудиенций под площадью был ярко освещен. Свет заливал помещение длиной около пятидесяти и шириной тридцать пять метров. Стены были увешаны древними фрименскими коврами, в яркие нити которых были вплетены бриллианты и бесценные волокна Пряности. Преобладал любимый фрименами тускло-красный цвет. Пол зала был прозрачен, под ним в огромных хрустальных аквариумах плавали экзотические рыбы. Под полом протекала чистая голубая вода, испарения

от нее не проникали в зал, но сам поток волновал Лето, который возлежал на подушках на возвышении в противоположном к двери конце зала.

С первого взгляда Лето отметил поразительное сходство молодой женщины и ее дяди Малки, но серьезные размеренные движения и спокойствие отличали ее от знаменитого родственника. Кожа ее была смугла, овал лица и черты его безупречны. Она, не отводя взгляд, посмотрела в глаза Лето своими безмятежными серьезными глазами. Правда, в отличие от Малки, волосы женщины были темно-каштановыми.

Лето сразу почувствовал, что Хви Нори излучает внутреннее спокойствие, распространяя его вокруг себя. Она остановилась в десяти шагах от ложа Лето, в ее осанке было что-то классическое, во всей фигуре не было ничего случайного.

С нарастающим волнением Лето понял, что свои великие инженерные способности иксианцы направили и на удовлетворение своих потребностей, выводя нужные породы людей для определенных целей. Функция Хви Нори была ясна как день — в ее задачу входило очаровать Бога-Императора, найти трещину в его непроницаемом панцире.

Несмотря на это, Лето находил большое удо-

вольствие от общения с этой женщиной. Хви Нори стояла в лучах дневного света, который проникал в помещение через сложную систему иксианских призм. Свет наполнял тот конец зала, где находился Лето, и сильнее всего освещал посетителей, несколько рассеиваясь у ложа Императора. За ложем у стены стояла стража из специально отобранных для этой цели глухонемых женщин.

На Хви Нори было надето простое платье пурпурного цвета и серебряный кулон, украшенный символом планеты Икс. Из-под подола платья выглядывали носки мягких туфель такого же цвета.

— Известно ли тебе, что я убил одного из твоих предков? — спросил Лето.

Женщина в ответ мягко улыбнулась:

— Мой дядя Малки включил этот эпизод в самый ранний этап курса моей подготовки, господин.

Хви говорила, а Лето в первый же момент угадал, что она получила во время своего обучения в Бене Гессерит. Сестры умели контролировать свой ответ и чутко реагировать на все нюансы в тоне собеседника. Однако у Хви этот слой воспитания Бене Гессерит был очень тонок и не проникал сквозь ее природную деликатность.

— Тебе говорили, что я затрону этот предмет, — сказал Лето.

— Да, господин. Я знаю, что мой предок имел дерзость внести сюда оружие, чтобы совершить на вас покушение.

— То же самое сделал твой непосредственный предшественник. Об этом тебе тоже говорили?

— Я узнала об этом только по прибытии сюда, мой господин. Какие же они глупцы! Почему вы пощадили моего предшественника?

— В то время, как не пощадил твоего предка?

— Да, господин.

— Кобат, твой предшественник, был более ценен для меня как посланник.

— Значит, мне сказали правду, — произнесла Хви, снова улыбнувшись. — Нельзя впадать в зависимость от правды, которую говорят помощники и начальники.

Ответ был настолько искренним, что Лето не смог сдержать усмешки. Но даже смеясь, он понимал, что эта молодая женщина несла в себе сознание Первого Пробуждения, что она когда-то испытала потрясение осознания своего рождения и осталась после этого жива!

— Так ты не держишь на меня зла за то, что я убил твоего предка? — спросил он.

— Он пытался убить вас! Мне сказали, что вы раздавили его своим телом, господин.

— Это правда.

— Затем вы повернули оружие против себя и показали всем, что оно неэффективно против вас… а ведь это было лучшее иксианское лазерное ружье.

— Свидетели не солгали, — сказал Лето.

При этом он подумал: *Что показывает, как сильно мы зависим от свидетелей!* Для исторической точности он напомнил себе, что направил ружье против своего ребристого тела, но не против рук, лица или рудиментов ног. Тело Червя обладает редкостной способностью поглощать тепло и использовать его для продукции кислорода.

— Я никогда не сомневалась в правдивости этой истории, — сказала женщина.

— Зачем же тогда Икс повторил ту же глупость?

— Об этом мне не говорили. Возможно, Кобат действовал на свой страх и риск.

— Думаю, что нет. Ваши люди жаждали смерти лишь избранного ими убийцы.

— Смерти Кобата?

— Нет, того, кому они вложили в руки ружье.

— Кто это был, господин? Мне об этом не говорили.

— Это не важно. Ты не припомнишь, что я сказал, когда твой предок совершил свою роковую глупость?

— Вы пригрозили страшной карой, если мысль о таком насилии придет нам в голову еще раз. — Она опустила глаза, но Лето все же успел заметить в ее глазах необыкновенную решимость. Она использует все свои способности, чтобы отвести от Икса его гнев.

— Я обещал, что никто из вас не избежит моего гнева, — сказал Лето.

Она резко подняла голову и взглянула в глаза Лето:

— Да, господин. — Теперь от его внимания не укрылся ее личный страх.

— Никто и ничто не может ускользнуть от моего внимания, даже та ничтожная колония, которую вы основали недавно на… — Лето назвал точные звездные координаты колонии, которую иксианцы основали далеко за пределами, как они полагали, досягаемости имперской длани Лето.

Нори ничем не выдала своего удивления.

— Господин, думаю, что они понимали это, поскольку я предупредила их, что вы узнаете об

этом, если меня изберут послом.

Лето внимательно пригляделся к Хви. *Итак, что мы здесь имеем?* Ее наблюдения отличаются тонкостью и глубиной. Иксианцы, как было известно Лето, думали, что огромные расстояния и транспортные расходы смогут надежно изолировать колонию от Империи. Но Хви так не думала и сказала об этом открыто. Однако она полагает, что ее выбрали послом именно поэтому — из-за того, что она именно так прокомментировала предосторожность иксианцев. Они думали, что будут иметь здесь друга, который одновременно будет казаться и другом Лето. Он кивнул, как только мысль окончательно сформировалась в его мозгу. В самом начале своего восшествия на престол он указал иксианцам точное местоположение предположительно тайного иксианского Ядра, сердцевины технологической федерации, которой они правили. Это была тайна, которую сами иксианцы считали нераскрываемой, поскольку платили Космической Гильдии огромные взятки за молчание. Лето разоблачил их с помощью предзнания и умения мыслить дедуктивно, кроме того, в его памяти жил не один иксианец.

Еще в то время Лето предупредил иксианцев,

что накажет их, если они выступят против него. Они выступили, ожесточились и обвинили Гильдию в предательстве. Это настолько позабавило Лето, что он разразился хохотом, ошеломившим иксианцев. Успокоившись, он холодным и спокойным тоном оповестил их, что не нуждается в шпионах и предателях — этих обычных уловках рядовых правителей.

Они что, не верят, что я — Бог?

Прошло время, и иксианцы снова стали откликаться на его обращения. Лето не обижало их отношение. Его требования были весьма скромны — приспособление для этого, машина для того, и все. Он представлял просьбу, а иксианцы присылали требуемую игрушку. Только один раз попытались они ввезти на его планету смертоносное оружие, спрятав его в игрушку. Он убил всю иксианскую делегацию, прежде чем они успели вскрыть посылку.

Хви Нори терпеливо ждала, когда Лето закончит размышлять. Ни одного намека на нетерпение!

Великолепно! — подумал он.

В свете его долгих отношений с Иксом это новое положение заставляло быстрее циркулировать по телу соки. Обычно страсти, кризисы и неотложные состояния почти не зажигали его дух.

Он часто ловил себя на мысли, что пережил свое время. Но присутствие Хви Нори сказало ему, что в нем до сих пор нуждаются, и это доставило ему удовольствие. Лето был даже готов допустить, что иксианцы достигли каких-то частичных успехов в разработке аппарата, который многократно усилит способности Гильд-навигаторов в ориентировке. Маленькое изображение на экране мониторов какого-то события могло ускользнуть от его внимания. Могли ли они в действительности изготовить такую машину? Какое это будет чудо! Он намеренно отказался от применения власти, чтобы ни в малейшей степени не препятствовать изысканиям.

Я хочу, чтобы они меня удивили!

Лето добродушно улыбнулся Хви Нори.

— Как тебя готовили для общения со мной? — спросил он.

Она ответила не моргнув глазом:

— Меня снабдили набором ответов для нескольких вполне определенных острых ситуаций, — сказала она. — Я выучила их, как того от меня требовали, но не собиралась ими пользоваться.

Но они хотели именно этого, подумал Лето.

— Передай своим хозяевам, что ты — подходящая приманка для моего соблазнения.

Она склонила голову.

— Если так будет угодно моему господину.

— Будет угодно.

Он позволил себе провести временную пробу, чтобы проверить Хви, распознать ее близкое будущее, проследить нити ее прошлого. У женщины было текучее будущее, токи его движения были подвержены многим отклонениям. Сиону она знает лишь случайно и мимолетно, если только… В мозгу Лето появились многочисленные вопросы. Пилот Гильдии консультировал иксианцев, и он сразу обнаружил беспокойство Сионы, проверив ткань ее временного существования. Неужели пилот действительно думал, что сможет спрятать ее от всевидящего ока Императора?

Временная проба заняла несколько минут, но Хви не дрогнула. Лето внимательно посмотрел на нее. Она выглядела человеком, живущим вне времени, живущим глубоко безмятежно. Лето впервые встречал простого смертного, который мог ждать, стоя перед ним, не проявляя при этом никакой нервозности.

— Где ты родилась, Хви? — спросил он.

— На самом Иксе, господин.

— Я хочу знать подробности — в каком доме, где он расположен, кто твои родители, кто твои

друзья. Кто тебя окружает, как ты училась. Я хочу знать все.

— Я никогда не знала своих родителей, господин. Мне сказали, что они умерли, когда я была еще маленьким ребенком.

— Ты поверила этому объяснению?

— Сначала… конечно, мой господин. Позже я начала придумывать себе всякие фантазии. Я даже вообразила однажды, что Малки — мой отец. Но… — Она покачала головой.

— Тебе не нравился твой дядя Малки?

— Нет, но я не могла не восхищаться им.

— Моя реакция на него точно такая же, — сказал Лето. — Но что ты можешь сказать о своих друзьях, о школе, где ты училась?

— Мои учителя были хорошими специалистами. Для того чтобы я овладела самоконтролем и умением наблюдать, ко мне пригласили Сестру из Бене Гессерит. Малки говорил, что меня готовили для великих дел.

— Он не говорил, для каких именно?

— Малки сказал, что меня готовили для того, чтобы очаровать вас, мой господин.

— Сколько тебе лет, Хви?

— Я никогда не праздную свои дни рождения. Об этой дате я узнала случайно, когда одна из

учительниц извинилась, что не смогла меня поздравить. Я больше никогда не видела эту учительницу.

Лето почувствовал, что ответ Хви очаровал его. Наблюдения показали, что в эту плоть не вмешалась тлейлаксианская рука. Она не из чана тлейлаксианцев. Зачем же тогда такая секретность?

— Знает ли дядя Малки твой истинный возраст?

— Вероятно, да, но я не видела его уже много лет.

— Значит, никто и никогда не говорил, сколько тебе лет?

— Нет.

— Почему, как ты думаешь?

— Может быть, они думали, что я сама спрошу их, если меня это заинтересует?

— Тебя это интересовало?

— Да.

— Тогда почему ты не спрашивала?

— Сначала я думала, что об этом есть какая-нибудь запись. Я ее долго искала, но не нашла. Я решила, что мне вряд ли ответят на вопрос.

— Меня очень радует твой ответ, особенно в свете того, что я сам в тебе вижу. Я точно так же

ничего не знаю о твоей ранней истории, но могу кое-что сказать о месте твоего рождения.

Хви взглянула на Лето глазами, полными неподдельного напряженного ожидания.

— Ты родилась в машине, которую твои хозяева пытаются усовершенствовать для Гильдии, — сказал Лето. — Ты была зачата в ней. Возможно, что сам Малки и был твоим отцом. Но это не столь важно. Что ты сама знаешь об этой машине, Хви?

— Мне не положено о ней ничего знать, мой господин, но…

— Это было еще одно упущение учителя?

— Нет, это было упущение моего собственного дяди.

Тело Лето сотряслось от смеха.

— Какое мошенничество! — воскликнул он. — Какое очаровательное мошенничество!

— Господин?

— То была его месть твоим хозяевам. Ему не понравилось, что его удалили от моего двора. Тогда он сам говорил мне, что его смещение хуже любой глупости.

Хви пожала плечами:

— Мой дядя очень сложный человек.

— Слушай меня внимательно, Хви. Некоторые

из тех, с кем ты общаешься на Арракисе, могут стать для тебя опасными. Я защищу тебя, насколько смогу. Ты меня понимаешь?

— Думаю, что да, мой господин. — Она значительно посмотрела на него.

— Теперь о послании твоим хозяевам. Мне совершенно ясно, что они прислушались к словам пилота Гильдии и их связь с тлейлаксианцами приобрела опасный оттенок. Скажи им, что их цели для меня абсолютно прозрачны.

— Господин, я ничего не знаю о…

— Я прекрасно знаю, как именно они тебя используют, Хви. По этой же причине ты скажешь им, что станешь постоянным послом при моем дворе. Я не приму никакого другого иксианца. Если только твои хозяева посмеют игнорировать мое предупреждение, и будут дальше мешать моим замыслам, то я сокрушу их.

Из глаз Хви потекли слезы, но Лето был благодарен женщине за то, что это была единственная реакция. Нори не стала падать на колени.

— Я уже предупреждала их, — сказала она. — Я действительно предупреждала. Я говорила, что они должны подчиниться вам.

Лето видел, что она говорит правду.

Какое замечательное создание, эта Хви Нори,

подумал он. Она была воплощением добра, ее специально воспитывали на Иксе, готовя к этой роли, они тщательно высчитали, какое впечатление она произведет на Императора.

В своей бездонной предковой памяти Лето нашел аналогичные характеры — идеальные монахини, добрые, склонные к самопожертвованию, и очень искренние. Это был ее истинный характер, она жила в нем, как у себя дома. Для нее было очень легко быть правдивой и открытой, способной на уничижение ради того, чтобы не причинить боль другим. Это последнее качество было самым глубоким изменением личности, которого сумели добиться Сестры Бене Гессерит. Настоящие манеры Хви, ее настоящая натура были еще мягче, еще добрее. В ней не было склонности к расчетливой манипуляции. Во всяком случае, Лето не видел этого. Она отличалась непосредственными реакциями и цельностью, прекрасно умела слушать (еще одна заслуга Бене Гессерит). В ней не было ничего откровенно соблазнительного, хотя сам этот факт делал ее весьма привлекательной в глазах Лето.

Как он однажды заметил одному из предыдущих Дунканов: «Ты должен понять одну вещь, о которой, очевидно, некоторые подозревают;

иногда мне не удается избежать чувства, весьма похожего на наваждение, чувства, что где-то внутри моего меняющегося организма существует взрослый человек со всеми своими функциями».

«Со всеми, господин?» — спросил тогда Дункан.

«Со всеми! Я чувствую все свои недостающие части. Я могу чувствовать ноги, которые незаметны, но которые существуют для моих органов чувств. Я ощущаю, как работают мои железы, некоторые из которых физически больше не существуют. Я даже чувствую свои половые органы, которые, как я понимаю умом, исчезли несколько веков назад».

«Но если вы знаете…»

«Знание не подавляет такие ощущения. Исчезнувшие части моего тела все еще со мной, в моей памяти и в памяти моих предков, которая живет во мне».

Лето смотрел на Хви, стоявшую перед ним и ему ни на йоту не помогало знание того, что у него давно нет черепа, что его мозг давно атрофировался и вместо него имелась огромная сеть нервных узлов, протянувшаяся по всему телу. Мозг болел, а в черепе отдавалась чудовищная пульсация. Боль была настолько невыносима, что, не выдержав, Лето простонал:

— Зачем твои хозяева мучают меня?

— Господин?

— Зачем они прислали тебя?

— Я не причиняю вам боль, мой господин.

— Ты причиняешь мне боль одним своим существованием!

— Я не знала этого. — И снова слезы неудержимым потоком потекли по ее щекам. — Они никогда не говорили мне о своих истинных целях.

Успокоившись, Лето заговорил, придав своему голосу необычайную мягкость:

— Теперь оставь меня, Хви. Занимайся своими делами, но возвращайся как можно быстрее, если я призову тебя.

Она вышла спокойно, но Лето видел, что она тоже испытывает муки. Он не мог ошибиться, видя, какую печаль чувствует она по поводу человеческого облика, которым пожертвовал Лето. Она знала то, что знал и он: они станут друзьями, любовниками, единомышленниками — их отношения станут самыми тесными, какие только возможны между людьми противоположного пола. Ее хозяева знали, что делают.

Иксианцы жестоки! — подумал он. *Они знают, какой должна быть наша боль.*

Уход Хви оживил воспоминание о ее дяде Малки. Малки был жесток, но его общество доставляло Лето удовольствие. Малки обладал всеми трудолюбивыми добродетелями своего народа и всеми пороками, которые делали его особенно человечным. Малки откровенно наслаждался компанией Говорящих Рыб. «Ваши гурии», — говорил он, и Лето редко вспоминал своих женщин-гвардейцев, чтобы не вспомнить про это прозвище, данное им Малки.

Почему я сейчас подумал о Малки? Это не из-за Хви. Я спрошу, чем зарядили ее хозяева, прежде чем послать ко мне.

Лето засомневался, стоит ли позвать женщину назад.

Она скажет мне, если я спрошу.

Иксианские послы всегда получали задачу выяснить, по какой причине Бог-Император терпит само существование Икса. Они знали, что от него невозможно ничего утаить. Чего стоит эта глупейшая попытка основать колонию без его ведома! Исследовали ли они его возможности? Иксианцы подозревали, что в действительности Лето не нуждается в их промышленности.

Я никогда не скрывал своего мнения о них и говорил это Малки.

— Технологические новаторы? Нет! Вы преступники от науки, окопавшиеся в моей Империи!

В ответ Малки только смеялся. В раздражении Лето продолжал обвинять:

— Для чего строить секретные лаборатории и заводы за пределами Империи? Вы же все равно не сможете скрыться от меня.

— Конечно, господин, — соглашался Малки смеясь.

— Я знаю, чего вы добиваетесь: создать утечку того и немножко этого в пределы Империи. Эта подрывная деятельность приводит к сомнениям и ненужным вопросам!

— Господин, но ведь вы сами — один из наших самых ценных заказчиков.

— Я не это имею в виду, и ты прекрасно это знаешь, ужасный ты человек!

— Я нравлюсь вам именно потому, что я ужасный человек. Я рассказываю вам истории о том, что мы делаем.

— Я знаю об этом и без твоих историй!

— Но некоторым историям можно верить, а другие весьма сомнительны. Я рассеиваю ваши сомнения.

— У меня не бывает сомнений!

От этого Малки смеялся еще сильнее.

Я должен и дальше терпеть их, подумал Лето. Иксианцы занимались изобретательством и работали в терра инкогнито технического творчества, которое было запрещено бутлерианским джихадом. Иксианцы создавали невообразимые вещи — именно эти вещи привели к началу джихада, к его разрушениям и массовым убийствам. Именно этим занимались на Иксе, и Лето оставалось только позволить им это делать.

Я у них покупаю! Без их изобретений я не смог бы даже записать свои мысли. Без иксианцев я не мог бы прятать свои записки и печатать их.

Но им надо постоянно напоминать об опасности того, что они делают!

Не стоит забывать и о Гильдии. Но это уже легче. Даже сотрудничая с Иксом, члены Гильдии сильно не доверяли иксианцам.

Если эта новая иксианская машина будет работать, то Гильдия потеряет свою монополию на космические перевозки!

В сумятице и шуме предковой памяти, которые я могу вызвать по своему желанию, возникает нечто, похожее на упорядоченные рисунки. Они похожи на звуки чужого языка, который мне хорошо понятен. Тревожные сигналы сообществ, готовящие их к нападению или защите, для меня подобны громким словам команд. Я вижу, как люди угрожают невинным, вижу, как опасно бунтует беспомощная молодежь. Необъяснимые звуки, видения и запахи возрождают ощущения, о существовании которых вы давно успели забыть. Когда вы встревожены, на ум приходят лишь слова родного языка – речь чужих языков превращается в набор странных и чуждых звуков. Вы требуете свой привычный костюм, ибо краски чужих одеяний кажутся вам враждебными и угрожающими. Это есть отрицательная обратная связь на ее первобытном уровне. Это воспоминания ваших клеток.

(Похищенные записки)

Рядовые Говорящие Рыбы, несшие пажескую службу у портала Зала Аудиенций, вели к Лето

Дуро Нунепи, посла Тлейлаксу. Время его аудиенции еще не наступило, его доставили рано, изменив объявленный порядок, однако посол держал себя спокойно, изобразив на лице лишь легкое недовольство.

Лето молча ждал его приближения, вытянувшись на возвышении, установленном в дальнем конце зала. В памяти Императора всплыло древнее воспоминание — глазок перископа подводной лодки, осматривающий поверхность вод. Таков был и Нунепи — гордое, словно высеченное из кремня, лицо человека, прошедшего все положенные ступени бюрократической лестницы Тлейлаксу. Не будучи сам Танцующим Лицом, он рассматривал этих людей как воду, по которой очень удобно плыть к назначенной цели, и надо было быть настоящим лоцманом, чтобы пристроиться в кильватер такому человеку. Нунепи был тем зловещим персонажем, который оставил свой кровавый след в происшествии у моста через реку Айдахо.

Несмотря на ранний час, Нунепи был в полном посольском облачении — широкие черные брюки, черные ботинки с золотым рантом, яркая красная куртка, открывающая поросшую волосами грудь, на которой красовался золотой

тлейлаксианский гребень, украшенный брил — лиантами.

Остановившись в положенных десяти шагах от тележки, Нунепи окинул взглядом выстроившихся у стены Говорящих Рыб. В серых глазах Нунепи мелькнула насмешливая искорка, когда он посмотрел на своего Бога-Императора и слегка поклонился.

Вошел Дункан Айдахо с зачехленным лазерным ружьем у бедра и остановился возле нахмуренного лица Лето.

Появление Айдахо не слишком понравилось послу, он принялся внимательно изучать начальника гвардии.

— Я нахожу Лицеделов особенно ненавистными, — произнес Лето.

— Я — не Лицедел, господин, — произнес Нунепи низким, хорошо поставленным голосом, в котором все же угадывалась некоторая растерянность.

— Но ты представляешь их, а это уже является предметом моего раздражения, — сказал Лето.

Нунепи ожидал открытого выражения враждебности, но Лето отбросил дипломатические условности, и посла потрясло то, что Император прямо упомянул то, что сам Нунепи считал

необоримой силой Тлейлаксу.

— Господин, сохраняя плоть исходного Дункана Айдахо и снабжая вас гхолами, мы предполагали, что…

— Дункан! — воскликнул Лето. — Если я прикажу, Дункан, поведешь ли ты экспедицию уничтожить Тлейлаксу?

— С радостью, мой господин.

— Даже если это будет означать потерю исходных клеток и уничтожение чанов с аксолотлями?

— Эти чаны — не самое приятное воспоминание в моей жизни, а те клетки — это давно уже не я.

— Господин, чем мы оскорбили вас? — спросил Нунепи.

Лето нахмурился. Неужели этот глупец всерьез думает, что сейчас Бог-Император заговорит о недавнем нападении Танцующих Лицом?

— До меня дошли сведения о том, что ваши люди распространяют сплетни о том, что вы называете «отвратительными сексуальными привычками».

Нунепи был изумлен до глубины души. Обвинение было лживым до абсурда, он не ожидал этого. Но Нунепи отчетливо понимал, что вздумай он

все отрицать, ему все равно никто не поверит, ибо так сказал сам Бог-Император. То была атака с непредсказуемым исходом, произведенная в неведомом для посла измерении. Нунепи заговорил, глядя на Айдахо:

— Господин, если мы…

— Смотри мне в глаза! — приказал Лето.

Нунепи торопливо повиновался.

— Могу сказать тебе в первый и последний раз, — продолжал Лето, — что у меня вообще нет сексуальных привычек. Никаких.

На лбу Нунепи выступила холодная испарина. Он смотрел на Императора с выражением загнанного в угол животного. Когда посол заговорил, в его голосе не осталось и следов от былой звучности:

— Господин, я… Это какое-то недоразумение, ошибка…

— Замолкни, тлейлаксианский проныра! — взревел Лето. — Я — метамерный переносчик священного червя — Шаи-Хулуда! Я — твой Бог!

— Прости нас, Господи! — прошептал Нунепи.

— Простить вас? — Голос Лето был на этот раз исполнен участливого понимания. — Конечно, я прощу вас. Это функция вашего Бога. Ваше преступление прощено. Однако ваша глупость

требует ответных мер.

— Господин, если бы я только мог…

— Молчать! Партия Пряности должна была отправиться на Тлейлаксу в эту декаду. Вы не получите ничего. Что касается тебя лично, то сейчас мои Говорящие Рыбы отведут тебя на площадь.

В зал вошли две дюжие женщины в форме гвардейцев и взяли Нунепи под руки, ожидая указаний Императора.

— На площади, — сказал Лето, — вы снимете с него одежду и дадите ему пятьдесят ударов плетью.

Нунепи попытался вырваться из мертвой хватки Говорящих Рыб, его лицо исказилось от ярости.

— Господин, я хочу напомнить вам, что я полномочный посол…

— Ты — обычный преступник и как таковой будешь наказан. — Лето дал знак гвардейцам, и они потащили посла к выходу.

— Жаль, что тебя не убили, — орал потерявший голову Нунепи, — жаль, что…

— Кто? — спросил Лето. — Кто должен был меня убить? Разве ты не знаешь, что меня нельзя убить?

Гвардейцы потащили посла к выходу, но он

продолжал кричать: «Я невиновен! Я невиновен!» Крики постепенно стихли.

Дункан склонился к Лето.

— Что такое, Дункан? — спросил Император.

— Мой господин, все послы будут очень напуганы.

— Да, я преподам им урок ответственности за свои действия.

— Мой господин!

— Участие в заговоре, равно как и армейская служба, освобождает людей от чувства личной ответственности.

— Но это может привести к ненужным осложнениям, мой господин. Лучше я распоряжусь об усилении охраны.

— Об этом не может быть и речи!

— Но вы позвали меня…

— Как небольшой образчик военной глупости.

— Мой господин, я не…

— Дункан, подумай о невежестве Нунепи. Он — квинтэссенция моего урока.

— Простите мою тупость, господин, но я не понимаю сути ваших слов о военных.

— Они думают, что, рискуя жизнью, приобретают право применять любое насилие к врагам, которых сами же и выбирают. Это ментальность

завоевателей. Нунепи думает, что не отвечает за любые действия против чужих.

Айдахо посмотрел на дверь, через которую стражницы вывели Нунепи.

— Он очень старался, но проиграл, мой господин.

— Но при этом он освободил себя от уз прошлого и отказался платить за это.

— В глазах своего народа он является патриотом.

— А кем он является в собственных глазах? Орудием истории.

Айдахо понизил голос и придвинулся еще ближе к Лето.

— Насколько вы отличаетесь от нас, господин?

Лето усмехнулся:

— Ах, Дункан, как я люблю твою восприимчивость. Ты заметил, что я сделан из совершенно другого теста. Неужели ты уверен, что я не способен проигрывать?

— Такая мысль действительно приходила мне в голову.

— Только неудачники могут прятать свою гордыню под покров «великого прошлого», мой старый друг.

— Вы с Нунепи похожи в этом отношении?

— Воинствующие миссионерские религии разделяют эту иллюзию «гордого прошлого», но лишь немногие понимают конечную опасность этого взгляда для человечества в целом — опасность ощущения собственной свободы от ответственности за свои действия.

— Какие странные слова, мой господин. Как мне следует понимать их смысл?

— Смысл заключается в том, что тебе говорят. Ты не способен слушать?

— У меня есть уши, мой господин.

— Неужели? Что-то я их не вижу.

— Вот они, мой господин. Вот и вот! — Айдахо коснулся рукой поочередно обоих своих ушей.

— Но они же ничего не слышат. Следовательно, у тебя нет ушей — ни здесь, ни здесь.

— Вы смеетесь надо мной, мой господин.

— Слышать — значит слышать. То, что существует, не может быть сделано заново, поскольку оно уже существует. Быть — значит быть.

— Ваши странные слова…

— Суть не более чем слова. Я их произнес. Они прозвучали, и их больше нет. Их никто не услышал, следовательно, они уже не существуют. Если же они не существуют, их можно произнести снова, тогда, может быть, их кто-нибудь услышит.

— Зачем вы делаете из меня шута, мой господин?

— Я ничего не делаю с тобой, кроме того, что произношу слова. Я говорю их без всякого риска оскорбить тебя, ибо убедился, что ты лишен ушей.

— Я не понимаю вас, мой господин.

— Начало всякого познания — это открытие факта, что ты чего-то не понимаешь.

Айдахо не успел ничего ответить, так как Император подал знак одной из женщин, и та взмахнула рукой перед хрустальным экраном за помостом, на котором возлежал Лето. На ровной поверхности появилось трехмерное изображение площади, где должны были наказать Нунепи.

Айдахо отступил к центру зала и внимательно вгляделся в изображение. В середине площади возвышался помост, на котором были установлены треугольные металлические козлы; к ним был привязан раздетый донага посол. Его одежда лежала рядом. Говорящая Рыба могучего телосложения в маске взмахнула длинной плетью с несколькими тонкими концами. Айдахо узнал в ней одну из женщин, которые встречали его на Арракисе.

По сигналу офицера Говорящая Рыба нанесла

первый удар по обнаженной спине.

Айдахо вздрогнул. Толпа затаила дыхание.

В том месте, где кончики плети коснулись спины, появились багровые полосы. Нунепи молчал.

На его спину вновь опустилась плеть; при втором ударе из полос появилась кровь.

Плеть опустилась еще раз, на этот раз кровь потекла тонкими струйками.

Лето ощутил печаль. *Наила слишком старательна,* подумал он. *Она убьет его, а это создаст проблемы.*

— Дункан! — позвал Лето.

Айдахо стряхнул с себя наваждение, оторвался от изображения и постарался забыть яростный крик толпы, который она испустила после особенно кровавого удара плетью.

— Пошли кого-нибудь прекратить порку после двадцатого удара, — приказал Лето. — Пусть объявят, что Император оказался настолько великодушен, что решил смягчить наказание.

Айдахо поднял руку и сделал знак одной из Говорящих Рыб. Женщина кивнула и выбежала из зала.

— Подойди ко мне, Дункан, — сказал Лето.

Ожидая нового подвоха, Айдахо вернулся к ложу Императора.

— Все мои действия, — сказал Лето, — это уроки, которые следует усваивать.

Айдахо боролся с желанием оглянуться и досмотреть сцену наказания Нунепи. Что это за звук? Стоны посла, заглушаемые ревом толпы? Эти крики пронзали душу Айдахо. Он посмотрел Лето прямо в глаза.

— У тебя на уме какой-то вопрос, — сказал Лето.

— Много вопросов, мой господин.

— Говори.

— Какой урок заключается в наказании этого глупца? Что мы скажем, когда нас начнут спрашивать об этом?

— Мы скажем, что никому не позволено хулить Бога-Императора.

— Это кровавый урок, мой господин.

— Он не такой кровавый, как некоторые уроки, преподанные в свое время мне.

Айдахо недовольно покачал головой:

— Из этого не выйдет ничего хорошего.

— Это очень точное замечание!

Охота за памятью предков многому научила меня. Паттерны, ах, эти паттерны. Больше всего раздражают меня слепые приверженцы либерализма. Я не верю в крайности. Почешите как следует консерватора и вы обнаружите человека, который предпочитает прошлое самому светлому будущему. Почешите либерала, и вы обнаружите кабинетного аристократа. Либеральные правительства всегда вырождаются в аристократии. Бюрократия всегда предает искренние намерения людей, формирующих такие правительства. Непосредственно с самого начала, мелкие личности, попавшие в правительство, обещавшее равномерно распределить социальный гнет, оказываются заложниками бюрократической аристократии. Естественно, все бюрократии в этом отношении ведут себя одинаково, но какое это лицемерие, обнаружить знакомый образчик под лозунгами равенства, начертанными на либеральных знаменах. Ах, если эти паттерны чему-то и научили меня, так это тому, что они всегда повторяются. Мое

угнетение, в широком смысле слова, ничем не лучше и не хуже всех прочих, но я по крайней мере преподаю людям новый урок.

(Похищенные записки)

Начало темнеть, когда настала очередь аудиенции для делегации Ордена Бене Гессерит. Монео подготовил Преподобную Мать, извинившись за задержку и передав ей уверения Лето.

Докладывая об этом Императору, Монео сказал:

— Они ожидают богатого вознаграждения.

— Посмотрим, — сказал Лето. — Посмотрим. Теперь скажи мне, о чем спросил тебя Дункан, когда ты входил в зал?

— Он хотел знать, подвергали ли вы до сих пор кого-нибудь телесным наказаниям?

— И что ты ответил?

— Что об этом нет никаких письменных свидетельств и что я лично никогда не видел таких наказаний.

— Как он отреагировал на твой ответ?

— Сказал, что такое не подобает Атрейдесам.

— Он полагает, что я не в своем уме?

— Этого он не сказал.

— Достаточно и того, что ты слышал. Что еще

тревожит нашего нового Дункана?

— Он видел нового иксианского посла, господин. Он находит Хви Нори весьма привлекательной. Интересуется…

— Этого нельзя допустить, Монео! Я полагаю, ты сумеешь предотвратить любую связь между Дунканом и Хви.

— Как прикажет мой господин.

— Да, это мой строжайший приказ! Теперь иди и приготовь мою встречу с сестрами из Бене Гессерит. Я приму их в макете сиетча.

— Мой господин, есть ли в этом выборе какое-то значение?

— Это просто моя прихоть. Выходя, скажешь Дункану, чтобы он взял с собой отряд Говорящих Рыб и прочесал город.

Ожидая делегацию Бене Гессерит, Лето вспомнил разговор с Монео, это несколько развлекло его. Он представил, какое впечатление произведет на обитателей Онна появление на улицах растревоженного Айдахо во главе отряда гвардейцев.

Они живо притихнут, как мыши при внезапном появлении кошки.

Сейчас, находясь в макете сиетча, Лето похвалил себя за такой выбор. Здания свободной

формы, с многочисленными куполами, расположенное на окраине Онна, имело в поперечнике около одного километра. Здесь первоначально располагался Музей фримена, а теперь располагалась школа музея. Залы и коридоры патрулировали Говорящие Рыбы.

Зал приемов имел овальную форму и по длине достигал двухсот метров. Огромное помещение освещалось гигантским светильником, подвешенным на высоте около тридцати метров над полом. Голубовато-зеленый свет смешивался с тусклыми коричневыми и бежевыми тонами искусственного камня, которым были выложены стены зала. Лето возлежал на низком помосте в конце зала, глядя наружу через длинное, выгнутое по длине стекло. На улице были видны остатки Защитного Вала с пещерами, в которых когда-то были уничтожены приверженцами Харконненов запертые в ловушку войска Атрейдесов. Очертания скалы серебрились в призрачном свете Первой Луны. Контур скалы подчеркивался точечными огоньками — костры горели там, где сейчас нельзя было показываться ни одному фримену. Огоньки мигали, когда мимо них проходили люди — музейные фримены, подчеркивавшие свое право занимать окрестности

священного города.

Музейные фримены! — подумал Лето.

Какие же они узколобые, недальновидные люди.

Но что меня возмущает? Они таковы, какими я их создал.

Лето услышал, как ко входу приближается делегация Бене Гессерит. Они пели гимн, слышался напев, изобилующий протяжными гласными звуками.

Впереди шел Монео с отделением гвардейцев, которые заняли свои места у ложа Императора. Монео остановился возле ложа, взглянул на Лето и обернулся в зал.

Женщины вступили в него двумя рядами, их было десять, впереди шествовали две Преподобные Матери в традиционных черных одеждах.

— Слева Антеак, справа Луйсейал, — сказал Монео.

Лето вспомнил раздраженные, полные недоверия слова, которые говорил ему ранее Монео, рассказывая об этих женщинах. Мажордом ненавидел этих *ведьм*.

— Они обе — Вещающие Истину, — сказал тогда Монео. — Антеак намного старше Луйсейал, но именно последняя славится как лучший Веща-

тель Истины в Бене Гессерит. Заметьте, что на лбу у Антеак имеется шрам, происхождение которого нам неизвестно. У Луйсейал рыжие волосы и она слишком молода для столь прославленной Преподобной Матери.

Глядя, как приближается делегация женщин, Лето почувствовал, как всколыхнулась вся его память. Капюшоны надвинуты на лоб, скрывая лица. Слуги и послушницы шли сзади на почтительном расстоянии. Все это было частью тщательно продуманного ритуала. Ничто не изменилось за прошедшие тысячелетия. С равным успехом эти женщины могли войти и в настоящий сиетч, где их должны были приветствовать истинные фримены.

Их голова знает то, что отрицает тело, подумал Лето.

Всепроникающий взор Лето позволил ему заметить подавленную осторожность в глазах женщин, однако они входили в зал, как люди, уверенные в том, что находятся под надежной защитой своей религиозной власти.

Лето доставило удовольствие сознание того, что Бене Гессерит обладает только той силой, которую он сам им дал. Ему была ясна причина такого одолжения. Из всех подданных Империи

эти женщины были больше других похожи на него самого — правда, их память была ограничена лишь женскими предками и они могли вспоминать только женские ритуалы — однако, как и он сам, эти Преподобные Матери являлись объединяющим воплощением целых групп.

Преподобные Матери остановились, как и положено, в десяти шагах от Лето. Свита остановилась позади них на почтительном расстоянии.

Лето решил немного развлечься и приветствовал делегацию голосом и маской своей бабки Джессики. Они ожидали этого, и Лето не хотелось их разочаровывать.

— Добро пожаловать, Сестры, — сказал он. Голос, звучавший в тональности низкого контральто, с нотками язвительности, часто прослушивался и изучался в капитуле Общины Сестер.

Произнося приветствие, Лето почувствовал угрозу. Преподобные Матери всегда бывали недовольны такой формой приветствия, однако на этот раз в их реакции появились какие-то новые ноты. Монео тоже ощутил эту разницу. Он поднял палец, приказав Говорящим Рыбам придвинуться ближе к Лето.

Первой заговорила Антеак:

— Господин, сегодня утром мы наблюдали на

площади этот постыдный спектакль. Чего вы хотите достичь такими странными мерами?

Значит, мы решили говорить именно в таком тоне, подумал Лето.

Он заговорил своим обычным голосом:

— На какое-то время вы обрели мою милость. Это не устраивает вас, и вы желаете изменить мое отношение?

— Господин, — произнесла Антеак, — мы потрясены и шокированы тем, как вы обошлись с полномочным послом. Мы действительно не понимаем, чего вы этим добивались.

— Я ничего не добивался, я был унижен этим человеком.

На этот раз заговорила Луйсейал:

— Это действие может лишь усилить ощущение гнета вашей власти.

— Меня же удивляет, почему столь мало людей говорит об угнетении со стороны Бене Гессерит? — отпарировал Лето.

Вместо Луйсейал на вопрос ответила Антеак:

— Если Богу-Императору будет угодно, то он сам расскажет нам об этом, а сейчас давайте перейдем к цели нашего посольства.

Лето улыбнулся:

— Вы обе можете подойти ко мне ближе. Оставь-

те свиту и приблизьтесь.

Монео отступил вправо, дав возможность женщинам приблизиться к Императору их характерной скользящей походкой на расстояние трех шагов от помоста.

— Такое впечатление, что у них нет ног, — пожаловался однажды Монео своему Императору.

Вспомнив эти слова, Лето внимательно пригляделся к тому, как пристально следит Монео за двумя женщинами. В их поведении было что-то угрожающее, но мажордом не осмелился возразить против их приближения к особе Императора. Бог-Император пожелал этого, и его воля должна быть исполнена.

Лето перевел взор на свиту, оставшуюся на месте. Послушницы были одеты в черные платья без капюшонов. Лето заметил кое-какие намеки на запрещенные ритуалы — амулеты, брелоки, пестрые платки, которые оживляли строгую гамму костюма. Преподобные Матери смотрели на эти вещи сквозь пальцы потому, что не могли больше оделять своих девушек потребным количеством Пряности.

Замена привычному ритуалу.

За последние десять лет в обычаях Бене Гессерит произошли значительные изменения. В

мышлении Сестер появилась необычная для них скаредность.

Все тайное становится явным, думал между тем Лето. *Старые таинства до сих пор живы.*

Древние образцы дремали в сознании Сестер Бене Гессерит все прошедшие тысячелетия.

Сейчас они проявятся. Надо дать знак Говорящим Рыбам.

Он вновь обратил внимание на Преподобных Матерей.

— У вас есть просьбы?

— Каково ваше ощущение собственного бытия? — спросила Луйсейал.

Лето от неожиданности моргнул. Какая интересная атака! Они не спрашивали об этом в течение целого поколения. Ну что ж… почему бы и нет?

— Иногда с моих снов слетают оковы и они уносят меня в какие-то странные места, — ответил он. — Если моя космическая память — это сеть, о чем вы двое, несомненно, знаете, то подумайте об измерении моей собственной сети, и куда могут завести меня мои сны и мечтания.

— Вы сказали нам о нашем определенном знании, — произнесла Антеак. — Почему мы не можем наконец объединить наши силы? В нас

гораздо больше сходства, чем различий.

— Скорее я соглашусь объединиться с дегенератами из Великих Домов, которые оплакивают потерянную Пряность!

Антеак сумела сохранить спокойствие, но Луйсейал уставила палец в Лето.

— Мы предлагаем единство!

— А я, по-вашему, настаиваю на конфликте?

Антеак была явно взволнована.

— Говорят, что существует принцип конфликта, который возникает на уровне клеток и не может быть ничем поколеблен.

— Да, некоторые вещи навечно сохраняют свою несовместимость, — согласился Лето с Преподобной Матерью.

— Но тогда каким образом наша Община сумела достичь своего единства? — поинтересовалась Луйсейал.

В голосе Лето послышались стальные нотки:

— Как вам хорошо известно, секрет единства лежит в подавлении несовместимости.

— Наше сотрудничество имело бы огромную ценность, — сказала Антеак.

— Для вас, но не для меня.

Антеак притворно вздохнула.

— В таком случае, мой господин, не расскажете

ли вы нам о физических изменениях в вашем организме?

— Кто-то, кроме вас, должен узнать об этом и записать данные в хроники, — добавила Луйсейал.

— На случай если со мной случится что-то страшное? — саркастически поинтересовался Лето.

— Господин! — запротестовала Антеак. — Мы…

— Вы рассекаете меня словами, хотя на деле предпочли бы гораздо более острый инструмент, — сказал Лето. — Меня оскорбляет такое лицемерие.

— Мы протестуем, господин! — заявила Антеак.

— Вы действительно протестуете, я это явственно слышу, — подтвердил Лето.

Луйсейал приблизилась к Лето еще на несколько миллиметров, сопровождаемая бдительным взглядом Монео, который затем взглянул в глаза Лето. Этот взгляд требовал действия, однако Лето проигнорировал сигнал мажордома. Ему было любопытно, что задумала Луйсейал. Чувство угрозы сконцентрировалось на рыжеволосой бестии.

Кто она? — подумал Лето. *Неужели она — Танцующая Лицом?*

Нет. В ее облике отсутствовали характерные знаки. Нет. Лицо Луйсейал сохраняло видимое тщательно сохраняемое спокойствие, не было ни малейшей мимики, которая позволила бы определить способность Лето к наблюдению.

— Так вы не расскажете нам о физических изменениях, господин? — продолжала настаивать на своем Антеак.

Это отвлекающий маневр! — подумал Лето.

— Мой мозг стал просто гигантским, — сказал он. — Большая часть черепа просто исчезла, рассосалась. Нет никаких границ для роста коры и обслуживающей ее нервной системы.

Монео, не скрывая изумления, уставился на Бога-Императора. Почему он раскрывает такую жизненно важную информацию? Эти две женщины не станут делать из нее тайны и продадут первому встречному.

Женщины же были просто зачарованы таким откровением, они явно колебались, приводить ли в исполнение свой тщательно разработанный план.

— У вашего головного мозга есть центр? — спросила Луйсейал.

— Центр — это я, — ответил Лето.

— Но где он расположен? — Антеак сделала

едва заметный жест. Луйсейал приблизилась еще на несколько миллиметров.

— Какую ценность представляют для вас эти сведения? — спросил Лето.

Женщины ничем не выдали своей заинтересованности, хотя это безразличие уже само по себе выдавало их намерения. Улыбка тронула губы Лето.

— Вас пленил рынок, — сказал он. — Даже Бене Гессерит оказались заражены ментальностью *сукк*.

— Мы не заслужили подобного обвинения, — возразила Антеак.

— Заслужили. *Сукк* ментальность господствует в моей Империи. Засилье рынка лишь заострило и умножило эти настроения. Мы все превратились в торговцев.

— Даже вы, господин? — спросила Луйсейал.

— Вы испытываете мой гнев, — произнес Лето. — Вы специалист в этом деле, не правда ли?

— Господин? — Голос женщины оставался спокойным, но чувствовалось, что это спокойствие дается ей с большим трудом.

— Не следует доверять специалистам, — продолжал Лето. — Они мастера исключений, эксперты же могут судить о самом деле.

— Мы надеемся стать архитекторами лучшего будущего, — сказала Антеак.

— Лучшего, чем что?

Луйсейал сделала еще один едва заметный шаг в сторону Лето.

— Мы надеемся представить свои стандарты на ваш суд, господин, — проговорила Антеак.

— Но вы же собираетесь стать архитекторами. Вы что, построите еще более высокие стены? Не забывайте, Сестры, что я хорошо вас знаю. Вы превосходные поставщики шор.

— Жизнь продолжается, господин, — сказала Антеак.

— И вселенная тоже продолжает существовать, — согласился с ней Лето.

Луйсейал, не обращая внимания на предостерегающий взгляд Монео, сделала еще один шаг вперед.

Лето втянул носом воздух и едва не расхохотался.

Эссенция Пряности!

Они пронесли с собой немного эссенции. Женщины знали старые истории о песчаных червях и эссенции Пряности, конечно, это была инициатива Луйсейал. Она думает, что эссенция — это действенный яд для песчаных червей.

Это подтверждает и Устное Предание. Эссенция приводит к распаду тела червя, в результате он рассыпается на множество песчаных форелей, а они снова превращаются в червей и так далее, и так далее, и так далее…

— Во мне произошло еще одно изменение, о котором вы должны знать, — заговорил Лето. — Я еще не полностью превратился в песчаного червя. Можете считать меня биологической колонией с измененной чувствительностью.

Луйсейал сделала едва заметное движение левой рукой, протянув ее к складке платья. Монео заметил это и вопросительно посмотрел на Лето, но тот не отрываясь следил за выражением глаз молодой Преподобной Матери.

— У запахов есть масса причудливых свойств, — сказал вдруг Лето.

Рука Луйсейал замерла.

— Духи и эссенции, — продолжал Лето. — Я помню все их запахи. Я помню даже те эссенции, которые по видимости были лишены их. Люди пользовались духами и дезодорантами, чтобы опрыскивать свои подмышки и промежности, чтобы замаскировать свои естественные запахи. Вы знали об этом? Ну конечно, знали!

Антеак метнула быстрый взгляд в сторону

Луйсейал.

Женщины в страхе замолчали, не осмеливаясь произнести ни слова.

— Люди всегда инстинктивно понимали, что запахи феромонов выдают их истинные побуждения, — сказал Император.

Женщины стояли неподвижно. Они слышали его. Преподобные Матери лучше всех остальных людей понимали истинный, скрытый смысл обращенных к ним слов.

— Вы хотели подвести мину под мою богатую память, — продолжал Лето. В голосе его прозвучало прямое обвинение.

— Вы очень ревнивы, господин, — призналась Луйсейал.

— Вы просто неверно поняли Устное Предание, — поправил ее Лето. — Песчаные форели воспринимают эссенцию как воду.

— Это было испытание, мой господин, — призналась Антеак. — Только и всего.

— Вы намеревались испытать меня? — изумился Лето.

— Всему виной наше любопытство, господин, — продолжала оправдываться Антеак.

— Я тоже очень любопытен, — произнес Император. — Положите эссенцию на помост, рядом с

Монео. Я сохраню ее.

Медленно, нарочито демонстрируя твердостью движений отсутствие агрессивного намерения, Луйсейал извлекла из складок платья маленький флакон, излучающий голубое сияние. Она осторожно положила флакон на помост. Было заметно, что она не решится на отчаянный поступок.

— Ты действительно Вещающая Истину, — сказал Лето.

Она выдавила нечто похожее на улыбку и повернулась к Антеак.

— Где вы взяли эссенцию Пряности? — поинтересовался Император.

— Мы купили ее у контрабандистов, — ответила Антеак.

— Контрабандистов не существует уже две с половиной тысячи лет.

— Мы хранили ее все эти столетия, до этого она была нам не нужна.

— Понятно. И теперь вы решили оценить то, что считаете своим великим терпением, не так ли?

— Мы следили за эволюцией вашего организма, господин, — ответила Антеак. — Мы думали… — Она позволила себе слегка пожать плечами. Этот жест допускался только в присутствии Сестер и

не давался легко.

Лето обиженно сложил губы.

— Я не могу пожимать плечами, — сказал он.

— Вы накажете нас? — спросила Луйсейал.

— Чтобы развлечься?

Она выразительно взглянула на флакон с эссенцией.

— Я поклялся наградить вас, — сказал Лето, — и сделаю это.

— Мы бы предпочли защитить вас нашим единством, господин, — произнесла Антеак.

— Не напрашивайтесь на слишком большое вознаграждение, — осадил ее Лето.

Антеак склонила голову.

— Вы ведете дела с иксианцами, господин. У нас же есть основания полагать, что они могут обратиться против вас.

— Я боюсь их не больше чем вас.

— Вы, без сомнения, слышали о том, чем сейчас занимаются иксианцы, — вставила слово Луйсейал.

— Монео иногда доставляет мне копии писем, которыми обмениваются люди и группы внутри Империи, — сказал Лето. — Так что я слышал множество историй на эту тему.

— Мы говорим о новой Мерзости, господин, —

проговорила Антеак.

— Вы думаете, что иксианцы смогут создать искусственный интеллект? Такой же сознательный, как вы?

— Мы очень боимся этого, господин.

— Вы хотите заставить меня поверить в то, что идеи бутлерианского джихада все еще живы в Общине Сестер?

— Мы не можем уповать на неизвестное, возникающее из воображаемой технологии, — сказала Антеак.

Луйсейал подалась вперед.

— Иксианцы хвастаются, что их машина может пронзать время так же, как вы, господин.

— А Гильдия утверждает, что иксианцы порождают хаос времени, — подзадорил женщину Лето. — Следовательно, мы должны бояться всего сотворенного сущего, так?

Антеак замерла на месте в напряженной позе.

— Я совершенно искренен с вами, — заверил женщин Лето. — Я признаю ваши способности. Не хотите ли и вы признать мои?

Луйсейал коротко кивнула.

— Тлейлаксу и Икс вступили в сговор с Гильдией и ищут нашего союза.

— Но вы очень боитесь иксианцев?

— Мы боимся всего того, что не в силах контролировать.

— Вы не контролируете меня.

— Если вас не станет, люди начнут испытывать нужду в нас! — воскликнула Антеак.

— Наконец вы говорите правду! — сказал Лето. — Вы пришли ко мне, словно к оракулу, и просите меня положить конец вашему страху.

Антеак взяла себя в руки, и ее голос прозвучал холодно и спокойно:

— Сумеет ли Икс создать искусственный мозг?

— Мозг? Конечно, нет!

Луйсейал явно расслабилась, но Антеак продолжала оставаться очень напряженной. Она не была удовлетворена ответом оракула.

Почему эта глупость продолжает из века в век повторяться с такой монотонной точностью? — подумал Лето. Память услужливо представляла ему бесчисленные сцены подобного рода — пещеры, священники и жрицы, охваченные неземным экстазом, зловещие голоса, произносящие мрачные пророчества в дыму священного дурмана.

Он взглянул на сверкающий всеми цветами радуги флакон, лежавший у ног Монео. Какова текущая стоимость этой вещи? Она огромна. Это

же *эссенция.* Концентрированный концентрат богатства.

— Вы уже расплатились со своим оракулом, — сказал он. — Мне было бы забавно дать вам полную стоимость.

Как напряглись при этом обе женщины!

— Слушайте меня! — приказал Лето. — То, чего вы боитесь, в действительности не то, чего вы боитесь на самом деле.

Лето наслаждался произведенным эффектом. Это прозвучало достаточно зловеще для такого рода пророчества. Антеак и Луйсейал молча, как приниженные просители, неподвижно стояли перед ним в смиренных позах. Позади них кашлянула одна из послушниц.

Они выяснят, кто это был, и девушка получит солидное внушение, подумал Лето.

У Антеак было достаточно времени, чтобы переварить слова Императора. Она заговорила:

— Скрытая истина — не есть истина.

— Но я направил ваше внимание по верному пути, — возразил он.

— Вы хотите сказать, чтобы мы не боялись машин? — спросила Луйсейал.

— Вы обладаете силой разума, — сказал Лето, — так зачем вы прибегаете к моей помощи?

— Но у нас нет вашей силы, — возразила Антеак.

— Вы жалуетесь, что не чувствуете ткани времени. Вы не ощущаете мою протяженность. И вы одновременно боитесь какой-то простой машины?

— Значит, вы не станете нам отвечать? — спросила Антеак.

— Не делайте ошибки, думая, что я не понимаю образа действия вашей Общины, — сказал Лето. — Вы живые люди. Ваши чувства в высшей степени точно настроены. Я не остановлю этого, да и вам это не удастся.

— Но иксианцы свободно играют в свои автоматы, — запротестовала Антеак.

— Эти автоматы — не более чем разрозненные куски, законченные кусочки, соединенные в нечто целое, — согласился с Преподобной Матерью Лето. — Они уже запущены в движение, кто же их остановит?

Луйсейал отбросила свои навыки самоконтроля, приобретенные в Бене Гессерит, — верный признак того, что она безоговорочно признала превосходство Императора. В ее голосе появились визгливые нотки.

— Вы знаете, чем еще хвастаются иксианцы?

Они говорят, что их машина может предсказать *ваши* действия!

— Почему я должен этого бояться? Чем ближе они ко мне подберутся, тем больше будут нуждаться в союзе со мной. Они не могут завоевать меня, но я могу завоевать и покорить их.

Антеак хотела было заговорить, но Луйсейал схватила ее за рукав.

— Вы уже вступили в союз с Иксом? — спросила она. — Мы слышали, что вы очень долго беседовали с их послом — этой Хви Нори.

— У меня нет союзников, — ответил Император. — Только слуги, ученики и враги.

— И вы не боитесь иксианской машины? — настаивала на своем Антеак.

— Неужели простой автомат — это синоним искусственного интеллекта?

Глаза Антеак расширились и затуманились от невольного воспоминания. Лето как зачарованный следил за ее реакцией. В их сознании была и общая память.

Лето почувствовал всю соблазнительность единения с Общиной Сестер — это будет так знакомо, так полезно… и так смертельно. Антеак попыталась соблазнить его и таким путем.

Вот она заговорила:

— Машина не может предвидеть каждую проблему, важную для живого человека. Существует большая разница между дискретным пространством и непрерывным континуумом. Мы живем в одном пространстве, а машины существуют в другом.

— Оказывается, ты все еще обладаешь силой разума, — сказал Лето.

— Поделись! — приказала Луйсейал. Это восклицание показало, кто доминирует в паре — младшая распоряжалась старшей. Лето постарался не показать свое удивление.

Замечательно! — подумал он.

— Умение мыслить помогает приспособляемости, — сказала Антеак.

Она экономит на словах, Лето снова постарался не показать удивления.

— Умение мыслить порождает творчество, — сказал он. — Это означает, что вам придется иметь дело с такой ответственностью, которой вы раньше не знали. Вам придется столкнуться с новым.

— Таковы возможности иксианской машины, — сказала Антеак, и это не был вопрос.

— Разве это не интересно, — спросил Лето, — что недостаточно быть непревзойденной Препо-

добной Матерью?

Его обостренные чувства сказали Императору, что обеими женщинами овладел страх. Действительно, они были настоящими Вещателями Истины!

— Вы вправе напугать меня, — сказал он. Возвысив голос, он спросил: — Откуда вам известно, что вы еще живы?

Так же, как Монео, обе женщины почувствовали, что их судьба зависит от того, насколько верный ответ они дадут на этот вопрос. Лето был очарован тем, что, прежде чем заговорить, обе одновременно взглянули на мажордома.

— Я — зеркало самой себя, — ответила Луйсейал; то был ответ в духе Бене Гессерит, который оскорбил Лето.

— Мне не требуются предварительная инструментальная настройка, чтобы решать мои человеческие проблемы, — сказала Антеак. — Ваш вопрос для подгото — вительного класса.

— Ха-ха, — усмехнулся Лето. — Как же вам хочется покинуть Бене Гессерит и примкнуть ко мне?

Лето видел, что она обдумала и отвергла это предложение, однако сам процесс немало позабавил Бога-Императора.

Лето взглянул на озадаченную Луйсейал.

— Если ваше поведение выпадает за ваши мерки, то вы живой человек, а не автомат, — сказал он, подумав: *Она никогда не будет больше доминировать в этой паре, старшая Преподобная Мать взяла реванш.*

Луйсейал разозлилась и не сочла нужным это скрывать.

— Говорят, что иксианцы снабжают вас машинами, которые имитируют человеческое мышление. Если вы такого низкого мнения о машинах, то тогда зачем…

— Ее нельзя выпускать из капитула без надежной охраны, — сказал Лето. — Как она живет, если боится обращаться к своей собственной памяти?

Луйсейал побледнела, но сохранила молчание.

Лето посмотрел на нее с холодным вниманием.

— Бессознательные взаимоотношения наших предков с машинами кое-чему научили и нас, как вы думаете?

Луйсейал продолжала молчать, не рискуя подвергнуть свою жизнь опасности неудачным ответом.

— Но ты не станешь отрицать, что мы по крайней мере знаем о привлекательности ма-

шин? — спросил Лето.

Луйсейал кивнула.

— Хорошо настроенная машина может быть гораздо полезнее живого слуги, — продолжал Лето. — Мы можем доверять машинам в том, что они не позволят себе отвлекаться на эмоции.

Луйсейал наконец обрела способность говорить:

— Значит ли это, что вы намерены отменить бутлерианское запрещение производства мерзких машин?

— Клянусь тебе, — произнес Лето ледяным тоном, — что если ты и дальше будешь говорить такие глупости, то я прикажу тебя публично казнить. Я — не оракул!

Луйсейал открыла рот, но снова закрыла его, не произнеся ни слова.

Антеак, коснувшись руки подруги, почувствовала, что женщину бьет крупная дрожь. Антеак заговорила, демонстрируя возможности Голоса:

— Наш Бог-Император никогда открыто не отменит проскрипции бутлерианского джихада.

Лето в знак поощрения мягко улыбнулся Преподобной Матери. Какое удовольствие наблюдать работу профессионала, особенно если он изо всех сил старается не ударить в грязь лицом.

— Это должно быть очевидно для любого познающего разума, — сказал Лето. — Всегда есть границы нашего выбора, места, где я не могу вмешиваться в ход событий.

Он видел, как обе женщины, словно губки, впитывают в себя его слова, взвешивая их смысл и намерения Императора. Не хочет ли он отвлечь их внимание разговорами об Иксе, а в это время решить какие-то другие проблемы за их счет? Не говорил ли он сестрам Бене Гессерит, что настало время выбрать стиль поведения по отношению к Иксу? Но, может быть, его слова значат лишь то, что он высказывает на поверхности? Каков бы ни был смысл, его ни в коем случае нельзя игнорировать. Лето, несомненно, был самым непредсказуемым созданием, сотворенным за всю историю вселенной.

Лето, нахмурившись, посмотрел на Луйсейал, зная, что этим лишь усилит ее растерянность и смятение.

— Хочу особо указать тебе, Маркус Клер Луйсейал, что урок прошлого, перегруженного машинами всякого рода, урок, который ты не усвоила, состоит в том, что в таких обществах люди стали относиться к себе подобным как к машинам. Это машины так модифицировали

человеческое поведение.

Он обернулся к Монео.

— Монео?

— Я вижу его, мой господин.

Мажордом изогнул шею и, не выпуская из виду сестер Бене Гессерит, посмотрел на Айдахо, входящего в зал через дальний вход. Дункан пересек зал и подошел к Лето. Монео не мог скрыть своей тревоги, но успел отметить про себя смысл длинной лекции Лето: «Он испытывает. Он всегда всех испытывает».

Антеак откашлялась.

— Господин, что вы можете сказать о нашем вознаграждении?

— Вы храбры, — ответил Лето. — Несомненно, именно поэтому вас выбрали в качестве послов. Очень хорошо, на следующее десятилетие вы получите обычное количество Пряности. Что касается остального, то я предам забвению то, что вы намеревались сделать с помощью эссенции. Разве я не щедр и не великодушен?

— Вы чрезвычайно щедры, господин, — сказала Антеак, и в ее голосе действительно не было ни горечи, ни обиды.

Дункан Айдахо протиснулся мимо женщин и, остановившись возле Монео, пристально посмот-

рел на Лето.

— Мой господин… — Он осекся и красноречиво взглянул на Преподобных Матерей.

— Говори при них, — приказал Лето.

— Слушаюсь, мой господин. — Айдахо не хотел говорить, но пришлось подчиниться приказу Бога-Императора. — Мы были атакованы на юго-восточной окраине города. Я считаю, что это был отвлекающий маневр, поскольку сейчас докладывают о новых беспорядках и вспышках насилия в городе и в Запретном Лесу — там действуют рассеянные группы нападающих.

— Они охотятся за моими волками, — сказал Лето. — В лесу и в городе — они охотятся на волков.

Айдахо в изумлении сдвинул брови.

— Волки в городе, мой господин?

— Хищники, — сказал Лето. — Волки или хищники — для меня нет никакой разницы.

У Монео перехватило дыхание.

Лето улыбнулся мажордому, радуясь моменту прозрения — с глаз пала пелена, пришло понимание происходящего.

— Я привел крупные силы гвардии к сиетчу, — доложил Айдахо. — Посты расставлены через…

— Я знал, что ты это сделаешь, — перебил его Лето. — Теперь слушай внимательно, куда я при-

кажу направить остальных.

Преподобные Матери в суеверном благоговении слушали, как Лето указывает Айдахо конкретные места засад, численность пикетов, называет имена Говорящих Рыб, расписывает время, необходимое вооружение, развертывание сил в каждом конкретном месте. Айдахо автоматически запоминал приказ во всех его подробностях. Только когда Лето замолчал, Айдахо задался мучившим его вопросом. На лице начальника гвардии отразился страх и недоумение.

Лето не составило труда прочесть самые сокровенные мысли Дункана. *Я был верным солдатом настоящего господина Лето,* думал Айдахо. *Тот Лето, дед нынешнего, спас меня и взял в свой дом, как сына. Но даже хотя этот Лето почти то же, что его дед, все же… это не совсем то… это не он.*

— Мой господин, зачем вам нужен *я*? — спросил Дункан.

— Ты нужен мне, потому что ты силен и верен.

Айдахо покачал головой:

— Но я…

— Подчиняйся, — приказал Лето и заметил, какое воздействие его слова оказали на Преподобных Матерей. *Правду, только правду. Ведь они*

— *Вещающие Истину*.

— Потому что я в долгу перед Атрейдесами, — сказал Айдахо.

— Именно на этом мы утверждаем наше упование, — ответил Лето. — А что наш Дункан?

— Мой господин, — твердо произнес Айдахо, снова обретя почву под ногами.

— В каждом из мест оставь хотя бы одного мятежника в живых, — сказал Лето, — иначе наши усилия будут тщетны.

Айдахо кивнул, четко повернулся и вышел тем же путем, что и вошел. Лето подумал, что надо иметь очень наметанный глаз, чтобы понять, что Айдахо вошел в зал одним человеком, а вышел совершенно другим.

— Все это из-за порки посла, — сказала Антеак.

— Точно так, — согласился Лето. — Подробно расскажите об этом своей предводительнице, несравненной Преподобной Матери Сиаксе. Скажите ей, что я предпочитаю компанию хищников, а не жертв. — Он перевел взгляд на Монео, который превратился в воплощение внимания. — Монео, в лесу больше нет волков. Их надо заменить людьми, точнее, волками в человеческом облике. Проследи за этим.

Пророчество в состоянии транса не похоже ни на какое другое видение. Это не аномалия, не примитивное обнажение чувств (какое наблюдается при многих других состояниях транса), но, скорее, погружение во множество новых движений. Предметы начинают двигаться. Это конечное воплощение прагматизма в море бесконечного, вопрошающее сознание, пребывая в котором вы наконец приходите к представлению о том, что вселенная обладает внутренне присущим ей движением, что она меняется, что она сама управляет этими изменениями, что ничто не остается неизменным или абсолютным на фоне этого беспрестанного движения, что механические объяснения этих явлений ограничены строгими рамками и что когда стены этих рамок сломаны, то старые объяснения рассыпаются и исчезают, сметенные новым мощным движением. То, что человек видит в таком состоянии, отрезвляет, а зачастую и потрясает. Эти видения требуют концентрации всех сил, чтобы сохранить цельность сознания, и даже

если это удается, то человек выходит из состояния транса совершенно обновленным.

(Похищенные записки)

Ночью, после напряженного дня аудиенций, когда все другие спали, сражались, мечтали или умирали, Лето отдыхал в своем Зале Аудиенций. У входов стояли несколько отборных Говорящих Рыб. Другой охраны поблизости не было.

Лето не спал. Его душа бурлила в смятении от неудовлетворенных желаний и разочарований.

Хви! Хви!

Он понимал, почему в качестве посла здесь появилась именно Хви. Очень хорошо понимал!

Самый тайный из его секретов стал явным.

Они разгадали его секрет, и свидетельством тому стала Хви.

Ум Лето приходил в отчаяние. Можно ли обратить этот ужасный метаморфоз? Может ли он вернуть себе человеческий облик?

Нет. Такой возможности нет. Да и если бы она была, для ее осуществления потребовался бы такой же срок, как и для достижения его нынешнего состояния. Во что превратится Хви через три тысячи лет? В сухую пыль и груду костей в крипте.

Я мог бы вывести такую же, как она, и при-

готовить ее для себя, но то была бы уже не моя сладостная Хви.

И что будет с Золотым Путем, если он начнет давать себе такие эгоистические поблажки?

К дьяволу этот Золотой Путь! Разве эти сумасбродные идиоты когда-нибудь вспомнят обо мне? Никогда и никто!

Но это же неправда. Хви думает о нем и разделяет его пытку.

То были безумные мысли, и он попытался избавиться от них, его чувства говорили о движениях Говорящих Рыб, о воде, текущей под полом.

Когда я делал свой выбор, то на что я надеялся, чего ожидал?

Как вся эта толпа смеялась над моими вопросами. Но разве у него не было задачи завершить начатое предками? Разве не это было условием сдерживания толпы в его сознании?

— Ты должен завершить наше дело, — говорили они. — У тебя одна и только одна цель.

Одна-единственная цель — это отличительный знак фанатика. А я не фанатик!

— Ты должен быть циничным и жестоким. Ты не можешь нарушить доверие.

Но почему нет?

— Кто дал эту клятву? Ты. Ты сам выбрал свой

путь.

Ожидания!

— Ожидания, которые история творит для одного поколения, могут ничего не значить для другого. Кто знает это лучше, чем ты?

Да… и обманутые ожидания могут сделать чужими друг другу целые народы. Я же один — как целый народ!

— Помни свою клятву!

В самом деле. Я — разрушительная сила, освободившая бич, занесенный над человечеством на протяжении веков. Я ограничиваю ожидания… включая мои собственные. Я смягчаю удары маятника.

— Чтобы в конце концов отпустить его. Никогда не забывай об этом.

Я устал. О, как я устал. Если бы только я мог уснуть… действительно, по-настоящему уснуть.

— Ты просто полон жалости к себе.

Почему нет? Почему именно я? Одинокая бесконечность, которая взирает на то, что могло бы быть. Каждый день и каждую ночь я взираю на это… и вот. Хви!

— Твой первоначальный бескорыстный выбор теперь наполняет тебя эгоизмом.

Вокруг столько опасностей. Я просто обязан

носить свой эгоизм, словно броню.

— Опасность существует для любого, кто соприкасается с тобой. Разве не в этом заключается твоя подлинная природа?

Я опасен даже для Хви. Для дорогой, ненаглядной, милой Хви!

— Ты построил вокруг себя высокие стены только для того, чтобы сидеть за ними и предаваться жалости к своей персоне?

Неправда, стены были воздвигнуты только потому, что над моей Империей бушуют страшные силы.

— Ты сам освободил их. Теперь ты пойдешь с ними на компромисс?

Это делает Хви. Эти чувства никогда прежде не были во мне так сильны. Эти проклятые иксианцы!

— Как интересно, что они одолели тебя с помощью живой плоти, а не своими хитроумными машинами.

Это оттого, что они разгадали мой секрет.

— Ты знаешь противоядие.

При этой мысли все огромное тело Лето содрогнулось. Он хорошо знал это противоядие — надо освободить себя в своем собственном прошлом — это всегда срабатывало. Даже сестры Бене Гес-

серит не умели совершать такие сафари по оси своей памяти — назад, назад, к первоначальной клетке, к ее сознанию, ощутить восторг первобытного чувства. Он вспомнил, как после смерти особенно великолепного Дункана он устроил себе музыкальную экскурсию во времени. Моцарт утомил его своей претенциозностью, но Бах. Ах, как это было прекрасно!

Лето вспомнил испытанную тогда радость.

Я сидел за органом и позволял музыке опустошать себя.

Только три раза он сталкивался в своей памяти с чем-то таким же прекрасным, как Бах. Даже Ликальо был таким же прекрасным, но не лучшим.

Может быть, память женщин-интеллектуалок лучше всего подойдет для его сегодняшней цели? Например, память бабушки Джессики. Она была одной из лучших. Однако опыт говорил, что такая близкая родственница, как Джессика, в данном случае не лучший выбор. Надо искать гораздо дальше.

Он представил себе, как рассказывает о своем сафари какому-то незнакомцу, который слушает его с благоговением, поскольку никто и никогда не осмеливался задавать Лето вопросы на столь священную тему.

«Я продвигаюсь все дальше и дальше сквозь рой летящих навстречу мне предков, преследую данников, заглядываю в темные закоулки и самые сокровенные углы. Ты никогда не угадаешь имена людей, которых я встречал. Кто слышал о Норме Ченва? А я жил ее жизнью!»

«Жил ее жизнью?» — спросил бы невидимый воображаемый слушатель.

«Конечно, — иначе зачем бы я держал в своей памяти всю эту орду? Ты думаешь, что первый корабль Космической Гильдии сконструировал мужчина? Ваши учебники истории утверждают, что этим человеком был Аурелиус Венпорт. Учебники лгут. Корабль изобрела его любовница Норма. Она придумала ему конструкцию, а заодно подарила пятерых детей. Его «я» не было согласно на меньшее. Так он думал. В конце концов осознание того, что не он был изобретателем, довело его до саморазрушения».

«Ты жил и его жизнью?»

«Естественно. Я прошел путями дальних странствий фрименов. По линии отца и других. Я прошел до самого Дома Атрейдес».

«Какая блистательная родословная».

«Среди них было изрядное количество глупцов».

Мне нужно отвлечься, подумал он.

Может быть, устроить тур по сексуальным приключениям?

«Ты даже не представляешь, какие внутренние сексуальные оргии мне доступны! Я — конечный созерцатель эротических сновидений — участник и наблюдатель. Невежество и непонимание сексуальности наделали в мире так много бед. Как бесконечно узок был наш мир и наши представления — сплошное уродство».

Лето прекрасно понимал, что не может пойти по этому пути, во всяком случае, не сегодня. В этих сновидениях не будет Хви.

Может быть, выбрать войну?

«Какой из этих Наполеонов окажется большим трусом? — спросил он своего воображаемого гостя. — Я не открою тебе этого, но я-то знаю. О да, я знаю».

Куда я могу пойти? Со всем прошлым, открытым для меня; куда я могу пойти?

Бордели, мерзости, тираны, акробаты, нудисты, хирурги, мужчины-проститутки, музыканты, фокусники, священники, ремесленники, жрицы…

«Ведомо ли тебе, — спросил он снова воображаемого гостя, — что *хула* сохраняет древний язык знаков, которым когда-то объяснялись между

собой только мужчины? Ты никогда не слышал о *хула*? Ну, конечно, не слышал. Кто еще танцует этот танец? Танцоры сохраняют многое. Перевод смысла утрачен, но я его знаю».

«Однажды ночью я был многими халифами и шел на Восток и на Запад, неся с собой свет ислама, — это было путешествие через века. Я не стану утомлять тебя подробностями. Уходи, гость, уходи!»

Как это соблазнительно, думал он, *слушать зов сирен, которые заставят меня жить только в прошлом.*

И как бесполезно теперь это прошлое из-за проклятых иксианцев. Как скучно это прошлое — ведь в нем нет Хви. Зато она здесь. Она придет ко мне сейчас. Если я позову ее. Но я не могу позвать ее… не сегодня… не сейчас.

Прошлое продолжало манить к себе.

Я могу совершить паломничество в свое прошлое. Это не будет сафари. Я могу пойти туда один. Паломничество очищает. Сафари же превратит меня в туриста. Это большая разница. Я могу пойти в свой внутренний мир один.

Уйти туда, чтобы никогда не вернуться назад.

Лето почувствовал неизбежность такого исхода, сновидения рано или поздно заманят его в

свою ловушку.

Я создаю состояние сновидения для всей моей Империи. В этих снах создаются новые мифы, рождаются новые направления и возникают новые движения… Новое, новое, новое… Вещи возникают из моих снов, из моих мифов. Но кто более чувствителен к ним, чем я? Охотник попал в расставленные им силки.

Лето понял, что попал в условия, от которых не существует противоядия — ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Его огромное тело дрожало в полумраке Зала Аудиенций.

Возле портала одна из Говорящих Рыб прошептала другой:

— Бог встревожен?

Ее подруга ответила:

— Грехи мира лишат покоя кого угодно.

Лето слушал их и безмолвно плакал.

Решив повести человечество по Золотому Пути, я поклялся себе преподать людям урок, который они усвоят мозгом своих костей. Я очень хорошо понимаю, к чему стремятся смертные всеми своими поступками, хотя и отрицают это на словах. Люди говорят, что ищут спокойствия и безопасности, называя это условие миром. Но говоря так, они сами всюду сеют семена раздора и насилия. Обретая спокойствие, они начинают корчиться в муках. Им становится невыразимо скучно. Посмотрите на них. Посмотрите, что они творят, когда я диктую эти строки. Ха! Я даю им бесконечную эпоху принудительного мира, невзирая на их бесчисленные попытки снова погрузиться в хаос. Поверьте, память о Мире Лето вовеки пребудет с родом человеческим. После меня люди будут искать мира и спокойствия с величайшими предосторожностями и осмотрительностью.

(Похищенные записки)

Проклиная свою судьбу, Айдахо на рассвете летел в «безопасное место», сидя рядом с Сионой в имперском орнитоптере. Машина направлялась

к востоку, навстречу солнцу, заливавшему дугой яркого света изрезанный квадратами полей ландшафт.

Орнитоптер был достаточно велик для того, чтобы взять на борт взвод Говорящих Рыб и двух *гостей.* Пилот, капитан гвардии, женщина могучего телосложения, которую Айдахо не мог представить себе улыбающейся, представилась как Инмейр. Она сидела впереди Айдахо, по бокам от нее расположились две мускулистые Говорящие Рыбы. Еще пять таких же гвардейцев сидели вокруг Сионы и Айдахо.

— Бог приказал мне вывезти вас из Города, — сказала Инмейр Айдахо накануне в помещении командного пункта, расположенного под площадью. — Это делается для вашей же безопасности. Мы вернемся завтра утром на Сиайнок.

Айдахо, утомленный прошедшими тревожными сутками, сразу почувствовал бесполезность всяких возражений — не было смысла противиться приказам «самого Бога». С первого взгляда на руки Инмейр стало ясно, что в случае неповиновения она одним движением свернет Айдахо шею.

Капитан вывела Дункана из командного пункта, и они вышли в ночь, под черный шатер неба,

усеянного, словно бриллиантами, яркими крупными звездами. Только подойдя к орнитоптеру, Айдахо увидел сидевшую в нем Сиону и у него сразу возник вопрос о цели этого внезапного отъезда.

Еще ночью Айдахо понял, что не все беспорядки в Онне были организованы мятежниками. Когда же он поинтересовался Сионой, Монео ответил, что «дочь в безопасности и что ее поручат попечению Дункана».

В орнитоптере Сиона не стала отвечать на вопросы Айдахо, храня упорное молчание. Она напомнила ему его самого в те первые, самые горькие дни, когда он поклялся всю жизнь бороться против Харконненов. Но где коренится горечь Сионы? Что движет ею?

Сам не зная почему, Айдахо принялся мысленно сравнивать Сиону с Хви Нори. Было нелегко встретиться с Хви, но Айдахо умудрился это сделать, несмотря на то что Говорящие Рыбы требовали его постоянного присутствия на службе.

Деликатность, вот было самое подходящее слово для характеристики Хви. Эта деликатность была присуща ей изначально и придавала ей огромную силу обаяния и таинственную власть. Он находил эти черты Хви необычайно притя-

гательными.

Мне надо чаще с ней встречаться.

Но… сейчас приходилось довольствоваться угрюмым молчанием сидящей рядом Сионы. Ну что ж, на молчание можно ответить таким же молчанием.

Айдахо посмотрел вниз, на проплывавший под ними ландшафт. То там то сям он видел огоньки деревень, в стеклах окон на мгновение вспыхивали отблески восходящего солнца. Пустыня Сарьира осталась далеко позади и было такое впечатление, что эту землю невозможно опустошить.

Есть вещи, которые не могут сильно меняться, подумал он. *Они просто переходят из одного места в другое и приспосабливаются, слегка трансформируясь.*

Этот ландшафт напомнил Айдахо роскошные сады Каладана, где в течение многих поколений жили Атрейдесы до того, как отправились на Дюну. Видны были узкие дороги, торговые пути, по которым медленно двигались повозки, запряженные шестиногими животными — торсами. Монео говорил, что торсы, выведенные специально для такой местности, были самой распространенной рабочей скотиной во всей Империи.

«Нацией, которая передвигается пешком, легче управлять».

Эти слова Монео эхом отдавались в мозгу Айдахо, когда он рассматривал пейзаж обновленной Дюны. Впереди расстилалась идиллическая картина — мягкие очертаний холмов, погруженная в предутренний мрак долина, по дну которой протекал невидимый отсюда ручей. Только поднимавшийся над некоторыми местами дымок, пасущиеся овцы и коровы говорили о том, что здесь живут люди.

Сиона внезапно оживилась и тронула пилота за плечо, указывая на место, расположенное справа по курсу.

— Это не Гойгоа? — спросила девушка.

— Да, — ответила Инмейр, не поворачивая головы. В ее голосе прозвучало сильное чувство, природа которого была непонятна Айдахо.

— Разве это не безопасное место? — спросила Сиона.

— Безопасное, — последовал ответ.

Сиона взглянула на Айдахо.

— Прикажи ей приземлиться здесь.

Не понимая, почему он подчиняется этому требованию, Дункан сказал Инмейр:

— Сажай машину здесь.

Капитан обернулась, и ее лицо, которое ночью казалось Дункану бесстрастной маской, исказилось от какого-то неведомого сильного переживания. Уголки глаз подергивались, рот искривился в неприятной гримасе.

— Только не Гойгоа, командир, — сказала она. — Есть место лучше…

— Бог-Император приказал тебе отвезти меня именно туда? — спросила Сиона.

В глазах Инмейр сверкнул гнев, однако она не стала смотреть в глаза Сионы.

— Нет, но он…

— Тогда мы приземлимся в Гойгоа, — принял решение Айдахо.

Инмейр резко отвернулась к панели управления, и Айдахо прижало к Сионе центробежной силой — орнитоптер зашел на посадку, направленный к маленькому пятачку, спрятанному в тени зеленого холма.

Заглядывая через плечо капитана, Дункан попытался рассмотреть место приземления. В самом центре пятачка стояла деревня, выстроенная из того же черного камня, из которого были сложены заборы. На склонах, окаймлявших селение, виднелись огороды, склоны, полого поднимавшиеся к седловине, были густо засажены

фруктовыми деревьями. В небе, несомые утренними потоками воздуха, кружили ястребы.

Айдахо взглянул на Сиону.

— Что такое Гойгоа?

— Скоро увидишь.

Инмейр направила орнитоптер к поросшему травой пустырю на окраине деревни. Одна из Говорящих Рыб открыла дверь со стороны деревни. В ноздри Айдахо ударил головокружительный аромат — запахи скошенной травы, навоза и едкого дыма печей. Он выпрыгнул из орнитоптера. На улице собирались люди — поглазеть на пришельцев. Дункан заметил, как пожилая женщина в длинном зеленом платье, наклонившись, что-то прошептала на ухо ребенку, и тот побежал прочь по улице, скрывшись за поворотом.

— Ну что, нравится? — спросила Сиона, подойдя к Айдахо.

— Приятное местечко, — ответил он.

К ним подошли Инмейр и остальные Говорящие Рыбы. Сиона взглянула на гвардейцев.

— Когда мы вернемся в Онн? — спросила она.

— Вы не вернетесь, — ответила Инмейр. — Мне приказано отвезти вас в Цитадель. В Онн вернется только командир.

— Ясно, — кивнула Сиона. — Когда мы отпра-

вимся?

— Завтра на рассвете. Я пойду договорюсь со старостой о квартире, — сказала Инмейр и, отойдя от группы, направилась в деревню.

— Гойгоа, — задумчиво произнес Айдахо. — Какое странное название. Интересно, что было здесь во времена Дюны?

— Я знаю, — сказала Сиона. — Здесь было место, называемое Шулох, что означает «проклятое место». Здесь жили люди, которых истребили после того, как они совершили ужасные преступления, так утверждает Устное Предание.

— Якуруту, — прошептал Айдахо, припоминая старые легенды о похитителях воды. Он оглянулся, пытаясь отыскать в местности следы хребтов, скал и дюн, но тщетно. Видны были только два старика с безмятежными лицами, которые вместе с Инмейр приближались к орнитоптеру. На мужчинах были надеты поношенные брюки и рубашки. Оба были босы.

— Ты знаешь это место? — спросила Сиона.

— Только его древнее легендарное название, — признался Дункан.

— Говорят, что здесь водятся привидения, — проговорила Сиона, — но я в это не верю.

Инмейр остановилась перед Айдахо и сделала

знак старикам подождать.

— Квартиры здесь бедны, но подходят для ночлега, — доложила она, — но вы можете остановиться в одном из частных владений.

Произнося последние слова, Инмейр оглянулась на Сиону и вопросительно посмотрела на девушку.

— Это мы решим позже, — ответила Сиона и взяла Айдахо под руку. — Мы с командиром прогуляемся по деревне и осмотрим окрестности. Здесь очень красивый вид.

Инмейр хотела что-то сказать, но промолчала.

Айдахо без сопротивления позволил Сионе провести себя мимо двух стариков, которые во все глаза смотрели на них.

— Я пошлю с вами двух человек, — крикнула им вслед Инмейр.

Сиона остановилась и оглянулась.

— Разве в Гойгоа небезопасно?

— Здесь очень тихо, — заговорил один из местных стариков.

— В таком случае нам не нужна охрана, — решила Сиона. — Пусть гвардейцы лучше охраняют орнитоптер.

Она повела Айдахо дальше.

— Ладно, — сказал Айдахо и высвободил ру-

ку. — Так что это за место?

— Ты скоро убедишься, что от древнего Шулоха не осталось и следа. Эта деревня очень подходит для отдыха. Райский уголок.

— Ты что-то задумала, — сказал Айдахо. — Скажи, что именно:

— Я часто слышала, что гхола очень любят задавать вопросы, — ответила Сиона. — Но сейчас я тоже хочу кое-что выяснить.

— Даже так?

— Каким человеком был в твое время Лето?

— Какой Лето?

— Да, я забыла, что так же звали и его деда. Естественно, я имею в виду нашего Лето.

— Он был тогда ребенком. Это все, что я могу о нем сказать.

— Устное Предание гласит, что в этой деревне родилась одна из его первых невест.

— Невест? Я думал…

— Тогда он еще обладал человеческим обликом. Это было после смерти его сестры, но до того, как он превратился в червя. Устное Предание, кроме того, говорит, что все его невесты исчезли в казематах Цитадели и с тех пор их никто не видел живьем, только на голограммах. В течение же последних тысячелетий у него не было невест.

Тем временем они вышли на небольшую площадь в центре деревни — квадрат земли со стороной не более пятидесяти метров с огороженным прудом посередине. Сиона села на этот парапет и, хлопнув по нему ладонью, предложила Айдахо сесть рядом. Дункан огляделся, отметив, что люди следят за ним из-за опущенных занавесок, а дети указывают пальцами и перешептываются. Он обернулся к Сионе, но остался стоять.

— Так что же это за место?

— Я уже сказала тебе. Кстати, я хочу знать, кто был Муад'Диб.

— Это был друг, о котором может мечтать каждый человек.

— Значит, Устное Предание говорит правду, хотя оно же утверждает, что его наследники создали деспотию, а это звучит довольно зловеще.

Она завлекает меня в какую-то западню, подумал Айдахо.

Он натянуто улыбнулся, обдумывая возможные мотивы Сионы. Казалось, она ждет какого-то очень важного события, ждет с волнением, может быть, даже со страхом, не лишенным, впрочем, какого-то восторженного оттенка. Но больше никаких намеков не было. Все это пока походило на обыкновенную светскую болтовню, она просто

занимает время, но до каких пор и что за этим последует?

Его размышления были прерваны топотом бегущих ног. Айдахо обернулся и увидел ребенка лет восьми, который изо всех сил бежал к ним по боковой улочке. Босые ноги малыша взметали фонтанчики пыли, а вдалеке слышался громкий голос матери, которая звала сына вернуться. Ребенок остановился в десяти шагах от Айдахо и уставил на него такой напряженный, алчущий взгляд, что Дункан ощутил внутреннее неудобство. Этот ребенок казался очень знакомым, еще дитя, но в его чертах угадывался мужчина — высокие скулы, курчавые темные волосы, складка над бровями. На мальчике был надет синий, вылинявший от многочисленных стирок комбинезон, сшитый, впрочем, из хорошего, добротного и прочного материала.

— Нет, ты не мой отец, — объявил ребенок. Повернувшись, он опрометью бросился прочь и вскоре исчез за углом.

Айдахо, нахмурившись, взглянул на Сиону, боясь задать вопрос, который вертелся у него на языке: *Это был ребенок моего предшественника?* Он знал ответ и без этого, слишком очевидно было сходство. *Этот ребенок — я сам в детстве.*

Это понимание опустошило его, повергло в растерянность. *Какова мера моей ответственности?*

Сиона закрыла лицо руками и опустила плечи. Все произошло совсем не так, как она себе представляла. Она почувствовала, что ее подвела собственная жажда мести. Айдахо был не просто гхола, нечто чуждое, с чем можно было не считаться. Она вспомнила, как он невольно прижался к ней в орнитоптере, как на его лице отражались обычные человеческие чувства. И этот ребенок…

— Что произошло с моим предшественником? — спросил Айдахо. Голос его звучал бесстрастно, в нем слышалось обвинение.

Сиона отняла руки от лица. В глазах ее металась плохо скрытая ярость.

— Мы не знаем наверняка, — ответила она, — но однажды он вошел в Цитадель и больше его не видели.

— Это его ребенок?

Она молча кивнула.

— Это точно, что не ты убила моего предшественника?

— Я… — Она была потрясена искренними сомнениями в его голосе, его обвинением.

— Мы прилетели сюда только из-за этого ре-

бенка?

Она судорожно сглотнула.

— Да.

— Что, по-твоему, я должен был с ним сделать?

Она пожала плечами, чувствуя, что совершила не вполне пристойный поступок.

— Что ты можешь сказать о его матери? — спросил Айдахо.

— Она и прочие живут на той улице. — Она кивнула головой в ту сторону, куда убежал мальчик.

— Прочие?

— Там есть еще старший сын… дочь… Ты не… Я хочу сказать, что могу устроить…

— Нет! Мальчик прав — не я его отец.

— Прости меня, — прошептала Сиона. — Мне не следовало этого делать.

— Но почему *он* выбрал это место? — спросил Айдахо.

— Отец… твой…

— Мой *предшественник*!

— Потому что здесь был дом Ирти, а она никуда не желала отсюда уезжать. Так рассказывают люди.

— Ирти… мать?

— Жена, согласно старому обычаю, освященному Устным Преданием.

Айдахо оглядел каменные стены домов, окружавших площадь, окна, занавешенные плотными занавесками, узкие двери.

— Так он жил здесь?

— Когда мог.

— Как он умер, Сиона?

— Честно говоря, я не знаю… Но других Червь убил. Это мы знаем точно!

— Откуда ты можешь это знать? — Он так внимательно смотрел на девушку, что она, не выдержав его взгляда, отвернулась в сторону.

— У меня нет сомнений в подлинности историй о моих предках, — ответила она. — Они рассказаны мне по кусочкам — замечание об этом, сплетня о другом, слух о третьем, но я верю в эти рассказы. И мой отец тоже в них верит!

— Монео ничего не рассказывал мне об этом.

— Есть одна вещь, которую определенно можно сказать об Атрейдесах, — заговорила Сиона. — Мы верны, и это факт. Мы всегда держим свое слово.

В изумлении Айдахо открыл было рот, но смолчал. *Ну, конечно, Сиона тоже из Атрейдесов.* Эта мысль потрясла его. Нет, он, конечно, знал это и раньше, но как-то не воспринимал этот факт, не осознавал его. Сиона была бунтарем, но ее действия были санкционированы самим Лето.

Границы его снисходительности были неясны, но Айдахо отчетливо их ощущал.

— Ни в коем случае не причиняй ей вред, — напутствовал его Лето. — Сиона должна пройти испытание.

Дункан повернулся к ней спиной.

— Ты ничего не знаешь наверняка, — сказал он. — Отрывочные сведения и слухи.

Сиона не ответила.

— Он Атрейдес! — с вызовом произнес Айдахо.

— Он Червь! — не менее горячо возразила девушка. Казалось, яд в ее голосе можно было потрогать пальцами.

— Твое проклятое Устное Предание — это не что иное, как собрание древних сплетен! — в сердцах воскликнул Айдахо. — Только глупцы могут верить в них.

— Ты все еще доверяешь ему, — сказала Сиона, — но это скоро пройдет.

Айдахо резко обернулся и уставил на Сиону пылающий взор.

— Ты же никогда не говорила с ним!

— Говорила. Когда была ребенком.

— Ты и сейчас ребенок. Он воплощение Атрейдесов, всех, которые когда-либо жили на свете. Это ужасно, ведь я знал многих из этих людей.

Они были моими друзьями.

В ответ Сиона только покачала головой.

Айдахо снова отвернулся. Он почувствовал, что эмоции опустошили его, выпили до дна. Было такое впечатление, что его лишили станового хребта. Сам того не желая, он направился через площадь на улицу. Где скрылся мальчик. Сиона бегом догнала его и пошла рядом, но он делал вид, что не замечает ее.

Улочка была узкой, каменные стены домов зияли дверьми, скрытыми в арках, окна — уменьшенные копии дверей, занавешенные тканью, которая шевелилась, когда он проходил мимо.

На первом перекрестке Айдахо остановился и посмотрел направо — в ту сторону, куда побежал мальчик. В нескольких шагах стояли две седые, одетые в длинные черные юбки и зеленые кофты, пожилые женщины, которые судачили о чем-то, склонившись друг к другу. Они замолчали, заметив Айдахо, и уставились на него, не скрывая любопытства. Он не стал отворачивать взгляд и посмотрел вдоль улицы — она была безлюдна.

Айдахо пошел дальше, в один шаг поравнялся с ними и прошел мимо. Тесно прижавшись друг к другу, женщины проводили его внимательным взглядом. Мельком взглянув на Сиону, они снова

вперили взгляд в Айдахо. Девушка быстро шла рядом с Дунканом; на ее лице застыло странное выражение.

Печаль? — думал он. *Сожаление? Любопытство?*

Трудно было сказать. Его сейчас больше интересовали наглухо закрытые окна и двери, мимо которых они проходили.

— Ты была когда-нибудь раньше в Гойгоа? — спросил он.

— Нет, — ответила она сдавленным голосом, словно опасаясь чего-то.

Что заставляет меня идти по этой улице? — думал Айдахо. Но еще не успев задать себе этот вопрос, он уже знал ответ на него. *Эта Ирти... Что это была за женщина, ради которой он мог бы приехать сюда, в Гойгоа?*

В одном из окон справа приподнялся угол занавески, и оттуда выглянуло лицо мальчика с площади. Занавеска упала и приподнялась. На этот раз в окне возникло лицо женщины. Айдахо всмотрелся в это лицо и остановился, словно пораженный громом, не в силах сделать еще один шаг. Это было лицо женщины, которую он так часто видел в своих самых фантастических сновидениях, — мягкий овал лица, проницательные

темные глаза, полные чувственные губы…

— Джессика, — прошептал он.

— Что ты сказал? — спросила Сиона.

Айдахо онемел. Это было лицо Джессики, восставшее из прошлого, прошлого, которое он считал навеки утраченным, генетический курьез — мать Муад'Диба, воплощенная в новом теле.

Женщина опустила занавеску и исчезла, навсегда запечатлевшись в памяти Айдахо. Эта женщина была старше Джессики, которую он помнил по тому времени, когда они вместе делили опасности на Дюне, — на лице чуть больше морщин, тело стало чуть полнее…

В ней стало больше материнского, сказал себе Айдахо. Потом: *Я говорил ей, кого она так напоминает?*

Сиона коснулась его плеча.

— Ты не хочешь войти, познакомиться с ней?

— Нет, это была ошибка.

Дункан направился туда, откуда они пришли, но в это время дверь дома Ирти распахнулась, и оттуда вышел молодой человек. Он закрыл дверь и повернулся лицом к Айдахо.

Айдахо рассудил, что юноше было около шестнадцати лет, было невозможно ошибиться — те же волосы, курчавые, как каракуль, те же резкие

и сильные черты лица.

— Ты — новый, — уверенно сказал юноша. Голос был низким, как у взрослого мужчины.

— Да. — Дункану было трудно говорить.

— Зачем ты пришел? — спросил юноша.

— Это была не моя идея, — ответил Айдахо. Говорить стало легче, злость на Сиону придавала ему силы.

Юноша взглянул на Сиону.

— Нам сказали, что наш отец мертв.

Сиона кивнула.

Он снова взглянул в глаза Айдахо.

— Прошу тебя, уходи и не возвращайся больше. Ты причиняешь боль нашей матери.

— Конечно, — произнес Айдахо. — Принеси от меня извинения госпоже Ирти за это вторжение. Меня привезли сюда против моей воли.

— Кто привез тебя?

— Говорящие Рыбы.

Юноша коротко кивнул и еще раз посмотрел на Сиону.

— Я всегда думал, что вас, Говорящих Рыб, учат быть добрее к своим, — с этими словами он повернулся, вошел в дом и плотно прикрыл за собой дверь.

Айдахо схватил Сиону за руку и быстрым шагом

пошел прочь. Она, спотыкаясь, старалась поспеть за ним, отчаянно вырываясь.

— Он подумал, что я — Говорящая Рыба, — проговорила она.

— Ты действительно на нее похожа. — Он искоса взглянул на девушку. — Почему ты не сказала мне, что Ирти была Говорящей Рыбой?

— Это не казалось мне важным.

— Ах вот как…

— Они познакомились только поэтому.

Они вышли обратно на площадь. Не останавливаясь, Айдахо направился к окраине деревни, к садам и огородам. Потрясение вызвало у него прострацию, он чувствовал, что не в состоянии переварить все, что на него только что свалилось.

На пути возник низкий каменный забор. Дункан перелез через него и остановился, слушая, как вслед за ним то же самое делает Сиона. Деревья были в цвету. На оранжевых тычинках белых цветов усердно работали пчелы. Воздух был полон жужжания и напоен ароматами растений — это напомнило Айдахо прошлую, такую давнюю жизнь на Каладане. Там тоже повсюду были заросли благоухающих цветов.

Он остановился, достигнув гребня холма, отку-

да взглянул на аккуратные квадратики деревни — все крыши были одинаковыми и черными.

Сиона села на густую траву и обхватила руками колени.

— Все получилось не так, как ты хотела? — спросил он.

Она покачала головой, и Дункан понял, что она вот-вот расплачется.

— За что ты так его ненавидишь? — сказал он.

— Мы не можем жить своей жизнью, вот за что!

Айдахо посмотрел на деревню, расстилавшуюся внизу.

— Много ли здесь деревень таких, как эта?

— Это образец Империи Червя!

— В ней что-то не так?

— Нет, все так, если тебе не надо ничего иного.

— Ты хочешь сказать, что это все, что он позволяет?

— Да, есть, правда, несколько торговых городов… Есть Онн. Мне говорили, что даже столицы планет выглядят как большие деревни.

— Так я повторяю: что здесь не так?

— Это же тюрьма!

— Так покинь ее.

— Но куда я уеду? Как? Ты думаешь, мы можем

просто сесть на корабль Гильдии и отправиться куда нам угодно? — Она посмотрела вниз, туда, где стоял орнитоптер, возле которого сидели Говорящие Рыбы. — Наши тюремщики не выпустят нас!

— Но сами они свободно ездят. Ездят туда, куда им заблагорассудится.

— Они ездят туда, куда посылает их Червь.

Она уткнулась лицом в колени и заговорила приглушенным голосом:

— Как вы жили тогда, в старые дни?

— Все было по-другому, но жить было намного опаснее. — Он посмотрел на стены, окружавшие огороды и сады. — Здесь, на Дюне, не было воображаемых границ владений, не было и самих частных владений. Все было собственностью герцогства Атрейдесов.

— Все, кроме фрименов.

— Да, но фримены знали, что принадлежит им, а что нет. Они жили на этой стороне в своих укреплениях… Или вне их, в пустыне, на песке которой можно было добела раскалить сковороду.

— Они могли перемещаться куда хотели!

— Да, но с некоторыми ограничениями.

— Многие из нас жаждут возвращения Пустыни, — сказала Сиона.

— У вас есть Сарьир.

— Это такая малость. — Она посмотрела на него вспыхнувшим взглядом.

— Тысяча пятьсот километров в длину и пятьсот в ширину — это не так уж мало.

Сиона поднялась на ноги.

— Ты не спрашивал Червя, почему он ограничивает нас такими рамками?

— Мир Лето, Золотой Путь задуманы для того, чтобы обеспечить наше выживание. Вот что он *говорит*.

— Знаешь, что он говорил моему отцу? Я шпионила за ним, когда была ребенком, подслушивала, что он говорит.

— И что же?

— Он говорил, что ограждает нас от всяческих кризисов, чтобы ограничить наши формирующие силы. Он сказал: «Людей можно поддерживать, причиняя им боль, но теперь я сам — эта боль. Боги могут становиться источником боли». Это его доподлинные слова, Дункан. Червь — это воплощенная болезнь!

У Айдахо не было сомнений в точности ее воспоминаний, но слова девушки не взволновали его. Вместо этого он вспомнил о Коррино, которого он приказал недавно убить. *Болезнь, боль*.

Коррино, наследник Семьи, которая некогда правила Дюной, толстый, средних лет мужчина, начал строить козни, стараясь захватить власть и запасы Пряности. Айдахо приказал одной из Говорящих Рыб убить его, и это вызвало недоумение Монео.

— Почему ты не убил его сам?

— Я хотел посмотреть, как могут работать мои Говорящие Рыбы.

— И?

— Я удовлетворен.

Однако в действительности смерть Коррино потрясла Айдахо своей нереальностью. Он вспомнил труп пожилого толстого мужчины, плавающий в луже крови на мостовой. Это было нереально. Айдахо вспомнил слова Муад'Диба: *Разум накладывает на все некую форму, которую он называет реальностью. Эта произвольная форма совершенно не зависит от того, что подсказывают нам наши чувства.* Так какая же *реальность* движет Господом Лето?

Айдахо оглянулся. Сиона стояла на фоне садов и зеленых холмов Гойгоа.

— Пошли в деревню искать квартиру. Мне надо побыть одному.

— Говорящие Рыбы поселят нас в один дом.

— С ними?

— Нет, только нас двоих. Причина очень проста. Червь хочет скрестить меня с великим Дунканом Айдахо.

— Я сам выбираю себе любовниц! — прорычал Дункан.

— Думаю, что какая-нибудь из Говорящих Рыб будет просто в восторге, — сказала Сиона. Она повернулась и начала спускаться с холма.

Айдахо несколько мгновений рассматривал ее гладкое юное тело, гибкое, как молодая яблоня на ветру.

— Я не племенной жеребец, — пробормотал Айдахо, — и он должен хорошенько это понять.

Когда кончается день, вы становитесь все более нереальными, более чуждыми и отстраненными от того, кем я был в этот новый день. Я – единственная настоящая реальность, и поскольку вы отличаетесь от меня, постольку теряете свою реальность. Чем любопытнее становлюсь я, тем меньше любопытства проявляют те, кто поклоняется мне. Религия подавляет любопытство. То, что я делаю, выбивает почву из-под ног поклоняющихся мне. Таким образом, со временем я перестану что-либо делать, отдав все на откуп напуганным людям, которые в тот день вдруг ощутят свое одиночество и будут искать в себе силы действовать от своего имени и ради своего блага.

(Похищенные записки)

Этот звук был не похож ни на какой другой. Звук ожидающей толпы, распространяющийся вдоль огромного туннеля, по которому маршировал Айдахо впереди Императорской тележки, — нервный шепот, усиленный до степени некоего абсолютного шепота, шаги, слившиеся в единый шаг, шорох, слившийся в шорох огромного пла-

тья. И запах — сладкий запах пота, смешанный с млечным духом сексуального возбуждения.

Инмейр и другие Говорящие Рыбы сопровождения доставили Айдахо в Онн в первый час после рассвета, спустившись на площадь, покрытую предутренними холодными зеленоватыми сумерками. Сразу же после приземления они должны были стартовать снова. Инмейр была явно недовольна, что ей придется лететь в Цитадель — так не хотелось ей пропускать священный праздник Сиайнок.

Новый эскорт Говорящих Рыб, дрожавших от подавленного волнения, сопроводили Айдахо сюда, в подземную часть города, не обозначенную ни на одной карте, которые изучал Дункан. Это был лабиринт, шедший сначала в одном направлении, потом в другом и в конце концов открывавшийся в туннель, достаточно просторный для того, чтобы вместить Императорскую тележку. Айдахо потерял счет поворотам и полностью потерял ориентировку и, отказавшись от попыток понять направление движения, погрузился в воспоминания о прошедшей ночи.

Спальные квартиры в Гойгоа, хотя были спартанскими и маленькими, оказались довольно удобными для ночлега. В каждом номере — две

лежанки, одно окно и одна дверь. Комнаты были расположены вдоль коридора в доме, называемом «Дом для гостей».

Сиона оказалась права. Не спрашивая их, Говорящие Рыбы поселили Айдахо и Сиону в один номер, Инмейр вела себя так, словно молчаливое согласие было получено с самого начала.

Когда дверь за ними закрылась, Сиона сказала:

— Если ты притронешься ко мне, я постараюсь тебя убить.

Это было сказано с такой холодной искренностью, что Айдахо едва сдержал смех.

— Я, пожалуй, предпочту спать один, — сказал он. — Можешь считать, что здесь, кроме тебя, никого нет.

Он спал очень чутко, вспоминая опасные ночи на службе Атрейдесам, постоянную готовность к бою. В комнате всю ночь было довольно светло — в нее проникали и лунный свет, и сияние крупных звезд. Айдахо был удивлен тем, насколько он оказался чувствителен к присутствию Сионы, — его волновал ее запах, он постоянно прислушивался к ее вздохам, к шороху, когда она принималась ворочаться в постели. Несколько раз за ночь он просыпался и напряженно вслушивался в тишину, шестым чувством ощущая,

что Сиона сейчас делает то же самое.

Утро и отлет в Онн пришли как чудесное избавление. Они нарушили пост и выпили холодного фруктового сока, и Айдахо с удовольствием пробежался по холодку к орнитоптеру. Он не заговаривал с Сионой и с неудовольствием ловил на себе взгляды Говорящих Рыб.

Девушка заговорила с ним только один раз, перегнувшись через борт орнитоптера, когда Айдахо вышел на площади Онна.

— Мне не стыдно будет называться твоим другом, — сказала она.

Такое вот необычное предложение дружбы. Он почувствовал смущение.

— Да… конечно, конечно…

Новый эскорт сопроводил его в лабиринт и довел до конца туннеля. Там ждал его Лето на своей тележке. Место встречи было простым расширением коридора, справа от Айдахо начинался туннель, уходивший вдаль. Стены, сложенные из темного камня, были украшены золотыми полосами, сиявшими в свете огромных ламп. Эскорт занял место позади тележки, оставив Айдахо лицом к лицу с Императором.

— Дункан, ты будешь идти впереди меня, когда мы отправимся на Сиайнок, — сказал Лето.

Айдахо пристально посмотрел в бездонную синеву глаз Лето, разозленный обстановкой секретности и таинственности, очевидной приватностью всего этого празднества. Он понял, что все, что он слышал о Сиайноке, только усиливало его неведение.

— Я действительно командир вашей гвардии, мой господин? — спросил Айдахо, не считая нужным скрывать свое недовольство.

— Действительно! Специально для тебя я делаю исключение, и очень почетное исключение! Только немногие, самые доверенные мужчины получают право участвовать в празднике Сиайнок.

— Что происходило в городе этой ночью?

— Было несколько кровавых стычек, но утром все успокоилось.

— Потери?

— Настолько малы, что о них не стоит даже говорить.

Айдахо согласно кивнул. Предзнание Лето предупредило его об опасности, которая угрожала *его Дункану*. Отсюда и полет в безопасный Гойгоа.

— Ты был в Гойгоа, — сказал Лето. — Тебя не искушали приглашением остаться?

— Нет!

— Не злись на меня, — примирительно произнес Лето. — Я не посылал тебя в Гойгоа.

Айдахо вздохнул.

— Какая опасность заставила вас отослать меня из города?

— Эта опасность угрожала не тебе, — сказал в ответ Лето. — Но ты возбудил моих гвардейцев настолько, что они стали слишком явно демонстрировать свои способности. То, что происходило этой ночью, не требовало ничего чрезвычайного.

— Вот оно что. — Эта мысль потрясла Айдахо. Он никогда не думал о себе, как о военачальнике, который может побудить солдат к героизму, не требуя этого прямо. Есть командиры, которые одним своим присутствием буквально гонят солдат вперед. Такие вожди, как Лето — дед нынешнего, — одним своим появлением вдохновляли войска на подвиги.

— Ты мне очень дорог, Дункан, — признался Лето.

— Да, но я… я все же не племенной жеребец.

— Я уважу твои желания. Мы обсудим это в другой раз.

Айдахо оглянулся. Говорящие Рыбы стояли позади, внимательно прислушиваясь.

— Когда вы приезжаете в Онн, здесь всегда бывают вспышки насилия? — спросил Айдахо.

— Этот процесс проявляется циклично. Теперь инакомыслящие почти полностью подавлены. Какое-то время будет тихо.

Айдахо вгляделся в непроницаемое лицо Лето.

— Что произошло с моим предшественником?

— Разве Говорящие Рыбы не рассказывали тебе об этом?

— Они говорили, что он умер, защищая своего Бога.

— Но ты слышал рассказы и другого рода.

— Так что же случилось в действительности?

— Он умер, потому что оказался слишком близко от меня. Я вовремя не удалил его в безопасное место.

— В такое место, как Гойгоа?

— Я бы предпочел, чтобы он доживал там свои дни в мире и благополучии, но ты же хорошо знаешь, что Дунканы не ищут спокойной и безопасной гавани.

Айдахо с трудом проглотил слюну, ощутив в горле непривычный комок.

— И все же я хотел бы знать подробности его гибели. У него осталась семья…

— В свое время ты узнаешь подробности и не

беспокойся о его семье. Они находятся под моей опекой. Я надежно охраняю их издалека. Ты же знаешь, каким насилием мне угрожают. Это одна из моих функций. К великому несчастью, от этого чаще других страдают те, кого я люблю и кем больше всех восхищаюсь.

Айдахо был явно не удовлетворен услышанным.

— Успокойся, Дункан, — сказал Лето. — Твой предшественник действительно погиб, потому что оказался очень близко от меня.

Эскорт Говорящих Рыб зашевелился. Айдахо оглянулся на туннель.

— Да, пора, — проговорил Лето. — Не стоит заставлять женщин ждать. Иди впереди меня, Дункан, я расскажу тебе все о Сиайноке.

Послушно, ибо другого подходящего выхода не было, Дункан сделал поворот кругом и возглавил процессию. Он услышал, как тележка со скрежетом двинулась вперед, потом раздался легкий топот ног эскорта.

Скрежет внезапно прекратился. Айдахо обернулся и тотчас понял причину.

— Вы перенесли тележку на подвесной режим, — сказал он, снова обратив свое внимание вперед.

— Я убрал колеса, — сказал Лето, — потому что женщины подойдут слишком близко к тележке, а я не хочу отдавить им ноги.

— Так что такое Сиайнок? Что это на самом деле? — спросил Айдахо.

— Я же говорил тебе — это Великое Единение.

— Я действительно чувствую запах Пряности?

— У тебя очень тонкое обоняние. Да, в вафли добавлено немного Пряности.

Айдахо только покачал головой.

Пытаясь все же понять суть праздника, Айдахо при первой же возможности по прибытии в Онн прямо спросил Лето, в чем смысл Сиайнока.

— Мы делим вафли, только и всего. Даже я принимаю участие.

— Это похоже на ритуал оранжевых католиков?

— О нет! Это не моя плоть. Это единение, припадание к одному источнику. Они вспоминают, что они только лишь женщины, так же, как ты — только лишь мужчина. Но я — *целое.*

Айдахо не слишком понравилась тональность высказанного.

– *Только лишь* мужчина?

— Ты знаешь, кого они высмеивают на празднике?

— Кого?

— Мужчин, которые оскорбили их. Прислушайся, о чем они тихо переговариваются между собой.

Айдахо воспринял это как предупреждение: *Не оскорбляй Говорящих Рыб. Этим ты навлечешь на себя смертельную опасность!*

Сейчас, идя впереди Лето по туннелю, он чувствовал, что, расслышав все слова Лето, все же не понял их смысла. Обернувшись вполоборота, он спросил:

— Я все же не понял идеи Единения.

— Во время этого ритуала мы действуем вместе, заодно. Ты все это увидишь и почувствуешь сам. Мои Говорящие Рыбы — хранители особого знания, непрерывающейся линии, которую они сохраняют. Ты примешь участие в ритуале, и они полюбят тебя за это. Внимательно слушай их. Они открыты идеям родства и близости. Их понятия для обожания каждого человека не имеют пределов.

Еще слова, подумал Айдахо. *Еще больше таинственности.*

Туннель начал понемногу расширяться, потолок стал выше. Светильников стало больше, здесь они испускали глубокий оранжевый свет.

В трехстах метрах впереди стал различим зал под высоким сводчатым потолком. Там светил красный свет, в котором из стороны в сторону раскачивались лоснящиеся от пота возбужденные лица. Одежда под лицами сливалась в сплошную стену, скрывая тела.

Приблизившись к ожидавшим женщинам, Айдахо увидел в толпе проход и трап с высоким бортом. Огромный потолок открывал над женщинами бездонное пространство, уходящее ввысь. Огромное пространство освещалось ярким красным светом.

— Иди к трапу, встань на борт и повернись лицом к женщинам, — приказал Лето.

Исполняя приказ, Айдахо вскинул вверх правую руку. Он вышел в открытое пространство, и огромность его измерений привела его в священный трепет. Встав на борт, он наметанным взглядом попытался определить размеры зала — они оказались впечатляющими: сторона его составляла не меньше тысячи ста метров, углы были закруглены, что еще больше усиливало впечатление огромности. Зал был набит женщинами, и Айдахо напомнил себе, что здесь были лишь избранные представители полков Говорящих Рыб с каждой планеты. Они стояли,

так тесно прижавшись друг к другу, что Айдахо понял: никто из них не сможет даже упасть. Оставалось только одно свободное место — коридор шириной около пятидесяти метров возле полоза, на котором стоял Айдахо и наблюдал за происходящим. На него смотрели лица, лица, лица — бесконечное скопище лиц.

Лето остановил свою тележку непосредственно позади Айдахо и поднял свою серебристо-красную руку.

Тотчас же огромный зал заполнился неистовым криком: «Сиайнок! Сиайнок!»

Айдахо был оглушен. *Этот звук должен быть слышен по всему городу,* подумал Дункан, *если, конечно, туннель не слишком глубоко.*

— Невесты мои, — сказал Лето, — я приветствую вас на празднике Сиайнок.

Айдахо взглянул на Лето, всмотрелся в его темные глаза, сияющее лицо, а ведь совсем недавно он сказал: «Это проклятая святость!» А сейчас он наслаждался этой святостью.

Интересно, видел ли когда-нибудь Монео эти сборища? — подумалось Айдахо. Это была странная мысль, но Дункан понимал, почему она вдруг пришла ему в голову. Должен был найтись хотя бы еще один смертный, с кем можно было бы

обсудить это Празднество. Рыбы из эскорта сказали, что Монео отбыл по делам государственной важности. Услышав это, Айдахо почувствовал, что до него дошел еще один элемент способа, которым Лето правил государством. Линии власти простирались непосредственно от Лето ко всему населению, но линии эти почти никогда не пересекались. Это требовало многих вещей, включая доверенных слуг, которые не раздумывая примут ответственность за исполнение любого приказа, не обсуждая его.

— Немногие видели, как Бог-Император сам причиняет кому бы то ни было вред, — говорила ему Сиона. — Так поступали все Атрейдесы, которых ты знал?

Айдахо смотрел на массу Говорящих Рыб, пока эти мысли витали в его голове. Какая приниженность в глазах! Какое благоговение! Как Лето добился этого? И зачем?

— Возлюбленные мои, — произнес Лето, и его голос, усиленный тонким иксианским приспособлением, достиг самых отдаленных уголков огромного зала.

Разгоряченные лица женщин заставили Айдахо вспомнить немое предостережение Лето не навлекать на себя смертельно опасный гнев

Говорящих Рыб.

В таком месте очень легко поверить этому предупреждению. Одно слово Лето, и женщины разорвут на куски любого обидчика. В этом не было никаких сомнений. Они сделают все, что он пожелает. Айдахо понял, почему Лето так ценил свою женскую армию. Никакая опасность не остановит это воинство. Они служат самому Богу!

Императорская тележка слегка скрипнула — это Император приподнял свои передние сегменты, подняв голову.

— Вы — хранители веры! — сказал он.

В ответ раздался единодушный крик многих тысяч женщин.

— Мы повинуемся тебе, Господи!

— Во мне вы будете жить вечно! — продолжал возглашать Лето.

— Мы вечны! — раздался новый крик.

— Я люблю вас, как никого другого!

— Любовь! — исступленно кричали в ответ женщины.

Айдахо содрогнулся.

— Я даю вам своего возлюбленного Дункана! — сказал Лето.

— Любви! — продолжали кричать Говорящие Рыбы.

Айдахо почувствовал, что все его тело сотрясает крупная дрожь. Он понимал, что сейчас может упасть под гнетом этой преданности и этого раболепства. Его раздирали противоречивые желания — хотелось бежать и хотелось остаться, чтобы до конца принять это. В этом зале воплотилась власть. Власть!

Понизив голос, Лето приказал:

— Смени охрану.

В знак повиновения женщины без колебаний поклонились и отошли. Возле Айдахо появилась новая шеренга Говорящих Рыб в белых одеяниях. Они подошли к трапу, на котором стоял Дункан, и он с изумлением заметил, что многие из них несли на руках детей не старше одного-двух лет от роду.

Айдахо уже говорили, что это женщины, которые на какое-то время оставили службу в рядах Говорящих Рыб. Некоторые стали жрицами, некоторые полностью посвятили себя материнству… но никто из них по-настоящему не перестал служить Лето.

Глядя сверху на детей, Айдахо подумал о том, какое неизгладимое впечатление должен произвести этот ритуал на мальчиков. Они пронесут таинство этого события через всю свою жизнь.

Они не будут осознавать это, но тайна останется с ними навсегда, оставаясь в тени любого решения, которое они будут принимать, став взрослыми.

Последняя из вновь пришедших остановилась возле тележки и смотрела на Лето преданным взглядом. Другие женщины в зале последовали ее примеру.

Айдахо лихорадочно оглядывался по сторонам. Одетые в белое женщины заполнили все пространство внизу приблизительно на пятьсот метров во все стороны. Некоторые поднимали детей и пытались поднести их поближе к Лето. Благоговение и подчиненность достигли невиданной степени. Прикажи сейчас Лето — и эти матери насмерть разобьют своих малышей о металлический борт трапа. Они сделают все, что угодно, все, что он им прикажет!

Лето опустил свой передний сегмент на тележку, по его телу прошла изящная волна. Добрым взглядом он посмотрел вниз и заботливо произнес:

— Я дам вам награду, которой заслуживает ваша вера и ваша служба. Попросите ее и вы ее получите.

Стены зала дрогнули, когда прозвучал ответ.

— Награда да будет дана!

— Все мое — твое, — сказал Лето.

— Все мое — твое, — послушно вторили ему женщины.

— Соединитесь со мной теперь же, разделите со мной молчаливую молитву, — продолжал Лето, — молитесь за мое проникновение во все сущее, в человечество, чтобы оно пребывало вовеки.

Все головы в зале, как одна, склонились долу. Женщины в белом прижимали к груди детей и заглядывали им в глаза. Айдахо ощутил присутствие какой-то страшной силы, которая стремилась войти в него и покорить. Он приоткрыл рот и тяжело задышал, почувствовав какое-то физическое наваждение. Его мозг лихорадочно искал убежища, какой-нибудь зацепки, которая позволила бы ему сохранить свою личность, не сойти с ума, не распасться.

Эти женщины представляли собой армию, подлинную силу которой Айдахо до сих пор не мог себе даже представить. Он знал, что не понимает и не поймет этой силы — он может только наблюдать ее и видеть, что она существует.

Айдахо вспомнил слова Лето, сказанные им в Цитадели:

— Верность в мужской армии направлена на

саму армию, а не на общество, которое содержит эту армию. Верность в женской армии направлена на ее вождя.

Теперь Айдахо воочию видел доказательство этих слов. Теперь они внушали ему только страх.

Он предлагает мне соединиться с этим, подумал Айдахо.

Теперь он понимал, что его ответ Лето тогда прозвучал по-детски глупо:

— Я не вижу этому никаких разумных оснований.

— Люди в своем большинстве отнюдь не порождения разума.

— Никакая армия — будь она мужская или женская — не гарантирует мира! Ваша Империя не мирная Империя! Вы только…

— Мои Говорящие Рыбы дали тебе почитать нашу историю?

— Да, но я ходил по вашему городу и видел людей. Ваш народ агрессивен!

— Вот видишь, Дункан? Мир порождает агрессию, поощряет ее.

— Но вы говорите, что ваш Золотой Путь…

— Это не то же самое, что мир. Это спокойствие, удобренная почва для создания жестко отделенных друг от друга классов и многих других форм

агрессивности.

— Вы говорите загадками!

— Я говорю, основываясь на накопленных наблюдениях о том, что мирное поведение есть поведение побежденных. Это положение жертвы. Жертвенность порождает агрессию.

— Это ваше проклятое спокойствие по принуждению! Что хорошего может из этого выйти?

— Если у общества нет врагов, то их надо изобрести. Военная сила, у которой нет внешнего врага, неизбежно обратится против собственного народа.

— Так какую игру вы ведете?

— Я подталкиваю человеческие устремления к войне.

— Люди не хотят войны!

— Они жаждут хаоса. Война — это самый доступный вид хаоса.

— Я не верю ни одному вашему слову! Вы играете в какую-то свою очень опасную игру!

— Да, и в очень опасную. Я занимаюсь древними источниками человеческого поведения, чтобы направить его в нужное мне русло. Опасность состоит в том, что я могу подавить волю человека к выживанию. Но я могу заверить тебя, что это и есть Золотой Путь.

— Но вы не сумели подавить антагонизм!

— Я рассеиваю энергию в одном месте и концентрирую ее в другом. То, что не можешь контролировать, надо просто оседлать.

— Но что может удержать вашу женскую армию от переворота?

— То, что ее вождь — я.

Глядя на эту массу женщин, Айдахо не мог не признать средоточие лидерства Лето. Он видел также, что часть этого раболепия распространялась и на его персону. Это искушение заворожило его — он мог потребовать от них чего угодно… чего угодно! Скрытая сила, сконцентрированная в этом зале, грозила взрывом. Понимание этого заставило Айдахо вспомнить еще одни слова Лето.

Император говорил что-то о взрывоопасном насилии. Даже сейчас, глядя на молящихся женщин, Айдахо вспомнил слова Лето:

— Мужчины склонны разделять общество на классы. Они создают стратифицированное общество. Стратифицированное общество — это открытое и конечное окончательное приглашение к насилию. Такое общество не рассыпается. Оно взрывается.

— Разве женщины не поступают так же?

— Нет, они поступают так только в обществе,

где безраздельно господствуют мужчины, или если женщины оказываются заперты в ловушку мужской модели мировоззрения.

— Половые различия не могут быть столь сильны!

— Но опыт показывает, что могут. Женщины делают общее дело, основываясь на своей половой принадлежности, на том, что стоит выше всех классовых различий. Вот почему я позволил женщинам взять в руки бразды правления.

Айдахо был вынужден признать, что эти молящиеся женщины действительно держат в руках бразды правления.

Но какая же часть этой силы предназначается мне?

Искушение было просто-таки чудовищным! Айдахо трепетал от этого искушения. С отчетливой ясностью он вдруг понял, что в этом и состоит замысел Лето — подвергнуть его искушению соблазном.

Женщины закончили молитву и подняли свои взоры к Лето. Айдахо признался сам себе, что никогда не видел на человеческих лицах выражения такого восторга, — ни в экстазе любви, ни после славной победы — никогда и нигде не видел он такого чистого, такого всецелого выра-

жения восторга и благоговения.

— Сегодня рядом со мной стоит Дункан Айдахо, — проговорил Лето. — Дункан явился сюда для того, чтобы произнести здесь клятву в верности, так, чтобы все слышали ее. Дункан?

Айдахо почувствовал, что по его спине пробежал предательский холодок страха. Лето предоставил ему простой выбор: *Объяви о своей верности Богу-Императору или умри!*

Если я начну отшучиваться, колебаться или каким-либо образом отказываться, то эти женщины убьют меня собственными руками.

Айдахо едва не задохнулся от гнева. Он откашлялся и начал говорить:

— Пусть никто не ставит под сомнение мою верность. Я верен Атрейдесам.

Эффект потряс Айдахо.

— Мы с тобой! — неистово закричали женщины. — Мы с тобой! Мы с тобой!

— Мы с тобой, — повторил с ними и Лето.

Юные курсанты школы Говорящих Рыб вбежали в зал с подносами, полными вафель. Руки тянулись к подносам, словно исполняя красивую ритуальную пляску, исполненную грации и благоговения. Каждая женщина, взяв вафлю, поднимала ее над головой. Когда девушка, при-

близившись к трапу, протянула поднос Айдахо, Лето сказал:

— Возьми две и дай одну мне в руку.

Айдахо опустился на одно колено и взял две вафли. Они были хрустящими и ломкими. Айдахо встал и протянул одну из вафель Лето.

Громовым голосом Лето вопросил:

— Выбрана ли новая гвардия?

— Да, господин! — крикнули в ответ женщины.

— Храните ли вы мою веру?

— Да, господин!

— Идете ли вы по Золотому Пути?

— Да, господин!

Вибрация женских голосов потрясала Айдахо, заставляла его цепенеть при каждом выкрике множества голосов.

— Мы едины? — вопросил Лето.

— Да, господин!

Когда женщины ответили, Лето положил вафлю в рот. Все матери возле трапа откусили от своих вафель по маленькому кусочку, оставив остальное детям. Другие Говорящие Рыбы, стоявшие позади одетых в белое матерей, опустив головы, ели свои вафли.

— Дункан, ешь свою вафлю, — приказал Лето.

Айдахо положил вафлю в рот. Его организм гхола не был приучен к Пряности, но клетки тела помнили ее вкус. Вафля отдавала горечью из-за небольшой примеси меланжи. Вкус пробудил в нем старые воспоминания — обеды в сиетче, банкеты во дворце Атрейдесов… тогда вся жизнь была пропитана Пряностью, ее аромат был знаком тех дней.

Айдахо проглотил свою вафлю и только в этот момент до него дошло, что в зале наступила неправдоподобная тишина, в которой громко щелкнул механизм тележки Лето. Айдахо обернулся и увидел, что Лето открыл ящик в основании тележки и извлек оттуда хрустальный футляр, испускавший голубоватое сияние. Император открыл футляр и извлек оттуда старый отравленный нож. Айдахо тотчас узнал знакомый до боли клинок — в торце рукоятки был выгравирован ястреб Атрейдесов, сама рукоятка украшена алмазной инкрустацией.

Нож Муад'Диба!

Айдахо ощутил глубочайшее волнение при виде этого ножа. Он так внимательно смотрел на древнее оружие, словно ждал, что сейчас увидит его исконного обладателя.

Лето высоко поднял нож, показывая всем

кривое, сверкающее молочно-белым сиянием лезвие.

— Вот талисман нашей жизни, — провозгласил Лето.

Женщины внимали, сохраняя полную тишину.

— Это нож Муад'Диба, — сказал Лето. — Зуб Шаи-Хулуда. Вернется ли Шаи-Хулуд?

Ответ был приглушен и от этого подействовал на Айдахо сильнее, чем предыдущий исступленный вопль.

— Да, господин.

Айдахо вновь стал внимательно рассматривать полные раболепства лица Говорящих Рыб.

— Кто есть Шаи-Хулуд?

В ответ снова раздался приглушенный ропот:

— Ты, господин.

Айдахо мысленно кивнул самому себе. Нельзя было отрицать, что Лето черпал власть из бездонного источника, которым никто и никогда не пользовался в таких масштабах. Лето произносил слова, но они ничего не значили по сравнению с тем, что в действительности творилось в этом зале. Слова Лето возвращались к Айдахо, словно ждали момента для того, чтобы скрыть свой истинный смысл. Айдахо вспомнил их с Лето разговор в крипте — месте, которое так нравилось

Лето и казалось столь отталкивающим Айдахо, — в сырой темной крипте, полной пыли веков и запаха древнего упадка.

— Я формировал это общество, придавал ему вид в течение трех тысяч лет, выпуская из плена незрелости целый биологический вид, — сказал тогда Лето.

— Но это не объяснение по поводу женской армии, — запротестовал Айдахо.

— Изнасилование чуждо женской природе, Дункан. Ты говорил о половой разнице в поведении, вот один из примеров такой разницы.

— Перестаньте уходить от разговора!

— Я не ухожу. Изнасилование — это плата за завоевание, которую требуют мужчины. Самцы, совершая изнасилование, показывают, что они еще не выбрались из плена своих подростковых фантазий.

От этой тирады Айдахо почувствовал гнев, который ему было трудно скрыть.

— Мои гурии обуздывают мужчин, — сказал Лето. — Они одомашнивают их, женщины в силу необходимости занимались одомашниванием испокон веков.

Айдахо молча смотрел в окруженное складкой лицо Лето.

— Именно обуздать, укротить, — продолжал Лето. — Это значит — создать новый паттерн выживания. Раньше женщины учились этому у мужчин, а теперь мужчины учатся у женщин.

— Но вы говорили…

— Иногда мои гурии прибегают к насилию, но только затем, чтобы потом превратить его в глубокую взаимозависимость.

— Черт возьми! Вы…

— Связывание, зависимость, Дункан! Зависимость.

— Я не чувствую себя связанным с…

— Образование и обучение требуют времени. Ты — воплощение древней нормы, по которой можно мерить новую норму.

Эти слова Лето погасили в Айдахо все чувства — осталось только тяжелое ощущение утраты.

— Мои гурии учат зрелости, — продолжал между тем Лето. — Они знают, что должны управлять созреванием мужчин. Через этот процесс они добиваются собственного созревания. Со временем гурии становятся женами и матерями, и мы покидаем накатанный путь насилия и юношеских фиксаций.

— Чтобы поверить в это, мне надо увидеть это воочию.

— Ты увидишь это на празднике Великого Единения.

Стоя сейчас рядом с Лето на празднике Сиайнок, Айдахо не мог не признать, что стал свидетелем великой силы, которая действительно может изменить мир по слову Лето.

Лето вновь положил нож в футляр и вложил футляр в отделение тележки. Женщины следили за его действиями в молчании, притихли даже дети — все подчинились великой силе, которая витала под сводами зала.

Айдахо взглянул на детей, Лето говорил, что все они — мальчики и девочки — получат на этом празднике заряд невиданной силы, которая определит их дальнейшую судьбу. Мальчики станут подчиняться женщинам, став, по словам Лето, «легким переходом от подростковой незрелости к мужу и отцу».

Говорящие Рыбы и их потомки жили жизнью «одержимых неким волнением, которое недоступно большинству прочих людей».

Что будет с детьми Ирти? — подумал Айдахо. *Стоял ли здесь мой предшественник, наблюдая, как его одетая в белое жена разделяет ритуал праздника Лето?*

Что хочет предложить мне Лето, показывая

это зрелище?

С такой армией ее командир может перевернуть вверх ногами всю Империю Лето. Сможет ли? Нет… пока жив Лето. Лето говорил, что женщины по натуре своей не агрессивны.

«Я не воспитываю в них это», — говорил Лето. Они знают циклический паттерн королевских праздников каждые десять лет, они знают ритуал смены гвардии, они слушают благословение новому поколению. Они молча оплакивают павших Сестер, смерть своих близких. Это становится привычным. Изменение превращается в нечто незыблемое, в свою противоположность — отсутствие всякого движения. Праздники Сиайнок движутся своим чередом, становясь частью предсказуемого, измеримого будущего.

Айдахо оторвал взгляд от одетых в белое женщин и их детей. Оглядев массу лиц, он подумал, что это только ядро огромной женской силы, которая господствует сейчас над всей Империей. Теперь он мог поверить в слова Лето: «Власть не ослабевает. Она становится сильнее каждые десять лет».

«И до каких пор это будет продолжаться?» — спросил себя Айдахо.

Он посмотрел, как Лето в благословении под-

нял руки.

— Теперь мы пойдем вместе с вами и между вами.

Женщины у полоза расступились, подавшись назад. Было похоже, что расступилась сама земля в результате какого-то грандиозного естественного катаклизма.

— Дункан, ты пойдешь впереди меня, — приказал Лето.

У Айдахо от всего виденного пересохло во рту. Он оперся рукой о борт и спрыгнул вниз, войдя в трещину, в проход, образованный в живом месиве Говорящих Рыб. Он решительно направился вперед, понимая, что только так можно закончить эту пытку.

Он стремительно обернулся и увидел, что тележка Лето двинулась вперед на подвесках.

Он развернулся и двинулся вперед, ускоряя шаг.

Женщины немного сузили проход. Все это происходило в странной тишине — женщины не отрывали глаз от него и от червя, в которого постепенно превращался Бог-Император, червя, который следовал мимо них в хитроумной иксианской тележке.

Айдахо стоически шел вперед, женщины со

всех сторон тянулись к ним, стараясь дотронуться до него и до Лето или просто коснуться тележки. В этом движении чувствовалась сдерживаемая страсть, и Айдахо против воли испытывал глубочайший страх.

Проблема лидерства возникает неизбежно. Вопрос заключается лишь в том, кто будет исполнять роль Бога!

(Муад'Диб, Устное Предание)

Вслед за юной Говорящей Рыбой Хви Нори ступила на широкий уклон и по винтовой лестнице начала спускаться в подземелье Онна. Поздно вечером третьего дня Празднеств Лето вызвал ее к себе, прервав ход событий, которые и сами по себе требовали напряжения всех ее душевных сил.

Первый помощник посла, Отви Йак был не слишком приятным человеком — этот субъект с волосами песочного цвета, длинным лошадиным лицом и бегающими глазками никогда не смотрел в глаза человеку, к которому обращался. Йак вручил ей памятную записку, касавшуюся, как он писал, «вспышек насилия в городе во время Празднеств».

Стоя рядом со столом, за которым сидела Хви, и глядя куда-то в сторону, он доложил, что Говорящие Рыбы убивают Танцующих Лицом по всему городу. Казалось, что происшедшие события совершенно его не волнуют.

— За что? — спросила Хви.

— Говорят, что тлейлаксианцы совершили покушение на Бога-Императора.

Хви охватил страх. Она откинулась на спинку стула и оглядела кабинет посла — круглую комнату с единственным полукруглым столом, на полированной поверхности которого располагалась панель управления хитрыми иксианскими приборами, спрятанными внутри стола. Под темными деревянными панелями, которыми были обшиты стены этого солидного кабинета, находилась аппаратура для защиты от прослушивания. Окон в помещении не было.

Стараясь не выдать своего настроения, Хви спросила:

— И Господь Лето?..

— Покушение не имело успеха. Но этим покушением можно объяснить публичную порку.

— Так ты полагаешь, что покушение действительно имело место?

— Да.

Говорящая Рыба от Господа Лето вошла именно в этот момент, о ее присутствии аппаратура сообщила еще из приемной. Рыба явилась в сопровождении старухи из Бене Гессерит, которую девушка представила как Преподобную Мать Антеак. Антеак принялась пристально рассматривать Йака, а юная стражница сразу перешла к делу:

— Он велел напомнить тебе свои слова: «Возвращайся сразу, как только я позову тебя». Он зовет тебя.

Йак засуетился. Он начал нервно оглядываться по сторонам, словно пытаясь найти какую-то потерянную вещь. Хви задержалась только для того, чтобы накинуть темно-синюю накидку поверх платья и сказать Йаку, чтобы он дождался в кабинете ее возвращения.

Оранжевый вечерний свет придавал пустынным улицам призрачный вид. Выйдя из здания посольства, Антеак посмотрела на Говорящую Рыбу, сказала: «Да», и поспешила откланяться, а Говорящая Рыба повела Хви к высокому зданию без окон, в подвале которого находился вход в подземелье.

От бесконечных поворотов лестницы у Хви начала кружиться голова. Спуск освещался маленькими белыми светильниками, по винтовой лестнице тянулась золоченая проволока, вдоль которой вилась декоративная виноградная лоза с огромными листьями.

Мягкое покрытие спуска скрадывало шаги, и был слышен лишь шелест накидки Нори.

— Куда ты меня ведешь? — спросила Хви.

— К Господу Лето.

— Я знаю, но где он находится?

— В своем личном помещении.

— Как это ужасно глубоко!

— Да, Господь Лето предпочитает большую глубину.

— От этих поворотов у меня страшно кружится голова.

— Попробуйте смотреть на виноградную лозу — это помогает.

— Что это за растение?

— Оно называется туньонским виноградом. Он замечателен тем, что совершенно лишен запаха.

— Никогда о таком не слышала. Откуда это растение?

— Об этом знает только Господь Лето.

Дальше они шли молча. Хви попыталась разобраться в своих чувствах. Мысли о Боге-Императоре наполняли ее грустью. Она чувствовала в нем мужчину, человека, которым он мог быть. Но почему этот человек выбрал для себя столь ужасный путь? Кто мог об этом знать? Может быть, Монео?

Об этом мог знать еще Дункан Айдахо.

Ее мысли обратились к Дункану. Какой привлекательный мужчина. Какой сильный и обаятельный. Она чувствовала, что физически

ее тянет к нему. Если бы у Лето была внешность Айдахо! Монео — о, этот совсем из другого теста. Она посмотрела в спину своей проводницы.

— Ты можешь рассказать мне о Монео? — спросила Хви.

Говорящая Рыба обернулась через плечо. В ее светло-голубых глазах появилось странное выражение — некое причудливое подобие благоговения.

— Я сказала что-то лишнее? — спросила Нори.

Говорящая Рыба отвернулась.

— Господин сказал, что ты спросишь о Монео.

— Вот и расскажи мне о нем.

— Что можно о нем сказать? Он самый приближенный к Императору человек.

— Ближе, чем Дункан Айдахо?

— О да, ведь Монео — Атрейдес.

— Монео был у меня вчера, — произнесла Хви. — Сказал, что мне надо кое-что знать о Боге-Императоре. Монео сказал, что Бог-Император может сделать все, действительно все, если сочтет это полезным для обучения.

— Так считают многие, — сказала Говорящая Рыба.

— Ты тоже так считаешь?

Когда Хви задала этот вопрос, спуск сделал

последний поворот и закончился маленьким помещением с единственной сводчатой дверью.

— Господь Лето примет тебя немедленно, — сказала Говорящая Рыба. Она повернулась и, не говоря больше ни слова, начала подниматься по винтовой лестнице.

Хви вошла в дверь и оказалась в помещении с низким потолком. Комната была намного меньше Зала Аудиенций. Воздух был чист и свеж. Из верхних углов струился приглушенный свет невидимых ламп. Привыкнув к полумраку, Хви увидела расстеленные на полу ковры и разложенные на них подушки, и небольшое возвышение, которое… Рассмотрев возвышение, Хви прижала руки к губам, чтобы не вскрикнуть. Это был Лето, возлежавший на своей тележке, которая на этот раз помещалась в специальном углублении. Хви тотчас поняла, зачем все это было сделано: в этом помещении Лето не считал нужным подавлять посетителей своими размерами. Однако с длиной его тела и его огромной мощью ничего нельзя было поделать и приходилось бороться с этим, приглушив свет, который падал только на лицо и руки Лето.

— Войди и сядь, — сказал Лето. Он говорил низким, очень приятным голосом.

Хви подошла к красной подушке в нескольких шагах от Лето и послушно села.

Лето следил за ее движениями с нескрываемым удовольствием. На девушке было надето золотистое платье, а волосы, заплетенные в косы, придавали лицу свежесть и невинность.

— Я передала ваше послание на Икс, — сказала она. — Я передала им также, что вы желаете знать мой возраст.

— Возможно, что они ответят, — произнес Лето. — Возможно также, что их ответ будет правдив.

— Мне тоже хотелось бы знать мой возраст и обстоятельства моего рождения, — сказала Хви, — но я не понимаю, почему это интересует вас.

— Меня интересует все, что касается тебя, — ответил он.

— Им не очень понравится мое назначение постоянным послом.

— Твои хозяева представляют собой странную смесь пунктуальности и небрежности, — проговорил Лето. — Я не очень охотно терплю возле себя глупцов.

— Вы считаете меня глупой, господин?

— Малки не был глуп, ты тоже, моя дорогая.

— Я много лет ничего не слышала о моем дяде. Иногда я сомневаюсь в том, что он жив.

— Возможно, скоро он узнает об этом. Малки когда-нибудь говорил тебе, что я практикую такийю?

Хви на мгновение задумалась.

— У древних фрименов это называлось *кетман*?

— Да, — ответил Лето. — Это практика, позволяющая скрывать суть, если ее открытие может принести вред.

— Да, я припоминаю это. Он говорил мне, что вы пишете под псевдонимом рассказы, многие из которых стали известными.

— Да, именно по этому случаю мы обсуждали с ним *такийю*.

— Зачем вы рассказываете об этом мне, господин?

— Чтобы не говорить о других предметах. Ты знала, что это я писал книги Ноя Аркрайта?

Хви не смогла сдержать усмешку.

— Мне велели прочитать книгу о его *жизни*.

— Эту биографию, кстати говоря, написал тоже я… Так какие тайны велели тебе выжать из меня твои хозяева?

Хви не моргнув глазом восприняла этот стре-

мительный переход к сути дела.

— Они очень хотят знать внутренний механизм религии Господа Лето.

— Они и сейчас хотят это знать?

— Они хотят знать, каким образом вам удалось перехватить инициативу у Бене Гессерит.

— Им, без сомнения, очень хотелось бы воспользоваться моим опытом?

— Я уверена, что именно это у них на уме, господин.

— Хви, ты ужасный представитель Икса.

— Я — ваш слуга, господин.

— Ты не хочешь узнать что-нибудь для себя лично?

— Я боюсь своим любопытством доставить вам беспокойство, — ответила она.

Он удивленно посмотрел на нее, потом снова заговорил:

— Я понимаю. Мы не станем сейчас обсуждать более интимные проблемы. Хочешь, я расскажу тебе об Общине Сестер?

— Да, это будет очень хорошая тема. Вы знаете, что сегодня у меня была встреча с одной из Сестер?

— Скорее всего, это была Антеак.

— Она произвела на меня страшное впечат-

ление.

— Тебе не стоит ее бояться. Она пришла в посольство по моему приказу. Ты знала, что в твоем посольстве обосновался Танцующий Лицом?

Хви едва не задохнулась, от осознания сказанного в груди ее появился жуткий холод.

— Отви Йак? — спросила она.

— Ты подозревала его?

— Он мне просто не нравился, и мне говорили, что… — Она пожала плечами, окончательно все поняв. — Что с ним случилось?

— С настоящим? Он мертв. Это обычная тактика Танцующих Лицом в подобных обстоятельствах. Мои Говорящие Рыбы получили приказ убить всех Танцующих Лицом в твоем посольстве.

Хви промолчала, но по щекам ее потекли слезы. *Это объясняет пустые улицы и загадочное «да» Антеак. Это объясняет очень многое.*

— Говорящие Рыбы будут помогать тебе до тех пор, пока ты не сделаешь новые назначения, — сказал Лето. — Мои гвардейцы будут хорошо тебя охранять.

Хви смахнула слезы с лица. Инквизиторы Икса будут в бешенстве от такого поведения тлейлаксианцев. Поверят ли на Иксе в ее рапорт? Весь персонал ее посольства замещен Танцующими

Лицом! В такое трудно поверить.

— Так они сменили всех? — спросила Хви.

— У Танцующих Лицом не было никаких оснований оставлять кого бы то ни было в живых. Следующей должна была стать ты.

Хви содрогнулась.

— Они так долго тянули, потому что им надо было с особой тщательностью скопировать тебя, чтобы обмануть меня. Они не знают всех моих способностей.

— Значит, Антеак…

— Сестры Общины, как и я, могут отличать Танцующих Лицом от настоящих людей. А Антеак… что ж, она очень хорошо умеет делать то, что делает.

— Никто не доверяет тлейлаксианцам, — сказала Хви. — Почему их не истребили?

— Специалистов надо использовать, но понимать при этом, что они ограниченны. Ты удивляешь меня, Хви. Я не подозревал, что ты столь кровожадна.

— Но тлейлаксианцы… они слишком жестоки, чтобы считать их людьми. Они не люди!

— Уверяю тебя, что только люди и именно они могут быть столь жестокими. Я и сам иногда бываю жесток.

— Я знаю, господин.

— Но только когда меня провоцируют, — продолжал Лето. — Единственные люди, которых я хотел уничтожить, — это сестры Бене Гессерит.

От изумления Хви потеряла дар речи.

— Они очень близки к тому, чем они должны быть, но одновременно очень далеки от этого.

Хви вновь обрела способность говорить:

— Но в Устном Предании сказано…

— Да, там говорится о религии Преподобных Матерей. Когда-то они создали особую религию для специфического общества. Они назвали это инжинирингом. Это не слишком сильно тебя поразило?

— Это бессердечно.

— Действительно. Результаты вполне соответствовали их ошибке. Несмотря на все грандиозные попытки достичь экуменизма, в Империи продолжали процветать многочисленные религии, люди поклонялись своим божествам и самозваным пророкам.

— Вы изменили это положение, господин.

— В какой-то степени. Но боги умирают с большим трудом, Хви. Мой монотеизм господствует, но исходный пантеон продолжает существовать. Он ушел в подполье и продолжает жить, прикры-

ваясь различными масками.

— Господин, я чувствую в ваших словах… — Она тряхнула головой.

— Такой же холодный расчет, как и в действиях Общины Сестер?

Хви кивнула.

— Фримены обожествили моего отца, великого Муад' Диба. Правда, он не слишком хотел, чтобы его считали великим.

— Но были ли фримены…

— … правы? Моя дражайшая Хви, они были очень понятливы во всем, что касается власти, и им хотелось обрести законного наследственного властителя.

— Мне… очень неприятно это слушать, господин.

— Я вижу. Тебе не нравится идея о том, что, по-видимому, любой человек может стать богом, не прилагая к этому чрезмерных усилий.

— Вы говорите об этом, как о какой-то мелочи, господин, — голос Хви стал отчужденным и испытующим.

— Уверяю тебя, что кто угодно не может стать богом.

— Но вы неявным образом утверждаете, что унаследовали свою божественность от…

— Не вздумай сказать это Говорящим Рыбам — они очень остро реагируют на всякую ересь.

Хви почувствовала, что у нее пересохло во рту.

— Я говорю это только для того, чтобы защитить тебя, — сказал он.

— Благодарю вас, господин, — произнесла Хви едва слышным голосом.

— Моя божественность проявилась тогда, года я объявил фременам, что не стану больше отдавать племенам воду мертвых. Ты знаешь об этой воде?

— В дни Дюны это была вода, которая добывалась из тел умерших, — ответила она.

— Ах да, ты же читала Ноя Аркрайта.

Хви выдавила из себя некое подобие улыбки.

— Я объявил моим фременам, что отныне вода мертвых будет посвящаться Верховному Божеству, имя которого останется до поры в тайне. Но я объявил также, что по щедрости своей позволяю им по их усмотрению распоряжаться этой водой.

— В те времена вода была, вероятно, самой большой драгоценностью.

— Еще какой! И я, как представитель этого безымянного Божества, осуществлял снисходительный контроль за использованием воды. Это продолжалось триста лет.

Она прикусила губу.

— Мы, кажется, что-то вычисляем? — насмешливо поинтересовался Лето.

Она кивнула.

— Так оно и было в действительности. Когда пришло время освятить воду моей умершей сестры, я представил фрименам чудо. Из урны Гани заговорили Атрейдесы — все и своими голосами. В тот момент фримены поняли, это я — их Верховное Божество.

Хви отказывалась понять это откровение, от которого ее охватил страх. Она заговорила дрожащим голосом:

— Мой господин, вы говорите мне, что вы в действительности не Бог?

— Я говорю тебе, что не играю в прятки со смертью.

Она несколько минут смотрела на него во все глаза, и ее взгляд уверил Лето в том, что она поняла сокровенный смысл его слов. Это понимание еще больше усилило ее обожание.

— Ваша смерть не будет похожа на смерть других людей, — сказала она наконец.

— Моя дорогая Хви, — тихо произнес он.

— Меня поражает ваше бесстрашие перед лицом Суда действительного Верховного Боже-

ства, — сказала она.

— Ты не осуждаешь меня, Хви?

— Нет, но я боюсь за вас.

— Подумай о той цене, которую я плачу, — сказал Лето. — Каждая отпадающая от меня часть несет в себе знание, которое беспомощно и бесполезно.

Прижав руки к губам, она опять во все глаза смотрела на него.

— Это ужас, которого мой отец не смог вынести и которого он постарался избежать, ужас постоянного расщепления слепого единства.

Она опустила руки и прошептала:

— Вы сохраните… сознание?

— В какой-то степени да… но это будет немое сознание. Небольшая жемчужина моего «я» пребудет с каждым песчаным червем и каждой форелью — она будет сознавать, но не будет в силах привести в движение даже одну-единственную клетку, будучи погруженной в вечный сон.

Хви содрогнулась.

Лето видел, что она изо всех сил пытается понять суть такого существования. Сможет ли она представить себе раскалывающуюся целостность сознания, цепляющегося за иксианскую машину, чтобы оставить людям последнее прости в

посмертных записках? Сможет ли она ощутить изнуряющее душу молчание, которое последует за этой ужасающей фрагментацией?

— Господин, они используют это знание против вас, если я открою его.

— Ты расскажешь им все?

— Конечно нет! — она медленно покачала головой из стороны в сторону. Но зачем он принял на себя эту страшную трансформацию? Неужели нет никакого выхода?

Она заговорила:

— Нельзя ли настроить ту машину, с помощью которой вы записываете свои мысли…

— … на миллионы кусочков, в которые я превращусь? На миллиарды? На еще большее число? Моя дорогая Хви, эти куски перестанут быть моим истинным «я».

Слезы затуманили взор Хви Нори. Она моргнула и сделала глубокий вдох. Лето видел, что это — тренировка, полученная в Бене Гессерит. Умение успокоиться в любой ситуации.

— Господин, вы поселили в моей душе великий страх.

— И ты не поняла, зачем я это сделал.

— Я смогу это понять?

— О да. Это могут понять многие. Другой вопрос,

что люди станут делать с этим пониманием?

— Вы научите меня, что делать?

— Ты уже и сама это знаешь.

Она помолчала.

— Я чувствую, что это каким-то образом связано с вашей религией.

Лето улыбнулся:

— Я могу простить твоим иксианским хозяевам почти все за одно то, что они прислали тебя ко мне. Проси, и ты получишь все.

Она стремительно подалась вперед всем телом.

— Скажите мне, как устроена ваша религия?

— Скоро ты все о ней узнаешь, Хви, я обещаю тебе это. Пока же помни, что ближе всего ты подойдешь к цели, если вспомнишь о том, что наши предки в древности поклонялись Солнцу.

— Поклонение Солнцу? — Хви отпрянула.

— Солнцу, которое властвует над всем живым, но к которому нельзя прикоснуться, ибо прикосновение равнозначно смерти.

— Вашей… смерти?

— Любая религия обращается вокруг солнца, подобно планетам, религия питается энергией солнца, от солнца зависит само ее существование.

Голос Хви превратился в едва слышный шепот:

— Что вы видите на *вашем* солнце, господин?

— Вселенную со множеством окон, сквозь которые я могу смотреть. Я вижу то, что открывает мне каждое окно.

— Будущее?

— Вселенная — вне времени, ибо уходит своими корнями в бесчисленное множество прошлых и будущих.

— Значит, верно то, что это, — она указала на сегментированное тело Лето, — может предотвратить то, что вы увидели.

— Ты сама дошла до того, что это, пусть даже в небольшой своей части, может быть священным? — спросил он.

Она в ответ смогла лишь коротко кивнуть головой.

— Я могу сказать только одно: если ты попытаешься разделить это со мной, то для тебя это будет почти невыносимый гнет.

— Сделает ли это вашу ношу легче, господин?

— Нет, но мне будет легче ее нести.

— Тогда я разделю ее с тобой. Говори, мой господин.

— Не сейчас, Хви. Тебе придется набраться ве-

ликого терпения. Ожидание может затянуться.

Она вздохнула, стараясь скрыть разочарование.

— Сейчас Айдахо изнывает от нетерпения, — сказал Лето. — Мне надо говорить с ним.

Она оглянулась, но в маленькой комнате никого не было.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я хочу, чтобы ты никогда не уходила.

Она посмотрела в его глаза, увидела в них неутолимый голод, и ей стало грустно.

— Господин, зачем ты говоришь мне о своих тайнах?

— Я не стану просить тебя стать невестой Бога.

Потрясенная Хви широко раскрыла глаза.

— Не отвечай, — попросил он.

Не шевелясь, она окинула взглядом его тело.

— Не ищи того, чего уже давно нет, — сказал он. — Некоторые формы близости стали недоступны для меня.

Она вновь посмотрела на его розовое детское лицо, которое в силу контраста с червеобразным телом казалось особенно человеческим.

— Если тебе нужны дети, — сказал он, — то я хочу попросить только об одном — чтобы ты позволила мне самому подобрать для них отца.

Но я еще ни о чем тебя не просил.

Голос ее стал совсем тихим:

— Господин, я не знаю, что…

— Скоро я вернусь в Цитадель, — произнес он. — Ты придешь ко мне, и мы поговорим обо всем. Я расскажу тебе о том, что я предотвратил.

— Я напугана, мой господин. Я не испытывала такого страха никогда в жизни.

— Не бойся меня, Хви. С моей нежной Хви я могу быть только нежным. Что же касается других опасностей, то от них тебя защитят мои Говорящие Рыбы, которые в случае надобности прикроют тебя своими телами. Они не допустят, чтобы хоть кто-то причинил тебе малейший вред.

Дрожа всем телом, Хви встала с подушки.

Лето видел, как потрясли девушку его слова, и это причинило ему боль. В глазах Хви блестели слезы. Она изо всех сил сцепила руки, чтобы унять дрожь. Он знал, что она по своей воле придет к нему в Цитадель. Не важно, спросит ли он о чем-либо. Она ответит ему, как отвечают Говорящие Рыбы: «Да, господин».

Лето понял, что если бы у нее была возможность поменяться с ним местами и принять его тяжкий крест, она сама предложила бы сделать

это. То, что она была не в состоянии этого сделать, наполняло ее еще большим страданием. Она была умна, очень понятлива, но начисто лишена гедонической слабости Малки. Она вызывала страх своим совершенством. Все в ней утверждало его в мысли, что, будь он в состоянии вернуть себе мужской облик, она была бы той женщиной, которую он избрал бы своей подругой.

Иксианцы знали это очень хорошо.

— Теперь оставь меня, — прошептал он.

Я одновременно отец и мать своему народу. Я познал экстаз родов и экстаз смерти, и этому образцу я хочу научить вас. Вы должны усвоить мои уроки. Разве я не бродил в опьянении по джунглям неверных теней вселенной? Бродил! Я видел ваши силуэты на фоне света. Вселенная, которую вы, по вашему утверждению, видите, есть моя мечта. Моя энергия сосредоточена в ней, и я присутствую в каждом ее участке, во всех ее участках. Так рождаетесь вы.

(Похищенные записки)

— Мои Говорящие Рыбы сказали, что ты отправился в Цитадель сразу же после праздника Сиайнок, — произнес Лето.

Во взгляде Лето, которым он окинул Айдахо, стоявшего там, где всего час назад сидела Хви, было обвинение. Прошло так мало времени, но Лето ощущал такую пустоту, словно протекли столетия.

— Мне нужно было время, чтобы подумать, — сказал Айдахо и посмотрел в углубление, в котором лежал Лето.

— И поговорить с Сионой?

— Да. — Айдахо взглянул в лицо Лето.

— Но спрашивал ты о Монео, — сказал Лето.

— Они докладывают о каждом моем шаге? — требовательно спросил Айдахо.

— Нет, не о каждом.

— Иногда человеку надо побыть одному.

— Конечно, но не стоит винить Говорящих Рыб в том, что они очень озабочены твоей безопасностью.

— Сиона говорит, что ей предстоит испытание!

— И именно поэтому ты искал Монео?

— В чем заключается это испытание?

— Монео знает. Я полагаю, именно об этом ты хотел его спросить.

— Вы не полагаете. Вы все знаете наверняка.

— Сиайнок очень расстроил тебя, Дункан. Прости меня за это.

— Вы имеете хотя бы отдаленное представление, каково мне находиться здесь?

— Жребий гхола не назовешь легким. Некоторые живут очень тяжело.

— Я не нуждаюсь в этой юношеской философии.

— В чем же ты нуждаешься, Дункан?

— Мне надо знать некоторые вещи.

— Какие, например?

— Я совсем не понимаю людей, которые вас

окружают! Нисколько этому не удивляясь, Монео спокойно рассказывает мне, что Сиона участвовала в восстании против вас. Это он говорит о собственной дочери!

— В свое время Монео тоже был мятежником.

— Вы же понимаете, о чем я говорю. Монео тоже был подвергнут испытанию?

— Да.

— Вы будете испытывать и меня?

— Я уже тебя испытываю.

Айдахо уставил в Лето пылающий взор.

— Я не понимаю, как вы правите, я не понимаю вашей Империи, я вообще ничего не понимаю. Чем больше я узнаю, тем больше осознаю, что не понимаю, что происходит вокруг меня.

— Какое счастье, что ты самостоятельно набрел на путь мудрости, — сказал Лето.

— Что? — Ярость Айдахо прорвалась боевым кличем, он проревел это слово, словно командовал на поле битвы, и этот рев заполнил все небольшое помещение.

Лето лишь улыбнулся:

— Дункан, разве я не говорил тебе, что как только ты начинаешь воображать, что что-то знаешь, это закрывает путь к дальнейшему познанию?

— Тогда скажите мне, что происходит.

— Мой друг Дункан Айдахо привыкает к новым для себя обычаям. Он учится заглядывать за пределы того, что считает известным для себя.

— Хорошо, хорошо, — кивнул Айдахо. — Тогда что именно за пределами моего знания заставило вас привести меня на Сиайнок?

— Я хочу привязать Говорящих Рыб к их командиру.

— А я потом вынужден от них отбиваться! Сопровождавшие меня хотели по дороге в Цитадель устроить оргию, а те, кто пришел со мной сюда…

— Они знают, как я люблю детей Дункана Айдахо.

— Будьте вы прокляты, я же не жеребец!

— Нет нужды так громко кричать, Дункан.

Айдахо несколько раз глубоко вдохнул.

— Когда я сказал им «нет», они сначала страшно обиделись, а потом стали обходиться со мной, как с… блаженным или тихо помешанным.

— Разве они не подчинились тебе?

— Они ни о чем меня не спрашивают… если это не противоречит вашим приказам. Я не хотел возвращаться сюда.

— Но они все же доставили тебя сюда.

— Вы же прекрасно знаете, что они никогда не ослушаются вас!

— Я рад, что ты пришел, Дункан.

— О, я прекрасно это вижу!

— Говорящие Рыбы знают, что ты — особенный, знают, как я люблю тебя, сколь многим я тебе обязан. Нет никакого вопроса о послушании или непослушании, когда речь идет о тебе или обо мне.

— Так в чем тогда заключается вопрос?

— В верности.

Айдахо погрузился в задумчивое молчание.

— Ты почувствовал силу Сиайнока? — спросил Лето.

— Мумбо-юмбо, — буркнул в ответ Айдахо.

— Тогда почему ты так расстроился?

— Ваши Говорящие Рыбы — не армия, это полиция, охранная гвардия.

— Своим именем я уверяю тебя, что это не так. Полиция — организация неизбежно коррумпированная.

— Вы искушаете меня властью! — В тоне Айдахо прозвучало обвинение.

— Это и есть испытание, Дункан.

— Вы мне не доверяете?

— Я безусловно доверяю твоей верности Атрейдесам.

— Тогда к чему эти речи о коррупции и испы-

тании?

— Это же ты обвинил меня в том, что я сделал из Говорящих Рыб полицейских. Полиция всегда следит за тем, чтобы преступники преуспевали. Плох тот полицейский, который не понимает, что процветание власти зависит от процветания преступников.

Айдахо нервно облизнул пересохшие губы и озадаченно уставился на Лето.

— Но моральная подготовка… я имею в виду законность… тюремное заключение для…

— Какой толк от законов и тюрем, если преступление не считается грехом?

Айдахо по-петушиному склонил голову.

— Вы хотите сказать, что ваша проклятая религия…

— Наказание греха может быть весьма экстравагантным.

Айдахо через плечо указал большим пальцем на выход.

— Все эти разговоры о смертных казнях… о пресловутой порке и…

— Я стараюсь, где это только возможно, покончить со случайными законами и тюрьмами.

— Но должны же у вас быть хоть какие-то заключенные?

— Зачем? Заключенные нужны только для того, чтобы создавать иллюзию пользы от суда и полиции.

Айдахо повернулся вполоборота и указал пальцем на выход в маленькую прихожую.

— У вас есть планеты, которые сами по себе являются не чем иным, как тюрьмами.

— Я полагаю, что ты можешь считать тюрьмой любое место, которое тебе заблагорассудится. Это зависит от того, насколько далеко заходят твои иллюзии.

— Иллюзии! — Айдахо безвольно уронил руки.

— Да. Ты толкуешь о тюрьмах, полиции и законности, прекрасной иллюзии, прячась за которую могут великолепно действовать власть имущие, великолепно осведомленные о том, что установленные ими законы никто и не думает соблюдать.

— И вы думаете, что с преступностью можно справиться…

— Не с преступностью, Дункан, а с греховностью.

— Так вы полагаете, что религия в состоянии…

— Ты заметил, что считается у меня первичным и главным грехом?

— Что?

— Попытка коррумпировать члена правительства или коррумпированность члена правительства.

— В чем же состоит критерий коррумпированности?

— Исключительно в неспособности или нежелании соблюдать поклонение и веру в священную суть Бога Лето.

— Вас?

— Меня.

— Но в самом начале разговора вы сказали, что…

— Ты думаешь, что я сам не верю в свою Божественность? Берегись, Дункан!

От гнева голос Дункана стал бесцветным и невыразительным:

— Вы сказали мне, что одной из моих задач будет сохранение вашей тайны о том, что вы…

— Ты понятия не имеешь о моей тайне.

— О том, что вы — тиран? Это не…

— Боги обладают гораздо большей властью, чем тираны, Дункан.

— Мне очень не нравится то, что я слышу.

— Атрейдесы когда-нибудь спрашивали тебя, нравится ли тебе твоя служба?

— Вы попросили меня командовать Говоря-

щими Рыбами, которые одновременно являются судьями, присяжными и палачами… — Айдахо осекся.

— И что из этого?

Айдахо молчал.

Лето посмотрел на Дункана. Между ними повисло холодное отчуждение. Однако Айдахо стоял слишком далеко.

Это похоже на рыбалку с удочкой. Словно водишь на леске рыбу, подумал Лето. *Надо четко рассчитать предел прочности лески, чтобы она не порвалась в самый неподходящий момент.*

Проблема заключалась в том, что Айдахо придется убить, если слишком рано завлечешь его в сеть. На этот раз события развивались слишком стремительно. Лето стало грустно.

— Я не стану поклоняться тебе, — заявил Айдахо.

— Говорящие Рыбы знают, что ты обладаешь особым иммунитетом, — сказал Лето.

— Как Монео и Сиона?

— Это совсем разные вещи.

— Выходит, мятежники — это особый случай?

Лето усмехнулся:

— Все мои самые доверенные чиновники были в свое время мятежниками.

— Я не был…

— Ты был просто блистательным мятежником. Ты помог Атрейдесам свалить законно царствующую династию.

Айдахо погрузился в глубокое раздумье.

— Значит, тоже был…

Он резко тряхнул головой, словно пытаясь стряхнуть что-то со своих волос.

— Но посмотрите, что вы сделали с Империей!

— Я создал образец. Образец образцов.

— Это вы говорите.

— Информация замораживается в образцах, паттернах, Дункан. Мы можем использовать один паттерн для разгадки другого. Очень трудно разгадать значение изменяющихся паттернов.

— Опять мумбо-юмбо.

— Однажды ты уже совершил такую ошибку.

— Зачем вы позволяете тлейлаксианцам снова и снова возвращать меня к жизни — одного гхола за другим? Какой паттерн заключен в этом?

— Ты нужен мне из-за своих качеств, которыми обладаешь в избытке. Но пусть лучше об этом скажет мой отец.

Айдахо мрачно сжал губы.

Лето заговорил голосом Муад'Диба, и даже его лицо, спрятанное в грубых складках, приобрело

отцовские черты.

— Ты был моим самым верным другом, большим чем даже Гурни Халлек. Но я — прошлое.

Айдахо с трудом сглотнул.

— Но вещи, которые ты творишь!..

— Разве они не пытаются уничтожить посеянное Атрейдесами?

— Ты прав, будь все проклято!

Лето принял свой обычный облик.

— Но я все еще Атрейдес, — сказал он своим голосом.

— Ты реален?

— Каким же еще я могу быть?

— Хотелось бы мне это знать!

— Ты думаешь, что я просто играю масками и голосами?

— Ради всего святого, скажи, что ты делаешь в действительности?

— Я сохраняю жизнь, готовя почву для следующего цикла.

— Ты сохраняешь ее убийством?

— Смерть часто помогает жизни.

— Атрейдесы никогда не поступали так!

— Но это так. Мы часто убеждались в ценности смерти. Иксианцы, однако, никогда этого не понимали.

— Какое отношение ко всему этому имеют иксианцы?

— Самое прямое. Они хотят создать машину, которая затмит все остальные машины.

Айдахо задумчиво заговорил:

— Именно за этим сюда прибыл новый посол с Икса?

— Ты видел Хви Нори? — спросил Лето.

Айдахо указал рукой вверх.

— Она уходила отсюда, когда я прибыл.

— Ты говорил с ней?

— Я спросил ее, что она делает здесь? Она ответила, что выбирает сторону баррикады.

Огромное тело Лето сотряслось от хохота.

— Боже мой, как она хороша! — воскликнул он. — Она открыла тебе свой выбор?

— Она сказала, что отныне всей душой служит Богу-Императору. Я, конечно, не поверил ей.

— Но ты должен ей поверить.

— Почему?

— Ах да, я совсем забыл: было время, когда ты сомневался даже в моей бабке, госпоже Джессике.

— У меня были для этого основания!

— Ты сомневаешься и в Сионе?

— Я начинаю сомневаться во всех и каждом!

— И говоришь, что не понимаешь, почему я

так высоко ценю тебя, — обвиняющим тоном произнес Лето.

— При чем здесь Сиона? — спросил Айдахо. — Она говорит, что вы хотите… Я имею в виду, черт возьми…

— В чем можно не сомневаться в Сионе, так это в ее способности к творчеству. Она может создавать новое и прекрасное. Надо доверять истинно творческим натурам.

— И иксианским механикам?

— То, что они делают, нельзя назвать творчеством. Истинное творчество всегда открыто. Скрытность выдает присутствие совершенно иной силы.

— Значит, вы не доверяете этой Хви Нори, но вы же и…

— Я доверяю ей, и именно по той причине, о которой только что тебе сказал.

Айдахо нахмурился, потом лицо его разгладилось. Он облегченно вздохнул:

— Мне следует поближе познакомиться с Хви Нори. Если она та, которую вы…

— Нет! Ты не подойдешь к ней. Я приготовил для Хви Нори нечто особенное.

Я выделил внутри себя опыт городской жизни и принялся тщательно его изучать. Идея города буквально очаровала меня. Формирование биологического сообщества без действенной, поддерживающей общности социальной неизбежно приводит к катастрофе. Целые миры превращались в чисто биологические образования без сопутствующих социальных структур, и это всегда кончалось разрушением. Перенаселение являет собой весьма поучительный пример. Гетто смертельно по своей сути. Психологический стресс от перенаселения приводит к накоплению скрытой разрушительной энергии, которая давит все сильнее и сильнее – до тех пор, пока не происходит взрыв. Город – это попытка справиться с таким процессом. Социальные формы, посредством которых город пытается сохранить социальный мир, достойны изучения. Помните, что в формировании любого социального порядка присутствует зло. Социальный порядок – это борьба за существование, проводимая искусственными средствами. На полю-

сах этого порядка царят деспотизм и рабство. Из-за этого возникают большой вред и нужда в законах. Законы превращаются в самодовлеющую структуру, что приводит к еще большим несправедливостям. Эта общественная травма может быть излечена только сотрудничеством, но ни в коем случае не конфронтацией. Тот, кто призывает к сотрудничеству, и есть истинный целитель.

(Похищенные записки)

Монео вошел в маленький зал Лето в состоянии видимого волнения. Он был рад только тому обстоятельству, что Бог-Император лежал здесь, в малом зале в углублении, что затрудняло нападение Червя. Кроме того, на этот раз Лето позволил своему мажордому спуститься в подземелье на лифте, а не заставил идти по бесконечному винтовому спуску. Однако Монео чувствовал, что новость, которую он несет своему господину, превратит Лето в *Червя, Который Есть Бог.*

Как преподнести эту новость?

Прошел час после рассвета, наступил четвертый день Празднества, что само по себе было хорошо, предвещая скорое освобождение от страшных забот, связанных с ритуальными дей-

ствами.

Лето зашевелился, когда мажордом вступил в зал. Тотчас же включилось освещение, сфокусированное на лице Лето.

— Доброе утро, Монео, — произнес Лето. — Охрана сказала мне, что ты просишь немедленно принять тебя. Что произошло?

По опыту Монео знал, что главная опасность заключается в слишком быстром изложении всей сути дела.

— Я некоторое время общался с Преподобной Матерью Антеак, — сказал Монео. — Хотя она тщательно это скрывает, я уверен, что она — ментат.

— Да, иногда сестры Бене Гессерит позволяют себе непослушание, и это меня очень забавляет.

— Значит, вы не накажете меня?

— Монео, я единственный родитель этого народа, а родитель должен быть не только суровым, но и великодушным.

Сегодня он в хорошем настроении, подумал мажордом. Вздох облегчения сорвался с его уст, что вызвало улыбку Лето.

— Антеак возражала против амнистии, которую вы объявили некоторым из задержанных Танцующих Лицом.

— Я воспользовался своим правом ради Праздника, — сказал Лето.

— Господин?

— Мы поговорим об этом позже. Давай перейдем к новости, которую ты так жаждешь обрушить на мою голову в столь ранний час.

— Я… э-э… — Монео закусил губу. — Тлейлаксианцы стали очень словоохотливы в стремлении снискать мое расположение.

— Это естественно с их стороны. Что же они рассказывают?

— Они снабдили иксианцев информацией и аппаратурой для создания… э-э, не гхола, и даже не клона, а… наверное, надо прибегнуть к тлейлаксианскому термину — *реструктурированной клетки.* Эксперимент был проведен внутри некоего защитного поля, сквозь которое, как говорят члены Гильдии, не может проникнуть ваша сила.

— И каков был результат этого эксперимента? — Лето почувствовал, что его вопрос падает в ледяной вакуум.

— Определенного ответа нет, ибо тлейлаксианцам не было разрешено присутствовать при опыте. Однако они рассказывают, что… э-э, Малки вошел в камеру один, а вышел оттуда с ребенком

на руках.

— Да, да! Я знаю об этом!

— Вы знаете? — Монео был явно озадачен.

— Это предположение. Все это случилось приблизительно двадцать шесть лет назад?

— Да, господин.

— Этот ребенок — Хви Нори?

— В этом они не уверены, господин, но… — Монео пожал плечами.

— Конечно, они не уверены… И что ты можешь вывести отсюда, Монео?

— В присылке сюда нового иксианского посла заложена какая-то глубокая и далеко идущая цель.

— Ты совершенно прав, Монео. Тебе не показалось, что Хви, нежная Хви, является полной противоположностью доблестного Малки, включая и ее половую принадлежность?

— Я не думал об этом, господин.

— Я думал.

— Я немедленно отошлю ее обратно на Икс, — сказал Монео.

— Ты не сделаешь ничего подобного!

— Но, господин, если они…

— Монео, я замечал, что ты редко поворачиваешь спину при виде опасности. Другие делают

это часто, а ты — редко. Зачем ты хочешь вовлечь меня в столь очевидную глупость?

Мажордом судорожно глотнул.

— Вот и хорошо. Мне нравится, когда ты сразу признаешь свои заблуждения, — проговорил Лето.

— Благодарю вас, господин.

— Мне также нравится, когда ты искренне приносишь мне свою благодарность, как ты сделал это только что. Антеак была рядом, когда ты слышал эти тлейлаксианские откровения?

— Как вы приказали, господин.

— Превосходно. Это немного возмутит стоячее болото. Сейчас ты отправишься к госпоже Хви. Скажешь ей, что я желаю немедленно ее видеть. Это ее взволнует. Она думает, что я не позову ее до переезда в Цитадель. Успокой ее страх.

— Каким образом, мой господин?

Голос Лето стал грустным:

— Монео, зачем ты спрашиваешь меня о том, как делать то, в чем ты имеешь большой опыт? Успокой ее и привези сюда, уверив, что я питаю в отношении нее только добрые намерения.

— Слушаюсь, господин. — Монео поклонился и попятился к выходу.

— Один момент, Монео!

Монео застыл на месте, преданно глядя в глаза Лето.

— Ты в недоумении, Монео, — сказал Лето. — Иногда ты не знаешь, что обо мне думать. Разве я не всемогущ и не всеведущ? Ты приносишь мне кое-какие сведения о том или этом и гадаешь: *Знает ли он об этом? Если да, то зачем я рассказываю об этом?* Но я приказал тебе докладывать обо всем, Монео. Согласись, что твое послушание поучительно.

Монео пожал плечами, обдумывая ответ.

— Время может быть и местом, Монео, — продолжал Лето. — Все зависит от того, где ты находишься, что видишь и что слышишь. Мера всего этого пребывает в сознании.

После долгого молчания Монео спросил:

— Это все, господин?

— Нет, это не все. Сегодня Сиона получит пакет, который ей передаст курьер Гильдии. Не препятствуй доставке этого пакета. Ты понял меня?

— Что в этом пакете, господин?

— Перевод, печатные материалы, которые я хочу, чтобы она прочла. Ты не станешь ей мешать. В пакете нет меланжи.

— Как вы узнали, чего я боялся?

— Просто я знаю, что ты боишься Пряности. Она

могла бы продлить твою жизнь, но ты избегаешь принимать меланжу.

— Я боюсь других действий Пряности, господин.

— Щедрая природа решила с помощью меланжи открыть некоторым из нас неожиданные глубины психики; ты боишься именно этого?

— Я Атрейдес, господин!

— Да, да, ведь для Атрейдесов меланжа — средство, способное повернуть вспять бег времени и дать ошеломляющее внутреннее откровение.

— Я слишком хорошо помню, как вы испытывали меня, господин.

— Ты не чувствуешь внутренней необходимости увидеть воочию Золотой Путь?

— Я боюсь не этого, господин.

— Ты боишься другого потрясения, боишься увидеть то, что заставило меня сделать свой выбор?

— Мне достаточно посмотреть на вас, господин, чтобы испытать этот страх. Мы, Атрейдесы… — он осекся, во рту у него пересохло.

— Ты не хочешь познать память всех своих бесчисленных предков, которые собраны в моей памяти!

— Иногда… иногда, господин, мне кажется, что

Пряность — это проклятие Атрейдесов!

— Ты бы хотел, чтобы меня не было вовсе?

В ответ Монео замолчал.

— Но меланжа имеет и свою неоспоримую ценность, Монео. Он нужен Гильд-навигаторам. Без него Бене Гессерит выродится в беспомощное сборище хныкающих старых баб!

— Мы должны жить или с ним, или вовсе без него, мой господин. Я твердо это знаю.

— Очень разумный подход, Монео. Ты предпочитаешь жить без него.

— Разве у меня нет выбора, господин?

— Пока есть.

— Господин, что вы…

— Для обозначения меланжи в нашей Галактике существует двадцать восемь слов. Эти слова описывают Пряность с точки зрения цели ее использования, способа разведения, возраста, добыта ли она честным путем, украдена или отнята, является ли она приданым, подарена ли мужчиной женщине или с другой точки зрения. Что ты можешь вывести отсюда, Монео?

— Нам всегда предоставляется множественный выбор, господин.

— Только в том, что касается Пряности?

Монео поморщился, прежде чем ответить.

— Нет, — произнес он наконец.

— Ты так редко говоришь «нет» в моем присутствии, — сказал Лето. — Мне нравится, как твои губы округляются, произнося его.

Рот Монео искривился и дрогнул в каком-то подобии улыбки.

Лето быстро сменил тему:

— Отлично! Сейчас ты пойдешь к госпоже Хви. На прощание я дам тебе один совет, который может тебе пригодиться.

Монео застыл в напряженном внимании.

— Знание, основанное на употреблении наркотиков, присуще в большей степени мужчинам, потому что они больше склонны к авантюрам, это есть проявление их более высокой агрессивности. Ты читал Библию и знаешь историю о Еве и яблоке. В этой истории есть один интересный нюанс — Ева не была первой, кто сорвал и надкусил яблоко с древа познания Добра и Зла, — это сделал Адам, который потом свалил вину на Еву. В моем рассказе ты можешь прочесть, почему человечество пришло к необходимости деления общества на подгруппы.

Монео отвернул голову.

— Господин, каким образом это может помочь мне?

— Это поможет тебе общаться с госпожой Хви!

Единичная множественность нашей вселенной привлекает мое самое пристальное внимание. В этой множественности присутствует несравненная ни с чем красота.

(Похищенные записки)

Прежде чем Хви вошла в малый Аудиенц-зал, Лето услышал голос Монео. На девушке были надеты светло-зеленые шаровары, перехваченные у лодыжек темными лентами — под цвет сандалий. Из-под черной накидки выглядывала свободная блузка такого же зеленого цвета.

Хви казалась совершенно спокойной. Войдя, она, не ожидая приглашения, села на золотистую подушку, а не на красную, как в прошлый раз. Монео потребовалось меньше часа, чтобы доставить Хви Нори в резиденцию Лето. Он слышал, что мажордом ходит взад-вперед в прихожей, и послал сигнал, запиравший вход в зал.

— Монео чем-то очень взволнован, — сказала Хви. — Он очень старался не показать мне это, но чем больше он пытался меня успокоить, тем большее любопытство он во мне возбуждал.

— Он не очень сильно тебя напугал?

— О нет. Более того, он говорил довольно интересные вещи. Он сказал, что я должна запомнить,

что Бог Лето разный для каждого из нас.

— Что же здесь интересного? — спросил Лето.

— Интересен вопрос, для которого это замечание послужило лишь предисловием. Он сказал, что ему очень интересно, какую роль играем мы в такой разнице вашего отношения к нам.

— Вот это действительно интересно.

— Думаю, что это взгляд в корень проблемы, — произнесла Хви. — Зачем вы вызвали меня?

— Когда-то твои хозяева с Икса…

— Они больше мне не хозяева, господин.

— Прости меня. Отныне я буду называть их иксианцами.

Она серьезно кивнула и напомнила:

— Когда-то…

— …иксианцы попытались создать оружие — тип охотника, этакая самодвижущаяся смерть с машинным сознанием и интеллектом. Она была сконструирована, как самоусовершенствующийся аппарат, который, найдя признаки жизни, должен был превратить носителя этих признаков в кусок неорганической материи.

— Я ничего об этом не слышала, господин.

— Я знаю. Иксианцы не понимают, что разработчики таких машин рано или поздно сами становятся машинами. Это путь к бесплодию.

Машины всегда проигрывают… Надо только выждать время. И когда машина проигрывает, то не остается никакой жизни.

— Иногда мне кажется, что они поражены безумием, — сказала Хви.

— Антеак придерживается такого же мнения. Это самая непосредственная проблема. Иксианцы заняты сейчас другим проектом, суть которого скрыта от всех.

— Даже от вас?

— Даже от меня. Я посылаю Преподобную Мать Антеак провести расследование от моего имени. Для того чтобы ей помочь, я хочу, чтобы ты рассказала ей все, что сможешь, о месте, где ты провела свое детство. Здесь очень важны детали, пусть даже очень мелкие и, казалось бы, незначимые. Антеак поможет тебе припомнить все. Каждый звук, каждый запах, цвет каждого предмета. Кто навещал тебя, что ты при этом испытывала. Нас интересует все, вплоть до мурашек, которые пробегали у тебя по коже. Жизненно важной может оказаться любая, подчеркиваю, любая подробность.

— Вы думаете, что это и есть то место, где прячутся авторы проекта?

— Я точно это знаю.

— И вы думаете, что они делают это оружие для того, чтобы…

— Нет, но это будет вполне весомым основанием для того, чтобы исследовать место твоего рождения.

На лице Хви медленно появилась улыбка.

— Оказывается, мой господин предпочитает окольные пути. Я поговорю с Преподобной Матерью немедленно. — Хви встала, однако Лето остановил ее.

— Мы не должны проявлять излишней поспешности.

Она снова опустилась на подушку.

— Мы все очень разные, как тонко подметил Монео, — сказал он. — Бытие нельзя остановить. Твой бог продолжает творить тебя.

— Что найдет Антеак? Вы же знаете это, не так ли?

— Лучше скажем, что у меня есть твердая убежденность. Ты не один раз упоминала предмет, который я обсуждал с тобой ранее. У тебя есть вопросы?

— Вы дадите мне ответы, как только они мне понадобятся. — Это было утверждение, полное такого доверия, что Лето от волнения замолчал. Он безмолвно смотрел на Хви, поняв, насколько

необычно это достижение иксианской мысли, — они сумели создать *человека.* Хви оставалась верна запрограммированной для нее модели личности в моральном плане. Она была миловидна, сердечна и честна, обладая при этом способностью к истинному сопереживанию, переживая муки человека, с которым она в данный момент себя идентифицировала. Он представил себе, как недовольны будут ее учителя из Бене Гессерит, столкнувшись с этой непоколебимой внутренней честностью. Учителя добавят кое-какие способности, добавят к общей картине несколько мазков, но это только укрепит ее силу, благодаря которой Хви не превратилась в сестру из Бене Гессерит. Как это будет обидно для Преподобных Матерей!

— Господин, — сказала Хви. — Я хотела бы знать мотивы, побудившие вас сделать свой выбор.

— Сначала ты должна понять, как чувствует себя человек, способный прозревать будущее.

— С вашей помощью я постараюсь это сделать.

— Ничто и никогда не отделяется от своего источника, — заговорил Лето. — Видение будущего есть видение континуума, в котором все вещи обретают свою окончательную форму, подобно тому, как в месте падения водопада образуются пузырьки воздуха. Ты видишь их, но потом они

исчезают. Как только иссякает поток, возникает впечатление, что пузырьков не было вовсе. Этот поток и есть мой Золотой Путь, и я вижу его конец.

— Ваш выбор, — она взмахнула рукой в сторону его тела, — изменил это?

— Изменяет. Изменения возникнут не столько от образа моей жизни, сколько от образа моей смерти.

— Вы знаете как умрете?

— Я не знаю, как. Я знаю только Золотой Путь, на котором это произойдет.

— Господин, я не…

— Я знаю, что это очень трудно понять. Я переживу четыре смерти — смерть плоти, смерть души, смерть мифа и смерть разума. И каждая из этих смертей содержит в себе семена возрождения.

— Вы вернетесь из…

— Вернется семя.

— Что станется с вашей религией, когда вы умрете?

— Религия есть единичная общность. Спектр останется прежним, Золотой Путь не изменит его. Просто люди увидят сначала одну часть, а потом другую. Наваждения могут быть названы

нарушениями чувственного восприятия.

— Но люди все равно будут поклоняться вам, — сказала Хви.

— Да.

— Но когда пройдет это *навсегда*, то в людях взыграет гнев, — сказала она. — Будет отрицание. Найдутся люди, которые скажут, что вы были обыкновенным тираном.

— Будет и такое наваждение, — согласился Лето.

У Хви возник ком в горле, ей стало трудно говорить, но она превозмогла себя.

— Но каким образом ваша жизнь и ваша смерть смогут изменить… — Она замолчала и в отчаянии тряхнула головой.

— Жизнь будет продолжаться.

— Я верю в это, господин, но как она будет продолжаться?

— Каждый цикл жизни — это реакция на предыдущий цикл. Если ты вдумаешься в форму существования моей Империи, то поймешь, каким будет следующий цикл.

Хви отвернулась.

— Все, что я узнала о вашей семье, убедило меня в том, что это выбор, — она махнула рукой в его сторону, не оглянувшись, — продиктованный

бескорыстными соображениями. Но я не думаю, что мне ясна форма существования вашей Империи.

— Золотой Мир Лето?

— Многие хотят, чтобы мы в это поверили, но в действительности мира в Империи не так уж много.

Какая честность! Ничто не может ее отвратить.

— Сейчас время утробы, — сказал он. — Мы распространяемся так же, как распространяется в длину растущая клетка.

— Но в этой картине чего-то недостает, — сказала она.

Она похожа на Дункана, подумал он. *Чего-то недостает, и они тотчас это чувствуют.*

— Плоть растет, но не растет душа, — сказал он.

— Душа?

— То рефлективное сознание, которое говорит нам, насколько живыми мы можем быть. Ты хорошо это знаешь, Хви. Это то же самое чувство, которое подсказывает тебе, как быть верной самой себе.

— Ваша религия — это еще не все, — сказала Хви.

— Никакая религия не может быть достаточной сама по себе. Это вопрос выбора — единичного выбора каждого отдельно взятого человека. Теперь ты понимаешь, почему для меня так важны твоя дружба и твое общество?

Она моргнула, пытаясь скрыть слезы, и кивнула.

— Почему люди не знают всего этого?

— Потому что для этого нет подходящих условий.

— Но вы сами диктуете эти условия, так в чем же дело?

— Да, я диктую условия. Внимательно присмотрись к моей Империи. Ты видишь теперь ее форму?

Закрыв глаза, Хви задумалась.

— Желаете сидеть у реки и каждый день удить рыбу? — спросил Лето. — Прекрасно. Есть такая жизнь. Желаете плавать в маленькой лодочке по морям и посещать разные острова и страны? Превосходно! Что еще можно делать?

— Путешествовать в космосе? — спросила она, в ее голосе появились протестующие нотки. Хви открыла глаза.

— Ты видела, что Гильдия и я воспрещаем это.

— Вы один воспрещаете.

— Верно. Если Гильдия посмеет меня ослушаться, она не получит Пряность.

— Это закабаление людей на их планетах защищает их обитателей от злонамеренности.

— Нет, закабаление преследует гораздо более важную цель. Оно наполняет людей страстью к путешествиям. Оно создает потребность путешествовать и видеть другие страны. Со временем возможность путешествовать становится синонимом свободы.

— Но запасы Пряности истощаются, — сказала Хви.

— И свобода становится с каждым днем все дороже и дороже.

— Это может привести лишь к отчаянию и насилию, — начала возражать Хви.

— Среди моих предков есть один очень мудрый человек — я сам был им, ты понимаешь, что в моем прошлом нет чужаков…

Она благоговейно кивнула.

— Так вот, этот мудрый человек понял из наблюдений, что богатство есть инструмент свободы, но стремление к богатству есть путь рабства.

— Гильдия и Община Сестер обращают себя в добровольное рабство!

— А также иксианцы, тлейлаксианцы и мно-

гие, многие другие. Иногда им удается раздобыть немного Пряности, и этим они привлекают к себе внимание, что тешит их самолюбие. Это очень забавная игра, не правда ли?

— Но когда разыграется насилие…

— Наступит голод и время тяжких раздумий.

— И здесь, на Арракисе?

— И здесь, и там, и везде. Люди будут вспоминать мою тиранию, как доброе старое время. Я стану зеркалом их будущего.

— Но это же ужасно, — запротестовала она.

Она не могла отреагировать иначе.

Лето заговорил:

— Земля откажет людям в пропитании, те, кто выживет, будут искать спасения на все меньших и меньших участках. Будет вновь пройден ужасный процесс селекции — это будет во многих мирах: взрыв рождаемости и уменьшение запасов пищи.

— Но Гильдия: разве она не сможет…

— Гильдия станет беспомощной, поскольку из-за отсутствия Пряности она не сможет работать, перевозя людей с планеты на планету.

— Смогут ли богатые избежать этой участи?

— Некоторые из них.

— Значит, вы ничего не изменили в этом мире.

Мы будем продолжать бороться и умирать.

— До тех пор, пока на Арракисе вновь не воцарится песчаный червь. Мы испытаем себя несчастьями, которые разделят все. Мы поймем, что то, что может произойти на другой планете, может произойти и на нашей.

— Так много боли и смерти, — прошептала она.

— Разве ты не понимаешь, что такое смерть? — спросил он. — Ты должна это понять. Вид должен понять. Все живущее должно понять.

— Помоги мне, господин, — шепотом взмолилась она.

— Это самый глубинный из опытов, который только может пережить любая тварь, — сказал Лето. — Непосредственно впереди смерти выступают вещи, которые увеличивают ее риск и отражают ее, как зеркало, — смертельно опасные болезни, травмы, рождение детей… когда-то женщины воевали из-за мужчин.

— Но ваши Говорящие Рыбы…

— Они учат выживанию, — ответил он.

Глаза Хви осветились пониманием.

— Они — это те, кто выживет. Ну конечно же!

— Как ты хороша! — воскликнул Лето. — На редкость хороша. Будут благословенны иксианцы!

— И прокляты?

— И прокляты.

— Я не думала, что смогу понять, кто такие Говорящие Рыбы, — призналась Хви.

— Этого не понимает даже Монео, — сказал Лето, — а насчет Айдахо я уже просто отчаялся.

— Надо очень высоко ценить жизнь, чтобы хотеть ее сохранить.

— Да, и именно те, кто сохранит способность выжить, несмотря ни на что, достигнут света жизни и будут крепко держаться за красоту жизни. Женщины знают это лучше мужчин, потому что рождение ребенка — это зеркальное отражение смерти.

— Мой дядя Малки всегда говорил, что у вас были основательные причины отнять у мужчин поводы к дракам и вспышкам насилия. Какой горький урок!

— Без поводов к непосредственному насилию у мужчин остается мало способов удостовериться в том, как они встретят свой последний час и как они смогут противостоять смерти, — сказал Лето. — Что-то было упущено. Душа не растет. И что говорят люди о Мире Лето?

— Они говорят, что по вашей милости барахтаются в собственном упадке, как свиньи в

собственном дерьме.

— Народная мудрость, как всегда, точна, — проговорил Лето. — Это именно упадок.

— У большинства мужчин не стало никаких принципов и убеждений — на это жалуются почти все иксианские женщины.

— Когда я ищу мятежника, я всегда обращаю внимание на людей с принципами.

Она молча посмотрела на него, и Лето подумал, как много простая реакция может сказать об уме человека.

— Как ты думаешь, где я нахожу самых лучших своих администраторов? — спросил он.

Она испустила изумленный вздох.

— Принципы — вот за что вы сражаетесь. Большинство людей проходит по жизни, не встречаясь ни с какими вызовами практически до самого конца, когда вызов им бросает сама смерть. У людей так мало врагов, в стычках с которыми они могли бы испытать себя на прочность.

— У людей есть вы, — сказала Хви.

— Я слишком силен, — сказал Лето. — Я — это синоним самоубийства, а кто добровольно пойдет на верную смерть?

— Сумасшедшие или отчаянные. Мятежники и повстанцы?

— Для них я эквивалент войны. Окончательный, законченный хищник. Я для них связующий материал, без которого они просто рассыпались бы.

— Я никогда не считала себя мятежницей.

— Ты — кое-что гораздо лучшее.

— И вы хотите меня каким-то образом использовать?

— Да, хочу.

— Но не как администратора, — попросила она.

— У меня уже есть администраторы — неподкупные, проницательные, умные, признающие свои ошибки и быстро находящие решение.

— Они были мятежниками?

— Большинство из них.

— Как вы их выбираете?

— Я могу сказать, что они выбирают себя сами.

— Они — те, кто смог выжить?

— И это тоже. Но есть кое-что еще, нечто большее, чем способность к выживанию. Отличить плохого администратора от хорошего очень легко. Хороший администратор делает свой выбор немедленно.

— И это приемлемый выбор?

— Обычно их решения могут работать. С другой

стороны, плохой администратор колеблется, виляет, созывает комиссии, требует исследования вопроса и докладов. Со временем это создает серьезные проблемы.

— Но, может быть, иногда действительно требуется больше информации, чтобы…

— Плохой администратор больше сосредоточен на докладах, чем на решениях. Он хочет, чтобы все было записано, чтобы потом представить бумагу в качестве оправдания ошибки.

— А как поступает хороший администратор?

— О, он зависит от устного приказа. Он не солжет, если его устный приказ привел к нежелательным последствиям и окружает себя людьми, которые способны мудро действовать на основе его устного приказа. Очень часто важной информацией обладает сообщение, что что-то не в порядке. Плохой администратор скрывает свои ошибки и тянет до тех пор, пока не станет слишком поздно исправить их.

Лето наблюдал, как она размышляет о людях, которые ему служат, — особенно о Монео.

— Это люди решений, — сказала она наконец.

— Самое трудное для тирана, — сказал Лето, — это найти людей, действительно способных принимать решения.

— Не дает ли вам близкое знание прошлого каких-то преимуществ?

— Оно меня иногда забавляет. Большинство бюрократий, предшествовавших моей, изыскивали и находили людей, которые избегали ответственности принятия решений.

— Понятно. Как вы хотите использовать меня, господин Лето?

— Выйдешь ли ты за меня замуж?

Мимолетная усмешка коснулась ее губ.

— Женщины тоже могут принимать решения. Я выйду за вас замуж.

— А теперь ступай к Преподобной Матери. Пусть она узнает то, что хочет узнать.

— Для выяснения моего происхождения, — сказала она. — Вы и я уже знаем мою цель.

— Которая не отделена от ее источника, — добавил он.

Она встала.

— Господин, не ошибаетесь ли вы относительно своего Золотого Пути? Нет ли вероятности…

— Неудачу может потерпеть всякий, но она не так страшна, если есть готовые помочь верные, храбрые друзья.

Группы людей имеют тенденцию обустраивать места своего обитания для группового же выживания. Когда поведение группы отклоняется от этого паттерна, можно говорить о болезни группы. У этой болезни есть показательные яркие симптомы. Я наблюдаю за разделением пищи. Это форма общения, неизбежный признак взаимопомощи, в котором содержатся ростки смертельной зависимости. Интересно, что ухаживают за ландшафтом в основном мужчины. Раньше этим занимались исключительно женщины.

(Похищенные записки)

«Вы должны простить меня за некоторые несуразности в этом докладе, — писала Преподобная Мать Антеак. — Можете отнести их на счет вынужденной поспешности. Завтра я отбываю на Икс с целью, о которой подробно писала вам ранее. Нельзя отрицать напряженного и искреннего интереса Бога-Императора к Иксу, но здесь я хочу подробно остановиться на странном визите, который нанесла мне посол Икса Хви Нори».

Антеак попыталась поудобнее устроиться на стуле, на котором можно было делать все что

угодно, только не сидеть — но других стульев в этом спартанском номере найти не удалось. Антеак сидела в крошечной спальне в таких же жалких апартаментах, которые Лето отказался сменить даже после того, как Сестры предупредили его о тлейлаксианской измене.

На коленях Антеак лежала черная квадратная плитка длиной около десяти миллиметров и толщиной не более трех. Преподобная Мать писала на этом приборе с помощью светящейся ручки, записывая слова одно поверх другого. Это послание будет затем запечатлено на нервных окончаниях сетчатки послушницы и сохранится там до расшифровки в капитуле Общины Сестер.

Хви Нори поставила Преподобную Мать перед тяжелой дилеммой.

Антеак знала о донесениях учителей Бене Гессерит, посланных на Икс для обучения Хви. Но послания эти скрывали больше, чем сообщали. После прочтения этих донесений возникало множество вопросов.

Какие невзгоды ты пережила, девочка?

Какие трудности ты испытала в юности?

Антеак шмыгнула носом и взглянула на черный квадрат. Эти мысли вернули ее к верованию фременов о том, что человека формирует плане-

та, на которой он родился.

— Есть ли на вашей планете странные и необычные животные? — вот типичный фрименский вопрос.

Хви явилась к Преподобной Матери с внушительным эскортом Говорящих Рыб — более сотни атлетически сложенных женщин. Антеак в жизни своей не видела столько оружия — лазерные ружья, ножи, кинжалы, гранаты, палаши…

Антеак обвела взглядом спальню. Господь Лето говорил ей, зачем он поместил ее в эти условия.

— Этим вы можете измерить свою ценность в глазах Бога-Императора!

Хотя… теперь последовало весьма щекотливое поручение, связанное с поездкой на Икс, что позволяло сделать некоторые предположения о намерениях и отношении Господа Лето. Возможно, времена изменились, и теперь Общину ждут почести и больше Пряности.

Все зависит от того, как я справлюсь с поручением.

Хви вошла в спальню одна и скромно села на лежанку, причем ее голова оказалась ниже головы Антеак. Прекрасно и обдуманно. Очевидно, что Говорящие Рыбы могли поставить Антеак в любое положение по отношению к Хви — той сто-

ило только шевельнуть пальцем. Первые слова Хви поразили Преподобную Мать до немоты.

— С самого начала вы должны знать, что я выхожу замуж за Господа Лето.

Потребовалось все умение Антеак, чтобы не показать всю глубину изумления. Способности Антеак позволили ей распознать, что слова Хви были правдивыми и искренними, но все их значение еще предстояло обдумать.

— Господь Лето приказал, чтобы вы никому не сообщали об этом решении, — добавила Хви.

Вот это дилемма, подумала Антеак. *Могу ли я сообщить Сестрам в капитул?*

— В свое время это станет известно всем, — сказала Хви Нори. — Но это время еще не пришло. Я говорю это вам, чтобы подчеркнуть всю степень доверия, которое испытывает Лето.

— Доверие к вам?

— И ко мне, и к вам.

Антеак едва смогла сдержать дрожь. Такое доверие присуще только очень сильной власти.

— Знаешь ли ты, почему Икс выбрал послом на Арракисе именно тебя? — спросила Антеак.

— Да, они хотели, чтобы я втерлась к нему в доверие, а потом обманула.

— Кажется, ты преуспела. Означает ли это, что

иксианцы верят в некоторые… странные привычки Господа Лето?

— В них не верят даже тлейлаксианцы.

— Я понимаю это так, что ты отрицаешь истинность этих россказней?

Хви говорила настолько бесстрастно, что даже умение Преподобной, приобретенное в школе Бене Гессерит, и способности ментата плохо помогали в расшифровке значения того, что рассказывала Хви.

— Ты говорила с ним и видела его. Правдиво ответь на эти вопросы самой себе.

Антеак с трудом подавила вспышку раздражения. Несмотря на юность, Хви была отнюдь не послушница и никогда не станет хорошей сестрой Бене Гессерит. Какая жалость!

— Докладывала ли ты об этом своему правительству на Икс?

— Нет.

— Почему?

— Они скоро и сами об этом узнают. Преждевременное разглашение может повредить Господу Лето.

Это истинная правда, напомнила себе Антеак.

— Не является ли верность Иксу для тебя главной? — спросила Антеак.

— Моя главная верность принадлежит Истине, — помедлив, Хви улыбнулась. — Изобретательность Икса выше его ума.

— Думают ли на Иксе, что ты представляешь угрозу для Бога-Императора?

— Я думаю, что в первую голову они озабочены моей осведомленностью. Я обсуждала этот вопрос с Ампром перед самым моим отъездом сюда.

— Этот Ампр — директор департамента иностранных дел?

— Да. Ампр убежден, что Господь Лето допускает угрозу по отношению к себе только до определенных пределов.

— Это сказал тебе сам Ампр?

— Ампр убежден, что от Господа Лето нельзя скрыть будущее.

— Но в основе моей миссии на Икс лежит предположение о том, что... — Антеак помолчала, покачала головой и продолжила: — Почему Икс снабжает Господа машинами и оружием?

— Ампр полагает, что у Икса нет выбора. Подавляющая сила истребляет людей, которые начинают представлять собой угрозу.

— Выходит, что если Икс откажется от поставок, то это переполнит чашу терпения Лето. Середины быть не может. Думала ли ты о последствиях,

которые вызовет женитьба Лето?

— Ты имеешь в виду сомнения относительно Божественности Императора, которые могут возникнуть после свадьбы?

— Да, многие люди после этого поверят в россказни тлейлаксианцев.

В ответ Хви лишь улыбнулась.

Проклятие! Как же мы ухитрились упустить эту девочку?

— Он изменяет основы своей религии. — В тоне Антеак прозвучало обвинение. — Вот в чем заключается все дело.

— Вы делаете ошибку, судя о других по себе, — сказала Хви и, видя, что Антеак возмутилась, добавила: — Но я пришла сюда не для того, чтобы спорить по поводу действий Господа Лето.

— Нет, конечно, нет, — поспешила согласиться Антеак.

— Господь Лето велел мне, — продолжала Хви, — рассказать вам все мельчайшие подробности, сохранившиеся в моей памяти, о месте, где я родилась и воспитывалась в детстве.

Вспомнив эти слова Хви, Антеак посмотрела на черную дощечку, лежавшую у нее на коленях. Хви рассказывала подробности и детали, которые велел ей рассказать ее господин (и жених!),

подробности, которые показались бы скучными любому, кто в отличие от Антеак не обладал способностями ментата извлекать отовсюду необходимую информацию.

Антеак покачала головой, думая о том, что ей придется сообщать в капитул Общины Сестер. К этому времени они уже прочтут ее предыдущее послание. Машина, которая может защитить свое содержимое от всепроникающей способности предзнания Господа Лето? Возможно ли в принципе создание такой машины? Может быть, это просто еще одна проверка Богом-Императором искренности намерений Бене Гессерит? Но постойте! Если бы он уже не знал о таинственном происхождении Хви Нори, то…

Ум ментата помог Антеак мгновенно понять, почему именно ее Господь Лето избрал для миссии на Иксе. Бог-Император не мог доверить эту информацию Говорящим Рыбам. Он не хотел, чтобы Рыбы заподозрили своего Бога в слабости.

Но так ли это очевидно, как представляется с первого взгляда? Колеса в колесах — как это похоже на Господа Лето.

И снова Антеак задумчиво покачала головой. Она наклонилась над дощечкой и стерла сообщение о том, что Господь Лето выбрал себе невесту.

Они скоро и сами все узнают, а Антеак пока разберется в подтексте происходящего.

Если знаешь все о своих предках, то являешься непосредственным свидетелем событий, приведших к созданию мифов и религий нашего прошлого. Поняв это, вы неизбежно будете считать меня творцом мифа.

(Похищенные записки)

Первый взрыв раздался, когда темнота опустилась на Онн. Этим взрывом убило несколько гуляк, отправившихся на вечеринку, где (как было обещано) Танцующие Лицом должны были показать древнюю пьесу о короле, убившем своих детей. После драматических событий первых четырех дней Празднеств некоторые граждане потеряли бдительность и снова начали появляться на улицах, перестав прятаться в относительной безопасности своих жилищ. Слухи о ранениях и смертях случайных прохожих начали циркулировать по городу как предупреждение и призыв к осторожности.

Погибшие и пострадавшие вряд ли оценили бы замечание Лето о том, что случайные прохожие оказались слишком близко от центра взрыва.

Обостренные чувства Лето позволили ему точно и быстро определить место взрыва. Император пришел в ярость и отдал приказ, о котором потом

долго жалел. Он велел Говорящим Рыбам «истребить Танцующих Лицом — даже тех, кто был им ранее помилован».

Сама вспышка ярости буквально зачаровала Лето. Прошло так много времени с тех пор, как он последний раз ощущал нечто похожее на небольшой гнев. Его отрицательные реакции ограничивались растерянностью и раздражением. Но теперь, когда опасность угрожала Хви Нори, — он испытал наконец ярость!

По зрелом размышлении он решил изменить жестокий приказ, но это случилось не прежде, чем Говорящие Рыбы покинули подземелье, преисполненные яростью своего Бога.

— Бог разгневан! — кричали некоторые из них.

Второй взрыв задел некоторых Говорящих Рыб, появившихся на площади, Лето отменил свой последний приказ, чем спровоцировал еще большее насилие. Третий взрыв, раздавшийся невдалеке от места первого, заставил Лето непосредственно принять участие в событиях. Он привел в движение свою тележку, на лифте поднялся на поверхность и, словно потерявший разум берсерк, ворвался в битву.

На площади царил хаос, освещаемый тысячами прожекторов, запущенных в небо Говорящи-

ми Рыбами. Центральная часть площади была разворочена, нетронутым осталось только металлопластиковое покрытие, по которому были разметаны обломки стен, убитые и раненые.

У стен иксианского посольства развернулось настоящее сражение.

— Где мой Дункан? — проревел Лето.

К нему подбежала башар гвардии и, едва переводя дыхание, доложила, что Дункан доставлен в Цитадель.

— Что здесь происходит? — спросил Лето, указывая на побоище у посольства.

— Мятежники и тлейлаксианцы атакуют иксианское посольство. У них полно взрывчатки.

Башар не успела закончить фразу, как перед развороченным фасадом посольства прогремел еще один взрыв. Вихрь оранжевого, в черных точках пламени взметнул в воздух извивающиеся тела.

Не думая о последствиях, Лето убрал колеса, включил подвеску и стремительно перелетел через площадь, обрушившись на ряды атакующих. Этот полет был похож на полет бегемота с огнями у морды. Перелетев через своих, Лето обрушился на фланг нападавших, чувствуя, как по его телу бьют лучи лазерных ружей. Тележка столкнулась

с мягкой человеческой плотью, сокрушая тела врагов.

Тележка вынесла Императора к стене посольства. Ровная поверхность закончилась, подвеска чиркнула по бугристому булыжнику. Лето чувствовал, как его ребристое тело щекочут лазерные лучи. Внутреннее тепло, преобразованное в кислород, извергалось из хвоста. Инстинктивно Лето спрятал лицо в складку кожи Червя, то же самое он сделал с руками. Тело его взметнулось над тележкой, выгнулось огромной дугой и принялось крушить нападавших.

По мостовой потекла кровь. Для тела Лето кровь была водой, смертельно опасной водой, но что поделаешь — смерть освобождает воду. Извивающееся и разящее тело скользило по этой кровавой воде, проникая в поры кожи из песчаных форелей и причиняя Лето невыносимые мучения. Эти страдания еще больше увеличивали ярость, и огромное тело разило противника с еще большей силой.

Когда Лето нанес первый удар, Говорящие Рыбы отступили по периметру схватки, поняв, какое преимущество они получили. Башар закричала, покрывая шум битвы:

— Добивать оставшихся!

Говорящие Рыбы бросились вперед.

В течение нескольких минут перед стенами иксианского посольства разыгрывалась кровавая драма — сверкали клинки, плясали во тьме дуги лазерных лучей, видны были руки и ноги, ударявшие живые, корчившиеся в предсмертных судорогах тела. Говорящие Рыбы не брали пленных.

Лето неистово вращался всем телом в кровавой каше перед входом в посольство, едва ли осознавая боль, которую причиняла ему вода. Воздух вокруг него был насыщен кислородом, и это сохраняло его человеческие чувства. Он мысленно подозвал к себе тележку, осторожно потрогал поврежденную подвеску и аккуратно перенес свое тело на тележку, мысленно отдав ей приказ медленно двигаться назад, в подземелье.

Очень давно он приготовился к такому повороту событий, создав в подземелье специальную чистку — помещение, в котором создавалась высокая температура, и сухой перегретый воздух очищал поверхность тела Червя от избытка влаги. Можно было заменить это помещение обычным песком, но в Онне не было столько песка.

Уже находясь в лифте, он послал приказ немед-

ленно доставить к нему Хви.

Если она осталась жива.

У него не было времени испытывать свои способности, сейчас его тело — тело червя и человека — нуждалось лишь в очищающем жаре.

Уже находясь в чистке, он вспомнил о своем измененном приказе: «Сохраните жизнь некоторым Танцующим Лицом!» Но к этому времени разъяренные Говорящие Рыбы уже действовали разрозненными группами по всему городу и у Лето не было сил оповестить о новом приказе всех сражающихся.

Как только Лето вышел из чистки, к нему прибыла капитан гвардии, сообщившая, что Хви получила лишь легкое ранение и будет доставлена в подземелье как только командир на месте сочтет это возможным и разумным.

Лето на месте произвел капитана в суббашары. Женщина отличалась мощным телосложением Наилы, но лицо ее было помягче — более округлое и соответствующее старинным понятиям о женственности. Дрожа от такой милости Бога, женщина с благоговением выслушала повеление проследить, чтобы ничего не случилось с Хви, повернулась кругом и бросилась исполнять приказ.

Я даже не спросил ее имени, подумал Лето, перекатываясь на новую тележку в углублении малого Аудиенц-зала. Потребовалось несколько мгновений, чтобы припомнить имя женщины, произведенной в суббашары — Киеуэмо. Надо подтвердить производство. Он записал на диктофон это напоминание, чтобы позже сделать это лично. Все Говорящие Рыбы должны знать, как высоко ценит он Хви Нори. После сегодняшней ночи в этом, правда, и без того не будет никаких сомнений.

Слишком многие видели, что я сам убивал, подумал он.

Ожидая прибытия Хви, Лето обдумал происшедшее. Атака была проведена не по типичным правилам тлейлаксианской стратегии, но нападение на дороге вполне вписывалось в эти новые правила. Все указывало на то, что его хотят убить.

Я вполне мог погибнуть в этой свалке.

Здесь крылось объяснение того, что он не предвидел нападения, но было в этом и еще одно, более глубокое соображение. Из многочисленных догадок складывалась ясная картина происходящего. Кто лучше всех знал Бога-Императора? Кто знал, как следует плести заговор?

Малки!

Лето вызвал охранницу и велел ей узнать, покинула ли уже Антеак Арракис. Через несколько секунд охранница вернулась.

— Антеак все еще находится в своих апартаментах, — доложила Говорящая Рыба. — Командиры с мест докладывают, что тот квартал не подвергался атакам.

— Спросите Антеак, — сказал Лето, — понимает ли она теперь, почему я определил им такое неудобное место для проживания — вдалеке от своей резиденции? Скажите ей, чтобы во время своего пребывания на Иксе она разыскала Малки и установила его местопребывание. Потом пусть она сообщит об этом начальнице местного гарнизона.

— Малки, бывший иксианский посол?

— Он самый. Его нельзя оставлять в живых или на свободе. Вам надлежит известить командира тамошнего гарнизона, чтобы она установила самую тесную связь с Антеак и оказывала ей всякую потребную помощь. Малки должен быть взят под стражу и доставлен сюда, ко мне, или казнен — это на усмотрение командира.

Охранница кивнула, по ее лицу пробежала тень. Женщина не стала просить повторить

приказ. Все охранницы обладали способностью прочно запоминать сказанное с первого раза. Они могли слово в слово, сохраняя даже интонации, повторить все, что они услышат от своего Бога-Императора.

Когда женщина ушла, Лето послал запрос, и через секунду ему ответила Наила. Иксианский аппарат выхолащивал живые интонации, и до слуха Лето доходил лишь металлический, лишенный всякого выражения голос.

Да, Сиона в Цитадели. Нет, Сиона не входила в контакт с мятежниками. *«Нет, она даже не знает, что в данный момент я наблюдаю за ней».* Нападение на посольство? Его осуществила раскольническая группировка «Союз с Тлейлаксу».

Мысленно Лето облегченно вздохнул. Всегда эти революционеры дают своим группам столь претенциозные названия.

— Кто-нибудь из них остался в живых?

— Судя по всему, нет.

Металлический голос был лишен всякого выражения, и Лето всегда удивлялся своей способности внутренне восполнять этот механический пробел.

— Ты свяжешься с Сионой, — сказал он. — Откроешь ей, что ты — Говорящая Рыба. Скажешь,

что не говорила этого раньше потому, что боялась утратить ее доверие и опасалась разоблачения, поскольку из всех Говорящих Рыб только ты одна была обязана хранить Сионе беспрекословную верность. Подтверди ей свою клятву. Поклянись ей всем, что для тебя свято, что будешь и дальше хранить ей верность и выполнять все ее распоряжения. Ты сделаешь все, что она тебе прикажет. Так оно и будет, ты и сама это хорошо знаешь.

— Слушаюсь, мой господин.

В ответе Лето без труда уловил фанатичную преданность. Она подчинится ему беспрекословно.

— Если это возможно, сделай так, чтобы Сиона и Дункан Айдахо остались на какое-то время наедине.

— Слушаюсь, мой господин.

Пусть тесное общение само сослужит свою службу, подумал Лето.

Он отключил связь и вызвал к себе командира подразделений, действовавших на площади. Башар прибыла немедленно — форма была покрыта грязью и пылью, на сапогах — запекшаяся кровь. Высокая, изящная женщина, с тонкой костью. Морщинки на лице придавали ее орлиному профилю выражение собственного достоинства. Лето припомнил ее воинскую кличку — Ийлио,

что по-фременски означает «зависимая». Он, однако, обратился к ней по материнскому имени — Найше, что означает «дочь Шаи», что придало их общению некоторую интимность.

— Садись на подушку, Найше, — заговорил Лето. — Ты на славу поработала.

— Благодарю вас, мой господин.

Она опустилась на красную подушку, на которой сидела и Хви. В углах рта женщины таилась усталость, но глаза оставались живыми и внимательными. Она приготовилась слушать.

— Обстановка в городе стала спокойной. — Это был не вполне вопрос, но Лето явно ждал подтверждения своей оценки.

— Она спокойная, но в ней все равно нет ничего хорошего, — произнесла Найше.

Лето взглянул на кровь, в которой были испачканы сапоги башара.

— Что происходит на улице перед иксианским посольством?

— Она полностью очищена, мой господин. Там уже идут ремонтные работы.

— Что на площади?

— К утру она примет свой обычный вид.

Она продолжала твердо смотреть Лето в глаза. Оба понимали, что главная тема разговора еще не

затронута. Однако Император заметил в глазах Найше сильный блеск.

Она гордится своим господином!

Найше впервые видела, что ее Император умеет убивать сам. Были посеяны семена страшной зависимости. *Если нам будет угрожать опасность, то наш господин лично придет на помощь*. Именно поэтому так блестели глаза Найше. Она не будет больше поступать независимо, теперь для принятия решений она всегда будет черпать силу у Бога-Императора и отвечать лишь за правильное использование этой силы. Крылатая смерть явится по первому ее зову.

Лето очень не нравился такой оборот дела, но делать было нечего, обратного хода нет. Исправить положение можно будет лишь медленно и постепенно.

— Где нападавшие взяли лазерные ружья?

— С наших складов, мой господин. Охрана была заменена.

Заменена. Какой великолепный эвфемизм. Провинившиеся Говорящие Рыбы были арестованы и содержались в камерах до тех пор, пока не потребуются смертники для выполнения какого-либо чрезвычайного задания. Они умрут с радостью, искупая свой грех. Даже слух о том,

что такие берсерки существуют, мог успокоить самые горячие головы.

— Проникли ли нападавшие в арсенал?

— Хитростью и с помощью взрывчатки. Охрана арсенала потеряла бдительность.

— Источник взрывчатки?

Найше устало пожала плечами.

Лето мог только согласиться с ней. Он понимал, что может установить источник, но какой в этом прок? Предприимчивые люди могли изготовить взрывчатку из самых разнообразных подручных средств — сахара, свинцовых белил, растительного масла, невинных удобрений, пластита, растворителей и обычной навозной жижи. Если учесть сообразительность, техническую подготовку и образованность, то этот список можно продолжить до бесконечности. Даже в таком обществе, которое он создал, — в обществе с ограниченной технологичностью, всегда найдутся люди, способные создать довольно совершенное малое оружие. Сама идея исключения такой опасности — это химера и пустой миф. Ключ к решению проблемы — это ограничение стремления к насилию. В этом отношении события нынешней ночи можно рассматривать как катастрофу.

Как много новой несправедливости, подумал

он.

Найше, словно прочитав его мысли, тяжело вздохнула.

Это естественно, ибо с младых ногтей Говорящих Рыб учат всячески избегать несправедливости.

— Мы должны заняться поисками оставшихся в живых мирных жителей, — сказал он. — Проследи, чтобы им помогли всем, чем можно. Все должны понять, что вина целиком и полностью лежит на тлейлаксианцах.

Найше согласно кивнула. Она никогда не стала бы башаром, если бы не понимала смысла таких приказов. Она верила слепо. Если господин говорит, что виноваты тлейлаксианцы, значит, так оно и есть. В таком понимании была своя практичность. Она поняла, почему они не убили всех тлейлаксианцев.

Нельзя полностью избавляться от всех козлов отпущения.

— Надо отвлечь внимание, — сказал Лето. — Возможно, один из них уже у нас в руках. Я скажу вам об этом после встречи с госпожой Хви Нори.

— Иксианским послом? Разве она не…

— Она совершенно невиновна, — ответил он, не дав башару закончить фразу.

В глазах Найше светилась безграничная вера, этот пластичный материал мгновенно прекращал всякие размышления и зажигал глаза фанатичным огнем. Иногда Лето испытывал ужас от своей неограниченной власти. Даже Найше не была исключением.

— Я слышу, что госпожа Хви уже прибыла. Пригласишь ее ко мне, когда будешь выходить, — приказал Лето. — И вот что еще, Найше…

Башар, которая уже встала, застыла на месте, ожидая приказания.

— Сегодня я произвел Киеумо в суббашары, — сказал он. — Проследи, чтобы это производство было утверждено официально. Что касается тебя, то я очень доволен. Проси и получишь.

Он заметил, что эта ритуальная фраза пришлась очень по душе башару. Однако она ничем не выразила свою радость и сказала:

— Я испытаю Киеумо. Если она справится с моими обязанностями, то я хотела бы пойти в отпуск. Я очень давно, много лет, не была дома, на Салуса Секундус.

— Можешь ехать в любое время по своему выбору.

Салуса Секундус, ну конечно же! — подумал он.

Когда женщина упомянула о своей родине,

Лето сразу вспомнил, на кого она так похожа. В ней течет кровь Коррино, она напоминает Харка аль-Ада. Оказывается, мы с ней довольно близкие родственники.

— Мой господин очень великодушен, — сказала Найше.

Она покинула зал пружинистым шагом. В вестибюле раздался ее голос:

— Госпожа Хви, наш господин сейчас примет вас.

Вошла Хви, сначала на фоне сводчатого дверного проема возник ее силуэт, она нерешительно остановилась, потом, привыкнув к полумраку, шагнула вперед. Она шла к Лето, словно мотылек, который летит на свет свечи, окидывая взглядом его тело, ища на нем следы ран. Он знал, что никаких следов она не увидит, — он лишь чувствовал боль и небольшую дрожь.

Своим сверхъестественным зрением Лето увидел припухлость на правой ноге Хви, скрытую под платьем. Девушка остановилась перед углублением, в которой находилась тележка.

— Мне сказали, что ты ранена, Хви. Тебе больно?

— У меня под коленом резаная рана, мой господин. Небольшой осколок стены. Говорящие Рыбы

смочили его каким-то лекарством, и боль утихла. Я очень боялась за тебя, мой господин.

— А я боялся за тебя, моя дорогая Хви.

— Я была в опасности только во время первого взрыва. Меня спрятали в подвале посольства.

Значит, она не видела моего неистовства. Как я благодарен за это Говорящим Рыбам.

— Я послал за тобой, чтобы просить у тебя прощения, — сказал он.

Она села на золотистую подушку.

— Что я должна простить тебе, Лето? Нет никаких оснований…

— Меня проверили, Хви.

— Тебя?

— Нашлись люди, которые захотели проверить глубину моих чувств по отношению к тебе, они хотели узнать, что я сделаю для спасения Хви Нори.

Хви указала рукой наверх.

— Это… произошло из-за меня?

— Это произошло из-за нас.

— О… Но кто…

— Ты согласилась выйти за меня замуж, Хви, и я… — Он поднял руку, видя, что она хочет заговорить. — Антеак открыла то, что ты ей рассказала, но не это послужило причиной событий.

— Тогда кто…

— Это неважно, *кто.* Важно, чтобы ты все обдумала с самого начала. Я должен дать тебе возможность изменить свое решение.

Она печально опустила глаза.

Как сладостны ее черты, подумал он.

Только в своем воображении мог он прожить с Хви всю жизнь, как живут мужья со своими женами. В его памяти хватило бы воспоминаний для того, чтобы представить себе такую жизнь. Он мог представить себе радости узнавания, прикосновения, поцелуи, ласки, из которых рождается болезненная красота истинной любви. Эти представления причиняли ему боль намного более сильную, чем раны, полученные на площади.

Хви вздернула подбородок и посмотрела в глаза Лето. Он увидел в ее взгляде сострадание и стремление помочь ему.

— Как еще могу я служить тебе, мой господин?

Он напомнил себе, что она — человек, человек, которым он в полной мере больше не является. С каждой минутой эта разница становилась все больше и больше.

В душе его поднялась сильная боль.

Хви была неизбежной реальностью, такой земной и такой первобытной, что ее нельзя было

выразить никакими словами. Душевная боль стала почти невыносимой.

— Я люблю тебя, Хви. Я люблю тебя так, как мужчина любит женщину… но между нами невозможна близость. Ее не будет никогда.

По ее щекам заструились слезы.

— Я должна уехать? Мне надо вернуться на Икс?

— Они станут мучить тебя, стараясь узнать причину, по которой провалились их планы.

Она видела мою боль, подумал он. *Она знает всю тщетность усилий, она подавлена. Что же она станет делать? Она не солжет. Не скажет, что возвращает мне любовь, как женщина мужчине. Она понимает всю бесполезность наших отношений в земном смысле. Но она знает и свои чувства в отношении меня — сочувствие, благоговение, жажда познания, которая не знает страха.*

— Тогда я остаюсь, — сказала она. — Мы будем извлекать из нашего общения ту радость, которая будет нам доступна. Это самое лучшее, что мы сможем сделать. Если для этого нам надо пожениться, то пусть будет так.

— В этом случае я должен поделиться с тобой теми знаниями, которыми я никогда и ни с кем не

делился, — сказал он. — Я дам тебе такую власть над собой, которой…

— Не делай этого, господин! Вдруг кто-нибудь принудит меня…

— Отныне ты никогда не покинешь моего дома. Твоим домом станет это подземелье, Цитадель, потайные места в Сарьире.

— Пусть исполнится твоя воля.

Как открыто и спокойно принимает она свою судьбу.

Надо успокоить эту пульсирующую боль. Она угрожает ему и Золотому Пути.

Эти умные иксианцы!

Малки понимал, как обстоятельства вынуждают власть имущих постоянно подвергаться искушению сирен, как это нужно властителям для довольства собой.

Это постоянное осознание силы и власти, присутствующих в самом незначительном жесте.

Хви приняла его молчание за неуверенность.

— Мы поженимся, мой господин?

— Да.

— Надо ли предпринять что-то в отношении тлейлаксианских россказней о…

— Не надо ничего предпринимать.

Она внимательно посмотрела на него, при-

помнив их предыдущий разговор. *Сеется семя распада.*

— Я боюсь, господин, что могу ослабить тебя, — сказала Хви.

— Значит, тебе надо найти способ сделать меня сильнее.

— Станешь ли ты сильнее, если мы немного уменьшим огонь веры в Бога Лето?

Лето подумал, что в этом высказывании было что-то от духа Малки. Именно такие замечания делали его особенно очаровательным. *Мы никогда не сможем избавиться от того, чему нас научили в детстве.*

— Твой вопрос требует ответа, — сказал Лето. — Многие будут поклоняться мне так, как задумал я. Многие же станут верить лжи.

— Господин… ты станешь просить меня лгать ради тебя?

— Конечно нет. Но могу попросить тебя хранить молчание тогда, когда тебе очень захочется говорить.

— Но если они будут поносить тебя?

— Ты не станешь протестовать.

По щекам Хви снова потекли слезы. Как хотелось Лето утереть их… но это была вода, смертельная для него вода.

— Все будет делаться именно так, — сказал Лето.

— Ты все объяснишь мне, господин?

— Когда меня не станет, они должны будут объявить меня Шайтаном, Императором геенны. Но колесо будет безостановочно катиться по Золотому Пути.

— Господин, но, может быть, гнев будет направлен не на меня одну? Я не…

— Нет! Иксианцы сделали тебя более совершенной, чем задумали. Я воистину люблю тебя, и с этим уже ничего нельзя поделать.

— Я не желаю причинять тебе боль! — В словах Хви прозвучала неподдельная мука.

— Что сделано, то сделано. Обратной дороги нет.

— Помоги мне понять.

— Та ненависть, которая возникнет после моей смерти, тоже уляжется и отойдет в прошлое. Пройдет много времени. Затем в один прекрасный день люди найдут мои записки.

— Записки? — Хви была удивлена такой сменой темы разговора.

— Хронику моего времени. Мои аргументы, мою апологию. Существуют копии и сохранятся фрагменты и обрывки, некоторые в искаженной

форме, но оригиналы тоже сохранятся и будут ждать своего времени. Я хорошо спрятал их.

— И что будет, когда их найдут?

— Люди узнают, что я был совсем не таким, каким они меня себе представляли.

Голос Хви превратился в трепетный шепот:

— Мне уже известно то, что они узнают.

— Да, моя дорогая Хви. Я тоже так думаю.

— Ты не Бог и не дьявол. Таких, как ты, не было и нет, ты — тот, кто устраняет необходимость.

Она вытерла слезы.

— Хви, ты представляешь, насколько ты опасна?

Ее взгляд выразил тревогу, руки застыли в напряжении.

— Ты совершаешь поступки святой, — сказал он. — Ты понимаешь, как опасно появление святого в ненужное время в неподходящем месте?

Она отрицательно покачала головой.

— Люди должны быть готовы к появлению святого, — сказал он. — В противном случае они становятся слепыми последователями, попрошайками, фанатиками, которые прячутся в тени святого. Это уничтожает людей, ибо питает их слабость.

После минутного размышления она согласно

кивнула головой.

— Появятся ли святые после того, как тебя не станет?

— В этом и заключается цель моего Золотого Пути.

— Дочь Монео, Сиона, — она тоже…

— Пока она только мятежница. Что касается святости, то мы позволим ей самой сделать выбор. Возможно, она сделает только то, ради чего родилась.

— Ради чего, господин?

— Перестань называть меня господином, — сказал он. — Мы Червь и его супруга. Зови меня Лето, если это тебе больше нравится. Господин мешает общению.

— Да, гос… Лето. Но в чем…

— Сиона была рождена для того, чтобы править. В такой селекции заключается определенная опасность. Начав править, познаешь вкус власти. Это может, в свою очередь, привести к непростительной безответственности, к неприятным эксцессам, и на поверхность выплывет страшный разрушитель — дикий гедонизм.

— Сиона…

— Все, что мы знаем о Сионе, — это то, что она может остаться привержена своему нынешнему

поведению, которое наполняет все ее чувства. Она по необходимости аристократка, но аристократия большей частью обращает свои взоры к прошлому. Это залог неудачи. Ты не сможешь разглядеть путь, лежащий перед тобой, если будешь, подобно Янусу, смотреть одновременно вперед и назад.

— Янус? А, это бог, два лица которого направлены в противоположные стороны. — Она облизнула губы. — Ты Янус, Лето?

— Я — Янус, увеличенный в миллиарды раз. Но я и меньше, чем этот двуликий бог. Например, я обладал свойством, которое приводило в восторг всех моих администраторов, — все мои решения были выполнимы и действенны.

— Но если ты потерпишь неудачу, то…

— Это верно, тогда они все обратятся против меня.

— Заменит ли тебя Сиона, если ты…

— Ах, какое это огромное если! Ты же видишь, что Сиона угрожает самому моему существованию. Но она не представляет собой угрозы Золотому Пути. Остается также фактом то, что мои Говорящие Рыбы очень привязаны к Дункану.

— Сиона кажется такой юной.

— Я же играю роль обманщика, который притворяется, что полностью игнорирует нужды своего народа.

— Может быть, мне стоит поговорить с ней и попытаться…

— Нет, ты не должна в чем бы то ни было убеждать Сиону. Пообещай мне это, Хви.

— Если ты просишь, то я, конечно, соглашусь, но я…

— У всех богов возникают такие проблемы. Воспринимая глубокие потребности, я часто жертвую сиюминутными. Такое пренебрежение оскорбляет молодых.

— Но разве ты не можешь разумными доводами…

— Никогда не пытайся с помощью разума отговорить человека от чего бы то ни было, если он искренне считает, что он прав.

— Но если ты точно знаешь, что он не прав.

— Ты веришь в меня?

— Да.

— Ну а если кто-нибудь попытается убедить тебя в том, что я — величайшее на свете зло…

— Я очень рассержусь, я… — Она замолчала.

— Разум ценен тогда, когда приходится иметь дело с бессловесной материей, основой вселен-

ной.

Размышляя, Хви нахмурила брови. Лето наслаждался, видя, как пробуждается ее осознание.

— Ни одно разумное создание никогда не посмеет отрицать опыт Лето, — сказал он. — Я вижу, что начинает просыпаться твое понимание. Начинает! Начало! Вот в чем заключается суть любой жизни!

Она согласно кивнула.

Никаких споров. Когда она нападет на след, она последует по нужному пути до конца.

— До тех пор, пока существует жизнь, любой конец будет одновременно означать начало. Я же спасу человечество от него самого.

Она снова кивнула. Движение началось.

— Отсюда следует, что никакая смерть не может означать неудачу, которая якобы постигла умершего, — сказал он. — Именно поэтому самые трепетные чувства у нас вызывает рождение нового человека. Вот почему самая трагичная смерть — это смерть юного создания.

— Икс все еще угрожает твоему Золотому Пути? Я всегда знала, что они замышляют против него какое-то зло.

Они плетут заговор. Хви не понимает глубинного смысла слов, которые сама же и произнесла.

У нее нет нужды их слышать.

Он внимательно посмотрел на нее, полный ощущения чуда, которое являла собой Хви в его глазах. Девушка обладала той формой честности, которую многие назвали бы наивной, но которую сам Лето предпочел бы назвать честностью, лишенной себялюбия. Честность не была чертой ее характера. Она сама была честностью.

— Завтра я устраиваю на площади представление, — сказал Лето. — Выступать будут уцелевшие Танцующие Лицом. После этого будет объявлено о нашей помолвке.

Пусть ни у кого не будет сомнений в том, что я – собрание моих предков, арена, на которой протекает их активное существование. Они – мои клетки, а я – их тело. Это душа, коллективное бессознательное, источник архетипа, хранилище душевных травм и радостей. Я выбираю за них, когда им просыпаться. Мои состояния души – это состояния их душ. Их знания кристаллизуются в моей наследственности. Миллиарды этих людей составляют мою целостность и единство.

(Похищенные записки)

Представление Танцующих Лицом продолжалось около двух часов, после чего прозвучало объявление, повергшее в шок всех обитателей Города Празднеств.

— Прошли столетия с тех пор, как у него в последний раз была невеста!

— Дорогая моя, прошла целая тысяча лет.

Собрание Говорящих Рыб было кратким. Несмотря на шумное ликование, они были встревожены.

«Вы — мои единственные невесты». Так он говорил, но, значит, это не было истинным смыслом

Сиайнока?

Лето рассудил, что Танцующие Лицом выступали весьма хорошо, несмотря на то что были объяты диким страхом. Костюмы нашлись в подвалах фрименского музея — черные накидки с капюшонами, белые веревочные пояса, распростерший крылья зеленый ястреб на плечах — форма бродячих священников Муад'Диба. Танцующие Лицом надели на себя маски иссеченных песками лиц, рассказав в танце о том, как Муад'Диб со своими легионами насаждал свою религию во всей Империи.

Во время представления Хви, одетая в блестящее серебристое платье, украшенное жадеитовым ожерельем, сидела рядом с Лето на его тележке. Один раз она склонилась к нему и спросила:

— Это не пародия?

— Вероятно, лишь для меня.

— Знают ли об этом Танцующие Лицом?

— Они подозревают об этом.

— Значит, они не так напуганы, как хотят показать?

— О нет, они очень напуганы. Просто они храбрее, чем думает большинство людей.

— Храбрость может так близко граничить с

глупостью, — прошептала Хви.

— И наоборот.

Она окинула оценивающим взглядом Лето и вновь обратила свое внимание на арену. В живых остались около двухсот Танцующих Лицом. Все они участвовали в танце. Сложные волнообразные движения их тел завораживали зрителей. Наблюдая за их представлением, можно было забыть о кровавой драме, разыгравшейся накануне ночью.

Лето вспомнил об этом незадолго до полудня, когда лежал в приемном зале, ожидая прихода Монео. Монео к этому времени успел проводить Преподобную Мать Антеак в порт Гильдии, обсудил с командирами Говорящих Рыб результаты вчерашнего побоища и слетал в Цитадель, где удостоверился, что Сиона по-прежнему находится под надежной охраной и не участвовала в событиях у иксианского посольства. Он вернулся в Онн после оглашения помолвки, о которой никто заранее не поставил его в известность.

Монео пришел в неописуемую ярость. До сих пор Лето никогда не приходилось видеть своего мажордома в таком гневе. Он ворвался в зал, как вихрь, и остановился всего лишь в двух метрах от лица Императора.

— Теперь все поверят в тлейлаксианскую ложь! — крикнул он без всяких предисловий.

В ответ Лето заговорил спокойным и рассудительным тоном:

— Как прочно укоренилось в народе мнение о том, что боги должны быть совершенны. Греки в этом отношении были гораздо более разумны.

— Где она? — спросил Монео. — Где эта…

— Хви отдыхает. Была очень трудная ночь и долгое утро. Я хочу, чтобы она хорошенько отдохнула, прежде чем мы отправимся в Цитадель.

— Как она ухитрилась все это устроить? — не унимался мажордом.

— Монео, ты что, совсем утратил свою обычную осторожность?

— Я обеспокоен вами! Вы имеете хотя бы малейшее понятие о том, что говорят в городе?

— Я полностью осведомлен об этих россказнях.

— Что вы делаете?

— Знаешь, Монео, только древние пантеисты имели верное представление о сути Божественного — смертные несовершенства в бессмертном облачении.

Монео воздел руки к небу.

— Я видел взгляды этих людей! — Он опустил руки. — Все это разнесется по Империи за какие-

нибудь две недели.

— Нет, это займет немного больше времени.

— Если вашим врагам и нужен был повод, чтобы собрать воедино…

— Ниспровержение богов — это старая человеческая традиция, Монео. Почему я должен стать исключением из правила.

Монео попытался заговорить, но совершенно потерял дар речи и не смог вымолвить ни слова. Он прошелся вдоль углубления, в котором находилась тележка, и вернулся на прежнее место.

— Если я должен чем-то помочь вам, то нуждаюсь для этого в объяснениях, — произнес Монео. — Зачем вы это делаете?

— Эмоции.

Губы Монео пошевелились, но он промолчал.

— Они проявились во мне тогда, когда я вообразил, что они покинули меня навеки, — сказал Лето. — Как сладки для меня эти последние глотки человечности.

— С Хви? Но вы же совершенно определенно не можете…

— Одной памяти об эмоциях всегда мало, Монео.

— Вы хотите мне сказать, что позволили себе погрузиться в…

— Позволил себе расслабиться? Вовсе нет. Тренога, на которой раскачивается вечность, состоит из плоти, мыслей и эмоций. Я почувствовал, что ограничен плотью и мыслями.

— Она явно затеяла какую-то подлость, — обвиняющим тоном сказал Монео.

— Конечно, затеяла. И как же я благодарен ей за это. Если мы начинаем отрицать мышление, Монео, как делают некоторые, то теряем силу рефлексии; мы не можем определить, что говорят нам наши чувства. Если мы отрицаем плоть, то лишаем колес повозку, на которой пытаемся ехать. Но отрицая эмоции, мы теряем всякий контакт со своим внутренним миром. Я больше всего на свете соскучился по эмоциям.

— Я настаиваю, господин, чтобы вы…

— Ты начинаешь злить меня, Монео. Кстати, это тоже эмоция.

Лето заметил, что ярость Монео начала утихать, он остывал, словно брошенный в воду кусок раскаленного железа. Однако пар продолжал идти.

— Я беспокоюсь не о себе, господин. Я переживаю за вас, и вы это хорошо знаете.

— Это твои эмоции, Монео, и я очень высоко ценю их, — мягко проговорил Лето.

Мажордом прерывисто вздохнул. Ему нико-

гда не приходилось видеть своего повелителя в таком состоянии — с такими эмоциями. Лето был в приподнятом настроении и одновременно довольно зол, если, конечно, Монео правильно оценил поведение Бога-Императора. Впрочем, разве в этом можно быть уверенным?

— То, что делает жизнь сладостной, — сказал Лето, — то, что согревает ее и наполняет красотой, то, что я сохраню, даже если оно отринет меня.

— Значит, эта Хви Нори…

— Она заставила меня мучительно вспомнить бутлерианский джихад. Она — антитеза всему механическому и бесчеловечному. Как странно, Монео, что иксианцы, именно они одни, смогли произвести на свет человека, который настолько полно воплотил в себе эти черты, что я полюбил его от всего сердца.

— Я не понимаю ваших ассоциаций с бутлерианским джихадом, мой господин. Думающие машины не существуют в…

— Целью джихада были не только машины, но и машинное отношение, — сказал Лето. — Люди сделали эти машины, чтобы узурпировать наше чувство прекрасного, нашу индивидуальность, на основе которой мы выносим наши суждения. Естественно, и машины были уничтожены.

— Господин, мне все равно не нравится ваше радушие, с каким вы…

— Монео, Хви убеждает меня в своей правдивости одним своим присутствием. Впервые за многие столетия я не чувствую своего одиночества, пока она находится рядом со мной. Этого было бы достаточно даже если бы у меня не было других доказательств.

Монео замолчал, очевидно, тронутый упоминанием об одиночестве Лето. Естественно, Монео мог понять чувство неразделенной любви. У него самого был в этом отношении довольно богатый опыт.

Впервые за много лет Лето, в свою очередь, заметил, как постарел Монео.

Как неожиданно для них это происходит, подумал Император.

Подумав так, Лето понял, как много его заботит судьба Монео.

Я не должен позволять привязанности овладевать мной, подумал Лето, *но я не могу ничего поделать, особенно когда рядом Хви.*

— Над вами будут смеяться и делать непристойные жесты, — сказал Монео.

— Это очень хорошо.

— Как можно это назвать хорошим?

— Это что-то новое. Наша задача — это приводить новое в равновесие со старым и модифицировать поведение, но не подавлять приверженцев старого.

— Даже если это и так, то как можно приветствовать такое поведение?

— Непристойные жесты? — спросил Лето. — Но что противоположно непристойности?

В глазах Монео внезапно отразилось испытующее понимание. Он разглядел взаимодействие полярных сил — вещь познается своей противоположностью.

Любой предмет четко виден на контрастном фоне, подумал Лето. *Несомненно, Монео увидит это.*

— То, что вы говорите, очень опасно, — произнес мажордом.

Окончательный приговор консерватизма!

Ему не удалось убедить Монео. Мажордом тяжко вздохнул.

Я должен помнить, что их нельзя лишать сомнений, подумал Лето. *Именно так я потерпел неудачу с Говорящими Рыбами на площади. Иксианцы умело держатся на поверхности, используя зазубрины человеческих сомнений. Свидетельство тому — Хви.* В вестибюле зала, за запертой

дверью, послышался какой-то шум.

— Это прибыл мой Дункан, — сказал Лето.

— Видимо, он услышал о ваших планах…

— Вероятно.

Лето видел, как Монео борется со своими сомнениями, мысли его были абсолютно прозрачны. В этот момент Монео так точно подходил своему человеческому положению, что Лето захотелось его обнять.

Он обладает всем спектром человечности: от сомнения до веры, от любви до ненависти… он охватывает все! Это все те качества, которые плодоносят, удобренные и согретые эмоциями, обусловленные желанием жить настоящей Жизнью.

— Почему Хви приняла это предложение? — спросил Монео.

Лето улыбнулся. *Монео не может сомневаться во мне; он должен сомневаться в других.*

— Я признаю, что это не вполне обычный союз. Хви примат, а я уже не принадлежу к отряду приматов.

Монео снова пришлось бороться с вещами, которые он чувствовал, но не был способен высказать.

Глядя на Монео, Лето почувствовал, как его

созерцаемые изменения чужого поведения заструились в его сознании мощным потоком — этот ментальный процесс происходил настолько редко и с такими обильными и живыми ощущениями, что, когда это случалось, Лето боялся шевелиться, чтобы не замутить великолепную картину.

Приматы мыслят и выживают именно с помощью своего мышления. В основе этого мышления лежит нечто, что появилось вместе с клетками. Это поток человеческой озабоченности судьбами вида. Иногда примат прикрывает этот поток, окружает его непроницаемым барьером и тщательно прячет, но я намеренно сенситизировал Монео к такой работе его самого сокровенного «я». Он следует за мной, потому что считает, что именно я веду человечество по пути выживания. Он знает это на уровне своего клеточного сознания. И я нахожу это, когда смотрю на Золотой Путь. Это очень по-человечески, и мы оба согласны в одном: этот путь должен продолжаться!

— Где, когда и как будет проходить брачная церемония? — спросил Монео.

Он не спросил: «Почему?» Монео больше не задавал себе этот вопрос и не искал понимания,

вернувшись на твердую для себя почву. Он снова стал мажордомом, управляющим хозяйством Бога-Императора, первым министром.

Он владеет существительными, глаголами, частицами, с помощью которых оперирует действительностью. Слова выступают для него в своем исконном смысле и со своими обычными функциями. Монео никогда не использует трансцендентный потенциал своих слов, но зато хорошо понимает их повседневный, обыденный смысл.

— Так что вы ответите на мой вопрос? — настаивал на своем Монео.

Лето взглянул на него, подумав: *Я, напротив, чувствую, что слова в наибольшей степени полезны, когда открывают для меня отблеск притягательных и неоткрытых мест. Но это употребление слов настолько мало понимается современной цивилизацией, которая продолжает верить в механистическую вселенную абсолютных причин и следствий, очевидно сводимых к корневой причине и единственному следствию этой причины.*

— Ты надоедлив, как софизмы, которые иксианцы и их коллеги с Тлейлаксу навязывают человечеству, — заявил Лето.

— Господин, я очень сильно расстраиваюсь, когда вы не обращаете внимания на очень важные вещи.

— Я обращаю на них внимание, Монео.

— Но не на меня.

— Даже на тебя.

— Ваше внимание блуждает, господин. Вам нет необходимости скрывать это от меня. Я предам себя прежде, чем предам вас.

— Ты считаешь, что сейчас я витаю в облаках?

— Что… в облаках? — переспросил Монео. Раньше он никогда не задавал такого вопроса, но теперь…

Лето объяснил иносказание, подумав при этом: *Как это старо!* В мозгу Лето взревели винты самолетов. *Шкуры для одежды… охотники… скотоводы… долгий подъем по лестнице понимания… а теперь им предстоит сделать еще один, очень большой шаг, еще больший, чем древним.*

— Вы предались праздным мыслям, — произнес с укоризной Монео.

— У меня есть время для праздных мыслей. Эта, например, очень интересна — она касается меня, как единичной множественности.

— Но, господин, есть вещи, которые требуют нашего…

— Ты бы очень удивился, узнав, что иногда получается из праздных мыслей. Я никогда не гнушался целыми днями раздумывать о вещах, которым обычный человек не потрудился бы уделить и нескольких минут. Но почему бы и нет? При моей ожидаемой продолжительности жизни около четырех тысяч лет, значит ли что-нибудь один день? Сколько длится нормальная человеческая жизнь? Она длится около одного миллиона минут. Я уже прожил столько дней.

Монео, подавленный таким сравнением, застыл в молчании. Он вдруг осознал, что его жизнь меньше пылинки в глазах Лето. В действительности он прекрасно понимал иносказания.

Слова… слова… слова… подумал Монео.

— В сфере чувств слова почти всегда бесполезны, — продолжал вещать Лето.

Монео почти перестал дышать. *Бог-Император может читать мысли.*

— В течение всей нашей истории, — продолжал между тем Лето, — самой значительной функцией слов было окружать собой некие трансцендентные события, отводить для них место в хрониках и объяснять события таким образом, что когда в следующий раз мы употребляли эти слова, то говорили: ага, они обозначают такое-то

и такое-то событие.

Монео был уничтожен этими речами, ужаснувшись непроизнесенным словам, которые заставили его напряженно думать.

— Именно так события исчезают для истории, — сказал Лето.

После долгого молчания Монео снова отважился заговорить:

— Вы так и не ответили на мой вопрос, господин. Как быть со свадьбой?

Каким утомленным он выглядит, подумал Лето. *На его лице печать поражения.*

Император быстро заговорил:

— Твоя служба нужна мне сейчас как никогда раньше. Бракосочетание должно пройти на высшем уровне. Только ты сможешь обеспечить это.

— Где будет проходить церемония, господин?

Его голос немного оживился.

— В деревне Тибур, в Сарьире.

— Когда?

— Выбор даты я предоставляю тебе. Ты сообщишь ее, когда все будет готово.

— Как будет проходить церемония?

— Я проведу ее сам.

— Нужны ли будут вам помощники, господин? Какие-нибудь приспособления или предметы?

— Ритуальные побрякушки?

— Какие-нибудь вещи, о которых я…

— Нам не потребуется много для этой маленькой шарады.

— Господин, я умоляю вас!

— Ты будешь стоять рядом с невестой и передашь ее мне, — сказал Лето. — Мы проведем обряд по старинному фриженскому обычаю.

— Нам потребуются водяные кольца, — сказал Монео.

— Да, я воспользуюсь водяными кольцами Гани.

— Кто будет присутствовать на бракосочетании, господин?

— Только караул гвардии Говорящих Рыб и аристократия.

Монео изумленно уставился в лицо Лето.

— Что? Кого господин имеет в виду под аристократией?

— Тебя, твою семью, свиту, придворных Цитадели.

— Мою… — Монео судорожно глотнул. — Вы включаете сюда… Сиону?

— Да, если она перенесет испытание.

— Но…

— Она что, не член твоей семьи?

— Да, она из Атрейдесов и…

— Тогда мы безусловно включаем Сиону в число гостей.

Монео достал из кармана металлический блокнот — еще одно иксианское изобретение из проскрипций бутлерианского джихада. Мягкая усмешка коснулась губ Лето. Монео знает свои обязанности и исполнит их наилучшим образом.

Было слышно, как Айдахо громко недоумевает за дверью по поводу своего затянувшегося ожидания, однако Лето игнорировал этот шум.

Монео знает цену своим привилегиям, подумал Лето. *Это тоже своего рода женитьба — привилегий и обязанностей. Это объяснение аристократа и его извинения.*

Монео тем временем закончил запись.

— Несколько деталей, господин, — сказал он. — Будет ли какой-то особый наряд для Хви?

— Защитный костюм и накидка фрименской невесты — и то и другое подлинное.

— Ювелирные украшения и другие побрякушки?

Лето посмотрел на пальцы Монео, постукивавшие по крышке блокнота. Он увидел в них признаки разложения и тлена.

Лидерские способности, мужество, чувство

порядка и знания — всем этим Монео обладает в избытке. Они окружают его, как священная аура, но только мои глаза способны различить гниение, скрытое под этой блестящей оболочкой. Это неизбежно. Если меня не станет, то это немедленно станет видно всем.

— Господин! — окликнул Императора Монео. — Теперь вы опять витаете в облаках?

Ага! Ему понравилось это выражение!

— Это все, — подытожил Лето. — Только накидка, защитный костюм и водяные кольца.

Монео поклонился и направился к выходу.

Теперь он смотрит вперед, подумал Лето, *но даже эта новость пройдет. Он снова обратится к прошлому. А я возлагал на него такие большие надежды. Но… возможно, Сиона…*

«Не создавайте героев», – сказал мой отец.

(Голос Ганимы, Устное Предание)

Даже по тому, как Айдахо пересек малый зал, по его громкому требованию аудиенции Лето видел, какая трансформация произошла с гхола. Это повторялось так много раз, что стало привычным. Этот Дункан даже не поприветствовал уходящего Монео. Все укладывалось в обычный, неизменный паттерн. Как же скучны эти повторы одного и того же из века в век!

Лето даже придумал название для этого явления: «Синдром с тех пор, как…»

Гхола очень часто питали себя подозрениями о тайных вещах, которые произошли в мире за много веков забытья, которые прошли с тех пор, как они последний раз были в сознании. Что делало человечество все это время? Почему востребовали меня, жалкий реликт далекого прошлого? Ни одно «я» не может преодолевать в течение долгого времени такие сомнения — особенно склонны к сомнениям мужчины.

Один из гхола даже обвинил Лето: «Вы вложили в мое тело такие вещи, о которых я ничего не знаю! Эти вещи говорят вам обо всем, что я делаю. Вы всегда за мной шпионите!»

Другой обвинил Лето в том, что в него заложили манипуляционный механизм, который заставляет гхола хотеть того, чего желает его хозяин.

Раз начавшись, синдром «с тех пор, как...» неуклонно прогрессировал и его было очень трудно ликвидировать. Его можно было смягчить, обратить, но семена сомнения оставались и давали бурные всходы при каждой провокации.

Айдахо остановился на том же месте, где только что стоял Монео. Его глаза, поза, разворот плеч — все выдавало подозрение. Лето намеренно позволил Айдахо медленно кипеть дальше, ожидая, когда процесс захватит голову. Айдахо взглянул в глаза Лето, потом отвернулся и принялся с преувеличенным вниманием разглядывать помещение. За этим взглядом Лето тотчас же узнал знакомую повадку.

Дунканы ничего не забывают!

Рассматривая помещение и пользуясь при этом способами, которым научили его госпожа Джессика и ментат Суфир Хават, Айдахо ощутил тошнотворное чувство смещения. Он подумал, что помещение отвергает его. Каждая вещь — мягкие подушки, круглые золотистые, зеленые и красные сосуды, фрименские ковры, музейный антиквариат, расположенный стопками вокруг

тележки Лето, искусственный солнечный свет, лившийся из иксианских светильников, свет, заливавший лицо Бога сухим теплым сиянием, оставлявшим по краям капюшона темные таинственные тени, запах чая с Пряностью и даже запах меланжи, которые источало исполинское тело Червя. Айдахо почувствовал, что слишком много событий произошло с тех пор, как тлейлаксианцы отдали его на милость Лули и Друга в той клетке с голыми безрадостными стенами.

Слишком много… Слишком много…

Действительно ли я нахожусь здесь? — подивился он. *Это я? Что представляют собой те мысли, которые находятся у меня в голове?*

Он внимательно всмотрелся в огромное покоящееся тело, спрятанное в густой тени и покоящееся на тележке, поставленной в углублении. Сам покой этой живой массы говорил об огромной энергии, которая может выплеснуться путем, недоступным пониманию простого смертного.

Айдахо слышал о нападении на иксианское посольство, но Говорящая Рыба, рассказавшая об этом, высказывалась очень туманно, говоря о сошедшем с небес Боге, скрывая все технические подробности.

— Он налетел на них сверху и разил грешников,

устроив страшное побоище.

— Как он это делал? — спросил Айдахо.

— Это был разгневанный Бог, — ответила рассказчица.

Разгневанный, подумал Айдахо. *Было ли это из-за Хви?* Каких только историй он не наслушался! Ни одной из них было невозможно поверить. Хви выходит замуж за это большое… Это невозможно! Не может милая Хви, исполненная нежной деликатности… *Он играет в какую-то страшную игру… испытывая нас…* Не было в эти времена мира, нет честной и надежной реальности, если только поблизости нет Хви. Все остальное в этом мире — чистое безумие.

Когда Айдахо вновь всмотрелся в лицо Лето — лицо чистокровного Атрейдеса — чувство смещения в месте и времени только усилилось. Интересно, сможет ли он усилием мозга проникнуть сквозь призрачные барьеры и припомнить опыты всех гхола Дунканов Айдахо?

О чем они думали, когда переступали порог этого помещения? Чувствовали ли они то же смещение, ту же отчужденность?

Может быть, для этого потребуется всего одно усилие.

У него началось головокружение, и он подумал,

что может сейчас упасть в обморок.

— Что-то не так, Дункан? — Голос был мягким и успокаивающим.

— Я потерял чувство реальности, — ответил Айдахо. — Я не принадлежу этому миру.

Лето предпочел прикинуться непонимающим.

— Но мои гвардейцы доложили, что ты явился сюда по собственному желанию, что ты прилетел из Цитадели и потребовал немедленной аудиенции.

— Я говорю о том, что происходит именно сейчас, здесь — в этот момент!

— Но ты нужен мне.

— Для чего?

— Оглядись, Дункан. Способы, которыми ты можешь помочь мне, столь многочисленны, что ты не справишься за один раз.

— Но ваши женщины не позволяют мне сражаться! Каждый раз, когда я хочу отправиться…

— Ты ставишь под вопрос то обстоятельство, что больше нужен мне живой, нежели мертвый? — Лето усмехнулся и продолжил: — Используй свой ум, Дункан, я очень это ценю.

— А также сперму. Ее вы тоже цените очень высоко.

— Своей спермой ты волен распоряжаться по

своему усмотрению.

— Я не оставлю после себя вдову с сиротой, как…

— Дункан, я же сказал, что выбор за тобой.

Айдахо сглотнул слюну.

— Вы совершаете преступление, оживляя нас, даже не спрашивая, хотим мы этого или нет.

Это был новый поворот в мышлении Дунканов. Лето посмотрел на Айдахо с проснувшимся интересом.

— В чем же состоит это преступление?

— О, я слышал, как вы высказывали свои сокровенные мысли, — начал свое обвинение Айдахо. Он через плечо ткнул большим пальцем в сторону двери. — Вы знаете, что в вестибюле даже при закрытой двери слышно каждое ваше слово?

— Конечно, слышно, когда я этого хочу.

Но только мои записки слышат мои сокровенные мысли.

— Но я, однако, хотел бы все-таки знать, в чем состоит мое преступление.

— Сейчас время, когда ты живешь, Лето, время, когда ты жив. Время, когда ты должен жить. Оно может быть волшебным, это время, пока ты живешь в нем. Ты знаешь, что оно никогда не повторится и ты его не увидишь снова.

Лето прищурился, слушая Дункана. Слова будили воспоминания.

Айдахо поднял руки ладонями вверх на уровень груди, как нищий, просящий милостыню и знающий, что он ничего не получит.

— Потом ты просыпаешься и вспоминаешь, как умирал… вспоминаешь бродильный чан с аксолотлями… видишь ненавистных тлейлаксианцев, которые будят тебя… предполагается, что все начнется сначала. Но ничто не начинается. Никогда. Это преступление, Лето.

— Ты хочешь сказать, что я отнял волшебство?

— Да!

Айдахо опустил руки и сжал кулаки. Он чувствовал, что стоит на пути водопада, и если он расслабится хоть немного, то этот водопад сметет его.

А что можно сказать о моем времени? — думал тем временем Лето. *Оно ведь тоже никогда не повторится. Но Дунканы не поймут разницы.*

— Что так скоро привело тебя сюда из Цитадели? — спросил Лето.

Айдахо сделал глубокий вдох.

— Неужели это правда? Вы собираетесь жениться?

— Это правда.

— На Хви Нори, иксианском после?

— Верно.

Айдахо окинул взглядом распростертое на тележке тело Лето.

Они всегда ищут гениталии, подумал Лето. *Наверное, мне надо сделать на нужном месте большой выступ, чтобы они испытали шок от удивления.* Он едва сумел удержаться от смеха, настолько позабавила его эта идея. *Вот и еще одна эмоция. Спасибо тебе, Хви. Спасибо вам, иксианцы.*

Айдахо покачал головой:

— Но ведь вы…

— В женитьбе важен не только секс, — сказал Лето. — Будем ли мы иметь детей плоти? Нет. Но эффект этого союза будет очень глубоким.

— Я слышал, как вы разговаривали с Монео, — сказал Айдахо. — Мне показалось, что это своего рода шутка…

— Осторожнее, Дункан!

— Вы действительно любите ее?

— Ни один мужчина еще не любил так женщину.

— Но она? Она…

— Она чувствует сострадание, потребность разделить мою судьбу, дать мне все, что она может

дать. Такова ее природа.

Айдахо едва сумел подавить чувство отвращения.

— Монео прав. Теперь все поверят в тлейлаксианские россказни.

— Это один из глубинных эффектов.

— И вы все еще хотите, чтобы я стал супругом Сионы?

— Тебе известно мое желание, но выбор за тобой.

— Кто такая эта Наила?

— Ты познакомился с Наилой? Это хорошо.

— Они с Сионой как сестры. Но она же настоящий чурбан! Что там делается, Лето?

— А что, по-твоему, там должно делаться? И какое это для тебя имеет значение?

— Я впервые в жизни встречаю такое грубое животное в образе человеческом. Она напоминает мне Зверя Раббана. Никогда бы не сказал, что это женщина, если бы она не…

— Ты встречал ее раньше. В первый раз она представилась тебе как Друг.

Айдахо притих, как зверек, почуявший приближение ястреба.

— Значит, вы доверяете ей, — сказал Айдахо.

— Доверяю? Что значит доверие?

Момент приближается, подумал Лето. Он видел, как идея принимает форму в мозгу Айдахо.

— Доверие — это залог верности, — произнес Айдахо.

— Такой, как между тобой и мной? — спросил Лето.

Горькая усмешка тронула губы Айдахо.

— Так вот что вы делаете с Хви Нори? Женитьба, залог…

— Хви и я доверяем друг другу.

— Вы доверяете мне, Лето?

— Если я не смогу доверять Дункану Айдахо, то не смогу доверять никому.

— А если я не могу доверять вам?

— Тогда мне жаль тебя.

Айдахо испытал почти физическое потрясение. Глаза его широко открылись в немом вопросе. Он жаждал доверия. Он жаждал чуда, которое никогда не повторяется.

Айдахо показал рукой на дверь, мысли его приняли странное направление.

— Нас слышно в вестибюле?

— Нет. — *Но это слышат мои записки.*

— Монео был в ярости. Это видели все. Но отсюда он вышел как послушный ягненок.

— Монео аристократ. Он обручен с долгом, с

ответственностью. Когда он вспоминает об этом, весь его гнев улетучивается.

— Вот как вы его контролируете, — сказал Айдахо.

— Он сам себя контролирует, — произнес Лето, вспомнив, как Монео записывал его распоряжения, время от времени отрывая глаза от блокнота. Он делал это не для того, чтобы получить поощрение, а чтобы подстегнуть свое чувство долга.

— Нет, — возразил Айдахо, — это не он контролирует себя, а вы — его.

— Монео запер себя в прошлом. Это сделал не я.

— Но он аристократ… Атрейдес.

Лето вспомнил стареющее лицо Монео, думая о том, что аристократ откажется исполнить свой последний долг — отойти в сторону и исчезнуть во тьме истории. Его придется отодвинуть силой и он будет отодвинут. Еще ни разу ни один аристократ не одолел требований времени и не изменился в соответствии с ними.

Айдахо, однако, еще не закончил.

— Вы аристократ, Лето?

Тот в ответ только улыбнулся и добавил:

— Аристократ уже давно умер во мне, — и подумал при этом: *Привилегии становятся причиной*

надменности. Надменность приводит к несправедливости. Всходят семена разрушения.

— Видимо, я не буду присутствовать на вашем бракосочетании, — сказал Айдахо. — Я никогда не причислял себя к аристократам.

— Но ты был им. Ты был аристократом меча.

— Пауль был лучше вас, — произнес Айдахо.

Лето заговорил голосом Муад'Диба:

— Это от того, что ты был моим учителем! — Он снова вернул себе свой обычный голос: — Молчаливый долг аристократа — учить, иногда своим ужасным примером.

Он подумал: *Гордость за происхождение вырождается в нищету духа и слабость кровосмешения. Открывается путь для гордыни, обусловленной богатством и свершениями. Вступайте в ряды нуворишей и въезжайте во власть, как Харконнены, на плечах* règime ancient[3].

Цикл повторялся с таким постоянством, что Лето почувствовал острое желание, чтобы хоть кто-то еще, кроме него, увидел, как надо строить давно забытые паттерны выживания, которые вид давно перерос, но от которых не желает отказываться.

---

[3] Примечания: 3

старый режим (*фр.*) — выражение времен Французской революции.

Но нет, мы все еще несем в себе остатки, которые я должен искоренить.

— Есть ли какая-нибудь граница, которую я мог бы переступить, чтобы никогда больше не быть частью этого?

— Если должна быть какая-то граница, то ты должен помочь мне ее создать, — сказал Лето. — Сейчас же нет такого места, куда кто-нибудь из нас не мог бы пойти и отыскать тебя.

— Значит, вы не хотите меня отпустить.

— Иди, если хочешь. Другие Дунканы тоже иногда пытались уйти. Я же говорю тебе, что границы нет, и негде спрятаться. Сейчас, и это положение сохраняется уже давным-давно, человечество представляет собой одну клетку, один организм, все части которого спаяны одним, очень опасным клеем.

— Нет новых планет? Чужих…

— О, мы растем, но не делимся.

— Потому что это ты держишь нас вместе!

— Я не знаю, сможешь ли ты понять меня, Дункан, но если существует граница, любой вид границы, то что лежит позади, не может быть более важным, чем то, что лежит впереди.

— Ты — прошлое!

— Нет, прошлое — это Монео. Он быстро воздвиг

аристократические барьеры вдоль всех границ. Ты должен понять силу этих барьеров. Они не только закрывают планеты и отделяют страны друг от друга, они ограничивают и запирают идеи. Они подавляют изменения.

— Это ты подавляешь изменения!

Он не уступает. Придется повторить попытку.

— Самый верный признак существования аристократии — это открытие барьеров, сдерживающих изменения, железные, каменные, стальные и иные занавесы, которые исключают появление нового, отличного от привычного.

— Я знаю, что где-то должна быть граница, ты просто ее прячешь.

— Я ничего не прячу. Я сам хочу границы! Я хочу удивиться!

Они всегда подходят к самому краю, но потом останавливаются и отказываются войти.

Словно повинуясь этому предсказанию, мысли Айдахо вдруг потекли по иному руслу.

— Действительно ли Танцующие Лицом выступали на вашей помолвке?

Лето ощутил вспышку гнева, но при этом испытал и странную радость, потому что гнев — это тоже эмоция. Он хотел было накричать на Дунка-

на, но разве это могло помочь делу?

— Да, Танцующие Лицом выступали, — сказал он.

— Зачем?

— Я хотел, чтобы все разделили мое счастье.

Айдахо посмотрел на него так, словно только что обнаружил в своем стакане отвратительное насекомое. Он заговорил ровным бесцветным голосом:

— Это самое циничное из того, что я слышал из уст Атрейдесов.

— Но это тоже говорит Атрейдес.

— Вы намеренно хотите сбить меня с толку! Вы уклоняетесь от ответов на мои вопросы!

Опять за свое! — подумал Лето и заговорил:

— Танцующие Лицом из Бене Тлейлакс — это колониальные организмы, индивидуально они — мулы, но выбор свой они делают осознанно.

Лето замолчал, думая: *Я должен проявить терпение. Они должны сами делать свои открытия. Если я скажу это сам, они мне не поверят. Думай, Дункан, думай!*

Айдахо долго молчал.

— Я дал вам свою клятву. Для меня это очень важно. Я не знаю, зачем и по какой причине вы делаете то или другое. Я могу только сказать,

что мне не нравится то, что происходит. Все! Я сказал.

— Ты только для этого приехал из Цитадели?

— Да!

— Ты сейчас вернешься в Цитадель?

— Какие границы находятся там?

— Очень хорошо, Дункан! Твой гнев умнее твоего рассудка. Хви отправится в Цитадель сегодня вечером, завтра утром я присоединюсь к ней.

— Я хотел бы лучше ее узнать, — сказал Дункан.

— Если ты будешь избегать общения с ней, — сказал Лето, — то приказ Хви — не для тебя.

— Я всегда знал, что на свете бывают ведьмы. Твоя бабушка была одной из них.

Айдахо сделал четкий поворот кругом и вышел, не спросив разрешения и не попрощавшись.

Он ведет себя как мальчишка, подумал Лето, глядя в напряженную спину Айдахо. *Самый старый житель нашей планеты и самый юный в одной плоти.*

Пророк не подвержен иллюзиям прошлого, настоящего или будущего. Фиксированность языковых форм определяет такие линейные различия. Пророки же держат в руках ключ к замку языка. Для них физический образ остается всего лишь физическим образом и не более того. Их вселенная не имеет свойств механической вселенной. Линейная последовательность событий полагается наблюдателем. Причина и следствие? Речь идет совершенно о другом. Пророк высказывает судьбоносные слова. Вы видите отблеск события, которое должно случиться «по логике вещей». Но пророк мгновенно освобождает энергию бесконечной чудесной силы. Вселенная претерпевает духовный сдвиг. Именно поэтому мудрый пророк прячет свое откровение под сверкающим покрывалом. Поэтому непосвященные считают язык пророка двусмысленным. Слушатель не верит посланию пророка. Инстинкт подсказывает вам, что само словесное выражение притупляет силу пророческих слов. Лучшие пророки подводят вас к за-

навесу и позволяют вам заглянуть сквозь него в вашу сущность.

(Похищенные записки)

Лето обратился к Монео ледяным тоном:

— Дункан вышел из повиновения.

Шел третий день после возвращения Лето из Города Празднеств Онна, а разговор происходил в просторном помещении наверху сложенной из золотистого камня южной башни Цитадели. Сквозь открытый портал был виден знойный полуденный ландшафт Сарьира. Слышался низкий вой ветра. Вместе с ветром летели пыль и песок, заставлявшие Монео морщиться. Лето старался не обращать внимание на эти пустяки. Он смотрел на Сарьир. Жаркое марево шевелилось в восходящих потоках, и воздух казался живым. Вдали медленно двигались дюны. Их подвижность была видна только Лето — только он один мог видеть, как меняется ландшафт.

Монео был буквально пропитан едким запахом собственного страха и прекрасно знал, что этот запах невозможно скрыть от сверхъестественного обоняния Лето. В приготовлениях к свадьбе, в смятении среди Говорящих Рыб — во всем прослеживалось нечто парадоксальное. Монео вспомнил слова, сказанные Богом-Императором

в первые дни после их первой встречи.

«Парадокс — это признак того, что надо постараться рассмотреть, что за ним кроется. Если парадокс доставляет тебе беспокойство, то это значит, что ты стремишься к абсолюту. Релятивисты рассматривают парадокс просто как интересную, возможно, забавную, иногда страшную, мысль, но мысль весьма поучительную».

— Ты не ответил, — проговорил Лето. Он отвернулся от окна и внимательно посмотрел на Монео.

Мажордом смог лишь недоуменно пожать плечами. *Как близок Червь?* Это было единственное, что интересовало Монео. Он уже не в первый раз замечал, что возвращение в Цитадель всегда пробуждало в Лето Червя. Не было никаких верных признаков этого ужасного сдвига, но Монео всегда чувствовал его приближение. Может ли Червь прийти без предупреждения?

— Ускорь приготовления к свадьбе, — сказал Лето. — Пусть она состоится как можно быстрее.

— До испытания Сионы?

Лето мгновение помолчал.

— Нет. Что ты собираешься делать с Дунканом?

— Что вы хотите, чтобы я сделал, господин?

— Я говорил ему, чтобы он не встречался с Нори, избегал ее. Я сказал ему, что это приказ.

— Он симпатизирует ей, господин, и ничего более.

— Но почему она симпатизирует ему?

— Он гхола. У него нет связи с нашим временем, нет корней.

— У него такие же глубокие корни, как и у меня.

— Но он не знает этого, господин.

— Ты споришь со мной, Монео?

Монео отступил на полшага, прекрасно сознавая, что это не избавляет его от опасности.

— О нет, господин, но я всегда пытался правдиво сообщать вам о том, что происходит.

— Это я скажу тебе, что происходит. Он ухаживает за ней.

— Но это она инициатор встреч, господин.

— Значит, ты знал об этом!

— Я не знал, что вы запретили эти встречи, господин.

Лето задумчиво проговорил:

— Он умеет вести себя с женщинами, Монео, очень хорошо умеет. Он заглядывает им в душу и заставляет делать то, что он хочет. Все Дунканы отличались этим умением.

— Но я действительно не знал, что вы запретили им встречи, господин. — Голос Монео стал резким и скрипучим.

— Он опаснее всех других, — продолжал Лето. — Ужасное время мы переживаем.

— Господин, тлейлаксианцы не могут предоставить вам его преемника в настоящее время.

— Нам нужен этот Дункан?

— Вы сами об этом говорили. Это парадокс, который я не в силах понять, но вы действительно говорили это.

— Сколько времени им понадобится, чтобы изготовить следующего?

— По меньшей мере год. Надо ли мне узнать точную дату?

— Сделай это сегодня.

— Он может услышать об этом, как предыдущий Дункан.

— Я не хочу, чтобы это случилось, Монео.

— Понимаю, господин.

— Я не осмелюсь говорить об этом с Нори, — сказал Лето. — Дункан не для нее. О, я не могу обидеть ее! — Последние слова прозвучали почти жалобно.

Монео пребывал в благоговейном молчании.

— Разве ты не видишь это сам? — спросил Ле-

то. — Помоги мне, Монео.

— Я вижу, что Нори не такая, как другие, — ответил Монео, — но что я могу сделать?

— В чем заключается разница? — Голос Лето пронзил мажордома насквозь.

— Я имею в виду, что вы относитесь к ней не так, как к другим. Я никогда не видел, чтобы вы так относились к людям.

Монео успел заметить первые признаки — подергивания рук и появление блеска в глазах. Боги! Червь! Монео почувствовал себя абсолютно беззащитным. Одно движение хвоста — и Лето раздавит Монео. Надо воззвать к его человеческой сути, подумал мажордом.

— Господин, — заговорил он, — я читал и слышал от вас о вашем браке с вашей сестрой Ганимой.

— Если бы она сейчас была здесь со мной, — произнес Лето.

— Она же никогда не была вашей подругой, господин.

— Куда ты клонишь? — спросил Император.

Подергивания рук превратились в ритмичную вибрацию.

— Она была… Я хочу сказать, что она была подругой Харка аль-Ада.

— Конечно, была! Все Атрейдесы происходят от этой пары.

— Может быть, вы чего-то не рассказали мне, господин? Возможно ли… чтобы Хви Нори… может быть, она была вашей подругой?

Руки Лето затряслись так сильно, что Монео усомнился в том, что их обладатель не подозревает об этом. Большие синие глаза горели хищным пламенем.

Монео попятился к дверям на лестницу, ведущую прочь из опасного места.

— Не спрашивай меня о возможностях. — Голос Лето прозвучал глухо, словно откуда-то из глубин прошлого, в котором блуждала сейчас его душа.

— Никогда больше, господин, — промямлил Монео, кланяясь и отступая к выходу. — Я поговорю с Нори, господин… и с Дунканом.

— Делай что можешь. — Голос Лето опять донесся из одному ему доступных глубин.

Монео, крадучись, выскользнул из зала. Он плотно закрыл дверь и, дрожа, прижался к ней спиной. *Ах, как близко это было!*

Однако парадокс оставался. На что он указывает? Каково значение странных и болезненных решений Бога-Императора? Что задумал Бог, который Червь?

Из зала Лето послышались глухие удары, сотрясавшие каменную кладку стен. Монео не осмелился открыть дверь, чтобы посмотреть, что происходит внутри. Он отошел от двери и начал спускаться вниз по лестнице, не смея вздохнуть до тех пор, пока не достиг первого этажа, где его встретила Говорящая Рыба.

— Он обеспокоен? — спросила женщина.

Монео кивнул. Сверху продолжали доноситься ритмичные удары.

— Что его так встревожило? — не отставала охранница.

— Он Бог, а мы смертны, — ответил Монео. Этот ответ обычно удовлетворял женское любопытство гвардейцев, но теперь их обуревали иные чувства.

Женщина посмотрела на него, не отводя взгляд, и Монео увидел, что к мягким чертам лица откуда-то изнутри подступила суть натасканного убийцы. Это была сравнительно молодая женщина со вздернутым носиком и полными чувственными губками, но сейчас в ее глазах застыло такое выражение, что только глупец смог бы отважиться повернуться к ней спиной.

— Это не я встревожил его, — ответил Монео.

— Конечно, не вы, — согласилась она, и лицо

ее немного смягчилось. — Но я все же хотела бы знать причину, которая его так расстроила.

— Думаю, что он проявляет нетерпение перед свадьбой, — сказал Монео. — Думаю, что в этом вся причина.

— Так поторопитесь с бракосочетанием! — воскликнула женщина.

— Именно этим я и занимаюсь, — ответил Монео и заторопился к выходу. Боги! Говорящие Рыбы становятся столь же опасными, как и Бог-Император.

Этот идиот Дункан! Он подвергает всех нас смертельной опасности. А Хви Нори! Что прикажете делать с ней?

Устройство монархии и подобных ей систем правления содержит рациональное зерно, которое можно использовать при строительстве любых других систем. Моя богатейшая память подтверждает, что любая политическая система может извлечь выгоду из этого зерна. Правительство полезно для тех, кем оно управляет, только до тех пор, пока сдерживаются присущие любой власти тенденции к тирании. У монархий, помимо их звездных качеств, есть и весьма хорошие черты. Монархия способна уменьшить размеры и ограничить паразитизм управленческой бюрократии. Монархия способна при необходимости принимать быстрые решения. Монархия отвечает человеческой потребности в родительской (племенной, феодальной) иерархии, в которой каждый человек четко знает свое место. Очень ценно знать свое место, даже если это место – временное. Человека очень раздражает место, которое он занимает против своей воли. Именно поэтому я преподал урок тирании наилучшим способом – при-

мером. Хотя вы читаете это спустя тысячелетия после распада моей тирании, память о ней не сотрется во веки веков. Подтверждение тому – мой Золотой Путь. Прочитав мое послание вам, вы, не сомневаюсь в этом, извлечете из него уроки и проявите осторожность, делегируя правительству его полномочия.

(Похищенные записки)

Лето тщательно подготовился к первой с момента отправки в школу Говорящих Рыб встрече с Сионой. Девушка училась в Городе Празднеств, Император не видел ее с того времени, когда она была еще ребенком. Лето сказал Монео, что хочет принять его дочь в Малой Цитадели — высокой башне, выстроенной в центре Сарьира. Положение башни было выбрано таким образом, чтобы из нее было видно и старое, и новое, и то, что находится между ними. К Малой Цитадели не вела ни одна дорога. Визитеры прибывали туда на орнитоптерах. Лето же попадал туда словно по волшебству.

Еще в первые дни своего восшествия на престол он собственными руками, с помощью иксианского аппарата, прорыл потайной туннель под Сарьиром к этой башне, самостоятельно вы-

полнив всю работу. В те дни по окрестностям Сарьира еще кочевали одиночные песчаные черви. Лето окружил туннель массивными стенами из расплавленного кремния и вставил в стены бесчисленное множество водяных пузырьков, чтобы отпугнуть червей снаружи. Размеры туннеля соответствовали нынешним размерам Лето, который прозревал свое будущее в видениях. Императорская тележка свободно проезжала по туннелю.

В ранний предрассветный час того дня, на который была назначена встреча с Сионой, Лето спустился в крипту и предупредил охрану, чтобы его не беспокоили ни по какому поводу. Тележка подкатилась к потайному уголку крипты, которая заканчивалась секретной дверью. Меньше чем через час Лето был в Малой Цитадели.

Самым большим удовольствием было оказаться одному в песке. Никакой тележки. Его червеобразное тело напрямую соприкасалось с песком. Это было ни с чем не сравнимое наслаждение. Тепло, выделившееся во время перехода через дюны, вызвало сильное парообразование, поэтому Лето пришлось непрерывно двигаться. В пяти километрах от башни Император остановился, найдя относительно сухое углубление в

песке. Он улегся в центре этого углубления, которое, впрочем, было слегка покрыто росой в тени башни, которая стрелой вытянулась к востоку, возвышаясь над дюнами.

С такого большого расстояния башня высотой три тысячи метров смотрелась как игла, пронзающая небо. Только вдохновение Лето и инженерное дерзновение иксианцев смогли создать такую смелую конструкцию. Имея в диаметре сто пятьдесят метров, башня уходила вглубь ровно настолько, насколько она возвышалась над поверхностью земли. Волшебство пластита и легких сплавов сделало башню устойчивой ко всем ветрам и абразивному действию песка.

Лето настолько нравилось это место, что он даже придумал логическое обоснование своих посещений, выработав свод персональных правил, которые надо было обязательно исполнить. Эти правила служили дополнениями к «Великой Необходимости».

В те недолгие мгновения, что он лежал в песке, Лето мог со спокойной совестью сбросить с себя бремя Золотого Пути. Монео, добрый и надежный Монео, должен был проследить за тем, чтобы Сиона прибыла в Малую Цитадель с наступлением темноты. В распоряжении Лето был целый

день на отдых и размышления. Он мог поиграть, воображая, что у него совсем нет забот, он мог упиваться сухостью песка и питаться им вволю, чего он не мог позволить себе ни в Онне, ни в Цитадели. В тех местах он мог порезвиться лишь в узких бороздках, причем только сила предзнания давала ему возможность не попадать в сырые места, граничившие с песчаными карманами. Однако здесь он мог мчаться по песку и нормально питаться, восстанавливая силы.

Песок скрипел и шуршал под его телом, когда он катался, изгибаясь по дюнам, испытывая чистую животную радость. Восстанавливалась сущность Червя, по телу бежали электрические импульсы, сообщавшие телу силу и здоровье.

Солнце было уже довольно высоко над горизонтом и нарисовало вокруг башни золотистый ореол. В воздухе повис горький запах пыли, вокруг распространился аромат колючек, которые изо всех сил впитывали в себя утреннюю росу. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее Лето начал свой бег вокруг башни, думая по дороге о Сионе.

Откладывать больше нельзя. Ее надо испытать. Монео знал это не хуже самого Лето.

Не далее как сегодня утром мажордом сказал:

— Господин, ее обуревает страшная жажда к насилию.

— Это начало зависимости от адреналина, — объяснил Лето. — Пора сажать ее на голодный паек.

— Голодный что, мой господин? — в недоумении переспросил Монео.

— Это очень древнее выражение. Оно означает, что человека надо испытать полным воздержанием. Ей надо пройти ломку и связанный с ней шок.

— О, я понимаю.

Когда-то, припомнил Лето, Монео действительно понял это на своей шкуре. Его самого тогда посадили на голодный паек.

— Молодые обычно не способны принимать трудных решений, если только эти решения не связаны с применением насилия, что вызывает сильный выброс в кровь адреналина, — продолжал объяснять Лето.

Монео погрузился в раздумья, вспоминая, потом заговорил:

— Это очень большой вред.

— Но именно это причина склонности Сионы к насилию. Такое может произойти и со старым человеком, но для молодежи такая зависимость

— правило.

Кружа около башни и наслаждаясь сухим от жара солнца песком, Лето думал о том разговоре. Он замедлил продвижение. Ветер сзади донес до его человеческих ноздрей запах кислорода и сожженного песка. Он глубоко вдохнул, подняв свое восприятие на более высокий уровень.

За этот предварительный день Лето предстояло достичь нескольких целей. Он думал о предстоящей встрече, как, должно быть, древний матадор думал о своей схватке с рогатой смертью. У Сионы были свои рога, но Монео позаботится, чтобы она не пронесла на встречу никакого реального оружия. Лето, однако, надо было быть уверенным в том, что он хорошо знает все сильные и слабые стороны Сионы. Ему предстояло усилить ее уступчивость в некоторых отношениях. Ее надо подготовить к испытанию, надев на ее психическую мускулатуру ограничительные шипы.

Вскоре после полудня, насытившись прогулкой, Лето забрался в тележку, включил подвеску и поднялся в башню — на самый ее верх, в просторный зал, где он и провел остаток дня, размышляя и составляя сценарий предстоящей встречи.

Как только на землю пала ночная тень, в воздухе раздался шум винтов орнитоптера. Это

прибыл Монео.

Верный Монео.

Лето мысленно приказал посадочной площадке выдвинуться из наружной стены зала. Орнитоптер скользнул по ней и сложил крылья. Лето вгляделся в сгустившиеся сумерки. Сиона выпрыгнула из машины и бросилась в зал, испытывая страх перед неимоверной высотой. На девушке была надета белая накидка поверх черной формы без знаков различия. Войдя в башню и остановившись, она украдкой оглянулась и внимательно посмотрела на массивное тело Лето, лежавшее на тележке почти в центре зала. Орнитоптер взмыл в небо и исчез в темноте. Лето оставил площадку выдвинутой, а дверь открытой.

— На противоположной стороне башни есть балкон, — сказал Лето. — Мы пойдем туда.

— Зачем?

В голосе Сионы прозвучала плохо скрытая подозрительность.

— Мне говорили, что там прохладно, — ответил Лето, — и мои щеки действительно ощущают прохладный ветерок, когда я бываю там.

Движимая любопытством, она подошла поближе.

Лето закрыл дверь, ведущую на посадочную площадку.

— Ночной вид с балкона просто великолепен.

— Зачем мы здесь?

— Чтобы никто не мог быть у нас над головой.

Лето развернул тележку и направил ее на балкон. Тусклый свет в зале дал Сионе увидеть, куда направился Император. Она последовала за ним.

Балкон окружал юго-восточную арку башни, по всему периметру балкона шла узорчатая металлическая балюстрада высотой до уровня груди. Сиона подошла к перилам и окинула взглядом расстилавшийся внизу пейзаж.

Лето чувствовал, что она ждет и готова слушать. Надо сказать что-то, предназначенное только для ее ушей. Что бы это ни было, она должна выслушать и ответить, движимая своими внутренними мотивами. Посмотрев поверх головы Сионы, Лето смотрел на Сарьир, окруженный Защитной Стеной, которая виднелась отсюда, как едва заметная полоска, выступавшая сероватой линией в свете Первой Луны, поднявшейся над горизонтом. Усиленное зрение Лето позволило ему разглядеть караван, направлявшийся из Онна. Цепочка огней на повозках, запряженных тягловыми животными, шла в деревню Табур.

В памяти Лето вызвал образ этой деревни, спрятанной во влажной тени деревьев у внутреннего основания стены. Его музейные фримены возделывали там финиковые пальмы, высокую траву и даже разводили настоящие сады у дорог. Да, это не то, что в старые времена, когда самый захудалый и крошечный бассейн с водой и ветровая ловушка с несколькими чахлыми деревцами казались роскошью по сравнению с окружавшими это населенное место песками. Деревня Табур казалась раем в сравнении с древним сиетчем Табр. Каждый житель сегодняшней деревни знал, что сразу за ограждением Сарьира река Айдахо направляла свой бег прямо на юг. Сейчас, в свете луны, река выглядела как серебристая полоса. Музейные фримены не могли забраться на стену, но они знали, что за ней есть вода. Земля тоже знала об этом. Если в Табуре приложить ухо к земле, то она начинала рассказывать о шуме дальних стремнин.

На берегу реки жили ночные птицы, думал Лето, *птицы, которые в другом мире вели бы дневной образ жизни.* Дюна произвела это маленькое селекционное чудо, и птицы приучились жить ночью, отдавшись на милость Сарьира. Лето видел, как птицы летали над водой, спускались

к поверхности, и, когда они опускали в воду клювы, чтобы напиться, на воде оставалась рябь, которую сносило к югу по течению.

Даже на таком расстоянии Лето чувствовал силу этой воды, он помнил эту силу, которая покинула его, унесясь, словно эта река, текущая мимо полей и садов. Вода прокладывала себе путь мимо холмов, мимо растений, которые заменили собой пустыню, место которой сжалось до размеров его Сарьира, убежища прошлого Дюны.

Лето вспомнил рев иксианских машин, которые вгрызались в землю, прорывая путь для водных артерий современного Арракиса. Казалось, это было только вчера, а ведь в действительности прошло больше трех тысяч лет.

Встрепенувшись, Сиона оглянулась, но Лето хранил молчание, его внимание было приковано отнюдь не к Сионе. Над горизонтом светилось бледно-янтарное пятно — отражение города в облаках. Лето знал, что это город Уоллпорт, перенесенный к югу из суровых северных районов, где косые лучи солнца почти не согревали землю. Свет города был словно окном в прошлое. Он чувствовал, как луч памяти пронзает его грудь, проникая под толстую чешую, заменившую мягкую и теплую человеческую кожу.

Я очень уязвим, подумал он.

Однако Лето сознавал себя хозяином этих мест, его же хозяином была сама планета.

Я — ее часть.

Он ел ее почву, отвергая только воду. Его человеческий рот и легкие функционировали только для того, чтобы обеспечивать энергией остатки человеческого организма и сохранившуюся способность говорить.

Лето обратился к Сионе:

— Я люблю говорить и страшно боюсь того дня, когда потеряю эту способность.

Сиона недоверчиво посмотрела на Императора. На лице ее отразилось отвращение.

— Согласен, что многим людям я кажусь уродливым чудовищем, — сказал он.

— Зачем я здесь? — спросила девушка.

Вопрос сразу по существу. Ее не собьешь. Это характерная черта всех Атрейдесов. Именно эту черту он хотел культивировать в своей селекционной программе. Такой характер говорит о сильном внутреннем чувстве своей цельности.

— Мне надо узнать, что Время сделало с тобой, — ответил он.

— Зачем вам это надо?

В ее голосе слышится страх. Она думает, что

я начну спрашивать ее о повстанцах и выпытывать имена ее сообщников.

Он молчал, тогда заговорила Сиона:

— Вы убьете меня так же, как убили моих друзей?

Она слышала о побоище у посольства. И предполагает, что мне все известно о ее участии в мятеже. Монео все ей рассказал, вот проклятие! Ну хорошо… Пожалуй, на его месте я бы поступил точно так же.

— Вы действительно Бог? — требовательно спросила она. — Я не понимаю, почему мой отец верит в это.

У нее еще есть сомнения, подумал он. *У меня есть поле для маневра.*

— Определения самые разные, — проговорил Лето. — Для Монео я Бог… и это правда.

— Когда-то вы были человеком.

Ему доставлял истинное удовольствие ее интеллект. В ней было неуемное живое любопытство, столь характерное для Атрейдесов.

— Ты проявляешь в отношении меня недюжинное любопытство, — сказал он. — То же самое можно сказать и обо мне. Ты вызываешь у меня острое любопытство.

— Что заставляет вас считать меня любопыт-

ной?

— Ты очень внимательно следила за мной, когда была ребенком. И сегодня я вижу в твоих глазах то же знакомое выражение.

— Да, мне очень интересно знать, каково быть вами.

Несколько мгновений он внимательно рассматривал Сиону. Свет луны очерчивал тени вокруг ее глаз, скрывая их. Он позволил себе подумать, что у нее такие же синие глаза, как и у него, — глаза человека, зависимого от Пряности. Если добавить эту черту, то Сиона будет похожа на его давно умершую сестру Ганиму. Было что-то неуловимо схожее в их лицах, в форме глаз. Он собирался сказать об этом Сионе, но передумал.

— Вы едите человеческую пищу? — спросила Сиона.

— Долгое время после того, как я надел на себя кожу из песчаных форелей, я ощущал голодные спазмы в желудке, — ответил он. — Временами я пробовал есть обычную пищу, но желудок почти всегда отвергал ее. Реснички песчаных форелей распространились по всему моему организму. Есть стало трудно и хлопотно. Сейчас я ем только твердые частицы, в которых иногда содержится немного Пряности.

— Вы… едите меланжу?

— Иногда.

— Но вы больше не испытываете голода, человеческого голода?

— Этого я не говорил.

Она выжидательно посмотрела на него.

Лето восхищался тем, как подействовал на него ее невысказанный вопрос. Она очень умна и успела многое узнать за свою короткую жизнь.

— Боль в животе превращала мою жизнь в пытку, я ничем не мог облегчить эту боль, — сказал он. — Я начинал бегать по дюнам, бегать, словно безумный.

— Вы… бегали?

— В то время мои ноги были непропорционально длинными и двигался я очень легко. Но голодная боль никогда не оставляла меня. Мне кажется, что это была боль по утраченной человечности.

Он заметил, что в ней, преодолевая внутреннее сопротивление, начинает просыпаться симпатия и сочувствие к нему.

— У вас… до сих пор бывают эти боли?

— Теперь это просто небольшое жжение. Это один из признаков финального метаморфоза. Через несколько сотен лет я навсегда погружусь

в песок.

Он заметил, как сжались ее кулаки.

— Зачем? — спросила она. — Зачем вы это сделали?

— Это не такое уж плохое изменение. Сегодня, например, я получил большое удовольствие. Мне очень сладко.

— Есть и такие изменения, которых мы не видим, — сказала она и разжала кулаки. — Я знаю, что они должны быть.

— У меня очень обострились зрение и слух, но осязание притупилось. Чувствительность сохранилась только на лице. Остальное тело не чувствует прикосновений, как прежде, и мне очень недостает этих ощущений.

Он снова заметил, что в Сионе против ее воли просыпается симпатия, движение к сочувственному пониманию. Она хотела *знать*!

— Когда живешь так долго, — сказала она, — то как ощущается движение времени? Движется ли оно быстрее по прошествии лет?

— Странное дело, Сиона. Иногда оно несется бешеным аллюром, а иногда ползет, как улитка.

Разговаривая, Лето незаметно приглушал свет ламп, пока наконец совсем не выключил освещение. Теперь помещение заливал только свет

луны. Одновременно Лето незаметно, сантиметр за сантиметром, приближался к Сионе. Наконец его тележка показалась на балконе, а лицо в двух метрах от лица девушки.

— Отец говорит мне, — сказала она, — что чем старше вы становитесь, тем медленнее течет ваше время. Это вы говорили ему об этом?

Проверяет маю правдивость. Значит, она не Вещающая Истину.

— Все на свете относительно, но в сравнении с человеческим восприятием времени это верно.

— Почему это так?

— Это связано с тем, кем мне предстоит стать. В конце время для меня остановится, и я стану замороженным, как жемчужина в куске льда. Мое новое тело рассыплется на части, и каждая часть будет содержать в себе такую жемчужину.

Она отвернулась и заговорила, глядя на Пустыню:

— Когда я разговариваю с вами здесь, в темноте, то почти забываю, кто вы.

— Именно поэтому я и выбрал для беседы этот час.

— Но почему здесь?

— Потому что это последнее место, где я чувствую себя дома.

Сиона обернулась и оперлась спиной о перила.

— Я хочу видеть вас.

Лето включил свет на полную мощность и одновременно запечатал балкон за спиной Сионы. Она насторожилась, но потом подумала, что это предосторожность от возможного нападения. Однако это было не так. Ограждение защищало Лето от вторжения влажных ночных насекомых.

Сиона во все глаза уставилась на Лето, скользнув взглядом вдоль его тела, задержавшись на обрубках, которые когда-то были его ногами, потом на руках и, наконец, на лице.

— Вы поддерживаете истории о том, что все Атрейдесы произошли от вас и вашей сестры Ганимы, но Устное Предание говорит по-иному.

— Устное Предание говорит правду. Вашим предком был Харк аль-Ада. Мы с Гани были женаты только по видимости. Это было сделано для консолидации власти.

— Так же, как и с этой иксианской женщиной?

— Это совсем другое дело.

— У вас будут дети?

— Я никогда не был способен иметь детей. Я выбрал метаморфоз до того, как стал обладать этой способностью.

— Вы были ребенком, а потом, — она указала

рукой на его тело, — сразу стали этим?

— Да, промежуточной стадии не было.

— Но каким образом ребенок смог сделать такой выбор?

— Я был самым старым ребенком, какого только знала история. Другим таким ребенком была Гани.

— Это история о вашей предковой памяти?

— Это правдивая история. Мы все здесь. Разве Устное Предание не подтверждает этого?

Она снова повернулась к Лето спиной. Он был очарован этим чисто человеческим жестом. Отвержение вкупе с уязвимостью. Потом она резко обернулась и внимательно вгляделась в лицо, спрятанное в кожистой складке.

— Вы похожи на Атрейдеса, — сказала она.

— Я так же честен, как и ты.

— Вы так стары, но на вашем лице нет ни одной морщины. Почему?

— Ни одна человеческая часть моего тела не стареет с нормальной скоростью.

— Именно поэтому вы и сделали такой выбор?

— Чтобы наслаждаться долгой жизнью? Нет.

— Я не понимаю, как можно было это сделать, — пробормотала она. Потом громче: — Никогда не знать любви…

— Ты разыгрываешь из себя дуру! — сказал он. — Ты имеешь в виду не любовь, а секс.

Она пожала плечами.

— Ты думаешь, что больше всего на свете мне жаль, что я пожертвовал сексом? Нет, самая большая моя потеря заключается совсем в другом.

— В чем? — Она спросила это неохотно, боясь выдать, насколько глубоко он ее тронул.

— Я не могу появляться на людях без того, что на меня обращают внимание. Я перестал быть одним из вас. Я одинок. Любовь? Многие люди любят меня, но моя внешность и форма разделяют нас. Мы разлучены, Сиона, и ни один человек не может перекинуть мост через эту пропасть.

— Даже ваша иксианская женщина?

— Она бы перекинула, если бы смогла, но она не сможет. Она не Атрейдес.

— Вы имеете в виду, что я бы… смогла? — Она ткнула себя пальцем в грудь.

— Если бы можно было найти достаточное количество песчаных форелей, но они все на мне. Однако если бы я умер…

Она в ужасе затрясла головой.

— Устное Предание очень точно об этом рассказывает, — продолжал Лето, — а мы не станем забывать, что ты веришь Устному Преданию.

Она продолжала безмолвно качать головой из стороны в сторону.

— В этом нет ничего таинственного, — говорил между тем Лето. — Первые моменты трансформации — самые критические. Сознание должно одновременно выплеснуться наружу и войти внутрь, соединившись с бесконечностью. Для того чтобы это сделать, я могу дать тебе достаточное количество меланжи. Приняв это количество Пряности, ты сможешь пережить первые, самые ужасные моменты… да и остальные тоже.

Глядя ему в глаза, она содрогнулась всем телом.

— Ты же понимаешь, что я говорю тебе правду?

Она кивнула и, продолжая дрожать, с трудом перевела дух.

— Зачем вы это сделали?

— Альтернатива была бы куда более ужасной.

— Какая альтернатива?

— Со временем ты поймешь. Монео понял.

— Этот ваш проклятый Золотой Путь!

— Он не проклятый, он священный.

— Вы думаете, что я дура, которая не может…

— Я думаю, что ты неопытна, но обладаешь способностями, о которых даже не подозреваешь.

Она трижды глубоко вздохнула, и к ней вернулось самообладание.

— Но если вы не можете иметь секс с иксианкой, то что…

— Дитя, почему ты упорствуешь в своем непонимании? Речь не идет о сексе. С Хви я не могу спариваться. У меня нет никого, подобного мне, во всей вселенной, мне просто не с кем спариваться.

— Она похожа на вас?

— По своим намерениям. Так ее сделали иксианцы.

— Сделали ее…

— Не будь полной дурой! — рявкнул он. — Она настоящая ловушка для Бога. Даже жертва не может отринуть ее.

— Зачем вы рассказываете мне эти вещи? — прошептала она.

— Ты украла два тома моих рукописей, — сказал он. — Ты читала перевод Гильдии и уже знаешь, как можно меня поймать.

— Вы знали?

Он видел, что к ней вернулась ее самоуверенность и осознание собственной силы.

— Конечно, вы знали. — Она сама ответила на свой вопрос.

— Это была моя тайна, — сказал он. — Ты не можешь себе представить, сколько раз я любил своих товарищей и видел потом, как они ускользали от меня прочь, в небытие. Вот так ускользает от меня сейчас твой отец.

— Вы любите его?

— Да, и я любил твою мать. Иногда они уходят быстро; иногда с мучительной медлительностью. И каждый раз я терплю крушение. Я могу играть по жестким правилам, могу принимать необходимые решения, я способен принимать решения, которые убивают, но я не могу избежать страданий. Очень, очень долго — мои записки, которые ты украла, не лгут — это была единственная из доступных мне эмоций.

Он увидел, как увлажнились ее глаза, но челюсти были по-прежнему крепко сжаты — она была полна гневной решительности.

— Все это не дает вам права править, — сказала она.

Лето с трудом подавил улыбку. Наконец-то они добрались до корней мятежности Сионы.

По какому праву? Где справедливость в моем правлении? Принуждая их к повиновению с помощью вооруженной силы Говорящих Рыб, честно ли я побуждаю человечество к эволюционному

скачку? Я знаю все, что поют революционеры, все их трескучие и резонерские фразы.

— Ты не видишь никаких признаков своей мятежной руки в той власти, которой я обладаю.

Юность Сионы взяла свое.

— Я никогда не выбирала вас себе в правители.

— Но ты усилила мою власть.

— Каким образом?

— Своей оппозицией. Я отточил свои когти на таких, как ты.

Она невольно бросила взгляд на его руки.

— Это фигуральное выражение, — объяснил он.

— Наконец-то мне удалось задеть вас за живое, — сказала она, услышав в его голосе нотки гнева.

— Ты не задела меня за живое. Мы с тобой родственники и можем по-семейному попенять друг другу. Факт заключается в том, что мне стоит бояться тебя больше, чем тебе — меня.

Она отпрянула, но замешательство продолжалось лишь краткий миг. Он увидел, как сначала ее плечи напряглись от всплеска веры, потом девушку снова охватили сомнения. Она опустила голову и исподлобья взглянула на Лето.

— Так почему же Великий Лето боится меня?

— Я боюсь твоего невежественного насилия.

— Разве вы говорили, что уязвимы физически?

— Я не стану второй раз предупреждать тебя, Сиона. Есть пределы той игры в слова, в которую я играю. И ты, и иксианцы прекрасно знают, что я люблю тех, кто уязвим физически. Скоро об этом узнает вся Империя. Такие слухи распространяются быстро.

— И вся Империя спросит, по какому праву вы царствуете!

Она ликовала. Лето почувствовал неистовый гнев. Его было трудно подавить. Эту человеческую эмоцию он ненавидел. Название ей — злорадство. Он некоторое время молчал, не желая давать волю злобе. Потом он выбрал способ пробить брешь в обороне Сионы в самом уязвимом ее месте, которое он уже видел.

— Я правлю по праву одиночества, Сиона. Мое одиночество — это отчасти свобода, отчасти рабство. Это означает, что меня не может подкупить ни одна группа населения. Мое рабство говорит о том, что я буду служить вам в полной мере моих божественных способностей.

— Но иксианцы поймали вас в свою ловушку! — сказала она.

— Нет. Они преподнесли мне дар, который только усилит меня.

— Он уже ослабляет вас.

— И это тоже, — признал Лето. — Но мне по-прежнему подчиняются очень мощные силы.

— О да, — кивнула она. — Это я понимаю.

— Этого ты как раз не понимаешь.

— Но я уверена, что вы мне все объясните, — поддразнила она его.

Он заговорил так тихо, что Сионе пришлось склониться почти к самому его лицу.

— В этом мире нет никого, кто мог бы попросить меня о чем бы то ни было — об участии, о компромиссе, даже о малейшем послаблении власти. Я один и только один.

— Даже эта иксианская женщина не может…

— Она настолько похожа на меня, что не сможет ослабить меня в этом отношении.

— Но когда было атаковано иксианское посольство…

— Меня все еще раздражает человеческая глупость, — сказал он.

Она, нахмурившись, взглянула на него.

В свете луны этот мимический жест показался Лето очаровательным. Он понял, что заставил ее думать. Он был уверен, что она никогда прежде

не задумывалась о том, что право на власть дается вместе с уникальностью.

Он отреагировал на ее хмурый вид.

— До сих пор в мире не было правительства, подобного моему. Я — первый случай в мировой истории. Я отвечаю только перед собой, требуя воздаяния за ту жертву, которую принес миру.

— Жертву! — иронически буркнула она, но Лето явственно расслышал сомнение в ее голосе. — Каждый деспот говорит нечто подобное. Вы ответственны только перед собой!

— Я отвечаю, таким образом, за каждую живую тварь. Я слежу за всеми вами все это время.

— Какое время?

— Время, которое могло бы быть, но которого больше нет.

Он почувствовал в ней нерешительность. Она не доверяет своим инстинктам, своей нетренированной способности к предсказаниям. Она может случайно совершить прорыв, как в случае, когда она украла его записки, но мотивация была потеряна в тех откровениях, которые она почерпнула из записок.

— Мой отец говорит, что вы очень хорошо умеете манипулировать словами, — сказала она.

— Он как никто обязан это знать. Но есть такие

вещи, знания о которых можно добыть, только участвуя в этих вещах. Познать их нельзя, стоя в стороне и обсуждая их.

— Он как раз и имел в виду эти вещи, — проговорила Сиона.

— Ты совершенно права, — согласился он. — Это не логично. Но это свет. Это глаз, он видит свет, но не видит сам себя.

— Я устала от этого разговора, — сказала Сиона.

— Так же, как и я.

Я достаточно увидел и достаточно сделал. Она широко открыта своим сомнениям. Как же они уязвимы в своем невежестве!

— Вы ни в чем меня не убедили.

— Это не было целью нашей встречи.

— А что было целью?

— Посмотреть, готова ли ты к испытанию.

— Испы… — Она слегка склонила голову и удивленно воззрилась на Лето.

— Можешь при мне не строить из себя невинность, — сказал он. — Монео обо всем тебя предупредил. И я говорю тебе, что ты готова!

Она попыталась сглотнуть слюну.

— В чем…

— Я послал за Монео, чтобы он отвез тебя об-

ратно в Цитадель, — сказал Лето. — Когда мы встретимся снова, то увидим, из какого теста ты сделана в действительности.

Знаете ли вы миф о Великом Кладе Пряности? Да, мне тоже известна эта история. Мажордом рассказал ее мне, чтобы позабавить. В этой истории рассказывается, что в некоем месте существует огромный, как гора, клад меланжи. Этот клад сокрыт в недрах далекой планеты. Эта планета – не Арракис и не Дюна. Клад был зарыт там задолго до основания Первой Империи и до образования Космической Гильдии. История эта гласит, что на ту планету удалился Муад'Диб, который и до сих пор живет там. Его жизнь поддерживается Пряностью, он ждет. Мажордом не понял, почему эта история так меня взволновала.

(Похищенные записки)

Дрожа от гнева, Айдахо прошествовал по вымощенным пластоном залам в свою квартиру в Цитадели. На каждом посту, мимо которого он проходил, женщины старались привлечь его внимание. Он не отвечал на призывы. Айдахо знал, что его поведение вызвало растерянность и недоумение у Говорящих Рыб. Они безошибочно поняли настроение Айдахо. Однако это не влияло на размашистый шаг начальника гвардии. От

стен отдавалось гулкое эхо от топота его сапог.

Во рту его все еще сохранялся вкус обеда — старого доброго обеда, знакомого еще по временам первых Атрейдесов — овощи в травяном соусе с добрым куском искусственного мяса, сдобренным глотком цидритного сока. Монео нашел Дункана за столом в казарме гвардии, где он, сидя за обеденным столом, изучал план предстоящих операций, разложенный среди тарелок.

Не дожидаясь приглашения, Монео сел напротив и отодвинул в сторону оперативный план.

— Я принес тебе весть от Бога-Императора, — сказал Монео.

Нарочитая торжественность тона сказала Айдахо, что это отнюдь не случайная встреча. Присутствовавшие в зале женщины тоже поняли это. За соседними столами наступила напряженная тишина.

Айдахо положил в тарелку вилку.

— Я слушаю тебя.

— Вот доподлинные слова Бога-Императора, — сказал Монео. — Мне очень прискорбно видеть, что мой Дункан Айдахо обольщен чарами Хви Нори. Это недоразумение должно рассеяться.

От гнева губы Айдахо превратились в тонкую ниточку, но он смолчал.

— Эта глупость подвергает всех нас величайшей опасности, — продолжал Монео. — Нори предназначена для Бога-Императора.

Айдахо изо всех сил пытался скрыть злость, но слова выдавали его с головой:

— Он не может жениться на ней!

— Почему?

— Что за игру он затеял, Монео?

— Я просто гонец и передаю тебе его слова, не более того, — ответил Монео.

Голос Айдахо стал тихим и угрожающим:

— Но ты его доверенное лицо.

— Бог-Император сочувствует тебе, — солгал Монео.

— Сочувствует? — выкрикнул Айдахо, чем привлек всеобщее внимание Говорящих Рыб. В столовой повисла напряженная тишина.

— Нори — очень привлекательная женщина, — сказал Монео, — но она не для тебя.

— Бог-Император сказал, — язвительно произнес Айдахо, — и его слова не подлежат обжалованию.

— Я вижу, что ты понял смысл его слов, — проговорил Монео.

Айдахо встал из-за стола.

— Куда ты собрался? — подозрительно спросил

Монео.

— Я хочу прямо сейчас переговорить с ним.

— Это самоубийство, — простонал Монео.

Айдахо одарил мажордома пылающим взглядом и внезапно понял, что от всех столов на него смотрят Говорящие Рыбы. Выражения их лиц в свое время хорошо определил Муад'Диб: *Игра в прятки с дьяволом.*

— Ты знаешь, что говорили по этому поводу первые герцоги Атрейдесы? — издевательским тоном спросил Айдахо.

— Это имеет отношение к делу?

— Они говорили, что вся свобода немедленно улетучивается, когда начинаешь искать самодержавного правителя.

Оцепенев от страха, Монео подался вперед к Айдахо. Он почти потерял дар речи, голос Монео превратился в свистящий шепот:

— Не говори подобных вещей.

— Ты боишься, что одна из этих женщин доложит о них Императору?

Монео недоуменно покачал головой:

— Ты еще бесшабашнее, чем все остальные.

— В самом деле?

— Прошу тебя! Твое отношение к Императору вредоносно.

Айдахо услышал, как по залу пронесся ропот.

— Самое большее, что он может, — это убить нас, — сказал Айдахо.

Монео ответил громким шепотом:

— Ты глупец! При малейшей провокации в нем может возобладать Червь!

— Червь, говоришь? — неестественно громко спросил Айдахо.

— Ты должен верить в него, — сказал Монео.

Айдахо оглянулся.

— Да, думаю, что они все слышали.

— В нем живут миллиарды и миллиарды людей, все в одном теле.

— Да, мне говорили об этом, — сказал Айдахо.

— Он — Бог, а мы смертны, — продолжал уговаривать Айдахо Монео.

— Как может Бог творить зло? — спросил Айдахо.

Монео вскочил на ноги и отшвырнул стул.

— Я умываю руки! — крикнул он и бросился вон из помещения.

Айдахо еще раз огляделся — все его гвардейцы смотрели на своего командира во все глаза.

— Монео не хочет судить, но я не стану уклоняться.

Он удивился, увидев на лицах некоторых жен-

щин кривые ухмылки. Все снова принялись за еду.

Идя в Цитадель, Айдахо снова и снова проигрывал в уме свой разговор с Монео, находя все новые и новые странности в поведении Монео. Это был не просто страх смерти, нет, в этом ужасе было что-то еще. Что-то намного более глубокое, чем обычное опасение за собственную жизнь.

— Червь может возобладать в нем.

Эти слова сорвались у Монео непроизвольно, они выдали его, чего сам мажордом, очевидно, не хотел. Но что могут значить эти слова?

Более бесшабашен, чем другие.

Айдахо стало горько от того, что его сравнивают с ним самим, но ему не известным. Насколько осторожны были другие?

Он подошел к своим апартаментам, положил ладонь на фотозамок и заколебался. Он почувствовал себя как зверь, которого охотники загнали в его логово. Несомненно, что гвардейцы донесут Императору о его поведении. Как поступит Бог-Император? Айдахо провел рукой по замку, и дверь открылась. Он вошел в прихожую, запер за собой дверь и посмотрел на нее.

Пошлет ли он за ним Говорящих Рыб?

Айдахо оглядел прихожую. Очень удобно спла-

нировано. Вешалки для одежды, полочки для обуви, и запертый шкаф с оружием. Никакое из представленного здесь оружия не представляло реальной опасности для Лето. Не было даже лазерного ружья, хотя и оно неэффективно против Червя.

Он знает, что я буду сопротивляться.

Айдахо вздохнул и сквозь сводчатую дверь заглянул в гостиную. Монео заменил мебель — теперь гостиная была обставлена в суровом фрименском духе — вещи были взяты из хранилищ Музея.

Музейный фримен!

Айдахо в сердцах сплюнул и прошел в комнату. Войдя, он остановился, пораженный, — на подвесном диване на фоне северного окна сидела Хви Нори. Блестящее голубое платье выгодно обрисовывало ее фигуру. Женщина смотрела на Айдахо.

— Благодарения богам, что ты цел и невредим, — произнесла она.

Айдахо оглянулся, посмотрел на дверь, фотозамок, потом снова обратил взор на Хви. Никто, за исключением нескольких особо доверенных Говорящих Рыб, не мог открыть этот замок.

Видя его растерянность, Хви улыбнулась:

— Эти замки делают на моей родине, на Иксе.

Ему стало страшно за Хви.

— Что ты здесь делаешь?

— Нам надо поговорить.

— О чем?

— Дункан… — Она покачала головой. — О нас.

— Они предупредили тебя.

— Мне велено отказать тебе.

— Тебя послал Монео!

— Меня доставили сюда две Говорящие Рыбы. Они полагают, что ты находишься в страшной опасности.

— Именно поэтому ты здесь?

Она встала, грациозность ее движения напомнила Айдахо о Джессике, бабушке Лето, — она точно так же умела управлять своими движениями, превращая любой жест в великолепный танец.

Осознание этого повергло Айдахо в шок.

— Ты из Бене Гессерит…

— Нет. Они были моими учителями, но я не принадлежу ордену.

Подозрение затуманило его мозг. Какие пружины управляют Империей Лето? Что может знать гхола о таких вещах?

Изменения, которые произошли с момента

моей последней жизни…

— Я полагаю, что ты — простая иксианка, — сказал он.

— Не дразни меня, Дункан.

— Кто ты?

— Я нареченная невеста Бога-Императора.

— И ты будешь служить ему верой и правдой?

— Да.

— Тогда нам не о чем разговаривать.

— Нам есть о чем говорить. О том, что связывает нас с тобой.

Он нервно откашлялся.

— О чем же именно?

— О нашей взаимной тяге друг к другу. — Она подняла руку, видя, что он собирается заговорить. — Я хочу броситься в твои объятия, найти в них любовь и убежище, которые, я знаю, ты способен мне дать. Ты тоже этого хочешь.

Он оцепенел.

— Бог-Император запрещает это!

— Но я уже здесь. — Она сделала два шага вперед, платье облегало ее красивое тело.

— Хви… — У Айдахо пересохло во рту. — Тебе лучше уйти.

— Это мудрый, но не самый лучший выход.

— Если он узнает, что ты была здесь…

— Я не могу просто так взять и уйти, — сказала она, снова подняв руку и запрещая ему говорить. — Меня воспитывали и учили ради одной определенной цели.

От этих слов холодок пробежал по спине Айдахо. Он понял, что надо соблюдать осторожность.

— Для какой же? — спросил он.

— Для того чтобы вредить Богу-Императору, и он это хорошо знает. Он не изменит своего отношения ко мне.

— Не изменю его и я.

Она сделала еще один шаг по направлению к нему. Он ощутил молочное тепло ее груди.

— Меня очень хорошо сделали, — сказала она. — Я создана специально для того, чтобы ублажать Атрейдесов. Лето же говорит, что Дункан больше Атрейдес, чем многие из тех, кто носит это имя.

— Лето?

— Как еще прикажешь мне называть моего будущего мужа?

Произнося эти слова, Хви подошла еще ближе к Айдахо. Они потянулись друг к другу, словно разноименные полюса магнита. Хви приникла к его мундиру щекой, обвила руками, ощупывая железные мышцы. Айдахо же, прижав подбородок

к ее волосам, вдыхал мускусный запах ее тела.

— Это безумие, — прошептал он.

— Да.

Он поднял ее подбородок и поцеловал в губы.

Она же изо всех сил прижалась к нему.

Они оба понимали, чем все это кончится. Она не сопротивлялась, когда он поднял ее и понес в спальню.

Айдахо заговорил только один раз:

— Ты не девственница.

— Ты тоже, мой любимый.

— Любимый, — прошептал он. — Любимый, любимый, любимый…

— Да… да!

Когда все закончилось, Хви вытянулась на постели в сладкой истоме, подложив руки под голову. Айдахо сидел на кровати спиной к ней и смотрел в окно.

— Кто были твои предыдущие любовники? — спросил он.

Она приподнялась на локте.

— У меня не было других любовников.

— Но… — Он обернулся и внимательно посмотрел на нее.

— Когда мне не было еще и двадцати, нашелся один мальчик, который думал, что не может без

меня жить. Потом мне было очень стыдно. — Она улыбнулась. — Какой я была доверчивой! Мне казалось, что я не смогу оправдать надежд людей, которые создали меня. Но они обо всем узнали и были очень довольны. Мне кажется, меня просто проверили.

Айдахо нахмурился.

— Со мной то же самое? Ты пришла, потому что нужна мне?

— Нет, Дункан. — У Хви был очень серьезный вид. — Мы дарили радость друг другу, потому что это была любовь.

— Любовь, — повторил Айдахо, и в голосе его прозвучала горечь.

— Мой дядя Малки говорил, что любовь — это плохая сделка, потому что нет никаких гарантий.

— Твой дядя Малки был мудрым человеком.

— Он глупец! Любовь не нуждается в гарантиях.

Саркастическая улыбка тронула губы Айдахо.

Она ласково улыбнулась ему:

— Любовь отличается тем, что ты даришь радость и не заботишься о последствиях.

Он кивнул:

— Я думаю только о том, что ты можешь ока-

заться в большой опасности.

— Что сделано, то сделано.

— Что мы будем делать?

— Мы будем радоваться, пока живем.

— Это звучит, как окончательный приговор.

— Это и есть приговор.

— Но мы будем видеться каждый…

— Так, как сегодня, мы больше не увидимся.

— Хви! — Он бросился к ней и приник лицом к ее груди.

Она погладила его по волосам.

Голос его зазвучал глухо, когда он спросил:

— Что, если я…

— Тихо! Если суждено быть ребенку, то будет ребенок.

Айдахо поднял голову.

— Но тогда он точно обо всем узнает.

— Он все узнает в любом случае.

— Откуда?

— Я скажу ему.

Айдахо отпрянул и, выпрямившись, сел. Во взгляде его выразилась смесь недоумения и гнева.

— Я должна это сделать.

— Если он набросится на тебя… Хви я слышал много историй. Ты можешь подвергнуться страш-

ной опасности.

— Нет. У меня есть потребности, и он это знает. Он не причинит вреда никому из нас.

— Но он…

— Он не уничтожит меня. Он знает, что если он причинит вред тебе, то тем самым уничтожит меня.

— Как ты можешь выйти за него замуж?

— Дорогой Дункан, неужели ты не видишь, что я нужна ему больше, чем даже тебе?

— Но он же не может… Я хочу сказать, что это невероятно, чтобы ты…

— Я не смогу получать с Лето ту радость, которую получаю с тобой. Для него это невозможно. Он признался мне в этом.

— Но почему тогда он не может… Если он действительно тебя любит…

— У него гораздо более широкие планы и потребности. — Она взяла обеими руками правую руку Айдахо. — Я поняла это сразу, как только стала к нему присматриваться. Его потребности гораздо глубже наших с тобой.

— Что это за планы и какие потребности?

— Спроси у него сам.

— Но ты их знаешь?

— Да.

— То есть ты веришь в эти истории о…

— В нем очень много честности и доброты. Это подтверждает и моя реакция на него. Мои иксианские хозяева вложили в меня некое вещество, которого оказалось слишком много, а оно открывает мне больше, чем они рассчитывали.

— Так ты веришь ему? — обвиняющим тоном воскликнул Айдахо и попытался вырвать руку.

— Если ты пойдешь к нему, Дункан, и…

— Он никогда больше не увидит меня!

— Увидит.

Она поднесла ко рту его руку и поцеловала его пальцы.

— Я заложник, — проговорил Айдахо. — Ты наполнила меня страхом за нас обоих…

— Я никогда не думала, что служить Богу легко, — сказала она. — Но я не могла даже предположить, что это настолько тяжко.

Моя память обладает весьма любопытным свойством, которым, как я надеюсь, могут обладать и другие. Меня постоянно изумляло, с каким старанием люди отгораживаются от своей предковой памяти, защищая себя толстой стеной мифов. О, я не жду, конечно, что они станут искать переживаний каждого момента в жизни своих предков, как это происходит со мной. Я могу понять их упорное нежелание вникать в мелкие подробности жизни предшественников. У вас есть веские основания опасаться, что настоящая жизнь станет беднее, если ее заслонит живое воспоминание о прошлом. Однако значение настоящего скрывается в смысле прошлого. Мы несем с собой всех наших предков с их радостями, переживаниями, горестями, муками и свершениями, словно живую волну. В этой памяти нет ничего лишнего и бессмысленного. Каждая мелочь оказывает воздействие на настоящее, и так будет до тех пор, пока будет жить человечество. Вокруг нас сияющая бесконечность, тот Золотой Путь непреходящего, которому

мы приносим свою пусть незначительную, но вдохновенную верность.

(Похищенные записки)

— Я вызвал тебя, Монео, в связи с тем, что мне сообщили мои гвардейцы, — сказал Лето.

Они стояли в темноте крипты, и Монео вспомнил, что самые свои болезненные решения Бог-Император принимал именно здесь. Монео тоже слышал эти сообщения. Он ждал вызова с минуту на минуту, и когда после ужина его вызвали к Императору, мажордома охватил липкий страх.

— Речь идет… о Дункане, господин?

— Естественно, о Дункане!

— Мне сказали, господин, что его поведение…

— Убийственное поведение, Монео?

Монео склонил голову.

— Если вы так говорите, господин.

— Через какое время тлейлаксианцы смогут поставить нам нового Дункана?

— Они говорят, что у них возникли проблемы. Это может занять около двух лет.

— Ты знаешь, что мне рассказали мои гвардейцы, Монео?

Тот затаил дыхание. Если Бог-Император знает о последних… Нет! Даже Говорящие Рыбы устра-

шились такого противостояния. Если бы речь шла о ком угодно, кроме Дункана, то женщины сами устранили бы этого человека.

— Ну, Монео, я жду.

— Мне сказали, господин, что он собрал своих Говорящих Рыб и опросил их относительно их происхождения. В каких мирах они родились. Кто были их родители и как проходило их детство?

— Ответы его не удовлетворили.

— Он был очень испуган, господин, и продолжал настаивать.

— Словно от повторения он мог выяснить настоящую правду.

Монео от души надеялся, что это единственная проблема, беспокоившая Лето.

— Почему Дунканы всегда так поступают, господин?

— Причиной этому служит их обучение, раннее обучение, еще у первых Атрейдесов.

— Но насколько это отличается от…

— Атрейдесы сами служили людям, которыми правили. Мера их правления отражалась как в зеркале на состоянии тех, кем они управляли. Дунканы всегда хотели знать, как живет народ.

— Одну ночь он провел в деревне, господин. Побывал он и в нескольких городках. Он видел…

— Все зависит от того, как ты толкуешь результат, Монео. Свидетельство ничего не значит без суждения.

— Но я знаю, что он судит, господин.

— Мы все так поступаем, Монео, но Дункан склонен верить, что эта вселенная является заложницей моей воли. Они знают, что невозможно ошибаться, если выступаешь от имени правды.

— Это то, что он говорит вам…

— Это то, что говорю я. Это то, что говорят все Атрейдесы, которые живут во мне. Эта вселенная не потерпит такого насилия. То, что ты пытаешься сделать, не будет долговечным, если ты…

— Но, господин, вы ведь не делаете неверных вещей.

— Бедный Монео, ты просто не видишь, что я создал колесницу несправедливости.

Монео потерял дар речи. Он понял, что мягкость возобладала сейчас в Боге-Императоре. Но в теле его наступали изменения, слишком хорошо знакомые Монео, к тому же Лето так близко… Монео оглянулся — они находились в самом центре крипты — там, где произошло так много смертей, правда о которых не покинула подземелье.

Неужели пробил мой час?

Лето задумчиво произнес:

— Нельзя добиться успеха захватом заложников. Это одна из форм рабства. Один человек не может владеть другими людьми. Эта вселенная не допускает таких вещей.

Слова доходили до сознания Монео словно через завесу кипящего ужаса — тело Лето пришло в едва заметное движение. С Лето происходила трансформация.

Грядет Червь!

Монео снова тревожно оглядел крипту. Это гораздо хуже зала! Слишком далеко до безопасного места.

— Итак, Монео, что ты можешь мне ответить?

Мажордом перешел на шепот:

— Слова господина просветили меня.

— Просветили? Так до сих пор ты был непросвещенным?

Монео был в полном отчаянии.

— Но я служу своему господину!

— Ты согласен, что служишь Богу?

— Да, господин.

— Кто создал твою религию, Монео?

— Вы, господин.

— Это разумный ответ.

— Благодарю вас, господин.

— Не благодари меня! Скажи, какие религиоз-

ные институты сохраняются вечно?

Монео отступил на четыре шага.

— Встань где стоял! — приказал Лето.

Дрожа всем телом, Монео тупо покачал головой. Наконец ему задали вопрос, на который не было ответа. Неспособность ответить — это смерть, и он ждал ее, склонив голову.

— Тогда я скажу тебе это, бедный раб!

Монео исполнился последней надежды. Он поднял взор на Бога-Императора и увидел, что глаза не блестят, а руки не подергиваются. Возможно, Червь не пришел.

— Вечно существуют отношения смертных — отношения «господин — раб». Именно этот институт делает религию вечной, — сказал Лето. — Это отношение создает арену, на которую рвутся гордые сыны человечества, охваченные предрассудками своей ограниченности!

Монео мог только кивнуть в ответ. Не дрожат ли руки Бога? Не прячется ли лицо в складках кожи?

— Тайное признание позора — вот на что напрашиваются Дунканы, — продолжал Лето. — У Дунканов очень велика страсть к сопереживанию в отношении товарищей и ограничены способности к товариществу.

Когда-то Монео изучал внешность древних червей Дюны, гигантские пасти, усаженные острыми, как ножи, зубами и изрыгающие всепоглощающий огонь. На последнем кольце тела Лето было заметно небольшое возвышение. Не станет ли оно со временем пастью, расположенной ниже человеческого лица?

— В глубине души Дунканы знают, что я сознательно проигнорировал заповеди Магомета или Моисея, — сказал Лето. — А это знаешь даже ты, Монео!

Это было прямое обвинение. Монео едва не кивнул, но опомнился и отрицательно покачал головой. *Может быть, стоит начать отступление*, подумал он. По опыту Монео знал, что такие лекции обычно заканчиваются явлением Червя.

— В чем может заключаться такая заповедь? — издевательски спросил Лето.

Монео позволил себе слегка пожать плечами.

Внезапно Лето заговорил раскатистым баритоном вместо нежного тенора. Раскаты его голоса заполнили крипту. Это был древний голос, которым он говорил на протяжении многих столетий:

— Вы рабы Бога, а не рабы рабов!

Монео в отчаянии заломил руки.

— Но я служу тебе, Господи!

— Монео, Монео, — тихим, увещевающим голосом заговорил Лето. — Миллион грешников не создадут одного праведного. Праведность становится известной потому, что пребывает вечно.

Монео, весь дрожа, хранил молчание.

— Я хотел спарить Хви с тобой, Монео, — сказал Лето. — Но теперь слишком поздно.

Прошло несколько мгновений, пока до Монео дошел смысл слов Лето. Слова казались вырванными из какого-то неведомого контекста, висящими в воздухе. *Хви? Кто такая Хви? О, это же невеста Бога-Императора. Иксианка… Спарить ее со мной?*

Монео в ужасе тряхнул головой.

Лето произнес невыразимо печальным голосом:

— Ты тоже прейдешь, и неужели все твои деяния забудутся словно пыль?

Без всякого предупреждения Лето соскочил с тележки и, разогнув свое тело, со страшной скоростью махнул хвостом в нескольких сантиметрах от Монео. Тот вскрикнул и отскочил в сторону.

— Монео!

Этот оклик остановил мажордома у входа в лифт.

— Испытание, Монео! Я хочу испытать Сиону завтра!

Познание того, кто я есть, приходит во вневременной осознанности, которая не стимулирует и не вводит в заблуждение. Я творю поле, лишенное самости или центра, поле, в котором даже смерть воспринимается как некая аналогия. Мне не нужен результат. Я просто допускаю существование этого поля, которое не имеет ни цели, ни желания, ни совершенства, ни даже видимости постижения. Это поле пронизано вездесущим первичным сознанием, и это все. Это свет, который проливается сквозь окна моей вселенной.

(Похищенные записки)

Взошло солнце и своими беспощадными лучами осветило дюны. Лето ощущал нежную мягкость песка всем своим исполинским телом. Правда, его человеческий слух, воспринимая жесткий шорох песчинок, давал понять человеческому сознанию Императора, что мягкость эта существует только для Червя. Таков был постоянный сенсорный конфликт, который Лето научился воспринимать как данность.

Лето слышал, как позади него по песку шагает Сиона, слышал легкость ее походки, тихий звук

осыпающегося под ее ногами песка, усиливавшийся по мере того, как девушка взбиралась все выше на дюну.

Чем дольше я буду тянуть время, тем уязвимее стану, подумал он.

Эта мысль часто посещала его в последнее время, когда он уходил в Пустыню. Он взглянул вверх. Небо было безоблачным и такого глубокого интенсивного синего цвета, какого не знало небо древней Дюны.

Чем была бы Пустыня, лишившаяся безоблачного неба? Плохо, что нет у неба теперь серебристого оттенка.

Небо контролировали иксианские спутники, правда, не всегда так, как того хотелось бы Лето. Такое совершенство было вполне мыслимо в машинном исполнении, но его никогда не удавалось достичь — ведь машинами управляют люди. Тем не менее спутники смогли обеспечить терпимое качество неба сегодня утром. Он вдохнул в свои человеческие легкие побольше воздуха, ожидая приближения Сионы. Она остановилась. Не оборачиваясь, он знал, что она восхищается раскинувшимся пейзажем.

Лето чувствовал образ этого пейзажа, как волшебник, который приложил руку к его физи-

ческому созданию. Он ощущал присутствие спутников. Это был изящный инструмент, который исполнял музыку для танца теплых и холодных воздушных масс, управляя вертикальными и горизонтальными воздушными потоками. Было забавно думать, что иксианцы считали, будто он применит эти машины для установления своего гидравлического деспотизма — отнимая влагу у тех, кто станет противиться правителю, и наказывая других ослушников страшными бурями. Как они удивились, поняв, что ошиблись.

Моя власть не столь груба и прямолинейна.

Медленно, аккуратно, он заскользил вниз с дюны, плывя в песке и не оборачиваясь назад на длинную иглу своей башни и без того зная, что сейчас она исчезнет из виду в знойном мареве.

Сиона шла за ним с несвойственной для себя покорностью. Сомнение сделало свое дело. Она прочла похищенные ею записки. Она прислушалась к напутствиям своего отца. Теперь она просто не знает, что ей думать.

— Что это за испытание? — спросила она у Монео. — Что он будет делать?

— Он никогда не повторяется, — ответил Монео.

— Как он испытывал тебя?

— У тебя все будет по-другому. Я только собью тебя с толку, если расскажу, как это происходило со мной.

Лето тайно подслушал, как Монео готовил свою дочь к испытанию, как одевал ее в старинный фрименский защитный костюм и башмаки с присосками, как накинул на нее сверху плотную темную накидку. Монео ничего не забыл.

Застегнув Сионе ботинки, Монео снизу вверх взглянул на дочь.

— Придет Червь. Это единственное, что я могу сказать наверняка. Тебе придется научиться жить в присутствии Червя.

Он встал и рассказал Сионе, как действует защитный костюм, сохраняя ее собственную влагу. Он заставил ее саму вынуть трубку из клапана и снова застегнуть, а потом запечатать трубку.

— Ты останешься в Пустыне наедине с ним, — сказал Монео. — Шаи-Хулуд всегда близко, когда находишься в Пустыне.

— Что будет, если я откажусь идти? — спросила она.

— Ты пойдешь… но можешь и не вернуться.

Этот разговор состоялся в зале первого этажа Малой Цитадели, пока Лето ждал в верхнем зале. Когда Сиона была готова, он спустился вниз на те-

лежке, с включенной подвеской. Лето направил свою тележку вслед за Монео, за тележкой следовала Сиона. Выйдя наружу, Монео направился к орнитоптеру, раздался свист крыльев, и машина взмыла в воздух. Лето велел Сионе проверить, закрыта ли дверь зала первого этажа, и взглянул вверх, на вершину неимоверно высокой башни.

— Единственный путь отсюда лежит через Сарьир, — сказал он.

Он прокладывал путь вперед, не приказывая ей следовать за собой, зная, что ее ведут здравый смысл, любопытство и сомнения.

Лето скатился по отлогому склону дюны вниз, к скалистому основанию, затем поднялся вверх по следующему склону по пологой спирали, проторив путь для Сионы. Древние фримены называли такие следы «Божьим даром уставшим». Лето продвигался вперед медленно, давая понять Сионе, что здесь его и только его владения, место его естественного обитания.

Поднявшись по склону на очередную дюну, Лето остановился и, оглянувшись, посмотрел, как Сиона поднимается вслед за ним. Она держалась проторенного пути и остановилась, как только достигла вершины. Она скользнула взглядом по его лицу, потом окинула взором горизонт. Лето

слышал, как она судорожно вздохнула. Знойное марево скрыло очертания спиралеобразной башни. Основание ее можно было принять за отрог скалы.

— Вот как все было тогда, — сказал он.

Он знал, что в этом пейзаже было что-то мистически притягательное для людей, в чьих жилах текла фрименская кровь. Он специально выбрал для испытания эту дюну — она была выше остальных.

— Хорошенько всмотрись в пейзаж, — сказал он и, скатившись с дюны, исчез из поля зрения Сионы.

Она еще раз медленно обвела взглядом Пустыню.

Лето прекрасно представлял себе, что сейчас чувствует и переживает девушка. Кроме призрачного видения башни, на всей линии горизонта не было ни единого выступа — вокруг расстилалась совершенно плоская равнина. С того места, где стояла Сиона, горизонт замыкался линией диаметром восемь километров — далее кривизна планеты скрывала все, находившееся за линией. Лето заговорил с того места, где находился, — прямо под гребнем дюны.

— Это настоящий Сарьир. Его можно познать

только так, находясь посередине и стоя ногами на земле. Это все, что осталось от *бахр бела ма.*

— Океан без воды, — прошептала Сиона.

Она еще раз оглянулась и всмотрелась в горизонт.

Ветра не было, и Лето понимал, что полная тишина Пустыни безжалостно въедается в человеческую душу. Сиона потеряла все привычные ориентиры и точки опоры. Она была одна среди огромного, всепоглощающего пространства.

Лето взглянул на следующую дюну. Идя в том направлении, они должны были пройти несколько холмов, которые некогда были горами, но ветер и песок сделали свое дело — от гор остались только кучи песка и щебня. Лето продолжал неподвижно лежать, предоставляя тишине делать свое дело. Какое удовольствие было воображать, что ничто не изменилось, и эти дюны по-прежнему опоясывают всю планету. Но теперь даже эти оставшиеся дюны медленно вырождались. С тех пор как пронеслась последняя буря Кориолиса, Сарьир не видел ничего, кроме небольших вихрей и легкого ветра, которые не влияли на климат, ограничиваясь местным распространением.

Вот и сейчас один из таких «ветров дьявола»

вихрем вздымался на небольшом расстоянии от Сионы. Она проследила за продвижением вихря. Вдруг она отрывисто спросила:

— У вас есть своя личная религия?

Несколько мгновений Лето обдумывал ответ. Его всегда поражало, насколько вид Пустыни провоцировал мысли о религии.

— Ты осмеливаешься спрашивать, есть ли у меня личная религия? — требовательно произнес он.

Лето знал, что девушке страшно, но она ничем не проявила своего страха, она повернулась и взглянула ему в глаза. Лето напомнил себе, что отвага всегда была отличительной чертой Атрейдесов.

Она не ответила, тогда Лето продолжил:

— Ты из Атрейдесов; в этом нет никаких сомнений.

— Это и есть ваш ответ?

— Что в действительности ты хочешь знать, Сиона?

— Во что вы верите?

— Ха! Ты спрашиваешь меня о моей вере. Ну что ж — я верю в то, что ничто не может возникнуть из ничего без Божественного вмешательства.

Его ответ озадачил Сиону.

— Но каким образом…

– *Natura non facit saltus,* — сказал он.

Она отрицательно покачала головой, не поняв того, что он сказал. Лето перевел:

— Природа не совершает скачков.

— Что это был за язык? — спросила Сиона.

— На этом языке давно уже никто не говорит в моей вселенной.

— Зачем же вы его используете?

— Для того, чтобы разбудить твою древнюю память.

— У меня нет никакой древней памяти! Я только хочу знать, зачем вы привели меня сюда.

— Для того, чтобы дать тебе почувствовать вкус твоего прошлого. Спускайся сюда и забирайся ко мне на спину.

Она поколебалась, но потом, поняв тщетность сопротивления, спустилась вниз и забралась на спину Лето.

Он подождал, пока она не встала на колени. *В старые времена было не так*, подумал он. У нее не было крюка погонщика, и она не могла стоять у него на спине. Он слегка приподнял над землей свой передний сегмент.

— Зачем я это делаю? — спросила она. По ее тону он понял, что она чувствует себя глупо у

него на спине.

— Я хочу, чтобы ты почувствовала, как наш народ путешествовал по этой земле на спинах гигантских песчаных червей.

Он заскользил по дюне под ее гребнем. Сиона увидела отверстия. Из книг она знала, что это такое, но пульс реальности оказался совсем другим, и ей предстояло двигаться в такт с ним.

Ах, Сиона, подумал Лето, *ты даже не можешь себе представить, какому испытанию я собираюсь тебя подвергнуть.*

Ему самому следовало набраться твердости. *Я не должен испытывать жалости. Если она умрет, то она умрет. Если кто-то из них умирает, то это всего-навсего случай и не более того.*

Он даже напомнил себе, что то же самое относится и к Хви Нори. Просто дело в том, что все они не могут умереть сразу.

Лето почувствовал тот момент, когда Сиона начала получать наслаждение от езды верхом на Черве. Она переместила свой вес, откинувшись назад и подняв вверх голову.

Он направился за дюну, вдоль барханов, отдавшись, как и Сиона, древнему чувству. А на горизонте, впереди, Лето скорее ощущал чем видел остатки бывших там некогда холмов. Эти

остатки были подобны семенам прошлого, ждавшим своего часа, чтобы взойти и напомнить о силах, которые поддерживали когда-то Пустыню в ее первозданном состоянии. Можно было даже на мгновение забыть о том, что Сарьир остался единственным призрачным напоминанием о великой древней Пустыне.

Но иллюзия прошлого тем не менее оставалась. Он ощущал ее в своем стремительном движении. Фантазии, говорил он себе, все это зыбкие фантазии, думал он, принуждая себя сохранять спокойствие. Даже бархан, который он сейчас пересекал, был намного меньше, чем древние барханы, да и дюны стали меньше.

Внезапно вся эта искусственно поддерживаемая Пустыня показалась ему смешной. Он почти остановился на усыпанной мелким гравием поверхности между дюн, но потом заставил себя двигаться дальше, пытаясь восстановить в душе необходимость заставлять систему работать. Он представил себе вращение планеты, которое приводило в движение потоки горячего и холодного воздуха, которые огромными массами перемещались из конца в конец земли — контролируемые и управляемые маленькими спутниками с хитроумными иксианскими при-

борами и концентрирующими тепло дисками. Если следящие аппараты и видели здесь что-то, то только «пустынный рельеф», окруженный фронтами горячего и холодного воздуха. Присутствие Пустыни требовало создания льда на полюсах и еще кое-каких климатических поправок.

Сделать это было нелегко, и Лето прощал специалистам происходившие время от времени неизбежные сбои и ошибки.

Пройдя дюны, Лето на некоторое время потерял душевное равновесие, которое восстановилось после того, как он вырвался на галечный простор срединной Пустыни и отдался ощущению «окаменевшего океана» с застывшими волнами. Он повернул к югу вдоль линии холмов.

Лето знал, что чувства многих людей бывали оскорблены его ощущением судьбоносности Пустыни. Люди чувствовали себя здесь неловко и старались повернуть назад. Однако Сиона не могла повернуть назад. Всюду, куда она бросала взгляд, была Пустыня, и эта Пустыня требовала узнавания и признания. Она ехала на его спине молча, но он знал, что она смотрит на Пустыню во все глаза. В ее душе начинали шевелиться старые-старые воспоминания.

Он двигался по Пустыне уже около трех часов,

добравшись до китообразных дюн, достигавших в длину ста пятидесяти километров и изогнутых в направлении господствующих ветров. За этими дюнами пролегал каменный скалистый коридор, ведший в область звездных дюн высотой около четырехсот метров. Наконец они достигли заплетенных дюн — высокие электрические заряды в атмосфере и высокое давление подняли его настроение. Лето понимал, что такие же чувства скорее всего испытывает и Сиона.

— В этих местах родились песни Золотого Пути, — сказал он. — Они превосходно сохранились в Устном Предании.

Сиона не ответила, но Лето знал, что она хорошо его слышит.

Лето замедлил темп и принялся рассказывать Сионе о фриженских древностях. Она слушала его с нарастающим интересом. Время от времени она даже задавала ему вопросы, но он чувствовал, что вместе с интересом растет и ее страх. С этого места не было видно даже основания башни Малой Цитадели. Не было видно ничего рукотворного. Она, скорее всего, подумала, что он старается развлечь ее, чтобы потом обрушить что-то зловещее.

— Именно здесь зародилось равенство наших

мужчин и женщин, — сказал он.

— Ваши Говорящие Рыбы отрицают такое равенство, — отпарировала Сиона.

Ее голос, полный недоверия, был гораздо лучшим локатором ее положения на его спине, чем сама ее скрюченная фигурка. Лето остановился между двумя заплетенными дюнами и дал стихнуть вихрю кислорода, вырывавшемуся из хвоста.

— В наше время все стало не так, как прежде, — сказал он. — Но у мужчины и женщины эволюционно выработались разные задачи. Однако у фрименов была жесткая взаимозависимость. Это равенство было залогом выживаемости.

— Зачем вы привезли меня сюда? — зло спросила Сиона.

— Оглянись, — ответил он.

Лето почувствовал, как Сиона повернула голову назад. Помолчав, она заговорила:

— Что я должна увидеть?

— Мы оставили какие-нибудь следы? Ты можешь сказать, откуда мы пришли?

— Поднялся небольшой ветер.

— Ты хочешь сказать, что он скрыл следы?

— Кажется, что… да.

— Эта Пустыня делает из нас то, чем мы были и

чем мы остаемся, — сказал он. — Это настоящий музей наших традиций, и ни одна из них в действительности не утеряна.

Лето заметил небольшую песчаную бурю, прошедшую на южном горизонте. Сиона тоже, без сомнения, ее разглядела. Впереди бури поднимались полосы песка и пыли.

— Почему вы не хотите сказать, зачем я здесь? — снова спросила Сиона. В голосе ее явственно звучал страх.

— Но я уже сказал тебе.

— Вы ничего мне не сказали.

— Как далеко от башни мы отошли?

Она задумалась.

— Тридцать километров? Двадцать?

— Дальше, — сказал он. — Я могу двигаться очень быстро по своей земле. Разве ты не чувствовала ветер на своем лице?

— Чувствовала, — ответила Сиона. — Но зачем вы спросили, как далеко мы отошли от башни?

— Сойди с меня и стань так, чтобы я видел тебя.

— Зачем?

Хорошо, подумал он. *Она думает, что я брошу ее здесь и умчусь с такой скоростью, что она не сможет меня догнать.*

— Сойди, и я все тебе объясню, — сказал он.

Она соскользнула с его спины, обошла и приблизилась к его лицу.

— Время движется быстро, когда чувства полны, — сказал он. — Мы двигались больше четырех часов и прошли шестьдесят километров.

— Почему это так важно?

— Монео положил в карман накидки сухой паек, — сказал он. — Поешь немного, и я все тебе расскажу.

Сиона нашла в кармане кубик сухого протомора и, глядя на Лето, начала жевать его. Кубик был аутентичен старинному фрименскому. В него было даже добавлено немного меланжи.

— Ты почувствовала свое прошлое, — сказал он. — Теперь ты должна приобрести чувствительность к будущему, к Золотому Пути.

Она проглотила кусок.

— Я не верю в ваш Золотой Путь.

— Если тебе суждено выжить, ты в него поверишь.

— В этом и заключается ваше испытание? Верь в путь Великого Бога Лето или умри?

— Тебе не надо верить в меня во что бы то ни стало. Тебе надо поверить в себя.

— Но тогда зачем мне знать, насколько далеко

мы ушли?

— Чтобы понимать, сколько тебе придется идти.

Она коснулась рукой щеки.

— Я не…

— Ты сейчас стоишь непосредственно в центре бесконечности. Оглянись и пойми, что такое бесконечность, в чем ее сокровенный смысл.

Она посмотрела вправо и влево. Вокруг была Пустыня в своей нетронутой величавости.

— Мы пойдем из нашей Пустыни вместе, — сказал он. — Ты и я.

— Вы не пойдете, — зло огрызнулась она.

— Это фигуральное выражение. Но ты пойдешь. В этом я тебя уверяю.

Она посмотрела в направлении, откуда они пришли.

— Вот почему вы спрашивали о следах.

— Если бы даже они сохранились, ты не смогла бы дойти обратно. В Малой Цитадели нет ничего, что помогло бы тебе выжить.

— Даже воды?

— Ничего.

Она отстегнула трубку, отсосала оттуда немного воды и пристегнула трубку на место. Он заметил, с какой тщательностью она запечатала конец

трубки, хотя не застегнула клапан рта, но Лето слышал, что отец предупреждал ее об этом. Сиона хотела оставить рот свободным для разговора.

— Вы говорите, что я не смогу бежать от вас, — сказала она.

— Беги, если хочешь.

Она обошла Лето кругом, осматривая пустынную окрестность.

— Есть поговорка об открытой Пустыне, — сказал он. — «Одно направление ничуть не лучше другого». В какой-то степени это верно и сейчас, но для меня это не имеет значения.

— Значит, я не вполне свободна покинуть вас, если захочу?

— Свобода — это довольно одинокое состояние, — заметил Лето.

Она указала на крутой склон дюны, на которой они остановились.

— Но я могу спуститься и…

— Будь я на твоем месте, Сиона, я не стал бы спускаться здесь.

Она посмотрела на него горящим взглядом.

— Почему?

— Если ты не пройдешь по естественным ложбинкам, то песок обрушится и погребет тебя.

Раздумывая над его словами, она задумчиво

посмотрела вниз.

— Видишь, какими красивыми могут быть слова? — спросил он.

Она посмотрела ему в лицо.

— Нам надо идти?

— С сего дня ты научишься ценить отдых. И вежливость. Нам некуда спешить.

— Но у нас нет воды, кроме…

— Если ею мудро пользоваться, то защитный костюм сохранит тебе жизнь.

— Но сколько времени нам понадобится, чтобы дойти…

— Твое нетерпение начинает меня тревожить.

— Но у нас есть только этот сухой паек в кармане. Что мы будем есть, когда…

— Сиона, ты не замечаешь, что характеризуешь свое положение как обоюдное? Что мы будем есть? У нас нет воды. Как мы пойдем? Как долго нам придется идти?

Он почти физически ощутил, как у нее пересохло во рту, когда она попыталась сглотнуть исчезнувшую слюну.

— Значит ли это, что мы взаимозависимы? — спросил он.

Она неохотно заговорила:

— Я не знаю, как тут можно выжить.

— А я знаю?

В ответ она кивнула.

— Но почему я должен делить с тобой это драгоценное знание?

Она пожала плечами, и этот жалкий жест тронул его до глубины души. Как быстро Пустыня меняет прежние отношения.

— Я разделю с тобой свои знания, — сказал он. — Но и ты должна найти что-то стоящее, что сможешь разделить со мной.

Она смерила взглядом его тело, задержавшись на тех местах, где прежде были его ноги, и, переведя взор на лицо Лето, сказала:

— Согласие, купленное ценой угрозы, не есть согласие.

— Я не предлагаю тебе насилие.

— Существует много видов насилия, — сказала она.

— А я доставил тебя сюда, где ты можешь умереть.

— Разве у меня был выбор?

— Это тяжелый жребий — родиться Атрейдесом, — ответил он. — Поверь мне, я знаю.

— Нельзя делать это таким способом, — возразила она.

— Вот в этом ты ошибаешься.

Он отвернулся и по синусоиде спустился с дюны. Через мгновение Лето услышал, как Сиона, скользя и спотыкаясь, последовала за ним. Он остановился в тени дюны.

— Мы переждем здесь до конца дня, — сказал он. — Надо идти ночью, чтобы сэкономить воду.

Одним из самых ужасных слов в любом языке является слово «солдат». Вот парад синонимов, прошедший сквозь всю нашу историю: иогахни, патрульный, гусар, караиб, казак, деранзиф, легионер, сардаукар, Говорящая Рыба. Я знаю все синонимы. Вот они стоят, выстроившись в шеренгу в глубинах моей памяти, говоря: «Всегда будь уверен, что за тобой сильная армия».

(Похищенные записки)

Айдахо наконец встретил Монео в длинном подземном коридоре, соединяющем восточный и западный крылья Цитадели. В течение двух часов после рассвета Айдахо обошел всю Цитадель в поисках мажордома и наткнулся на него в подземелье. Монео разговаривал с кем-то, скрытым за дверью, но мажордома можно было узнать издали по осанке и по заметной белой форме.

Пластоновые стены имели здесь, на глубине около пятидесяти метров, янтарный оттенок и освещались длинными светящимися полосками, которые включались в дневные часы. Вдоль коридора дул прохладный ветерок, который создавали лопасти нескольких башен, стоявших по периметру Цитадели и похожих на одетые

в накидки фигуры. Сейчас солнце уже нагрело песок, и лопасти развернулись фронтом к северу, чтобы гнать в подземелье прохладный воздух. Айдахо вдыхал кремнистый запах, занесенный сюда из пустыни Сарьира.

Айдахо понимал, что должен символизировать этот подземный коридор. Он действительно напоминал древний сиетч. Коридор был широким, в нем вполне могла поместиться тележка Лето. Сводчатый потолок выглядел каменным. Но сдвоенные светящиеся полосы создавали некоторый диссонанс. Айдахо никогда не видел полос в Цитадели. В его дни они считались непрактичными: они требовали слишком много энергии и дорогостоящего текущего ремонта. Шаровые светильники были практичнее, дешевле, их было легко заменять. Он, однако, понял, что Лето считал непрактичными немногие вещи.

Кто-то обеспечивает то, что хочет иметь Лето.

Эта мысль приобрела зловещий оттенок, когда Айдахо приблизился к Монео.

Маленькие помещения были расположены в подземелье, как в древнем сиетче. Дверей не было, вход закрывался легкими занавесками, развевавшимися на ветру. Айдахо знал, что здесь

живут молодые Говорящие Рыбы. Вот залы сбора, склады оружия, кухня, столовая, магазины. Видел он и многое другое, что не могли скрыть тонкие занавески. Эти зрелища вызывали его ярость.

При приближении Айдахо Монео оглянулся. Женщина, с которой разговаривал Монео, опустила занавеску, но Айдахо успел мельком на нее взглянуть. Это была женщина в солидном возрасте, одна из командиров, но Айдахо не смог вспомнить ее имени.

Монео кивнул, когда Айдахо оказался на расстоянии двух шагов от него.

— Гвардейцы сказали, что ты разыскиваешь меня, — сказал Монео.

— Где он, Монео?

— Где кто?

Монео оглядел фигуру Айдахо с ног до головы. На Дункане была надета старинная форма Атрейдесов — черно-красный ястреб на груди, высокие, начищенные до блеска высокие сапоги. В облике этого человека было что-то торжественно-ритуальное.

Айдахо порывисто вздохнул и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Не стоит играть со мной в эти игры!

Монео отвел взгляд от ножа, висевшего в

ножнах на поясе Айдахо. С инкрустированной драгоценными камнями рукояткой это оружие выглядело музейным экспонатом. Где только Дункан нашел его?

— Если ты имеешь в виду Бога-Императора… — начал Монео.

— Где?

Монео не сменил интонацию:

— Почему ты так хочешь умереть?

— Мне сказали, что ты был с ним.

— Это было раньше.

— Я найду его, Монео!

— Не сейчас.

Айдахо схватился за нож.

— Мне надо применить силу, чтобы заставить тебя говорить?

— Вот этого я тебе не советую.

— Где… он?

— Ну, если ты так настаиваешь, то могу сказать, что он в Пустыне с Сионой.

— С твоей дочерью?

— Ты знаешь другую Сиону?

— Что они там делают?

— Она проходит свое испытание.

— Когда они вернутся?

Монео пожал плечами:

— К чему этот излишний гнев, Дункан?

— В чем заключается это испытание твоей…

— Я не знаю. Но почему ты так расстроен?

— Меня тошнит от этого места? Говорящие Рыбы! — Он с отвращением отвернулся и сплюнул.

Монео посмотрел вдоль коридора, вспомнив, как приближался к нему Айдахо. Зная Дунканов, можно было легко понять причину его ярости.

— Дункан, — сказал Монео, — это совершенно нормально для молодых женщин, как, впрочем, и для молодых мужчин, испытывать чувство полового влечения к представителям своего пола. Большинство из них перерастет эти влечения.

— Их надо искоренить!

— Это часть нашего наследия.

— Искоренить! И это никакое…

— О, успокойся. Если ты попытаешься искоренить это силой, то порок расцветет еще более пышным цветом.

Айдахо в ярости уставился на Монео.

— И после этого ты говоришь, что не знаешь, что происходит в Пустыне с твоей собственной дочерью?!

— Сиона проходит испытание, я же сказал тебе.

— Но что означает это испытание?

Монео прикрыл глаза руками и вздохнул. Он опустил руки и подумал, что заставляет себя связываться с этим глупым, опасным и древним человеком.

— Это означает, что она может умереть.

Айдахо отпрянул, гнев его немного остыл.

— Как ты мог допустить?

— Допустить? Ты думаешь, что у меня был выбор?

— Каждый человек может сделать выбор!

Горькая усмешка коснулась губ Монео.

— Как так получилось, что ты оказался глупее всех других Дунканов?

— Других Дунканов! — повторил Айдахо. — Как умирали эти другие, Монео?

— Так, как мы все умираем. Они выпадали из связки времен.

— Ты лжешь. — Айдахо цедил слова сквозь стиснутые зубы, костяшки пальцев руки, сжимавшей рукоять ножа, побелели.

Монео продолжал говорить мягко и вкрадчиво:

— Берегись. У меня тоже есть границы терпения, особенно сейчас.

— Это гнилое место! — крикнул Айдахо. Он обернулся и окинул взглядом коридор. — Там

происходят вещи, которые я не могу принять!

Монео невидящим взглядом посмотрел в ту же сторону.

— Ты должен повзрослеть, Дункан. Должен.

Рука Айдахо застыла на рукоятке ножа.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сейчас очень неустойчивое время. Всего, что может вызвать его волнение, надо всячески избегать… этого просто нельзя допустить.

Айдахо с трудом удерживался от того, чтобы не ударить мажордома. Его удерживало нечто загадочное в поведении Монео. Однако были сказаны слова, которые нельзя было пропускать мимо ушей.

— Я не незрелый ребенок, как ты, может быть…

— Дункан! — Монео впервые повысил голос почти до крика. От неожиданности Айдахо выпустил из руки нож, а Монео продолжал: — Если твоя плоть стремится к зрелости, но что-то удерживает ее, то на этой почве развиваются отклонения в поведении. Иди.

— Ты… обвиняешь… меня… в?..

— Нет! — Монео указал рукой вдоль коридора. — О, я знаю, что ты там видел, но это…

— Две женщины, слившиеся в страстном поце-

луе! Ты думаешь, что это не…

— Это действительно не важно. Юность пробует свою силу множеством способов.

Айдахо, едва сдерживая себя, качнулся вперед на носках.

— Очень рад узнать это о тебе, Монео!

— Да, это очень хорошо, но я тоже узнавал кое-что и о тебе, причем несколько раз.

Монео с наслаждением следил, какое действие оказали на Айдахо его слова. Дункан был потрясен. Гхола никогда не могут избавиться от чар того, что делали до них другие гхола.

Айдахо заговорил хриплым шепотом:

— И что же ты узнал?

— Ты научил меня одной очень ценной вещи, — сказал Монео. — Все мы стремимся реализоваться, но если что-то тормозит нас, то мы ищем выхода в боли — мы или ищем ее для себя, или причиняем ее другим. Особенно уязвимы в этом отношении подростки.

Айдахо вплотную приблизился к Монео.

— Я говорю о сексе!

— Конечно.

— Ты обвиняешь меня в том, что я подросток…

— Да, это так.

— Я перережу тебе…

— Заткнись!

В голосе Монео не было нюансов Голоса Бене Гессерит, но в нем была привычка повелевать, и Айдахо подчинился.

— Прости, — сказал Монео. — Но я очень расстроен из-за того, что моя единственная дочь… — Он осекся и пожал плечами.

Айдахо дважды глубоко вздохнул.

— Вы все здесь сошли с ума! Ты говоришь, что твоя дочь может умереть и, однако…

— Ты глупец! — рявкнул Монео. — Ты что, не понимаешь, что мне нет никакого дела до твоих мелких забот! Твои глупые вопросы и твои эгоистичные… — Он печально тряхнул головой.

— Я прощаю тебя, потому что у тебя личные проблемы, — сказал Айдахо, — но если ты…

— Прощаешь! Ты меня прощаешь? — Монео задрожал от ярости. Это было уже слишком!

Но Айдахо упорствовал:

— Я могу простить тебя за…

— Ты! Болтаешь о сексе, прощении и боли и… ты думаешь, ты и Хви Нори…

— Не смей о ней говорить!

— О да. Она не имеет к этому никакого отношения! Ты занимаешься с ней сексом и не думаешь с ней расставаться. Скажи мне, глупец, как ты

можешь что-то дать перед лицом этого?

Ошарашенный Айдахо глубоко вдохнул. Он не предполагал, что вечно мягкий и спокойный Монео способен на такой страстный монолог. Но это нападение, эта атака, это не могло быть…

— Ты думаешь, что я жесток? — спросил Монео. — Я просто заставляю тебя думать о тех вещах, которых ты попросту избегаешь. Ха! Более жестокие вещи делались в отношении Господа Лето только из одной жестокости.

— Ты защищаешь его? Ты…

— Я лучше его знаю!

— Он использует тебя!

— Для какой цели?

— Об этом мне скажешь ты!

— Он наша единственная надежда остаться в веках…

— Извращенец не может остаться в веках!

Монео снова заговорил спокойно, но его слова потрясли Айдахо.

— Я скажу тебе это только один раз. Гомосексуалисты были среди самых лучших воинов в нашей истории, это были берсерки, неистовые в бою. Они были среди лучших священников и жриц. Требование безбрачия не случайно в истории религии. Не случайно и то, что из недозревших

подростков получаются лучшие солдаты.

— Это извращение!

— Совершенно верно! Военные начальники на протяжении многих столетий знали, что извращенное влечение превращается в боль.

— Именно этим и занимается Великий Бог Лето?

Монео так же мягко ответил:

— Насилие предполагает, что ты навлекаешь боль и страдаешь от нее. Насколько лучше управлять войском, которое движимо этим древнейшим инстинктом.

— Он и из тебя сделал чудовище!

— Ты предположил, что он использует меня, — сказал Монео. — Я допускаю это, потому что знаю, что цена, которую он платит, намного больше, чем та, что он требует с меня.

— Даже твою дочь?

— Он ничего не получит за это. Почему должен получить я? О, я думаю, ты понимаешь, что значит быть Атрейдесом. Дунканы всегда были хороши в этом.

— Дунканы! Будь ты проклят, я не буду…

— У тебя просто не хватает духу платить цену, которую он просит, — сказал Монео.

Молниеносным движением Айдахо выхватил

из ножен кинжал и бросился на Монео. Как ни быстро он двигался, Монео оказался быстрее — он отступил в сторону и, выполнив подсечку, толкнул Дункана, который лицом вниз полетел на пол.

Он лежал на полу, медленно осознавая, что только что напал на Атрейдеса. Монео был Атрейдесом. Потрясение сделало Айдахо неподвижным.

Монео стоял и молча смотрел сверху вниз на лежащего Айдахо. В лице мажордома была невыразимая печаль.

— Если ты хочешь убить меня, Дункан, то лучше бей меня тайком в спину. Тогда, может быть, ты достигнешь успеха.

Айдахо поднялся на одно колено и застыл в этом положении, все еще сжимая нож. Монео двигался так легко, так грациозно… так… небрежно! Айдахо откашлялся.

— Как ты сумел…

— Он очень долго тренировал нас, Дункан, укрепляя в нас силу и ловкость. Он сделал нас быстрыми, умными, способными к самоограничению, понятливыми. Ты… ты просто устаревшая модель.

Знаете ли вы, что чаще всего утверждают повстанцы? Они говорят, что их мятеж неуязвим для экономической войны, поскольку они не имеют собственной экономики, а паразитируют на тех, кого собираются ниспровергнуть. Эти глупцы просто не в состоянии понять, какой монетой им неизбежно приходится платить. Такая картина повторяется из века в век с дегенеративной неумолимостью. Вы можете наблюдать ее в рабовладельческих обществах, в преуспевающих странах с кастовой организацией государства, в странах с социальной бюрократией – короче, в любой системе, где имеется зависимость. Слишком долгий паразитизм приводит к необходимости формирования образа врага.

(Похищенные записки)

Лето и Сиона весь день пролежали в тени дюны, передвигаясь лишь вслед за солнцем. Он учил ее, как защититься от зноя, зарывшись в песок; в тени дюн никогда не бывает по-настоящему жарко.

Во второй половине дня Сиона прижалась к Лето в поисках тепла — девушка начала мерзнуть,

а Лето буквально источал тепло.

Временами они разговаривали. Лето рассказывал Сионе о благодатных фрименских обычаях, которые некогда царили в этой Пустыне. Она же пыталась приобщиться к его тайным знаниям.

Раз он сказал ей:

— Это может показаться тебе весьма странным, но именно здесь, в Пустыне, я в наибольшей степени чувствую себя человеком.

Его слова не произвели на девушку должного эффекта, она так и не поняла своей человеческой уязвимости, не осознала, что может умереть в этой Пустыне. Даже когда они молчали, Сиона не закрывала лицевой клапан, оставляя открытым рот.

Лето понимал подсознательную мотивацию такого упрямства, но не стал ничего говорить, сознавая бесполезность такого директивного поведения.

Поздним вечером, когда в долину вполз ночной холод, Лето начал развлекать Сиону песнями Золотого Пути, которые не сохранило Устное Предание. Ему доставило удовольствие, что девушке понравился «Марш Лиета».

Это действительно очень древняя песня — она родилась в ту эпоху, когда люди еще не летали

с планеты на планету, а жили на старой доброй Земле.

— Вы не споете ее еще раз?

Для исполнения Лето выбрал лучший баритон давно умершего артиста, выступления которого некогда проходили в неизменно переполненных залах.

Далекого прошедшего стена
Спасет от диких вод меня,
Которые неслись потоком!
Источников стремительных игра
Пещеры роет в глине дна
Под вод крутящим током.

Когда Лето закончил петь, Сиона некоторое время молчала, потом удивилась:

— Это очень странная для марша песня.

— Она нравилась им, потому что ее можно было понять, так сказать, расчленить.

— Расчленить?

— Еще до того как наши фрименские предки явились на эту планету, ночь была временем для рассказов историй, пения и чтения стихов. Во дни Дюны, однако, все это делалось уже в искусственном мраке, в темноте пещер сиетчей. Ночью же

люди могли выйти из пещер и передвигаться… вот как мы с тобой.

— Но вы сказали «расчленить».

— Что означает эта песня?

— О, ну… это просто песня.

— Сиона!

Она услышала в его голосе гневные нотки и промолчала.

— Эта планета — дитя Червя, — предупредил он ее, — а Червь — это я.

Она ответила с поразительной беззаботностью:

— Объясните мне, что значит эта песня.

— Насекомое имеет не больше свободы в своем муравейнике, чем мы в своем прошлом. Пещеры были вырыты здесь, а послания писались вихрями песка.

— Я предпочитаю танцевальные песенки, — сказала Сиона.

Это был очень дерзкий ответ, но Лето воспользовался им для перемены темы разговора. Он рассказал ей о свадебных танцах фременов, которые возникли под влиянием дьявольской пляски песка в бурю. Лето был горд своим умением рассказывать истории. По ее жадному вниманию было видно, что Сиона явственно представляет

себе, как танцуют фрименские женщины, откинув назад длинные черные волосы, обрамляющие их давно мертвые лица.

Лето замолчал, когда над Пустыней сгустились ночные сумерки.

— Пойдем, — сказал он. — Утро и вечер — время силуэтов. Мы посмотрим, кто еще разделит с нами нашу Пустыню.

Вслед за Лето Сиона поднялась на гребень дюны и вгляделась в темнеющий пейзаж. Высоко над их головами парила какая-то птица, внимание которой они привлекли. По форме распластанных крыльев и по их расщепленным концам Лето понял, что это гриф. Он показал его Сионе.

— Чем он питается? — спросила она.

— Падалью или издыхающими животными, — ответил Лето.

Ответ поразил ее, и она внимательно вгляделась в маховые перья птицы, на которые падал отблеск заходящего солнца.

Лето продолжал говорить:

— Иногда в мой Сарьир заглядывают люди. Временами сюда забредают музейные фримены и… пропадают. Они и в самом деле пригодны только для ритуалов. Есть тут окраины Пустыни и остатки того, что не тронули мои волки.

При этих словах Сиона отвернулась, но Лето успел заметить сильную страсть, которая снедала девушку. Это было суровым испытанием для Сионы — ей стало больно.

— Дневная Пустыня беспощадна, в ней мало благодати, — продолжал Лето. — Есть и еще одна причина, по которой здесь было принято путешествовать ночью. Для фримена образом дня были песчаные бури, которые заметали все следы.

Когда Сиона снова обернулась к Лето, ее лицо было собранным и решительным, хотя в глазах блестели слезы.

— Кто обитает в Пустыне сейчас? — спросила она.

— Грифы, некоторые ночные твари, остатки растительной жизни, грызуны в норах.

— И это все?

— Да.

— Почему?

— Потому что все они рождены здесь, и я позволил им не знать ничего лучше.

Было уже почти совсем темно, когда в Пустыне засветилось яркое зарево. Лето внимательно изучал Сиону, понимая, что она не осознала еще тайного смысла того, что он сказал ей. Но, может быть, думал он, этот таинственный свет скажет

ей все, растравив ее душевные раны.

— Силуэты, — напомнила она Лето его слова. — Что вы ожидаете открыть, взойдя наверх?

— Может быть, мы увидим людей, — ответил он. — Никогда нельзя знать заранее.

— Каких людей?

— Я уже говорил тебе.

— Что бы вы стали делать, если бы увидели их?

— У фрименов был обычай рассматривать всех неожиданно появившихся в поле зрения людей, как врагов, до тех пор, пока они не совершали ритуал: не подбрасывали вверх песок.

Пока он говорил, на Пустыню, словно плотный занавес, пал непроглядный мрак.

— Песок? — недоуменно переспросила Сиона.

— Подброшенный вверх песок — это жест, обладавший глубоким смыслом. Он говорил: песок — наш единственный враг. А вот что мы пьем. Рука, держащая песок, не держит оружия. Ты поняла?

— Нет! — Она дразнила его своей фальшивой бравадой.

— Ничего, поймешь, — сказал он.

Не говоря ни слова, она направилась от него по кривизне дюны, Сиона шла быстро; гнев вы-

звал всплеск энергии. Лето отстал, наблюдая за девушкой. Интересно, что она совершенно инстинктивно выбрала верное направление. В ней была жива закваска фрименской памяти.

Там, где дюна переходила в другую, образовав ложбину, Сиона остановилась, чтобы подождать Лето. Он заметил, что клапан защитного костюма Сионы по-прежнему открыт и свободно болтается. Пока еще не время ругать ее за это. Некоторые подсознательные процессы должны течь своим чередом.

Когда он приблизился к ней, Сиона спросила:

— Это направление лучше других?

— Да, если ты идешь по нему, — ответил он.

Она подняла к небу глаза и посмотрела на Стрелу, древнее созвездие, которое выводило на правильный путь ее фрименских предков, путников Пустыни. Он видел, однако, что ее восприятие созвездия было чисто интеллектуальным. Она не поняла сил, которые уже действовали в ней и направляли ее.

Лето приподнял над землей свои передние сегменты и вгляделся в свет звезд. Они с Сионой двигались на северо-запад, по тропе, которая некогда вела по хребту Хаббанья и Пещере Птиц в эрг у подножия Западной Ложной Стены и да-

лее к Ветреному Перевалу. Ничего не осталось от этих древних ориентиров. Он вдохнул прохладный воздух, отдававший запахом кремния. Влажность была высокой, и это не доставило ему удовольствия.

Сиона опять двинулась вперед, оторвавшись от Лето. Она шла, изредка поглядывая на звезды. Она доверяла Лето как проводнику, но дорогу прокладывала сама. Он чувствовал сумятицу ее мыслей и знал, что вообще происходит в ее сознании. Она впервые в жизни научилась доверять своим спутникам — таков был непреложный закон жизни кочевников Пустыни.

Мы знаем, думал он, *что если ты оторвешься от своих товарищей, то пропадешь в песках и скалах. Одинокий путник в Пустыне — это мертвец. Только Червь может в одиночку выжить в Пустыне.*

Он позволил ей уйти далеко вперед, где песок от его передвижения поднимался не слишком высоко. *Она должна думать обо мне как о человеке,* подумал он. Он надеялся, что, поверив ему, она станет действовать заодно с ним, помогать ему. Сиона была хрупким созданием, однако в ней еще не перекипела ярость. Такой убежденной мятежницы Лето еще не встречал.

Лето скользил по песку и обдумывал продолжение селекционной программы, размышляя о возможной замене Сионы в случае, если она потерпит неудачу и не выдержит испытания.

Время шло, и Сиона двигалась вперед все медленнее и медленнее. Первая Луна была еще высоко, а Вторая только поднялась над горизонтом, когда Сиона остановилась, чтобы отдохнуть и поесть.

Лето был очень рад этой паузе. Трение о песок создавало господство Червя, воздух вокруг него был наполнен химическими продуктами температурной фабрики исполинского организма Лето. То, что он считал своим кислородным зарядным устройством, работало устойчиво, и он чувствовал и осознавал, как синтезируются в его организме белки и аминокислоты, необходимые для питания его человеческих клеток. Движение по Пустыне приближало его к окончательному метаморфозу.

Сиона остановилась возле гребня звездной дюны.

— Это правда, что вы едите песок? — спросила она.

— Да, это правда.

Она посмотрела на пейзаж, застывший в при-

зрачном свете луны.

— Почему мы не взяли с собой сигнальное устройство?

— Я хотел, чтобы ты узнала кое-что об обладании.

Она повернула к нему свое лицо, и он ощутил на своем лице ее дыхание. Она теряет слишком много влаги в сухом воздухе. Однако она так и не вспомнила напутствия Монео. Это будет, без сомнения, горький урок.

— Я совсем вас не понимаю, — сказала она.

— Но ты должна сделать именно это.

— Должна?

— Как еще сможешь ты дать мне что-то ценное в обмен на то, что даю тебе я?

— А что вы мне даете? — В вопросе прозвучала горечь, подогретая небольшой дозой меланжи в пище.

— Я даю тебе возможность побыть наедине со мной, разделить мое общество, но ты проводишь это время беззаботно. Ты попросту его теряешь.

— Что вы хотели сказать об обладании?

Он услышал усталость в ее голосе. Нехватка воды уже кричала в ней полным голосом.

— В старые времена эти фримены были на удивление жизнестойкими людьми, — ответил

он. — Их взгляды на прекрасное ограничивались необходимыми для жизни вещами. Я никогда не встречал жадного фримена.

— И что это должно значить? — осведомилась Сиона.

— В старые времена фримен брал с собой в Пустыню то, что было ему необходимо, но больше не брал ничего. Твоя жизнь еще не свободна от собственности, коли ты спросила о сигнальном устройстве.

— Но почему нет необходимости в сигнальном устройстве?

— Потому что оно ничему тебя не научит.

Он проскользнул вперед вокруг Сионы и направился по пути, который указывала Стрела.

— Идем, надо использовать с толком ночное время.

Она торопливо пошла рядом с ним.

— А что будет, если я не усвою этот ваш проклятый урок?

— Вероятно, ты умрешь.

Этот ответ на некоторое время заставил ее замолчать. Она продолжала идти рядом с ним, периодически заглядывая ему в лицо. Ее перестало интересовать его тело червя — она помнила теперь только о его человеческой сути. По проше-

ствии некоторого времени она сказала:

— Говорящие Рыбы сказали мне, что я родилась от спаривания, которое было произведено по вашему приказу.

— Это правда.

— Они говорят, что вы ведете записи и заказываете скрещивания между Атрейдесами по какому-то своему плану.

— Это тоже правда.

— Значит, Устное Предание верно?

— Мне казалось, что ты веришь Устному Преданию безоговорочно и без размышлений.

Однако Сиону трудно было сбить с раз выбранного пути.

— Но что будет, если кто-нибудь из нас откажется от такого спаривания по заказу?

— Я допускаю некоторые отклонения, поскольку имеется достаточное количество детей, зачатых по моему приказу.

— По приказу? — Сиона была в ярости.

— Да, я поступаю именно так — приказываю.

— Но не можете же вы вползти в каждую спальню или следить за нами каждую минуту нашей жизни! Откуда вы знаете, что ваши приказы исполняются?

— Знаю.

— Значит, вы знаете, что я не собираюсь вам подчиняться!

— Тебе не хочется пить, Сиона?

Она была озадачена.

— Что?

— Когда люди хотят пить, они говорят о воде, а не о сексе.

Однако Сиона так и не застегнула клапан, и он подумал: *Атрейдесы всегда испытывают сильные страсти, даже если это противоречит здравому смыслу.*

Через два часа они вышли из дюн на открытый выветренный участок, устланный галькой. Лето скользнул на камни, Сиона шла рядом с ним, часто поднимая глаза к Стреле. Обе луны стояли низко над горизонтом, отбрасывая длинные тени от камней.

Скользить по таким местам Лето было даже удобнее, чем по песку. Твердая порода была лучшим проводником тепла, нежели песок. Можно было распластаться на камнях и экономить энергию своего внутреннего химического завода. Галька и даже крупные камни не могли причинить Лето травму.

Сионе, напротив, было труднее, она пару раз чуть не вывихнула себе лодыжку.

Плоскогорье — очень тяжелое место для непривычного человека, подумал Лето. Чем ближе к земле, тем страшнее. Человек видит только великую пустоту, зловещий пейзаж, особенно в лунном свете — вдали дюны, причем, сколько бы ты ни шел, расстояние до них кажется неизменным, а вокруг ничего, кроме вечного ветра, нескольких камней и при взгляде вверх — безжалостные звезды. То была пустыня Пустыни!

— Именно здесь музыка фрименов стала символом вечного одиночества, — сказал Лето, — здесь, а не в дюнах. Именно здесь в полной пере познаешь, что небо должно быть источником воды и облегчения, любого облегчения — лишь бы не было этого бесконечного, нескончаемого ветра.

Даже это не заставило Сиону вспомнить о клапане. Лето начал приходить в отчаяние.

Утро застало их в самом центре плоскогорья.

Лето остановился возле трех больших камней, приваленных друг к другу. Один из них был выше его спины. Сиона легла, прислонившись к Лето, что снова исполнило его надеждой. Словно опомнившись, она отпрянула и прислонилась к одному из камней. Потом он видел, как она взобралась на камень и осмотрела горизонт.

Лето и без этого знал, что она видит. Поднятый

ветром песок, закрывающий ландшафт и затмевающий восходящее солнце. В остальном все то же — равнина и ветер.

Камень, на котором лежал Лето, был холодным в прохладе утра. Холод высушил воздух, что принесло Лето необычайное наслаждение. Не будь Сионы, он двинулся бы дальше, но девушка была явно измотана. Она снова прислонилась к нему и пролежала около минуты, пока он не понял, что она прислушивается.

— Что ты слышишь? — спросил он.

— У тебя внутри что-то рокочет, — сонным голосом ответила она.

— Огонь внутри меня никогда не гаснет полностью.

Это заинтересовало ее. Она встрепенулась и заглянула ему в глаза.

— Огонь?

— У каждого живого существа внутри горит огонь, — сказал Лето. — У одних он медленный, у других быстрый. Но мой горячее, чем у всех других.

Стараясь согреться, Сиона обхватила себя руками.

— Тебе не холодно здесь? — спросила она.

— Нет, но я вижу, что холодно тебе, — сказал

он.

Лето спрятал лицо в складку кожи и поманил Сиону в карман, который образовался в его верхнем сегменте.

— Здесь почти как в гамаке, — произнес он, глядя на Сиону снизу вверх. — Если ты залезешь сюда, то согреешься.

Она, не колеблясь, приняла его приглашение.

Хотя он и был готов к этому, но этот жест доверия растрогал Лето. Ему пришлось бороться с жалостью, равной которой он никогда не испытывал до своего знакомства с Хви. *Здесь не может быть места жалости*, сказал он себе. Было все больше признаков того, что Сиона умрет, и надо было подготовить себя к великому разочарованию.

Сиона прикрыла глаза рукой и тихо уснула.

Ни у кого в мире не было столько вчера, как у меня, напомнил себе Лето.

С обычной человеческой точки зрения то, что он сейчас делал, было неприкрытой жестокостью. Ему пришлось укрепить себя, погрузившись в закоулки памяти и намеренно выбрав *ошибки нашего общего прошлого*. Непосредственный доступ к ошибкам человечества был сейчас наилучшим способом укрепить себя. Знание ошибок

учило его делать долгосрочные исправления. Ему всегда приходилось думать о последствиях. Если последствий не было, то урок можно было считать пропавшим даром.

Однако чем ближе подходило время окончательной трансформации в Червя, тем тяжелее давались ему решения, которые можно было назвать негуманными. Когда-то он очень легко принимал такие решения. Однако чем больше он становился Червем, тем больше одолевали его человеческие заботы.

Словно в колыбели нашего прошлого, я лежу в пещере. Вход в нее столь узок, что я с большим трудом смог протиснуться туда, и вот я лежу на спине и в неверном пляшущем свете смоляного факела рассматриваю на стенах и потолке запечатленных на них диких зверей и души охотников. Души людей моего народа. Как это освещает дух, когда оглядываешься на совершенный круг, на схваченный момент духа. Все мое время трепещет от этого зова: «Я здесь!» Я знаю о великих мастерах живописи последующих веков, но все же с восхищением смотрю на творения ума и мышц, нанесенные на стены тесной пещеры углем и растительными красками. Насколько же мы больше, чем простые механические машины! И мое существо, не приемлющее цивилизации, восклицает: «Почему они не хотят покидать пещеру?»

(Похищенные записки)

Приглашение от Монео явиться к нему в рабочий кабинет Айдахо получил поздним вечером. Весь день он сидел на подвесном диване в своей квартире и размышлял. Каждая мысль неизбеж-

но заканчивалась воспоминанием о том, как легко Монео расправился с ним в подземном коридоре.

Ты просто устаревшая модель.

Чем больше Айдахо думал, тем более униженным он себя чувствовал. Воля к жизни постепенно угасала, а на месте бушевавшей, как пожар, ярости оставался лишь холодный пепел.

Я просто хранилище полезной спермы и ничто более, думал он.

Эта мысль вела либо к смерти, либо к гедонизму. Он чувствовал, что его пронзили шипами случайностей, которые подстерегали его на каждом шагу, нанося раздражающие уколы.

Юная вестница в отлично пригнанной синей униформе была еще одним таким раздражителем. Девушка вошла в его апартаменты, услышав произнесенное тихим голосом: «Войдите», и остановилась в дверях, не решаясь пройти в комнату, не будучи уверенной, в каком настроении пребывает Айдахо.

Как быстро распространяется молва, подумал он.

А вот она стоит в дверном проеме — воплощение сущности Говорящей Рыбы — такая же соблазнительная, как и другие, но не откровенно

сексуальная. Синяя форма не скрывала красивых бедер и крепких грудей. Красивое личико обрамляли светлые волосы — стрижка вестовой.

— Монео послал меня узнать, что с вами, — сказала она. — Он просит вас прийти к нему в рабочий кабинет.

Айдахо несколько раз бывал в этом кабинете, но лучше всего запомнил свое первое посещение. Тогда он с первого взгляда понял, что именно в этом помещении Монео проводит большую часть своего времени. Посередине кабинета стоял стол из темно-коричневого дерева с золотыми инкрустациями, окруженный серыми подушками. Этот низкий стол поразил воображение Айдахо — это была очень дорогая вещь, сделанная по специальному заказу. Серые стены, серые подушки и потолок. Все. Больше в комнате не было никакого убранства.

Учитывая власть хозяина кабинета, можно было бы сказать, что помещение было очень мало, не больше двадцати квадратных метров, но потолки были очень высокими. Впечатляли и размеры стола — два метра на один. Свет проникал в кабинет через два продолговатых окна, расположенных на противоположных узких стенах. Расположенные на значительной

высоте, окна выходили: одно на северо-западные предместья Сарьира и опушку Запретного Леса, из другого были видны медленно катящиеся юго-западные дюны.

Контраст.

Стол придал интересное направление первоначальным мыслям. Поверхность стола, словно преднамеренно, создавала впечатление беспорядка. Листы кристаллической бумаги были разбросаны по столу, из-под них лишь кое-где проглядывала полированная деревянная поверхность. Некоторые листы покрывал красивый мелкий шрифт. Айдахо распознал несколько листов, заполненных на галахском и четырех других языках, включая редкий в обиходе язык Перта. Несколько листов были испещрены какими-то набросками и эскизами, другие покрыты крупным почерком, характерным для воспитанниц Бене Гессерит. Самым интересным было несколько белых трубок длиной около метра — распечатки нелегального компьютера. Айдахо подумал, что терминал находится за панелью одной из стен.

Посланница Монео откашлялась, чтобы привлечь внимание Айдахо, погрузившегося в свои думы.

— Что мне передать Монео? — спросила она.

Айдахо посмотрел на ее лицо.

— Ты хочешь, чтобы я тебя осеменил? — спросил он.

— Командир! — Она была, очевидно, шокирована не столько самим предложением, сколько его неуместностью в данной ситуации.

— Ах да, — проговорил Айдахо. — Монео. Что мы скажем Монео?

— Он ждет вашего ответа, командир.

— Есть ли какой-то смысл в том, что именно я отвечу? — спросил он.

— Монео велел мне проинформировать вас о том, что хочет поговорить одновременно с вами и с госпожой Хви.

Айдахо на мгновение стало интересно.

— Хви у него?

— Он вызвал ее, командир. — Вестница снова откашлялась. — Командир желает, чтобы я пришла к нему позже?

— Нет, но тем не менее спасибо. Я передумал.

Ему показалось, что она сумела хорошо скрыть свое разочарование, но голос ее прозвучал натянуто и официально, когда она осведомилась:

— Я могу передать Монео, что вы придете?

— Можешь, — жестом он отпустил девушку.

Когда она ушла, он подумал было проигнорировать это приглашение. Однако в нем тут же взыграло любопытство. Монео хотел поговорить с ним в присутствии Хви? Почему? Не думал ли он, что из-за этого Айдахо вздумает бежать? Он судорожно сглотнул. Вспомнив Хви, он ощутил в груди абсолютную пустоту. Такое приглашение нельзя игнорировать. С Хви его связали какие-то нерасторжимые узы.

Он встал, чувствуя, как от долгого сидения занемели мышцы. Его гнали вперед любопытство и желание увидеть Хви. Он прошел по коридору, не обращая внимания на любопытные взгляды Говорящих Рыб, гонимый любопытством, в кабинет Монео.

Когда Айдахо вошел в кабинет, Хви уже была там. Она сидела за заваленным бумагами столом Монео напротив хозяина кабинета. Ноги в красных сандалиях виднелись с краю подушки, на которой она сидела. Айдахо успел заметить, что на Хви надето длинное коричневое платье, перепоясанное витым шнуром. Она обернулась, и теперь он видел только ее лицо. Она беззвучно произнесла его имя.

Даже она уже все знает, подумал он.

Как ни странно, эта мысль придала ему сил. В

его мозгу начали рождаться новые формы.

— Прошу тебя, Дункан, садись, — произнес Монео. Он указал рукой на подушку рядом с Хви. Он говорил странным, отчужденным тоном, не допускавшим сближения. Этот тон слышали от него лишь немногие люди, не считая Лето. Взгляд его был направлен на находящийся в обычном беспорядке стол. Позднее предзакатное солнце отбрасывало на весь этот беспорядок похожую на паутину тень от золотого пресс-папье, выполненного в виде дерева, увешанного плодами из драгоценных камней.

Айдахо сел, чувствуя, как Хви следит за ним взглядом. Потом она посмотрела на Монео, и Айдахо уловил выражение гнева в ее глазах. Монео был одет в свою обычную белую форму, расстегнутый ворот которой открывал морщинистую шею и двойной подбородок. Айдахо смотрел на Монео и молчал, ожидая, когда мажордом сам раскроет свои карты, первым начав разговор.

Монео тоже посмотрел в глаза Айдахо, отметив про себя, что на нем надета та же черная форма, в которой он сегодня напал на Монео в коридоре. На мундире осталась даже грязь после падения Айдахо на пол. Однако ножа при Дункане не было, и это обеспокоило Монео.

— То, что я сделал сегодня утром, — непростительно, поэтому я не приношу тебе своих извинений, я просто прошу меня правильно понять.

Хви нисколько не удивилась такому началу разговора. Следовательно, они кое-что успели обсудить, пока ждали его.

Айдахо ничего не ответил, и Монео продолжал:

— Я не имел права дать тебе почувствовать твою неадекватность.

Айдахо почувствовал, что в ответ на манеры и слова Монео в нем происходит любопытный метаморфоз. Чувство того, что его обошли и что он остался в далеком старом времени, осталось, но он перестал подозревать, что служит игрушкой в руках Монео. Мажордом в глазах Айдахо превратился в воплощенную честность. Это понимание поставило вселенную Лето, дикий эротизм Говорящих Рыб, искренность Хви в новые отношения, в форму, которая становилась с каждой минутой все более понятной Айдахо. Было такое впечатление, что они трое, собравшиеся в этой комнате, были последними истинными представителями рода человеческого во всей вселенной. Он заговорил с чувством неуклюжего само — осуждения.

— Ты имел полное право защищаться, когда я напал на тебя. Я очень рад, что ты сумел дать мне достойный отпор.

Айдахо повернулся к Хви, но прежде чем он успел заговорить, Монео сказал:

— Тебе не стоит просить за меня. Думаю, ее недовольство мной непоколебимо.

Айдахо отрицательно покачал головой:

— Может ли кто-нибудь знать, что я хочу сказать, прежде чем я произнесу эти слова, и может ли кто-нибудь сказать, что я чувствую, прежде чем я это почувствую?

— Это твое замечательное качество, — проговорил Монео. — Ты не скрываешь своих чувств. Мы, — он пожал плечами, — более осмотрительны в силу необходимости.

Айдахо посмотрел на Хви.

— Он говорит за тебя?

Она взяла своей рукой руку Айдахо.

— Я сама говорю за себя.

Монео наклонился вперед, увидел, что его гости держатся за руки, вздохнул и откинулся назад.

— Вы не должны этого делать.

В ответ Дункан лишь крепче взялся за руку Хви, она ответила ему тем же.

— Хочу предупредить ваш вопрос, — сказал

Монео. — Моя дочь и Бог-Император еще не вернулись с испытания.

Айдахо почувствовал, каким усилием воли Монео заставляет себя говорить спокойно. Хви тоже услышала это.

— Верно ли то, что утверждают Говорящие Рыбы? — спросила она. — Они говорят, что Сиона умрет, если не выдержит испытания.

Монео ничего не ответил, но лицо его окаменело.

— Это похоже на испытание Бене Гессерит? — спросил Айдахо. — Муад'Диб говорил, что Община Сестер испытывает своих членов, чтобы узнать, люди ли они.

Рука Хви задрожала. Почувствовав это, Айдахо посмотрел на нее.

— Они испытывали тебя?

— Нет, — ответила Хви, — но я слышала, как молодые девушки рассказывали об этом. Они говорили, что их заставляли пройти через неслыханные муки и не потерять при этом чувства собственного «я».

Айдахо перевел взгляд на Монео и заметил, что у того дергается левый глаз.

— Монео, — проговорил Айдахо, который внезапно все понял. — Он же испытывал тебя!

— Я не хочу обсуждать это испытание. Мы собрались здесь не для этого, а для того, чтобы решить, что делать с вами.

— Разве это не наше личное дело? — спросил Айдахо. Он почувствовал, как вспотела ладонь Хви.

— Это дело Бога-Императора, — сказал Монео.

— Даже если Сиона не выдержит испытания?

— Особенно в этом случае!

— Как он испытывал тебя? — спросил Айдахо.

— Он показал мне лишь небольшую часть того, что значит быть Богом-Императором.

— И?

— Я увидел столько, сколько смог.

Хви судорожно сжала руку Айдахо.

— Значит, это правда, что когда-то ты был мятежником, — произнес Айдахо.

— Я начал с любви и молитвы, — заговорил Монео. — Потом пришли гнев и восстание. Я стал тем, кого вы сейчас видите перед собой, когда понял свой долг и стал исполнять его.

— Что он сделал с тобой? — не отставал Айдахо.

— Он произнес мне молитву моего детства: «Я отдам свою жизнь во славу Бога», — сказал задумчиво Монео.

Айдахо заметил, что Хви оцепенела и внимательно смотрит в лицо Монео. О чем она думает?

— Я признал, что это действительно была моя молитва, — сказал Монео. — Тогда Бог-Император спросил меня, что я отдам, если будет недостаточно одной моей жизни. Он крикнул мне: «Что значит твоя жизнь, если ты получишь куда больший дар?»

Хви кивнула, однако Айдахо почувствовал лишь растерянность.

— Я смог ощутить истину в его голосе, — сказал Монео.

— Ты — Вещающий Истину? — спросила Хви.

— Когда во мне просыпается сила отчаяния, — да, — ответил Монео. — Но только тогда. Я клянусь вам, что он говорил мне правду.

— Некоторые Атрейдесы обладают Голосом, — пробормотал Айдахо.

Монео отрицательно покачал головой:

— Нет, это была истинная правда. Он сказал мне: «Я смотрю на тебя и если бы мог плакать, то плакал бы. Пусть же твое желание станет твоим поступком!»

Хви подалась вперед, почти коснувшись стола.

— Он не может плакать?

— Песчаный червь, — пробормотал Айдахо.

— Что? — Хви обернулась к нему.

— Фримены убивали песчаных червей водой. Когда червь тонул, он выделял Пряность, которую использовали для религиозных оргий.

— Но Господь Лето еще не совсем Червь, — сказал Монео.

Хви снова села на подушку, продолжая во все глаза смотреть на мажордома.

Размышляя, Айдахо сжал губы. Запрещал ли Лето плакать, следуя фрименской традиции? Как ненавидели фримены такую бесполезную трату воды. *Отдавать воду мертвым.*

Монео обратился к Айдахо:

— Я наделся, что ты сможешь все понять. Так сказал Господь Лето. Ты и Хви должны расстаться и никогда больше не встречаться.

Хви высвободила руку.

— Мы знаем.

Айдахо заговорил с горьким возмущением:

— Мы знаем силу его власти.

— Но ты не понимаешь его, — сказал Монео.

— Я не хочу большего, чем есть, — сказала Хви и положила руку на плечо Айдахо, успокаивая его. — Нет, Дункан, нашим личным желаниям здесь нет места.

— Может быть, тебе стоит умолить его, — ска-

зал Дункан.

Она обернулась и долго, пока он не опустил взгляд, смотрела на него. Когда она заговорила, в голосе ее прозвучали баюкающие интонации, которых он раньше не слышал в ее речи.

— Мой дядя Малки говорил, что Господь Лето никогда не отвечает на молитвы. Он говорил, что Господь Лето смотрит на молитву, как на принуждение, как на попытку насилия по отношению к избранному Богу, как на желание распоряжаться волей бессмертного. *Дай мне чудо, Боже, иначе я перестану в тебя верить!*

— Молитва, как хубриз, — поддержал Хви Монео. — Молитва-требование.

— Но как он может быть Богом? — в отчаянии спросил Айдахо. — Он же сам признался, что смертен.

— По этому поводу я процитирую самого Бога Лето, — сказал Монео. — Я воплощение Бога в том, что доступно лицезрению человеком. Я слово, ставшее чудом. Я — это все мои предки. Разве это не достаточное чудо? Чего еще вы можете хотеть? Спросите себя, где вы найдете большее чудо?

— Пустые слова, — зло произнес Айдахо.

— Я тоже злился на него, — сказал Монео. — Я бросал ему в лицо его же слова из Устного Преда-

ния: «Дайте для вящей славы Божьей!»

Хви судорожно вздохнула.

— Он посмеялся надо мной, — сказал Монео. — Он смеялся и спрашивал, как я могу отдать то, что и без того принадлежит Богу?

— Ты был зол? — спросила Хви.

— О да. Он увидел это и сказал, что расскажет мне, как дать что-то во имя славы Божьей. Он сказал: «Ты можешь увидеть, что ты — в каждой своей части такое же чудо, как и я», — Монео повернулся и посмотрел в левое окно. — Боюсь, что мой гнев оглушил меня, и я оказался неподготовленным.

— О да, он умен, — пробормотал Айдахо.

— Умен? — Монео посмотрел на Дункана. — Я так не думаю, во всяком случае, речь идет не об обычном уме. Мне кажется, что в этом отношении Господь Лето не более умен, чем я.

— К чему ты оказался не готов? — спросила Хви.

— К риску, — ответил Монео.

— Но ты рисковал, проявляя гнев, — сказала она.

— Не так сильно, как он. Я вижу по твоим глазам, Хви, что ты понимаешь меня. Его тело продолжает вызывать у тебя протест?

— Уже нет, — ответила она.

Айдахо заскрипел зубами от отчаяния.

— Он внушает мне отвращение.

— Любимый, ты не должен говорить таких вещей, — произнесла Хви.

— А ты не должна называть его любимым, — поправил женщину Монео.

— Ты бы предпочел, чтобы она любила кого-нибудь более толстого и злобного, чем барон Харконнен?! — выкрикнул Айдахо.

Монео пожевал губу, потом заговорил:

— Господь Лето рассказывал мне об этом злодее вашего времени, Дункан. Я не думаю, что ты понял своего врага.

— Он был жирным, отвратительным…

— Он был охотником за сенсациями, — перебил Дункана Монео. — Жир был только побочным эффектом, это было нечто вроде средства самоутверждения. Его вид оскорблял людей, а ему только этого и было надо. Он наслаждался, оскорбляя других.

— Барон поглотил лишь несколько планет, а Лето поглотил всю вселенную.

— Любимый, прошу тебя, перестань, — запротестовала Хви.

— Пусть говорит, — сказал Монео. — Когда я

был молодым и невежественным, таким, как моя Сиона или этот бедный глупец, то тоже говорил подобные вещи.

— Именно поэтому ты позволил своей дочери пойти на смерть? — спросил Айдахо.

— Любимый, это жестоко! — сказала Хви.

— Дункан, одним из твоих недостатков является склонность к истерии, — сказал Монео. — Я предупреждаю тебя, что невежество произрастает пышным цветом на истерии. Твои гены делают тебя энергичным, и ты сможешь внушить истерию некоторым из Говорящих Рыб, но ты плохой руководитель.

— Не пытайся меня разозлить, — ответил Айдахо. — Я не нападу больше на тебя, но не заходи слишком далеко.

Хви попыталась взять его за руку, но он с силой вырвал ее.

— Я знаю свое место, — сказал Айдахо. — Я полезный последователь. Мое дело нести знамя Атрейдесов, на моей спине зеленые и черные цвета!

— Желание незаслуженного порождает истерию, — сказал Монео. — Искусство Атрейдесов состоит в умении править без истерии, умении брать на себя ответственность за использование

власти.

Айдахо откинулся назад.

— Когда это ваш проклятый Бог-Император отвечал за свою власть?

Монео посмотрел на заваленный бумагами стол и ответил, не поднимая головы:

— Он отвечает за то, что сделал сам с собой. — Монео взглянул на Айдахо, глаза его были холодны как лед. — У тебя просто не хватает духу, Дункан, узнать, почему он это сделал.

— У тебя хватает?

— Когда я был очень зол, он посмотрел на себя моими глазами и сказал: «Как ты осмеливаешься оскорбляться моим видом?» — Монео судорожно глотнул воздух. — Именно тогда я понял весь ужас того, что он видит. — Слезы потекли по щекам Монео. — Я был только рад, что не принял такого же решения, как он, а остался простым последователем.

— Я растрогала его, — прошептала Хви.

— Так ты поняла? — спросил у нее Монео.

— Даже не видя этого, я все поняла, — ответила она.

— Я едва не умер от этого, — произнес Монео тихим голосом. — Я… — Он содрогнулся и посмотрел на Айдахо. — Ты не должен…

— Будьте вы все прокляты! — крикнул Дункан, вскочил на ноги и ринулся вон из кабинета.

На лице Хви отразилась мука.

— О, Дункан, — прошептала она.

— Ты видишь? — спросил Монео. — Ты была не права. Ни ты, ни Говорящие Рыбы не смягчили его. Но ты, Хви, именно ты, приблизила время его уничтожения.

Хви обрушила всю свою муку на Монео.

— Я больше не буду встречаться с ним, — сказала она.

Для Айдахо тот переход по коридору к квартире был самым трудным, из всего сохранившегося в его памяти. Ему представлялось, что его лицо — пластитовая маска, под которой он пытается спрятать бушующие внутри страсти. Никто из его гвардейцев не должен видеть его боли. Он не мог знать, что большинство из гвардейцев гадают о причине его расстройства и втайне сочувствуют ему. Все они знали Дунканов и научились хорошо читать по их лицам.

В коридоре возле самой квартиры Айдахо встретил Наилу, которая медленно брела ему навстречу. В лице женщины преобладали растерянность и чувство утраты. Это выражение остановило его, он на мгновение забыл о своих

горестях и внутренней сосредоточенности.

— Друг! — окликнул он Наилу, когда их разделяли всего несколько шагов.

Она посмотрела на него, на ее квадратном лице отразилось узнавание, но не более того.

Какая странная женщина, подумал он.

— Я больше не Друг, — ответила она и прошла мимо по коридору.

Айдахо резко повернулся на пятках и посмотрел в удаляющуюся спину — тяжелые плечи, вызывавшие ощущение чудовищных мышц.

Для чего вывели ее? — удивился он.

Но это была преходящая мысль. Его собственные заботы навалились на него с еще большей силой. Он сделал еще несколько шагов и прошел в свои апартаменты.

Оказавшись внутри, он с силой сжал кулаки.

Я больше не связан ни с каким временем, подумал он. Странно, но эта мысль не принесла чувства освобождения. Он понимал, однако, что сделал то, что постепенно освободит Хви от любви к нему. Он был унижен. Она будет думать о нем лишь как о маленьком, задиристом дурачке, о субъекте, которому дороги лишь его собственные эмоции. Он перестанет быть предметом ее забот.

А этот несчастный Монео!

Айдахо понял форму обстоятельств, которые создали послушного мажордома. *Долг и ответственность.* Какая это надежная гавань во времена принятия трудных решений.

Я тоже был таким когда-то, подумал Айдахо. *Но это было в другой жизни и в другое время.*

Дунканы иногда спрашивают у меня, понимаю ли я экзотические идеи нашего прошлого? И если я понимаю их, то почему не могу их объяснить? Знание, по мнению Дунканов, заключается лишь в частностях. Я пытаюсь объяснить им, что все слова отличаются пластичностью. Образы, заключенные в слова, искажаются в момент произнесения слова. Идеи, заключенные в языке, требуют для своего выражения особого языка. Именно в этом заключается сущность значения слова экзотический. Вы видите, как начинается искажение? Перевод становится бессильным в присутствии экзотического. Галахский язык, на котором я сейчас говорю, полагает сам себя. Он – внешняя рамка, остов опоры и точки отсчета, особая, частная система. Опасности подстерегают нас в любой системе. Системы включают в себя неисследованные верования своих создателей. Усвойте систему, примите ее верования, и вы поспособствуете устойчивости к изменениям. Служит ли какой-либо цели моя попытка объяснить Дунканам, что

для выражения некоторых вещей просто не существует языков? Ах! Но что поделаешь, ведь все Дунканы верят, что все языки мира принадлежат мне.

(Похищенные записки)

Два дня и две ночи Сиона не закрывала клапан защитного костюма и не надевала лицевую маску, теряя с каждым выдохом драгоценную воду. Потребовалось напомнить ей напутствие, которое древние фримены давали своим детям, чтобы она наконец вспомнила слова своего отца. Лето заговорил с ней холодным третьим утром их путешествия, когда они остановились в тени скалы на обдуваемом всеми ветрами эрге.

— Береги каждый вздох, ибо он уносит тепло и влагу твоей жизни, — сказал он.

Он знал, что они проведут в Пустыне еще три дня и три ночи, прежде чем достигнут воды. Шли уже пятые сутки с тех пор, как они покинули Малую Цитадель. Ночью они вступили в полосу мелких дрейфующих песков — это были не дюны — те виднелись вдалеке, на горизонте, вместе с остатками хребта Хаббанья — в виде тонкой полоски, если знать, куда смотреть. Теперь Сиона снимала маску только затем, чтобы что-то внятно сказать, но губы ее уже почернели и стали

кровоточить.

У нее жажда отчаяния, подумал он, оценив условия, в которых они находились. *Скоро настанет кризис.* Его чувства подсказывали, что они по-прежнему одни на краю плато. Всего несколько минут назад солнце поднялось над горизонтом. Косой низкий свет отражался от столбов песка и пыли, которые вихрями кружились на непрестанном ветру. Слух Лето отфильтровал шум ветра, и он начал воспринимать и другие звуки — тяжкое дыхание Сионы, шум падения песка с соседней скалы, шорох продвижения по песку его собственного большого тела.

Сиона сняла маску, но продолжала держать ее в руке, чтобы быстро надеть снова.

— Как скоро мы придем к воде? — спросила она.

— Через три ночи.

— Может быть, есть лучшее направление, чем это?

— Нет.

Сиона поняла и оценила фрименскую экономию при обмене информации. Она с жадностью высосала несколько капель влаги, скопившейся в мешке-ловушке.

Лето были знакомы эти движения — так по-

ступали все фримены в минуты величайшего напряжения всех сил. Теперь Сиона знала то ощущение, которое было хорошо знакомо ее предкам — жажда на грани смерти.

Несколько капель в мешке иссякли. Он услышал, как она всасывает в себя воздух. Она надела маску и спросила приглушенным голосом:

— Я не справлюсь с этим, да?

Лето заглянул ей в глаза, увидел в них ясность мысли, ту ясность, которая приходит только на краю гибели, всепроникающая ясность, которая в иных случаях практически недостижима. Это озарение обостряет только те чувства и усиливает только те действия, которые увеличивают шансы на выживание. Да, Сиона вошла в состояние *тедах риагрими*, муки, которые открывают сознание. Скоро, очень скоро ей придется принять решение, которое, как ей кажется, она давно уже приняла. По этим признакам Лето понял, что с Сионой надо обходиться с исключительной вежливостью. Ему придется отвечать на каждый ее вопрос с максимальной предупредительностью, ибо в каждом вопросе таилось суждение.

— Я справлюсь? — не унималась Сиона.

В ее отчаянии был отблеск надежды.

— На это нельзя ответить ничего определенно-

го, — ответил он.

Эти слова повергли ее в настоящее отчаяние.

Оно не входило в намерения Лето, но он знал, что это случается часто — точный, но двусмысленный ответ служит для человека подтверждением его самого глубокого страха.

Она тяжело вздохнула.

Снова прозвучал ее приглушенный маской голос:

— У тебя были особые расчеты на меня в твоей селекционной программе.

Это был не вопрос.

— У всех людей есть те или иные намерения, — объявил он.

— Но ты хотел моего полного согласия.

— Это правда.

— Как ты мог рассчитывать на мое согласие, если знал, что я ненавижу все, что связано с тобой? Будь же честен со мной!

— Три подставки согласия — это желание, данные и сомнение. Точность и честность имеют весьма косвенное отношение к согласию.

— Пожалуйста, не спорь со мной. Ты же видишь, что я умираю.

— Я слишком сильно уважаю тебя, чтобы с тобой спорить.

Он не спеша приподнял передний сегмент и оценил силу ветра. Дневной зной вступал в свои права, но в воздухе было еще много влаги, и Лето испытывал некоторый дискомфорт. Он напомнил себе, что чем больше распоряжений он давал о контроле погоды, тем больше параметров приходилось контролировать. Абсолютное приводило его к еще большей неопределенности.

— Ты говоришь, что не споришь, а сам…

— Спор закрывает дорогу пониманию, — сказал он, опустившись на землю. — Спор всегда служит прикрытием насилию. Если спор длится слишком долго, то он неизбежно приводит к открытому насилию. У меня нет намерения подвергать тебя какому бы то ни было насилию.

— Что ты имеешь в виду под желанием, данными и сомнениями?

— Желание сближает партнеров. Данные ограничивают рамки диалога. Сомнения очерчивают вопросы.

Она придвинулась ближе и посмотрела ему в глаза. Теперь их разделял всего один метр.

Как странно, подумал он, *что такая ненависть может так полно сочетаться с надеждой, благоговением и страхом*.

— Ты можешь меня спасти?

— Способ есть.

Она кивнула, и он понял, что из его ответа она сделала неверный вывод.

— Ты хочешь продать спасение за мое согласие! — обвиняющим тоном воскликнула она.

— Нет.

— Если я пройду твое испытание…

— Это не мое испытание.

— Чье же?

— Оно происходит от наших общих предков.

Сиона села в холодной тени скалы и замолчала, неготовая попросить об убежище в складке кожи Лето. Он подумал, что сейчас в ее горле рождается тихий крик. Ее сомнения продолжают действовать. Сейчас она думает, насколько его образ совпадает с ее представлениями о Законченном Тиране. Она взглянула на него с той ужасающей ясностью, которую он заметил еще раньше.

— Что заставляет тебя делать то, что ты делаешь?

Вопрос был задан очень умело. Он ответил:

— Моя потребность спасти людей.

— Каких людей?

— Мое определение гораздо шире, чем чье-либо еще, — даже определение Бене Гессерит, которые думают, что определили, что значит быть чело-

веком. Я отношу определение к нити, связующей человечество в вечное неразделимое целое. Конкретные дефиниции меня не интересуют.

— Ты пытаешься сказать мне… — во рту у нее пересохло, Сиона не могла больше говорить. Она постаралась набрать побольше слюны. Он видел, как она шевелит губами под маской. Вопрос ее был настолько очевиден, что он не стал ждать.

— Без меня на свете не существовало бы сейчас никаких людей. Путь к этому уничтожению был настолько отвратительным, что его не могло бы нарисовать самое дикое и разнузданное воображение.

— Ты говоришь о предзнании, — поддразнила она его.

— Золотой Путь до сих пор открыт для всех, — сказал он.

— Я не верю тебе!

— Потому что мы неравны?

— Да!

— Но мы зависим друг от друга.

— Зачем я тебе нужна?

Ах, этот крик души юности, не нашедшей своего места. Он ощутил силу тайных связей с ней и заставил себя проявить твердость. *Зависимость питает слабость!*

— Ты — воплощение Золотого Пути, — сказал он.

— Я? — Это слово было произнесено едва слышным шепотом.

— Ты читала записки, украденные тобой у меня, — сказал он. — Я — в них, но где же ты? Посмотри, что я создал, Сиона. А ты, ты не можешь даже создать самою себя.

— Слова, хитрые слова!

— Я не страдаю от того, что мне поклоняются, Сиона. Я страдаю от того, что меня не понимают и неверно оценивают. Возможно… Нет. Я не смею надеяться на тебя.

— Какова цель этих записок?

— Их записывает иксианская машина. Их найдут в далеком будущем, люди прочтут их и задумаются.

— Иксианская машина? Ты отрицаешь джихад!

— В этом состоит еще один урок. Что в действительности делают эти машины? Они увеличивают количество вещей, которые мы можем делать не думая. То, что мы делаем не думая, представляет собой реальную опасность. Посмотри, сколько времени ты шла по пустыне, прежде чем вспомнила о защитной маске.

— Ты мог бы предупредить меня!

— И усилить твою зависимость.

Мгновение она внимательно смотрела на него.

— Почему ты хотел, чтобы я командовала твоими Говорящими Рыбами?

— Ты женщина из рода Атрейдесов, очень глубокая и способная к принятию независимых решений. Ты можешь быть привержена правде только ради правды, как мы это и видим. Ты была рождена и воспитана для того, чтобы командовать. А это означает свободу от зависимости.

Ветер взметнул вокруг них пыль и песок, пока она обдумывала его слова.

— А если я соглашусь, то ты спасешь меня?

— Нет.

Она была настолько уверена в противоположном ответе, что прошло несколько секунд, прежде чем до нее дошел смысл этого единственного слова. Ветер немного усилился, погнав тучу песка по направлению к хребту Хаббанья. Воздух внезапно наполнился холодом, который отнимает у тела влагу не меньше чем самый беспощадный зной. Частью своего сознания Лето отметил погрешности в управлении погодой.

— Нет? — Она была одновременно озадачена и разозлена.

— Я не заключаю сделок с людьми, которым должен доверять.

Она медленно покачала головой из стороны в сторону, но не отрываясь смотрела в лицо Лето.

— Что может заставить тебя спасти меня?

— Ничто не может заставить. Почему ты думаешь, что можешь сделать для меня то, что я не буду делать для тебя? Это путь к взаимной зависимости.

Ее плечи безвольно опустились.

— Если я не могу заключить с тобой сделку и принудить тебя, то…

— То должна выбрать иной путь.

Как это замечательно наблюдать взрывное пробуждение сознания, подумал он. Выразительные черты Сионы не могли ничего от него скрыть. Она так пристально смотрела ему в глаза, словно старалась проникнуть в самые сокровенные его мысли. В ее приглушенном голосе появилась новая сила:

— Ты должен был бы рассказать мне все о себе, даже о своих малейших слабостях.

— Ты хочешь украсть то, что я дал бы тебе открыто?

Утренний свет ярко и беспощадно осветил ее лицо.

— Я ничего тебе не обещаю!

— Но я и не требую этого.

— Но… ты дашь мне воды, если я попрошу?

— Это не обычная вода.

Она кивнула:

— А я — Атрейдес.

Говорящие Рыбы на своих уроках не утаили того, что гены Атрейдесов предрасполагают к особой чувствительности. Она знала, откуда берется Пряность и что она может для нее сделать. Учителя в школе Говорящих Рыб никогда не подводили Лето. И небольшое количество меланжи, добавленной в паек, сослужило Сионе свою службу.

— Видишь завитки позади моего лица, — сказал он. — Надави на них пальцем и они выдадут тебе немного влаги, обильно сдобренной Пряностью.

Он увидел в ее глазах понимание. В ней сейчас говорила память, которую она сама не воспринимала как память. Она была конечным продуктом многих поколений, за время жизни которых чувствительность Атрейдесов к Пряности постоянно возрастала.

Даже страшная жажда пока не тронула ее.

Для того чтобы она легче прошла сквозь кризис, он рассказал ей об играх фрименских детей, которые выдавливали воду из песчаных форелей

для того, чтобы выпить жизненной влаги.

— Но я — Атрейдес, — сказала она.

— Да, и об этом доподлинно свидетельствует Устное Предание.

— Значит, я могу умереть от этого.

— Но это же испытание.

— Ты сделаешь из меня истинную фрименку!

— Как еще научить твоих потомков выживать в этих условиях, когда не станет меня?

Она стянула с лица маску и приблизила лицо к лицу Лето. Подняв палец, она прикоснулась к завитой складке его капюшона.

— Осторожно постучи по ней, — сказал он.

Ее рука подчинилась не голосу, а какой-то внутренней команде. Палец двигался осторожно и аккуратно, прислушиваясь к своей собственной памяти, переданной через множество поколений, и уцелевшей в итоге всех ошибок и безошибочности при передаче информации. Он обернулся, его лицо оказалось в непосредственной близости от ее лица. На краю складки начали образовываться синие капли. В воздухе распространился сильный запах корицы. Сиона потянулась к каплям всем телом. Он ясно видел поры вокруг крыльев ее носа, видел, как она языком слизывает капли.

Вот она отодвинулась — не полностью удо-

влетворенная, но движимая осторожностью и подозрительностью. Так обычно поступал Монео. *Каков отец, такова и дочь.*

— Как скоро оно начнет действовать? — спросила она.

— Оно уже действует.

— Я имею в виду…

— Через минуту или около того.

— Я ничего тебе за это не должна?

— Я не потребую платы.

Она запечатала лицевую маску.

Лето увидел, как глаза Сионы начинают заволакиваться молочно-белым туманом отчуждения. Не спрашивая разрешения, она похлопала ладонью по складке переднего сегмента, требуя, чтобы Лето приготовил для нее живой гамак. Он подчинился. Она свернулась калачиком, и Лето, выгнув тело, смог увидеть ее в кармане своей кожи. Глаза Сионы оставались открытыми, но она уже ничего не видела. Она сильно дернулась, ее тело начала бить крупная дрожь, потом начались конвульсии, словно девушка умирала. Лето знал это ощущение, но не мог ничего изменить. В сознании Сионы останется не предковая память, но с ней навсегда останутся образы, звуки и запахи. Внутри нее начнут работать поисковые механиз-

мы, там будет запах крови и вспоротых кишок, съежившиеся в своих землянках люди, знающие только то, что спасения нет… а механическое движение будет все ближе и ближе… и ближе… и громче… и громче…

Куда бы она ни бросилась, везде она найдет одно и то же. Выхода не будет нигде.

Он почувствовал прилив жизни. *Борись с тьмой, Сиона.* Это единственное, что всегда делали Атрейдесы. Они сражались за жизнь. А теперь она тоже сражается за жизни других людей. Он почувствовал мгновенное отупение, но затем жизненная сила взорвалась с новой силой. Сиона все глубже и глубже погружалась во мрак, гораздо глубже, чем кто-либо до нее. Он начал тихонько ее укачивать, словно в колыбели. Неизвестно, что сыграло свою роль — мягкое укачивание или тонкая нить горячей решимости, но к полудню содрогания прекратились и состояние Сионы стало больше походить на обычный сон. О видениях говорили только единичные глубокие вздохи и вскрики. Перекатываясь с боку на бок, Лето продолжал бережно нянчить Сиону.

Сможет ли она вернуться в мир после посещения таких глубин? Реакция Сионы обнадеживала. Какая сила таится в этой девушке!

Она проснулась поздним вечером, на нее снизошло спокойствие, ритм дыхания изменился. Глаза внезапно открылись. Она посмотрела на Лето, выкатилась из гамака, повернулась к нему спиной и простояла так около часа, о чем-то напряженно раздумывая.

Монео в свое время поступил точно так же. В этих Атрейдесах появилась новая черта. Некоторые старшие Атрейдесы шумно обрушивались на него. Другие пробовали убежать, спотыкаясь и нервно оглядываясь, заставляя его гнаться за ними, некоторые падали на камни и начинали дико извиваться. Некоторые безмолвно садились на корточки и тупо смотрели в землю. Но никогда никто не поворачивался к нему спиной. Лето рассматривал это как обнадеживающий знак.

— Ты — начало, имеющее понятие о том, как широко распространилась моя семья, — сказал он.

Она обернулась, губы плотно сжаты, но глаза опущены — она не посмела встретиться с ним взглядом. Он видел, что она приняла это, хотя это понимание могли разделить с ним очень немногие, — понимание того, что его единичная множественность была способна вместить в себя, как семью, все человечество.

— Ты мог бы спасти в лесу моих друзей, — обвиняющим тоном произнесла она.

— Да, но ты тоже могла бы спасти их.

Она сжала кулаки и, прижав их к вискам, посмотрела на него горящим взглядом.

— Но ты же знаешь *все*!

— Сиона!

— Неужели я должна была познать это именно так? — прошептала она.

Он молчал, предоставив ей самой ответить на этот вопрос. Ее надо было заставить понять, что его первичное сознание работало по-фрименски и что он, как хищник, будет преследовать любую добычу, которая оставляет следы.

— Золотой Путь, — прошептала она. — Я могу почувствовать его. — Потом она с гневом взглянула на Лето. — Он так жесток, твой Золотой Путь!

— Выживание всегда жестоко.

— Они не могли нигде спрятаться, — продолжала шептать она. — Что ты со мной сделал?

— Ты пыталась стать фрименской мятежницей, — ответил он. — Фримены обладали почти фантастической, невероятной способностью читать самые незаметные следы в Пустыне. Они могли отыскать в песках следы малейшего ветерка.

Он увидел на ее лице следы угрызений совести, в ее памяти всплыли образы погибших товарищей. Он заговорил, понимая, что вслед за угрызениями совести придет чувство вины, а потом гнев, который обратится на него.

— Ты бы поверила мне, если бы я просто все это тебе рассказал?

Угрызения совести подавляли ее. Она тяжело дышала, широко открыв под маской рот.

— Ты еще не выжила в Пустыне, — вдруг сказал он.

Постепенно ее дрожь улеглась. Фрименские инстинкты начали проявлять свое закаливающее действие.

— Я выживу, — сказала она, глядя прямо в его глаза. — Ты читаешь нас по нашим эмоциям, так?

— Эмоции зажигают мысли, — сказал Лето. — Я могу уловить малейшие изменения поведения и указать их эмоциональную причину.

Он видел, что она принимает свою наготу так же, как ее принял когда-то Монео, — со страхом и ненавистью. Но это не имело практически никакого значения. Он давно прозондировал время впереди их. Да, она выживет в его Пустыне, потому что ее следы были видны рядом с его… но он не

чувствовал ее плоти в этих следах. Но непосредственно за ее следами он вдруг увидел отверстое пространство, в котором было запечатано так многое. Смертный крик Антеак прозвучал в его сознании… крики атакующих Говорящих Рыб!

Придет Малки, подумал он. *Мы снова встретимся, Малки и я.*

Лето открыл свои человеческие глаза и увидел, что Сиона пристально смотрит на него.

— Я все еще ненавижу тебя! — выпалила она.

— Ты ненавидишь вынужденную жестокость хищника.

Она заговорила с ядовитым воодушевлением:

— Но я видела еще кое-что. Ты не можешь читать мои следы!

— Вот почему ты должна участвовать в селекции и дать потомство, чтобы сохранить это качество у потомков.

Он не успел договорить, как пошел дождь. Невесть откуда взявшаяся туча, темнота и ливень — все наступило одновременно и внезапно. Несмотря на то что Лето обычно очень хорошо чувствовал изменения погоды, на этот раз стихия застала его врасплох. Он знал, что в Сарьире иногда идут дожди, дождь быстро кончался, вода испарялась и снова становилось сухо. Как только

выглядывало солнце, вода из луж мгновенно испарялась. В большинстве случаев вода вообще не успевала упасть на землю. Это были призрачные дожди, вода испарялась, сталкиваясь с перегретыми нижними слоями воздуха. Но этот дождь намочил Лето.

Сиона откинула с лица маску и, подставив лицо дождю, жадно глотала воду, не замечая, какое действие оказывала вода на Лето.

Как только дождь намочил кожу из песчаных форелей, все тело Лето свернулось в огромный клубок невыразимых страданий. Раздельные движения форелей и Червя привели к ощущению, что все тело разрывается на части, что придавало новое значение слову «боль». Песчаные форели стремились ринуться к воде и окружить ее. Червь чувствовал, как вместе с водой на него проливается сама смерть. Струйки синего дыма поднимались в тех местах, где Лето соприкасался с водой. Внутренний биохимический завод начал производить Пряность. Синий дым поднимался от всего его тела, лежавшего в огромной луже. Лето извивался и стонал.

Туча прошла, и только теперь Сиона заметила, что Лето чем-то обеспокоен.

— Что с тобой? — спросила она.

Он был не способен ответить. Дождь кончился, но вода оставалась на камнях, она текла отовсюду и подтекала под него. Бежать было некуда.

Сиона увидела синий дым в тех местах, где вода касалась Лето.

— Это же вода!

Справа было возвышение, на котором не было воды. Преодолевая боль, он пополз туда, испуская стон при погружении в очередную лужу. Возвышение почти высохло, когда он достиг его. Мучения медленно отпускали его, и только теперь он понял, что Сиона стоит прямо перед ним. Она спросила его голосом, полным притворного участия:

— Почему вода причиняет тебе боль?

Боль? Какое неадекватное слово! Однако уклониться от этого вопроса было нельзя. Она достаточно много знала, чтобы самостоятельно заняться выяснением ответа. Ответ мог быть найден. Он, запинаясь, объяснил ей взаимоотношения червя и форелей к воде. Она молча слушала его.

— Но жидкость, которую ты дал мне…

— Она разбавлена и смягчена Пряностью.

— Тогда зачем ты рискуешь и выходишь сюда без тележки?

— Нельзя быть фрименом в Цитадели или в тележке.

Она согласно кивнула.

Он заметил, что пламя мятежа снова вспыхнуло в ее глазах. Она не чувствовала ни вины, ни зависимости. Она не могла больше не верить в Золотой Путь, но какая, в сущности, разница? Его жестокость нельзя простить. Она может отвергнуть его, отказать ему в месте в своей семье. Он не был человеком, он же совсем не похож на нее! И теперь она знала секрет его устранения! Окружить его водой, уничтожить Пустыню, обездвижить его в великих мучениях! Неужели она думает, что скрыла свои мысли, повернувшись к нему спиной?

Но что я могу с этим поделать? — подумал он. *Она должна жить, а я — демонстрировать неприятие насилия.*

Теперь, когда он доподлинно знал природу Сионы, как легко было бы сдаться, слепо погрузиться в собственные мысли. Как это было бы соблазнительно — жить исключительно в глубинах своей памяти, но его дети все еще требовали, чтобы он преподал им урок своим примером, если они хотят избежать последней угрозы Золотому Пути.

Сколь же болезненно это решение! Он испытал

некое сочувствие к Бене Гессерит. Его затруднительное положение было сродни тому, в котором оказался орден, столкнувшись с Муад'Дибом. *Заключительное звено их селекционной программы — мой Отец, — и тем не менее они не смогли сохранить его.*

Друзья, вперед, в пролом! — подумал он и едва удержал смех, позабавившись своей театральностью.

При наличии достаточного времени для смены поколений хищник производит некоторые приспособительные изменения в поведении жертвы, которые по петле обратной связи вызывают изменения в поведении самого хищника, который, в свою очередь, снова модифицирует поведение жертвы, и так далее, и так далее, и так далее… Многие мощные силы функционируют подобным же образом. К числу таких сил относится и религия.

(Похищенные записки)

— Господин велел мне передать вам, что ваша дочь жива.

Наила произнесла эту весть певучим голосом, глядя на Монео, который сидел за столом, заваленным бумагами и заставленным средствами связи.

Монео молитвенно сложил ладони, плотно прижав их друг к другу и глядя на длинные тени, которые отбрасывало низкое послеполуденное солнце на все предметы сквозь украшенное драгоценными камнями дерево тяжелого пресс-папье.

Не глядя на Наилу, которая всей своей исполинской фигурой высилась возле двери в почтительном внимании, Монео спросил:

— Они оба вернулись в Цитадель?

— Да.

Монео посмотрел в левое окно, не видя, впрочем, ни облаков кремнистой пыли, висящих на горизонте Сарьира, ни жадных порывов ветра, поднимающих песок с вершин дюн.

— Что с тем делом, которое мы обсуждали накануне? — спросил он.

— Все выполнено.

— Очень хорошо. Он жестом отпустил женщину, но Наила осталась стоять перед ним. Монео удивленно посмотрел на нее, в первый раз с тех пор, как она вошла, обратив на нее внимание.

— Это действительно необходимо, чтобы я присутствовала на этом… — она проглотила слюну, — бракосочетании?

— Так приказал Господь Лето. Ты будешь там одна вооружена лазерным ружьем. Это большая честь.

Она осталась стоять, глядя куда-то поверх головы Монео.

— Что еще? — спросил он.

Мощная челюсть Наилы дернулась.

— Он Бог, а я — простая смертная, — повернувшись на каблуках, она стремительно вышла.

На мгновение Монео удивился странному по-

ведению этой великанши, но потом его отвлекли более близкие ему мысли. Он думал только о Сионе.

Она выжила, как и я. Сиона теперь обладает внутренним убеждением, что Золотой Путь остался незыблемым. *Как и я.* В этом не было единения, он не чувствовал, что стал ближе к дочери. Это был тяжкий крест, и этот груз неизбежно подавит ее мятежную натуру. Ни один Атрейдес не может пойти против Золотого Пути. Лето позаботился об этом!

Монео вспомнил собственную мятежную юность. Каждую ночь — на новом месте, постоянная готовность к бегству. Паутина прошлого застлала его сознание, она словно прилипла к его памяти, как ни стремился он освободиться от навязчивых воспоминаний.

Сиона попала в клетку. Так же, как и я попал в клетку. Так же, как несчастный Лето.

Звон ночного колокола пробудил его от этих мыслей и включил ночное освещение в кабинете. Он посмотрел на стол, вспомнил о незаконченной работе. Сколько еще дел, связанных со свадьбой Бога-Императора и Хви Нори, надо сделать! Он нажал кнопку звонка и велел ординарцу, молодой Говорящей Рыбе, принести стакан воды и

вызвать в кабинет Дункана Айдахо.

Ординарец быстро вернулась и поставила на стол, возле левой руки Монео, стакан воды. Он посмотрел на длинные пальцы женщины и подумал, что с такими пальцами надо играть на лютне, но не посмотрел на ее лицо.

— Я послала человека за Айдахо, — сказала Говорящая Рыба.

Он кивнул и снова погрузился в дела. Он слышал, как она вышла, и только после этого отпил воды из стакана.

Некоторые люди живут без забот, словно мотыльки, но я не могу сбросить с себя тяжкое бремя.

Вода была пресной и безвкусной. Она притупила чувства, сделало тело каким-то вялым. Монео посмотрел на цвет Сарьира в предзакатных лучах солнца, подождал, пока окрестности станут невидимыми в наступающей темноте, думая, что сейчас получит наслаждение от красоты природы, но его ум просто отметил смену красок и все. *Я не имею ни малейшего отношения к этому движению.*

Наступила полная темнота, и свет в его рабочем кабинете автоматически усилился, принося с собой ясность мыслей. Он чувствовал себя вполне

готовым к встрече с Айдахо. Его надо научить подчиняться необходимости и сделать это как можно быстрее.

Дверь открылась, в кабинет снова вошла ординарец:

— Вы не хотите поесть?

— Позже! — Он поднял руку, когда она собралась выйти. — Оставь дверь открытой.

Девушка нахмурилась.

— Можешь играть, — сказал он. — Мне хочется послушать твою музыку.

У нее было круглое гладкое личико, которое начинало светиться, когда девушка улыбалась. Так, с улыбкой на полудетском лице, она вышла из кабинета, оставив дверь полуоткрытой.

Из приемной донеслись звуки лютни *бива*. Да, у этой девочки определенно есть талант. Басовые струны звучали, словно удары дождя по железной крыше, средние струны тихо вторили басам. Он узнал песню: трогательное воспоминание об осени, тихом ветре на далекой родной планете, где никогда не было пустынь. Грустная музыка, печальная, но какая прекрасная!

Это плач людей, попавших в клетку, подумал Монео. *Воспоминание о свободе.* Эта мысль показалась ему странной. Всегда ли необходимо,

чтобы свободу добывали мятежом?

Лютня смолкла. Послышались приглушенные голоса. В кабинет вошел Айдахо. Монео смотрел, как он входил. Игра света превратила лицо Дункана в гримасничающую маску с глубоко запавшими глазами. Не дожидаясь приглашения, он сел напротив Монео, и световая игра прекратилась. Перед Монео снова был все тот же Дункан. *Просто еще один Дункан.* Теперь он был одет в простую черную форму без знаков различия.

— Я задал сам себе особенный вопрос, — сказал Айдахо. — Я рад, что ты вызвал меня, и хочу задать этот вопрос тебе. Чему не научился мой предшественник, Монео?

Оцепенев от неожиданности, мажордом выпрямился на подушке. Какой не характерный для Дункана вопрос! Может быть, в этом кроется какое-то особое изобретение, которое применили тлейлаксианцы, готовя этого Айдахо?

— Что побудило тебя к такому вопросу? — спросил Монео.

— Я начал думать как фримен.

— Ты не был фрименом.

— Но я был ближе к ним, чем ты думаешь. Наиб Стилгар однажды сказал, что я, наверно, родился фрименом, но не знал об этом до тех пор, пока не

прибыл на Дюну.

— И что произошло, когда ты стал думать как фримен?

— Ты помнишь, что нельзя дружить с человеком, в компании которого ты не хотел бы умереть.

Монео положил руки ладонями на стол. На лице Айдахо появился волчий оскал.

— Тогда что ты здесь делаешь? — спросил Монео.

— Я подозреваю, что ты можешь быть хорошим товарищем, Монео. И я спросил себя, почему Лето выбрал в товарищи именно тебя?

— Я выдержал испытание.

— Такое же, как и то, что выдержала твоя дочь?

Значит, он знает, что они вернулись. Значит, какие-то Говорящие Рыбы обо всем его информируют, если, конечно… его не вызывал Император… *Нет, об этом я бы знал.*

— Испытания не бывают одинаковыми, — сказал Монео. — Мне пришлось спуститься в лабиринт с сумкой еды и флаконом Пряности.

— Ты выбирал сам?

— Что? О… если тебя будут испытывать, то ты сам все узнаешь.

— Такого Лето я не знаю, — сказал Айдахо.

— Разве я не говорил тебе об этом?

— Но есть Лето, которого не знаешь ты.

— Это потому, что он самый одинокий человек во всей вселенной, — сказал Монео.

— Не играй в игру настроений, чтобы возбудить мою симпатию, — произнес Айдахо.

— Игра настроений; хорошо сказано. — Монео кивнул в знак одобрения. — Настроение Бога-Императора подобно широкой реке. Ее течение безмятежно и гладко, но стоит на ее пути появиться препятствию, как она вспенивается бурунами и громадными волнами. Не стоит ставить преграды на пути этого потока.

Айдахо оглядел ярко освещенный кабинет, потом посмотрел на темноту за окном и подумал об укрощенной реке *Айдахо*, которая текла где-то поблизости. Снова обратившись к Монео, он спросил:

— Что ты знаешь о реках?

— В юности я много путешествовал по ним. Я доверял свою жизнь утлым суденышкам и ходил в них по рекам и даже выходил в море, когда берега терялись из виду за горизонтом.

Произнося эти слова, Монео вдруг понял, что в них содержится ключ к пониманию Бога Лето.

Это ощущение повергло Монео в глубокое размышление, он вспомнил ту далекую планету, где он пересекал море от одного берега до другого. В первый же вечер перехода случился шторм, и где-то в недрах корабля раздавался неясный монотонный шум: «суг-суг-суг-суг». Это работали машины. Он тогда стоял на мостике рядом с капитаном и слушал шум работающих двигателей, который то стихал, то возникал снова в такт набегающим и откатывающимся громадным волнам. Каждое опускание киля открывало плоть моря, словно удар кулаком. Это было безумное движение, потрясающая качка, потрясающая в буквальном смысле слова — вверх… вниз! Вверх… вниз! Грудь болела от сдерживаемого страха. Стремление судна вперед и стремление стихии утопить его — дикие всплески воды час за часом, струи соленых волн, стекавших с палубы, и снова накат волны…

Все это давало ключ к пониманию Бога-Императора.

Он был одновременно штормом и кораблем.

Монео снова посмотрел на Айдахо, который в ожидании ответа сидел за столом в холодном свете ламп. В этом человеке не было трепета, только жажда знать правду.

— Так ты не поможешь мне узнать, чего не понял другой Дункан Айдахо? — спросил Дункан.

— Нет, напротив, я охотно помогу тебе.

— Так чему я никогда не могу научиться?

— Как доверять.

Айдахо откинулся на подушку и удивленно и недоверчиво уставился на Монео. Айдахо заговорил хриплым, прерывающимся голосом:

— Я бы сказал, что доверял чрезмерно.

Монео был неумолим:

— Но как ты доверял?

— Что ты хочешь этим сказать?

Монео положил руки на колени.

— Ты выбираешь мужчин, потому что они способны сражаться и умирать на стороне правого дела, каким ты его видишь. Ты выбираешь женщин, которые способны служить дополнением такому мужскому взгляду на вещи. Ты не допускаешь расхождений со своим взглядом, даже если эти расхождения продиктованы доброй волей.

В дверях кабинета Монео произошло какое-то движение. Он поднял голову и увидел входящую Сиону.

— Ну, папа, ты, как я вижу, занят своими обычными штучками.

Айдахо рывком повернулся и уставился на

говорившую.

Монео разглядывал дочь, ища в ней признаки изменений. Она вымылась и надела новую форму командира Говорящих Рыб, но на лице и руках остались следы испытания Пустыней. Она потеряла в весе, скулы ее выпирали. Мазь не могла скрыть трещины на ее губах. На руках выступали вены. Глаза выглядели старыми и усталыми, во всем облике сквозило выражение человека, который испытал горечь поражения.

— Я слышала ваш разговор, — сказала она, сняла руку с бедра и вошла в комнату. — Как ты осмеливаешься говорить о доброй воле, отец?

Айдахо только теперь заметил на Сионе новую форму. В раздумье он сжал губы. *Командир Говорящих Рыб? Сиона?*

— Я понимаю твою горечь, — сказал Монео. — Я и сам когда-то испытал ее.

— В самом деле? — Она подошла ближе и встала рядом с Айдахо, который внимательно ее разглядывал.

— Меня просто переполняет радость от того, что я вижу тебя живой.

— Как это, должно быть, благодатно для тебя — видеть меня в безопасности и на службе Бога-Императора, — сказала она. — Ты так хотел иметь

ребенка, и вот взгляни! Смотри, какого успеха я добилась! — Она повернулась, демонстрируя мужчинам новую форму. — Командир Говорящих Рыб. Командир, все воинство которого состоит из одного человека, но тем не менее командир.

Монео заставил себя говорить своим холодным профессиональным тоном:

— Сядь.

— Я предпочитаю стоять. — Она посмотрела на поднятую голову Айдахо.

— А, Дункан Айдахо, мой назначенный дружок! Ты не находишь это интересным, Дункан? Господь Лето говорит, что со временем я войду в командную структуру его Говорящих Рыб. Все это время у меня будет один подчиненный. Ты знаешь, кто такая Наила, Дункан?

Айдахо кивнул.

— В самом деле? Мне почему-то кажется, что я не знаю ее. — Сиона посмотрела на Монео. — Я знаю ее, папа?

В ответ Монео только пожал плечами.

— Но ты говоришь о доверии, отец. — Сиона посмотрела на Монео. — Кто делает могущественных министров — доверие, Монео?

Айдахо взглянул на Монео, чтобы посмотреть, какое впечатление произведут эти слова на ма-

жордома. Лицо его показалось Айдахо хрупким от едва сдерживаемых эмоций. *Гнев? Нет… Это что-то другое.*

— Я доверяю Богу-Императору, — сказал Монео. — И надеюсь, что это чему-нибудь научит вас обоих. Я здесь для того, чтобы довести до вашего сведения его пожелания.

— Его пожелания, — язвительно воскликнула Сиона. — Ты только послушай, Дункан! Команды Бога-Императора теперь называются пожеланиями.

— Можешь и дальше разыгрывать свою пьесу, — сказал Айдахо. — Я знаю, что у нас небольшой выбор в чем бы то ни было.

— У тебя всегда есть выбор, — возразил Монео.

— Не слушай его, — сказала Сиона. — Он полон всяческих трюков. Они лелеют надежду, что мы с тобой упадем в объятия друг друга, чтобы наплодить побольше таких, как мой отец. Это будут твои наследники и потомки, папа.

Монео побледнел. Ухватившись руками за край стола, он подался вперед.

— Вы оба полные дураки! Но я попытаюсь спасти вас. Я постараюсь сделать это вопреки вашей же воле.

Айдахо видел, как тряслись щеки Монео, видел

его напряженный взгляд — эти признаки волнения против воли тронули сердце Айдахо.

— Я не племенной жеребец, но тебя я послушаю.

— Ошибка, как всегда, — сказала Сиона.

— Молчи, женщина, — отрезал Айдахо.

— Если ты еще раз заговоришь со мной в таком тоне, — Сиона смерила Дункана взглядом, — то я завяжу твою шею вокруг твоих же лодыжек.

Айдахо, потеряв дар речи, начал подниматься.

Монео поморщился и сделал Дункану знак сидеть спокойно.

— Предупреждаю тебя, Дункан, что она скорее всего сумеет это сделать. Мне далеко до нее, а ты помнишь, что было, когда ты попытался напасть на меня?

Айдахо сделал глубокий вдох, потом медленно выдохнул.

— Говори, что ты должен сказать.

Сиона присела на край стола и посмотрела на обоих мужчин.

— Вот так-то лучше, — сказала она. — Пусть он говорит, только не вздумай его слушать.

Айдахо плотно сжал губы.

Монео отпустил стол. Сел. Посмотрел на Айдахо и Сиону.

— Я почти закончил приготовления к свадьбе Бога-Императора и Хви Нори. Во время Праздненств вас не должно здесь быть.

Сиона вопросительно посмотрела на отца.

— Это твоя идея или его?

— Моя. — Монео не отвернул взгляд. — У тебя есть чувство чести и долга? Ты что, ничему не научилась, побывав с ним?

— Я узнала все, что в свое время узнал ты, папа. Я дала ему слово и сдержу его.

— Значит, ты будешь командовать Говорящими Рыбами?

— Если он доверит мне такое командование. Ты знаешь, папа, он ведет себя еще более уклончиво, чем ты.

— Куда ты нас посылаешь? — спросил Дункан.

— При условии, что мы согласимся, — добавила Сиона.

— Есть маленькая деревушка на краю Сарьира, где живут музейные фримены, — сказал Монео. — Она называется Туоно. Деревня эта довольно приятная. Она стоит в тени вала на берегу реки. Там хороший источник и хорошая еда.

Туоно? — подумал Айдахо. Название показалось ему до странности знакомым.

— Был бассейн Туоно по дороге в сиетч Табр, —

сказал он.

— Там длинные ночи и нет никаких развлечений, — подхватила Сиона саркастическим тоном.

Айдахо резко оглянулся на нее. Она ответила ему пылающим взором.

— Он хочет скрестить нас, чтобы Червь был доволен, — сказала она. — Он хочет, чтобы в моем животе резвились и скакали детишки для новой жизни. Скорее я увижу его мертвым, чем доставлю ему такое удовольствие.

Айдахо в изумлении посмотрел на Монео.

— А что будет, если мы откажемся ехать?

— Думаю, что вы поедете, — ответил Монео.

Губы Сионы тряслись.

— Дункан, ты когда-нибудь видел эти маленькие пустынные деревушки? Никаких удобств, никаких…

— Я видел деревню Табур, — сказал Дункан.

— Уверена, что это настоящая столица по сравнению с Туоно. Конечно, сам-то Бог-Император не станет праздновать свое бракосочетание в окружении грязных лачуг! Ну нет, Туоно — это грязные лачуги и никакого комфорта, это максимально приближено к жизни древних фременов.

Айдахо заговорил, глядя на Монео:

— Фримены не жили в грязных хижинах.

— Кому интересно, где они играют в свои культовые игрища, — насмешливо произнесла она.

По-прежнему глядя только на Монео, Айдахо продолжал:

— У фрименов был только один культ — культ честности. Я больше беспокоюсь о честности, нежели о комфорте.

— Во всяком случае, от меня ты его не дождешься, — огрызнулась Сиона.

— Я ничего от тебя не жду, — сказал Айдахо. — Когда мы должны отправиться в Туоно, Монео?

— Ты едешь? — спросила Сиона.

— Я считаю, что надо принять доброту твоего отца.

— Доброту! — фыркнула Сиона.

— Вы отправитесь немедленно, — сказал Монео. — Я выделил для эскорта отделение Говорящих Рыб под командой Наилы.

— Наилы? — переспросила Сиона. — В самом деле? Она останется с нами в деревне?

— До дня бракосочетания.

Сиона медленно наклонила голову.

— В таком случае мы согласны.

— Соглашайся от своего имени! — рявкнул в сердцах Айдахо.

Сиона улыбнулась:

— Простите. Могу я формально просить великого Дункана Айдахо присоединиться ко мне в этом первобытном гарнизоне, где он будет держать свои руки подальше от моей персоны?

Дункан исподлобья смотрел на Сиону.

— Не стоит волноваться по поводу того, где я буду держать свои руки. — Он взглянул на Монео. — Ты действительно добр, Монео? И поэтому отсылаешь меня отсюда?

— Это вопрос доверия, — съязвила Сиона. — Кому он доверяет?

— Меня принудят силой ехать вместе с твоей дочерью? — настаивал Айдахо.

Сиона встала.

— Либо мы принимаем предложение, либо наши доблестные солдаты свяжут нас и доставят в деревню весьма неудобным для нас способом. Можешь посмотреть — это написано на его лице.

— Следовательно, у меня действительно нет выбора.

— У тебя, как и у всякого человека, есть выбор, — сказала Сиона. — Умереть раньше или позже.

Однако Айдахо все еще смотрел на Монео.

— Каковы твои истинные намерения, Монео?

Ты не удовлетворишь мое любопытство?

— Любопытство иногда сохраняло людям жизнь… когда не помогало ничто другое, Дункан, — ответил мажордом. — Я пытаюсь сохранить тебе жизнь. Раньше я никогда этого не делал.

Потребовалась почти тысяча лет, чтобы пыль древней всепланетной пустыни Дюны осела и связалась с почвой и водой. Ветра, который называли песчаным вихрем, не видели на Арракисе почти двадцать пять столетий. Во время этих штормов в воздухе могло одновременно носиться до двадцати миллиардов тонн пыли. Небо в такие дни приобретало серебристый оттенок. Фримены говорили: «Пустыня подобна хирургу, который срезает кожу и обнажает то, что лежит под ней». Планеты, как и люди, состоят из слоев. Их можно видеть. Мой Сарьир всего лишь слабое эхо того, что было. Сегодня я должен быть песчаным вихрем.

(Похищенные записки)

— Ты послал их в Туоно, не посоветовавшись со мной? Какой сюрприз, Монео! Как давно ты не проявлял подобной независимости.

Монео, склонив голову, стоял в десяти шагах от Лето в центре сумрачной крипты и старался унять дрожь, чтобы ее не заметил Бог-Император. Была почти полночь. Лето заставлял своего мажордома ждать, ждать и томиться.

— Я от души надеюсь, что не оскорбил вас, гос-

подин, — сказал Монео.

— Ты позабавил меня, но не будь равнодушен к этому. В последнее время я потерял способность отличать комичное от печального.

— Простите меня, господин.

— О каком прощении ты просишь? Почему ты всегда спрашиваешь об оценке? Разве не может твой мир просто быть?

Монео поднял глаза и посмотрел на лицо, спрятанное в ужасной складке. *Он одновременно шторм и корабль. Этот закат существует сам по себе.* Монео почувствовал, что стоит на краю ужасающего откровения. Глаза Бога-Императора буравили его насквозь, прожигали, почти физически ощупывали.

— Господин, чего бы вы от меня хотели?

— Чтобы ты наконец поверил в себя.

Чувствуя, что вот-вот взорвется, Монео сказал:

— Значит, то, что я не посоветовался с вами прежде, чем…

— Наконец-то на тебя снизошло просветление, Монео! Мелкие души, ищущие власти, прежде всего разрушают веру других людей в себя самих.

Слова эти подавляли Монео. В них ему чудилось обвинение, исповедание. Он чувствовал,

как слабеет его хватка, которой он держался за бесконечно желанную вещь. Он пытался найти слова, чтобы назвать эту вещь, но разум его не мог подсказать имени. Может быть, если спросить об этом Бога-Императора.

— Господин, если бы вы только сказали мне о своих мыслях по…

— Мои мысли исчезнут, когда я их выскажу!

Лето посмотрел на Монео сверху вниз. Как странно сидят его глаза по обе стороны орлиного носа Атрейдесов! Они движутся, словно стрелка на метрономе его лица. Слышит ли Монео ритмичное повторение слов: «*Грядет Малки! Грядет Малки! Грядет Малки!*»

От тяжкой муки Монео хотелось расплакаться. Все мысли, которые у него были, — исчезли бесследно. Он прижал руки ко рту.

— Твоя вселенная — это двумерное часовое стекло, — обвиняющим тоном произнес Лето. — Почему ты пытаешься сдержать песок?

Монео опустил руки и вздохнул:

— Вам угодно выслушать мой доклад о приготовлении к свадьбе?

— Ты меня утомляешь! Где Хви?

— Говорящие Рыбы готовят ее к…

— Ты советовался с ней насчет приготовле-

ний?

— Да, господин.

— Она одобрила их?

— Да, господин, но она обвинила меня в том, что я предпочитаю количество работы ее качеству.

— Разве это не замечательно, Монео? Видит ли она волнение среди Говорящих Рыб?

— Думаю, что да, господин.

— Их беспокоит сама идея моей женитьбы.

— Именно поэтому я отослал отсюда Дункана, господин.

— Конечно, конечно, и вместе с ним Сиону в…

— Господин, я знаю, что вы испытали ее, и она…

— Она чувствует Золотой Путь так же глубоко, как и ты, Монео.

— Тогда почему я боюсь ее, господин?

— Потому что ты ставишь разум превыше всего на свете.

— Но я не понимаю разумных причин моего страха!

Лето улыбнулся. Это было похоже на игру в кости с бесчисленным количеством граней. Эмоции Монео играли сегодня только на этой сцене. Как близко подошел он к краю, даже не замечая этого!

— Монео, почему ты так упорно хочешь собрать картину из кусочков, выбитых из континуума? — спросил Лето. — Когда ты видишь спектр, ты всегда предпочитаешь только один цвет?

— Господин, я не понимаю вас!

Лето закрыл глаза, вспоминая, сколько раз в жизни приходилось ему слышать этот крик души. Лица слились в одну сплошную полосу. Он открыл глаза и стер их видение.

— До тех пор, пока человек остается живым, чтобы видеть все эти цвета, они не претерпевают линейную смерть, даже если ты умрешь, Монео.

— Что вы хотите сказать, говоря о цветах, господин?

— Континуум — это нескончаемый Золотой Путь.

— Но вы видите вещи, которых не видим мы, господин!

— Потому что вы отказываетесь их видеть!

Монео опустил голову.

— Господин, я знаю, что вы далеко превосходите каждого из нас. Именно поэтому мы поклоняемся вам и…

— Будь ты проклят, Монео!

Он поднял глаза и в ужасе посмотрел на Бога-Императора.

— Цивилизации рушатся, когда их сила начинает превосходить силу их религии! — крикнул Лето. — Почему ты не можешь этого видеть? Хви может.

— Она иксианка, господин. Возможно, она…

— Она — Говорящая Рыба! Она была рождена, чтобы служить мне. Нет! — Лето поднял руку, видя, что Монео собирается заговорить. — Говорящие Рыбы всполошились потому, что я называл их своими невестами, а теперь они видят иностранку, не посвященную в Сиайнок, которая знает этот ритуал лучше, чем они.

— Как такое может быть, господин, что когда ваша Рыба…

— О чем ты говоришь? Каждый из нас рано или поздно приходит к пониманию того, кто он и что должен делать.

Монео раскрыл было рот, но не нашел, что сказать, и промолчал.

— Это знают даже малые дети, — сказал Лето. — Они перестают знать только после того, как взрослые настолько запутывают их, что они начинают прятать свое знание от самих себя. Монео, раскройся!

— Господин, я не могу этого сделать! — слова рвали Монео на части. Он трясся от невыразимой

душевной боли. — У меня нет вашей силы и вашего знания о…

— Довольно!

Монео замолчал. Все его тело била дрожь.

Лето начал успокаивать его:

— Все в порядке, Монео. Я слишком много с тебя спросил и чувствую, что ты устал.

Дрожь мало-помалу улеглась. Он несколько раз судорожно вздохнул.

— Я решил внести некоторые изменения во фриженский ритуал моего бракосочетания. Мы не станем пользоваться водяными кольцами Гани, вместо этого мы воспользуемся кольцами моей матери.

— Госпожи Чани, господин? Но где ее кольца?

Лето перевернулся всем своим массивным телом на тележке и показал Монео глубокую нишу в стене крипты.

— В этих стенах находятся захоронения первых Атрейдесов на Арракисе. Во второй нише могила Чани, там же лежат и ее кольца. Ты извлечешь их оттуда и доставишь на церемонию.

— Господин! — Монео со страхом смотрел на могилы. — Не будет ли это святотатством?

— Ты забываешь, Монео, кто живет во мне. — Он заговорил голосом Чани: — Я могу делать что

захочу со своими водяными кольцами.

Монео стушевался:

— Хорошо, господин. Я доставлю их в деревню Табур, когда…

— Табур? — переспросил Лето своим обычным голосом. — Но я передумал, Монео. Мы с Хви поженимся в деревне Туоно.

Цивилизация по большей части основана на трусости. Так легко цивилизовать народ, обучая его трусости. Вы отбрасываете прочь стандарты, воспитывающие смелость. Вы ограничиваете волю. Вы регулируете аппетиты. Вы обносите горизонты заборами. Вы обусловливаете законами каждое движение. Вы отрицаете само существование хаоса. Вы учите даже детей дышать медленно и осторожно. Вы укрощаете.

(Похищенные записки)

Первый же взгляд на деревню Туоно ошеломил Айдахо. Здесь находится родина фрименов?

Подразделение Говорящих Рыб доставило их из Цитадели на рассвете. Айдахо и Сиона летели в большом орнитоптере, а эскорт сопровождения в двух малых. Полет продолжался долго, почти три часа. Они приземлились на плоском круглом пластоновом ангаре в километре от деревни, отделенном от нее древними дюнами, окруженными чахлой травой и колючим кустарником. По мере того как они спускались вниз, стена, расположенная за деревней, казалась им все выше и выше. Дома деревни стремительно съеживались по сравнению с такой громадой.

— Музейные фримены остались нетронутыми внепланетными технологиями, — объяснила Наила, пока эскорт запирал орнитоптеры в низком ангаре. Одна из гвардейцев бегом отправилась в деревню предупредить о прибытии важных гостей.

Сиона, молчавшая во время всего полета, украдкой внимательно разглядывала Наилу.

Все время, пока они шли через залитые утренним светом дюны, Айдахо старался представить себе, что он вернулся в старое время. Среди насаждений виднелся песок, в ложбинах между дюнами была голая бесплодная земля, пожелтевшая трава и кусты, практически лишенные листьев. По небосводу кружили три грифа — «парящие разведчики», как называли их фримены. Айдахо попытался объяснить это Сионе, шедшей рядом. Начинаешь опасаться этих пожирателей падали только тогда, когда они снижаются.

— Мне рассказывали о грифах, — холодно осадила его Сиона.

Айдахо заметил, что на верхней губе девушки выступили капельки пота. От отряда Говорящих Рыб, который сопровождал их, тоже доносился пряный запах пота.

Воображение Айдахо не справилось с задачей

сгладить разницу между прошлым и настоящим. Защитные костюмы, надетые на них, больше годились для театрального представления, а не для эффективного сбережения воды. Ни один истинный фримен не доверил бы свою жизнь такому костюму — даже здесь, где повсюду чувствовался запах близкой воды. Да и Говорящие Рыбы из отряда Наилы, идя по дороге, не соблюдали фрименского молчания. Они болтали как дети.

Сиона утомленно шла рядом с ним, погруженная в грустное отчуждение, и не отрывала взгляд от мускулистой спины Наилы, возглавлявшей колонну.

Что могло связывать этих двух женщин? Наила определенно была преданна Сионе, исполняла любое ее приказание, повиновалась каждому слову, но тем не менее она не отклонится от приказа, согласно которому их доставили в Туоно. Наила обращалась к Сионе очень почтительно и называла ее не иначе, как командиром. Между ними была какая-то очень глубокая связь, которая вызывала в Айдахо страх.

Наконец они подошли к спуску, в нижней части которого стояла деревня, а за ней высокая стена. С воздуха Туоно выглядела как расположенные рядами квадратики, находящиеся вне большой

тени стены. С близкого же расстояния деревня представилась скопищем жалких лачуг, убожество которых только усиливалось от попыток местных жителей украсить это место. Кусочки блестящих камней и полоски металла «инкрустировали» стены домов. На самом высоком строении высился железный шест, на котором развевалось зеленое знамя. Ветер доносил до ноздрей Айдахо запах мусора и открытых выгребных ям. Центральная улица тянулась вдоль песчаного пустыря, поросшего скудной травой. Улица заканчивалась площадью, вымощенной разбитым булыжником.

Возле дома с флагом прибывших ожидала делегация в накидках. Среди людей была видна вестница, которую Наила послала предупредить жителей о встрече. Айдахо насчитал восемь встречавших — все мужчины в аутентичных фрименских одеждах коричневого цвета. Под капюшоном одного из встречавших виднелась зеленая головная повязка — это был, без сомнения, наиб. На другой стороне площади стояли дети с цветами. Из боковых улочек выглядывали женщины в черных капюшонах. Айдахо нашел эту сцену вопиюще удручающей.

— Давайте быстрее покончим с этим, — сказала

Сиона.

Наила кивнула и повела группу по склону на улицу. Сиона и Айдахо шли в нескольких шагах за Наилой. Остальные тащились сзади. Они замолчали и с нескрываемым любопытством глазели по сторонам.

Когда Наила приблизилась к встречавшим, человек с зеленой повязкой выступил вперед и поклонился. Он двигался, как старик, но Айдахо заметил, что это был человек средних лет, с гладкими щеками, с массивным носом, на котором не было следов от трубки. А его глаза! В них не было синевы — следов употребления Пряности. Глаза были карими. Карие глаза у фримена!

— Меня зовут Гарун, — сказал человек, когда Наила остановилась перед ним. — Я — наиб этой деревни. Я приветствую вас от имени фременов Туоно.

Наила показала через плечо на Айдахо и Сиону, которые остановились за ее спиной.

— Приготовлены ли квартиры для наших гостей?

— Мы, фримены, славимся своим гостеприимством, — ответил Гарун. — Все готово.

Айдахо втянул ноздрями кисловатый запах этого места, прислушался к доносившимся откуда-то

звукам, посмотрев в открытые окна здания с флагом. Зеленое знамя Атрейдесов, развевающееся над этим убожеством? В окно был виден зал с низким потолком, оркестровая яма в дальнем конце, эстрада и ряды кресел. Пол был застлан ковром. Помещение было, несомненно, концертным залом, местом развлечения туристов.

Звук шаркающих шагов вновь вернул внимание Айдахо к Гаруну. Теперь вперед выступили дети, протягивавшие своими чумазыми руками цветы прибывшим. Цветы давно увяли.

Гарун обратился к Сионе, правильно определив ее звание по золотым шевронам ее командирского мундира.

— Не хотите ли посмотреть представление наших фрименских ритуалов? — спросил он. — Может быть, послушать музыку? Посмотреть танцы?

Наила приняла букет цветов из рук одного ребенка, понюхала цветы и чихнула.

Другой оборванец протянул цветы Сионе, подняв на нее свои широко открытые глаза. Она приняла цветы, но даже не посмотрела на ребенка. Айдахо вообще отогнал детей от себя. Они в нерешительности постояли, потом обежали его и направились к отряду Говорящих Рыб.

Гарун обратился к Айдахо:

— Если вы дадите им несколько монет, они не будут вас больше беспокоить.

Дункан содрогнулся. Так выглядит теперь обучение фрименских детей?

Гарун снова обратил свое внимание на Сиону и начал рассказывать ей о расположении деревни. Наила тоже внимательно слушала.

Айдахо отошел от них и направился вниз по улице, видя, как за ним наблюдает множество глаз, которые не осмеливаются встречаться с его взглядом. Чувства Айдахо были оскорблены украшениями, которые не делали лучше дома, несшие на себе все признаки глубокого упадка. Он снова посмотрел сквозь открытую дверь на зрительный зал. В Туоно проглядывала какая-то грубость, была какая-то завеса, скрывавшая невидимую борьбу, борьбу неведомо за что, скрытую за пожухлыми цветами и просительным голосом Гаруна. В другое время и на другой планете это были бы картонные макеты старинных домов, перепоясанные веревками крестьяне, смиренно протягивающие помещику свои петиции. Он слышал плаксивые нотки в голосе Гаруна. Это не фримен! Эти бедные создания живут в трущобах, пытаясь сохранить хотя бы часть своей цельно-

сти. Однако эта цельность с каждым годом все больше и больше вырывалась из их рук. То были утерянная цельность и утраченная реальность. Что здесь сотворил Лето? Эти музейные фримены растеряли все, кроме способности к растительному существованию и пустому произношению старинных слов, которые они не понимали и даже не умели правильно произносить.

Он вернулся к Сионе и принялся рассматривать накидку Гаруна, обратив внимание на то, как тесно она скроена, — это говорило о недостатке материи и стремлении к экономии. Была видна часть серого защитного костюма — ни один фримен не позволил бы солнцу касаться своими лучами драгоценного защитного костюма. Айдахо оглядел других членов делегации и заметил у них ту же скупость в отношении одежды. Это выдавало их эмоциональное унижение. В такой одежде невозможно делать экспансивные жесты, она не допускает свободы движений. Накидки были тесными и ограничивающими у всех этих людей!

Движимый отвращением, Айдахо шагнул вперед и распахнул накидку Гаруна, чтобы взглянуть на его защитный костюм. Так и есть! Костюм был полной бутафорией — ни рукавов, ни ботинок

на присосках!

Гарун отпрянул назад и схватился за рукоятку ножа, который, как сразу заметил Айдахо, висел на поясе костюма.

— Эй, что ты делаешь? — злобно крикнул Гарун. — Ты не смеешь так прикасаться к фримену!

— Ты — фримен? — язвительно поинтересовался Айдахо. — Я жил с фрименами! Я воевал с ними против Харконненов! Я умирал с фрименами! Ты? Ты — паяц!

Костяшки пальцев Гаруна, сжимавших рукоятку ножа, побелели. Он обратился к Сионе:

— Кто этот человек?

— Это Дункан Айдахо, — вместо Сионы ответила Наила.

— Гхола? — Гарун вгляделся в лицо Айдахо. — Мы никогда не видели тебя таким прежде.

Айдахо едва не поддался желанию очистить площадь от этого сброда — очистить любой ценой, даже ценой собственной жизни — униженной и ненужной даже тем, кто постоянно воскрешал его. *Да, я — устаревшая модель!* Но это не фримены.

— Обнажи оружие или убери руку с ножа, — потребовал Айдахо.

Гарун опустил руку.

— Это не настоящий нож, — сказал он. — Простая декорация. — Голос его стал подобострастным. — Но у нас есть настоящие ножи, даже отравленные! Они хранятся запертыми для лучшей сохранности.

Айдахо ничего не смог с собой поделать. Откинув назад голову, он оглушительно расхохотался. Сиона улыбалась, и только Наила сохранила полную серьезность, а Говорящие Рыбы моментально окружили начальников плотным кольцом.

Смех оказал странное действие на Гаруна. Он опустил голову и сцепил руки перед собой, но Айдахо успел заметить, что пальцы его заметно дрожали. Когда Гарун снова поднял голову, взгляд его был исподлобья направлен на Айдахо. Дункан мгновенно отрезвел. Было такое впечатление, что невидимый страшный сапог сокрушил самолюбие Гаруна, сделав из него жалкого раба. В глазах этого человека можно было прочесть покорное ожидание. Он смотрел и ждал. По причине, которую не смог бы объяснить сам Айдахо, ему на память вдруг пришли строки католической библии: «Не те ли это малые, которые смиренны и наследуют царствие небесное?»

Гарун прочистил горло:

— Может быть, гхола Дункан Айдахо посмотрит наши обычаи и наши ритуалы и выступит судьей?

Слыша эту жалобную просьбу, Айдахо почувствовал себя пристыженным.

— Я научу вас всему, что знаю о фрименах. — Он оглянулся и увидел, что Наила сердито нахмурилась. — Это поможет нам провести время, — сказал он. — И кто знает, может быть, на эту землю вернется что-то от старого фримена?

— Нам нет нужды играть в эти культовые игрища! Веди нас на наши квартиры, — сказала Сиона.

Наила опустила голову и в смущении заговорила, стараясь не смотреть на Сиону:

— Командир, есть одна вещь, о которой я должна вам сказать.

— Ты должна сказать, что мы *должны* навсегда остаться в этом тухлом месте и что твоя обязанность проследить за этим.

— О нет, — возразила Наила и посмотрела в глаза Сионе. — Куда вы сможете уйти? Через стену вам не перелезть, тем более что за ней река. А позади — только песок Сарьира. О нет, это нечто совсем другое.

Наила покачала головой.

— Говори живее! — рявкнула Сиона.

— Я получила строжайший приказ, командир, который я не могу не выполнить. — Наила оглядела своих гвардейцев, потом снова взглянула на Сиону. — Вы и… Дункан Айдахо должны жить в одной квартире вместе.

— Это приказ моего отца?

— Госпожа командир, это приказ самого Бога-Императора, и мы не можем его ослушаться.

Сиона посмотрела на Айдахо.

— Ты помнишь, о чем я предупредила тебя, Дункан, когда мы говорили с тобой в Цитадели?

— Мои руки принадлежат мне и будут делать то, что им заблагорассудится, — огрызнулся Айдахо.

Она коротко кивнула, отвернулась и обратилась к Гаруну:

— Какая разница, где мы будем спать в этом отвратительном месте? Веди нас домой.

Айдахо нашел ответ Гаруна очаровательным. Он повернул голову к гхола, прикрылся капюшоном, чтобы его не видела Сиона, и подмигнул Айдахо. После этого он отвернулся и повел их с площади вдоль по грязной улице.

В чем заключается самая непосредственная опасность для моего правления? Я могу ответить вам. Это истинный провидец, человек, который в присутствии Бога сознает свое истинное место. Экстаз провидца создает энергию, подобную половой, – она не заботится ни о чем, кроме творения. Один акт творения в целом похож на другой, все зависит от содержания видения.

(Похищенные записки)

Лето покинул свою тележку и лежал на защищенном от непогоды балконе Малой Цитадели, охваченный раздражением, которое, как он прекрасно понимал, было вызвано вынужденной задержкой их бракосочетания с Хви Нори. Лето смотрел на юго-запад. Где-то там, за темнеющим горизонтом, находятся Сиона, Дункан и их товарищи, которые уже шестой день живут в деревне Туоно.

В этой задержке виноват только я, думал Лето. *Это я изменил место проведения церемонии, и бедняге Монео пришлось заново начинать все приготовления.*

Да еще эти проклятые мысли о Малки.

Все эти заботы было невозможно объяснить

Монео, который суетился в соседнем зале, переживая из-за того, что отсутствовал на своем командном пункте и не мог оттуда руководить приготовлениями к празднеству. Какой он, однако, хлопотун!

Лето взглянул на заходящее солнце. Оно скатывалось к горизонту, одетое в призрачный оранжевый туман, след только что прошедшей бури. Сейчас дождь медленно перемещался вместе с облаками к южной части Сарьира. В долгой тишине Лето некоторое время наблюдал за дождем, который, казалось, не имел ни начала, ни конца. Облака вырастали тяжелыми нагромождениями из серого неба, а из облаков видимыми линиями протягивался к земле дождь. Он почувствовал, как его обуревает неумолимая память. Трудно было изменить настроение, и Лето вдруг понял, что совершенно непроизвольно мысленно повторяет великие строки древнего поэта.

— Вы что-то сказали, господин? — Голос Монео раздался совсем рядом. Скосив глаза, Лето увидел стоявшего рядом и готового к приказаниям верного мажордома.

Лето перевел стихи на галахский и процитировал:

— Соловей свил гнездо в ветвях сливы, но что

он может поделать с ветром?

— Это вопрос, господин?

— Это очень древний вопрос. Ответ на него очень прост. Пусть соловей занимается своими цветами.

— Я не понимаю вас, господин.

— Перестань обсуждать очевидное, Монео. Меня раздражает, когда ты это делаешь.

— Простите меня, господин.

— Что мне остается делать? — Лето изучающе посмотрел на потупившего взор Монео. — Ты и я, Монео, чем бы мы ни занимались, представляем собой очень органичный актерский ансамбль.

Мажордом недоуменно уставился на Лето.

— Господин?

— Ритуалы религиозных празднеств в честь Вакха стали семенами, из которых вырос греческий театр. Религия часто приводила к рождению театра. Из нас тоже можно сделать неплохой театр. — Лето опять вперил задумчивый взор в горизонт.

Теперь на юго-западе поднялся ветер, громоздивший облака друг на друга. Лето показалось, что он слышит, как шуршит песок, который ветер сдувает с вершин дюн. Но в зале башни стояла мертвая тишина, которую лишь подчеркивал

едва слышный шелест ветра.

— Облака, — прошептал Лето. — Я снова выпью бокал лунного света, у моих ног пристанет древняя морская ладья, прозрачные облака побегут по синему небу, на моих плечах снова будут развеваться серо-голубой плащ, а рядом будут пастись кони.

— У господина заботы? — спросил Монео. Его сочувствие буквально лилось на Лето.

— Яркие тени моего прошлого, — ответил Лето. — Они никогда не оставляют меня в покое. Я слушаю успокаивающие звуки — перезвон колоколов в засыпающем городке, но этот звук говорит мне лишь то, что я — звук и душа этого мира.

Пока Лето говорил, на башню пала тень наступающей ночи. Лето стал смотреть на восходящий над оранжевым горизонтом дынный ломтик Первой Луны, которая вдруг, освобожденная от света планеты, повисла над облаками, приготовившись совершить свой обычный круг.

— Господин, зачем мы сюда приехали? — спросил Монео. — Почему вы не хотите мне сказать?

— Я хотел получить удовольствие от твоего удивления, — ответил Лето. — Скоро здесь приземлится корабль Гильдии. Мои Говорящие Рыбы

привезут Малки.

Монео судорожно вздохнул:

— Дядя Хви? Тот самый Малки?

— Ты удивлен, что я не предупредил тебя об этом?

Монео ощутил, как по его телу пробежал холодок.

— Господин, если вам угодно держать эти вещи в тайне от меня, то…

— Монео, — в тоне Лето прозвучало лишь мягкое убеждение. — Я знаю, что Малки был для тебя гораздо большим искушением, чем все остальные…

— Господин, я никогда…

— Я знаю, Монео, — продолжал Лето все тем же мягким, вкрадчивым тоном. — Но удивление пробудило и оживило твою память. Ты теперь во всеоружии и готов ко всему, что я могу потребовать от тебя.

— Что… что, мой господин…

— Вероятно, нам придется избавиться от Малки. Он стал мешать.

— Я? Вы хотите, чтобы я…

— Возможно, да.

Монео судорожно сглотнул.

— Преподобная Мать…

— Антеак мертва. Она хорошо послужила мне, но она мертва. Была жестокая схватка, когда мои Говорящие Рыбы атаковали место, где прятался Малки.

— Все же хорошо, что здесь не будет Антеак, — сказал Монео.

— Мне нравится то недоверие, с которым ты относишься к Бене Гессерит, но я бы хотел, чтобы Антеак оставила нас другим способом. Она была верна нам, Монео.

— Преподобная Мать была…

— Завладеть тайной Малки хотели и Бене Тлейлакс, и Гильдия, — сказал Лето. — Когда они увидели, что мы направились к Иксу, они нанесли удар, опередив моих Говорящих Рыб. Антеак… она смогла лишь немного задержать их, но и этого было достаточно. Мои Говорящие Рыбы успели вторгнуться в то место…

— Тайна Малки, господин?

— Когда что-то пропадает, — сказал Лето, — это столь же ценное сведение, как и то, которое мы получаем, когда что-то внезапно появляется. Пустое место всегда достойно самого пристального изучения.

— Что мой господин имеет в виду под пустым местом…

— Малки не умер! Определенно, я должен был это знать. Куда он направился, когда исчез?

— Исчез… для вас? Господин, вы хотите сказать, что иксианцы…

— Они усовершенствовали машину, которую когда-то очень давно сами подарили мне. Они совершенствовали ее медленно и незаметно, пряча, так сказать, раковины в раковинах. Но я видел тени от их движений. Я был удивлен, но это доставило мне удовольствие.

Монео погрузился в раздумья. *Машина, которая могла скрыть… Ах!* Бог-Император упоминал этот предмет несколько раз, говоря о приборе, который может скрывать мысли, которые он записывал. Мажордом заговорил:

— И Малки везет эту тайну…

— О да. Но в действительности это не секрет самого Малки. На самом деле в его груди прячется другая тайна, о которой, как он думает, я даже не подозреваю.

— Другая… Но, господин, если они могут скрывать даже от вас…

— Теперь многие могут это делать, Монео. Они бросились врассыпную и рассеялись, когда их атаковали мои Говорящие Рыбы. Секреты иксианских машин распространяются по моей

Империи, как лесной пожар.

Глаза Монео расширились, он был явно встревожен.

— Господин, если кто-нибудь…

— Если они поумнели, то не оставят следов, — сказал Лето. — Сажи мне, Монео, что говорит Наила о Дункане? Она пересылает рапорты прямо тебе?

— Как прикажет мой господин. — Монео откашлялся. Он не мог понять, почему Господь Лето говорит о спрятанных следах, Наиле и Дункане одновременно.

— Конечно, ты сделаешь так, как я прикажу, — сказал Лето. — То же самое относится и к Наиле. Но что она говорит о Дункане?

— Он не собирается сходиться с Сионой, если это то, что интересует…

— Меня интересует, что он делает с моим игрушечным наибом Гаруном и другими музейными фрименами?

— Он рассказывает им о старой жизни, о войнах против Харконнена, о первых Атрейдесах здесь, на Арракисе.

— На Дюне.

— Да, на Дюне.

— Фрименов больше нет именно потому, что

нет больше Дюны, — сказал Лето. — Ты передал мое послание Наиле?

— Господин, зачем вы прибавляете себе опасности?

— Ты передал мое послание?

— Посланница уже на пути в Туоно, но я могу в любой момент отозвать ее с дороги.

— Ты не станешь ее отзывать!

— Но, господин…

— Что она скажет Наиле?

— Она прикажет от вашего имени, чтобы Наила продолжала полностью и беспрекословно подчиняться моей дочери во всем, кроме того, что касается… Господин! Это очень опасно!

— Опасно? Наила — Говорящая Рыба. Она подчинится мне.

— Но Сиона… Господин, я боюсь, что моя дочь не служит вам всем сердцем, а Наила…

— Наила не должна уклоняться с предписанного ей пути.

— Господин, давайте перенесем свадьбу в другое место.

— Нет!

— Господин, я знаю, что ваше видение открыло вам…

— Золотой Путь продолжается, Монео. Ты зна-

ешь это так же хорошо, как и я.

Монео вздохнул:

— В вашем распоряжении вечность, господин. Я не ставлю под вопрос… — Он осекся, ибо в этот момент страшный рев двигателей сотряс башню до основания. Чудовищный звук становился все громче и громче.

— О, вот и прибыли мои гости, — сказал Лето. — Я пошлю тебя им навстречу в моей тележке. Доставь сюда одного Малки. Передай пилотам Гильдии, что этим они заслужили мое прощение и отошли их прочь.

— Господин, вы прощ… Слушаюсь, господин. Но если они тоже обладают секретом…

— Они послужат моей цели, Монео. Ты должен делать то же самое. Итак, доставь сюда Малки.

Монео послушно направился к тележке, которая стояла в дальнем углу зала. Он взобрался на нее и взглянул на то, как уста ночи поглощают стену. В ночь выдвинулась посадочная площадка. Тележка легко, как пушинка, взмыла в воздух и приземлилась на песке рядом с кораблем Гильдии, который стоял, словно уменьшенная копия башни Малой Цитадели.

Лето с балкона наблюдал за этой сценой, слегка приподняв свой передний сегмент, чтобы лучше

видеть происходящее. Острое зрение позволяло ему видеть, как Монео, стоя в тележке, приблизился к кораблю. Длинноногие пилоты вынесли из корабля продолговатый контейнер на носилках, о чем-то поговорили с Монео и вернулись в корабль. Лето запечатал воздушным колпаком тележку с контейнером, заметив, как лунный свет отблескивает от прозрачной гладкой поверхности. Подчиняясь мысленному приказу Лето, тележка с носилками вернулась на посадочную площадку. Пока Лето ставил тележку в зал, корабль Гильдии с прежним ревом взмыл в воздух. Лето открыл колпак, запер зал и, подняв передний сегмент, посмотрел на Малки, который в сонном состоянии лежал на носилках, привязанный к ним широкими эластичными бинтами. Лицо этого человека, обрамленное темно-седыми волосами, было мертвенно-бледным.

Как же он постарел, подумал Лето.

Монео сошел с тележки и тоже всмотрелся в лицо гостя.

— Он ранен, господин. Они хотели послать за врачом…

— Они хотели заслать сюда шпиона.

Лето внимательно всматривался в темное морщинистое лицо Малки. Щеки запали, острый нос

выглядел нелепым контрастом на овальном лице. Широкие брови были совсем седыми. Видимо, тестостерон иссяк, хотя его и было в избытке всю жизнь Малки… да…

Малки открыл глаза. Каким потрясением было убедиться, что в глазах этого старика могут отражаться такие злые мысли! Губы Малки дрогнули в иронической усмешке.

— Господин Лето, — едва слышным шепотом произнес он посмотрел направо, посмотрел на мажордома. — А вот и Монео, прости, что не могу приветствовать тебя стоя.

— Тебе больно? — спросил Лето.

— Временами, — ответил Малки, оглядывая зал. — Где же ваши гурии?

— Боюсь, что на этот раз мне придется отказать вам в этом удовольствии, Малки.

— Это и хорошо, — согласился Малки прежним хриплым шепотом. — Боюсь, что сейчас мне будет не до них. Те, которых вы послали ко мне, были далеко не гурии.

— Их профессия — выполнять мои приказы, — сказал Лето.

— Это были какие-то кровавые охотники!

— Охотницей была Антеак. Говорящие Рыбы — это просто коммандос.

Монео по очереди рассматривал собеседников. В их разговорах был какой-то непонятный для мажордома контекст. Малки, несмотря на свое плачевное состояние, был почти дерзок. Впрочем, Монео и не помнил его другим. Очень опасный человек!

— До твоего прибытия мы с Монео обсуждали вопрос о бесконечности, — сказал Лето.

— Бедный Монео, — произнес Малки.

Лето улыбнулся:

— Ты помнишь, Малки? Однажды ты попросил показать тебе бесконечность.

— Вы ответили, что показать бесконечность невозможно, для демонстраций ее не существует. — Малки перевел взор на Монео. — Лето любит играть парадоксами. Он знает все языковые трюки, которые когда-либо были изобретены и открыты.

Монео с трудом подавил приступ гнева. Он чувствовал, что его попросту исключили из этой беседы двух высших существ. Малки и Бог-Император вели себя почти как старые друзья, которые, встретившись, с удовольствием вспоминают общее прошлое.

— Монео обвинил меня в том, что я считаю себя единственным обладателем бесконечности, —

говорил Лето. — Он отказывается верить, что в его распоряжении не меньше бесконечности, чем у меня.

Малки внимательно посмотрел на Лето.

— Видишь, Монео, как он играет словами?

— Расскажи мне лучше о своей племяннице, Хви Нори, — сказал Лето.

— Верно ли то, что мне рассказали, Лето? Верно ли, что ты собираешься жениться на ней?

— Да, это верно.

Малки усмехнулся, потом скривился от боли.

— Они ужасно меня покалечили, Лето, — прошептал Малки. — Скажи-ка мне, Старый Червь…

Монео обомлел.

Малки подождал, пока стихнет боль и продолжал:

— Скажи мне, Старый Червь, где в этом чудовищном теле прячется чудовищный член? Какое потрясение для нежной Хви!

— Я давно сказал тебе правду об этом, — сказал Лето.

— В этом мире никто не говорит правду, — прохрипел Малки.

— Ты часто говорил мне правду, — возразил Лето. — Правда, иногда ты и сам об этом не догадывался.

— Это оттого, что ты умнее всех нас вместе взятых.

— Так ты расскажешь мне о Хви?

— Думаю, что ты и так про нее все знаешь.

— Я хочу услышать это от тебя, — сказал Лето. — Вы получали помощь от тлейлаксианцев?

— Они поделились с нами знаниями, более ничем. Все остальное мы сделали сами.

— Я так и думал, что это делали не тлейлаксианцы.

Монео был больше не в силах сдерживать свое любопытство.

— Господин, какая может быть связь между Хви и Тлейлаксу? Почему вы…

— Вот так, старый приятель Монео, — ответил Малки за Лето, скосив глаза на мажордома. — Разве ты не знаешь, что…

— Я никогда не был твоим приятелем, — огрызнулся Монео.

— Скажем, товарищем по похождениям с гуриями, — смиренно согласился с Монео Малки.

— Господин, — Монео обратился к Лето, — почему вы говорите о…

— Тсс, Монео, — сказал Лето. — Мы утомляем твоего старого товарища, а я все же хочу от него кое-что услышать.

— Ты никогда не задавал себе вопрос, Лето, — прошептал Малки, — почему Монео не взял в один прекрасный день и не лишил тебя всего твоего дурмана?

— Чего? — не понял Монео.

— Я имею в виду Пряность, — ответил Малки. — Когда-то Лето и сам очень любил это слово. Кстати, почему бы тебе не переименовать свою Империю в Империю Дури, а? Великая Дурь! Это звучит.

Лето поднял руку, заставив Монео замолчать.

— Малки, лучше расскажи мне о Хви.

— Всего несколько крошечных клеток, взятых из моего организма, — ответил пленник. — Ее выращивали, тщательно воспитали и дали блестящее образование — в общем, все в противоположность твоему старому другу Малки. Мы сделали это, можно сказать, нигде, чтобы ты не мог за нами подсмотреть.

— Ты забыл, что я мог заметить твое исчезновение.

— Нигде? — переспросил Монео, до которого только теперь дошел смысл слов Малки. — Ты? Ты и Хви…

— Именно эти силуэты я видел в тени, — сказал Лето.

Монео посмотрел в глаза Императора.

— Господин, я отменю свадьбу. Я скажу…

— Ты не сделаешь ничего подобного!

— Но, господин, если она и Малки — это…

— Монео, — прохрипел Малки, — твой господин приказывает, и тебе придется подчиниться.

— Какой издевательский тон! — Монео уставился на Малки пылающим взглядом.

— Она же полная противоположность Малки, разве ты не слышал, Монео?

— Что может быть лучше? — спросил Малки.

— Но, господин, если вы теперь точно знаете…

— Ты начинаешь действовать мне на нервы, Монео, — произнес Лето.

Монео озадаченно замолчал.

— Вот так-то лучше, — сказал Лето. — Знаешь, Монео, несколько десятков тысяч лет назад, когда я был совсем другим человеком, я допустил ошибку.

— Ты и ошибку? — съязвил Малки.

Лето улыбнулся в ответ:

— Моя ошибка простительна, если учесть тот прекрасный способ, которым я ее совершил.

— Словесная эквилибристика, — продолжал подначивать Малки.

— Именно так! Я сказал тогда: «Настоящее —

это отвлечение; будущее — сон; только память является ключом к смыслу жизни». Разве это не прекрасные слова, Малки?

— Исключительно прекрасные, Старый Червь.

Монео в ужасе прижал руки к губам.

— Но в действительности эти слова не более чем глупая ложь, — сказал Лето. — Я знал это и тогда, но меня завораживали красивые слова. Нет, память не открывает нам ровно никакого смысла. Без мук духа, который является бессловесным опытом, нельзя постичь никакого смысла вообще.

— Я не в состоянии постичь смысл мучений, которым подвергли меня твои проклятые Говорящие Рыбы, — сказал Малки.

— Ты не переживаешь никаких мучений, — отрезал Лето.

— Если бы ты сейчас был в моей шкуре…

— Это просто физическая боль, — произнес Лето. — Она скоро пройдет.

— Когда же я познаю муку?

— Вероятно, позднее.

Изогнув верхний сегмент своего туловища, Лето отвернулся от Малки и посмотрел на Монео.

— Ты действительно служишь Золотому Пути? — спросил он.

— Ах да, этот Золотой Путь! — издевательским тоном произнес Малки.

— Вы же знаете, что служу, — ответил Монео.

— Тогда ты должен пообещать мне, — сказал Лето, — что все, что ты сейчас услышишь, никогда не сорвется с твоих уст, даже случайно. Ни одним словом, ни одним жестом ты не посмеешь никому об этом сказать.

— Я обещаю, господин.

— Он обещает, господин, — передразнил Малки.

Своей крошечной рукой Лето указал Монео на Малки, который, лежа на спине, смотрел на четкий профиль лица, окруженного серой складкой.

— Когда-то я восхищался этим человеком… да и по многим другим причинам я не могу сам убить Малки. Я даже не могу просить об этом тебя, но… его надо устранить.

— О, как же ты умен! — протянул Малки.

— Господин, если вы подождете в противоположном конце зала, — сказал Монео, — то, вернувшись назад, вы увидите, что с Малки больше нет проблем.

— Он сделает это, — прохрипел Малки. — Боже мой! Ведь он это сделает!

Лето отполз в противоположный конец зала,

глядя на высокую арку, которая могла превратиться в выход при первой же мысли-команде. Как же долго ему придется падать, если он, открыв выход, просто перекатится через ограждение. Вероятно, падение с такой высоты не выдержит даже его тело. Но в песках под башней не было воды, и он почувствовал, что перед его внутренним взором замаячил Золотой Путь, который возник сразу, как только он подумал о самоубийстве.

— Лето! — окликнул его Малки.

Император услышал, как заскрипели носилки на песке, рассыпанном по полу зала.

Малки снова позвал:

— Лето, ты просто великолепен! В мире нет зла, которое могло бы превзойти…

Раздался глухой удар, и голос Малки пресекся. *Удар в горло,* подумал Лето. *Да, Монео хорошо знает этот удар.* Послышался шорох песка — Монео вытянул носилки на балкон… потом все стихло.

Монео придется похоронить тело в песке, подумал Лето, *ибо нет червя, который мог бы прийти и пожрать эту улику.* Лето оглянулся и посмотрел в сторону Монео. Мажордом стоял у балконного ограждения и долгим взглядом смотрел вниз… вниз… вниз…

Я не могу помолиться ни за тебя, Малки, ни за

тебя, Монео, подумал Лето. *Я могу быть единственным религиозным сознанием в Империи, потому что я воистину одинок... Поэтому я не в состоянии молиться.*

Вы не сможете понять истории, если не поймете ее течения, ее направления и тех путей, по которым движутся вожди, лавируя между этими силами. Вождь стремится увековечить условия, которые требуются для сохранения его власти. Таким образом, вождь нуждается в аутсайдерах. Я предостерегаю вас от того, чтобы тщательно исследовать мою карьеру. Я – одновременно вождь и аутсайдер. Не делайте ошибки, предполагая, что я только создал Церковь, которая была одновременно Государством. То была моя функция как вождя, и я имел перед глазами массу исторических моделей, которые послужили мне образцом. Для того же, чтобы оценить меня как аутсайдера, изучите искусство моего времени. Оно было поистине варварским. Какая поэзия почиталась превыше всего? Эпическая. Драматический идеал народа? Героизм. Танцы? Забыты. С точки зрения Монео, а он был абсолютно прав, такое положение вещей можно считать опасным. Оно стимулирует воображение. Оно заставляет народ чувствовать недоста-

ток того, что я у него отнял. Но что я отнял? Право участвовать в истории.

(Похищенные записки)

Айдахо, вытянувшийся во весь рост с закрытыми глазами на лежанке, услышал, как кто-то тяжело опустился на соседнюю койку. Он сел, открыл глаза и увидел ту же постылую комнату с единственным окном, сквозь которое проникал свет, отражавшийся от белого, выложенного плиткой пола, и освещавший желтые стены. Он увидел, что в комнату вошла Сиона и легла на соседнюю кушетку с книгой в руках. Она привезла с собой массу книг в большой матерчатой сумке.

Зачем ей столько книг? — думал он.

Он опустил ноги на пол и огляделся. Как может этот вместительный бокс с высокими потолками считаться чем-то фрименским? Между лежанками стоял стол из какого-то темного местного пластика. В комнате было две двери. Одна выходила в сад. Другая вела в роскошную ванную комнату под открытым небом, в которой среди прочих удобств были ванна и душ — то и другое площадью около двух квадратных метров. Дверь в это сибаритское помещение была постоянно открыта и там постоянно текла вода, Сиона пристрастилась купаться в таком ее избытке.

Стилгар, наиб Айдахо из тех незабываемых древних времен, скорчил бы презрительную гримасу и нашел бы массу подходящих слов при виде такой роскоши. «Позор! — сказал бы он. — Слабость! Декаданс!» Вообще Стилгар высказал бы много уничтожающих слов по поводу всей этой деревни, которая осмеливалась сравнивать себя с настоящим фрименским сиетчем.

Зашуршала бумага — это Сиона перевернула страницу. Девушка лежала, положив голову на две подушки, одетая только в тонкий халат, прилипший к ее влажному после ванны телу.

Айдахо покачал головой. Что же на этих страницах вызывает такой неподдельный интерес? Она читала и перечитывала книги с самого их приезда. Книги были тонкими, но зато их было много, а на томах стояли лишь номера. Айдахо разглядел на сегодняшней книге номер девять.

Он встал и подошел к окну. В отдалении какой-то старик возился с цветами. С трех сторон сад был защищен тремя зданиями. Кустарник цвел большими цветами — красными по краям и белыми внутри. Седая непокрытая голова старика — сама похожая на большой цветок — плыла между красными соцветиями и набухшими почками. Айдахо втянул носом воздух,

с удовольствием ощутив на фоне цветочного аромата смолистый запах листьев и едкий запах свежевзрытой земли.

Фримен, возделывающий цветы на открытом воздухе!

Сиона не делилась с Айдахо впечатлениями от прочитанного, а он не задавал ей лишних вопросов, считая, что она просто дразнит его. *Хочет, чтобы я спросил первый,* думал он.

О Хви он старался не думать. Когда эти мысли являлись в его голове, Айдахо начинал испытывать дикую ярость, которая грозила затопить все его существо. Он помнил старинное слово, обозначавшее такую ревность, — *канава* — железный обруч ревности. *Где Хви? Что она сейчас делает?*

Дверь, ведущая в сад, без стука отворилась, и вошел помощник Гаруна Тейшар. У этого Тейшара было мертвенное лицо, покрытое сетью темных морщин. Зрачки глубоко запавших глаз были обведены желтыми кругами. Носил он коричневую накидку. Волосы напоминали траву, оставленную на поле, чтобы сгнить и удобрить почву. Он был как-то нарочито безобразен, как дух темной стихии.

Сзади раздался недовольный голос Сионы:

— Ну что там еще?

Айдахо заметил, что голос девушки оказывал на Тейшара странно возбуждающее действие.

— Бог-Император… — заговорил Тейшар и закашлялся. Прочистил горло и начал снова: — Бог-Император прибывает в Туоно.

Сиона стремительно села, натягивая халат на колени. Айдахо оглянулся на нее, потом снова посмотрел на Тейшара.

— Церемония бракосочетания пройдет здесь, в Туоно! — возвестил Тейшар. — Все будет сделано по древнему фрименскому ритуалу! Бог-Император и его невеста будут гостями Туоно!

Охваченный ревностью Айдахо непроизвольно сжал кулаки. Тейшар, заметив это, суетливо склонил голову и быстро вышел, плотно закрыв за собой дверь.

— Хочешь, я кое-что тебе прочитаю, Дункан? — спросила Сиона.

Какое-то мгновение Айдахо соображал, что именно она сказала. Кулаки его все еще были сжаты, он обернулся и посмотрел на Сиону. Она сидела на краю лежанки с книгой на коленях. Его внимание она приняла за знак согласия.

— Некоторые полагают, — начала читать Сиона, — что должно нарушить свою цельность

некими грязными делами, прежде чем начать пользоваться своим гением. Говорят, что это нарушение цельности начинается тогда, когда вы покидаете свое святое «я», чтобы понять, в чем состоят ваши идеалы. Монео считает, что мое решение состоит в том, чтобы не покидать свое святое «я», а заставить других выполнить мою грязную работу.

Она взглянула на Айдахо.

— Бог-Император, это его доподлинные слова.

Айдахо медленно, словно нехотя, разжал кулаки. Ему будет полезно отвлечься. Было интересно, кроме того, что Сиона нарушила наконец свое молчание.

— Что это за книга? — спросил он.

Она вкратце рассказала ему, как они с товарищами выкрали план Цитадели и копии записок Лето.

— Естественно, ты знал об этом, — сказала девушка. — Мой отец доложил, что шпионы нас выследили.

Айдахо увидел, что в глазах Сионы блеснули слезы.

— Волки убили девятерых из вас?

Она молча кивнула в ответ.

— Ты паршивый командир, — сказал он.

Она ощетинилась, но он не дал ей заговорить, задав следующий вопрос:

— Кто перевел их для тебя?

— Иксианцы. Они утверждают, что Гильдия нашла ключ.

— Мы и так знаем, что наш Император не упускает своей выгоды, — сказал Айдахо. — Что еще он говорит?

— Почитай сам. — Она порылась в сумке и вытащила оттуда первую книгу перевода, которую она небрежно бросила на его лежанку. Когда Айдахо вернулся к своей койке, она спросила: — Почему ты сказал, что я паршивый командир?

— Ты совершенно глупо потеряла девять своих людей.

— Как ты глуп! — воскликнула она. — Ты же никогда в жизни не видел этих волков.

Он поднял книгу, удивившись ее тяжести, потом понял, что она напечатана на кристаллической бумаге.

— Надо было как следует вооружиться против волков, — сказал он, открывая первую тетрадь.

— Каким оружием? Против них не действует никакое доступное нам оружие!

— И лазерные ружья? — спросил он, переворачивая страницу.

— Только дотронься на Арракисе до лазерного ружья, как Червь тотчас узнает об этом!

Айдахо перевернул следующую страницу.

— Однако со временем твои друзья раздобыли лазерные ружья.

— И что из этого вышло?

Айдахо прочел одну строчку, потом сказал:

— Вам вполне доступен был яд.

Сиона судорожно глотнула.

Айдахо взглянул на нее.

— Вы же отравили волков в конце концов, ведь так?

Ее голос почти превратился в шепот.

— Да.

— Тогда почему вы не сделали этого с самого начала? — спросил он.

— Мы… не… знали… тогда… что… можем… это… сделать.

— Но вы даже не попробовали подумать, — сказал Айдахо и снова вернулся к книге. — Нет, ты плохой командир.

— Он такой хитрый! — воскликнула Сиона.

Айдахо прочитал один абзац, потом снова посмотрел на Сиону.

— Такая характеристика не описывает его полностью. Ты читала все это?

— Каждое слово! Некоторые места по несколько раз.

Айдахо взглянул на раскрытую страницу и начал читать:

— Я создал то, что и намеревался создать, — мощное духовное напряжение во всей Империи. Немногие чувствуют силу этого напряжения. С помощью какой энергии я его создал? Я сам не настолько силен. Единственная власть, которой я обладаю, — это власть контролировать личное преуспеяние каждого. Это вершина всего, что я сделал. Но почему тогда люди ищут моего присутствия в других вещах? Что может вести их к неминуемой смерти в их стремлении достичь моего присутствия? Они хотят быть святыми? Они воображают, что таким способом смогут прозреть, как Бог?

— Он законченный циник! — В голосе Сионы явственно послышалось рыдание.

— Как он испытал тебя?

— Он показал… он показал мне свой Золотой Путь.

— Этот удобный…

— Он очень реален, Дункан. — Она взглянула на него глазами, в которых еще блестели не вытертые слезы. — Но даже если это причина

и достаточное основание для существования Бога-Императора, то это не основание для того, каким он стал!

Айдахо сделал глубокий вдох:

— До этого дошел Атрейдес!

— Червь должен уйти!

— Интересно, когда он придет? — задумчиво произнес Айдахо.

— Этот похожий на крысу маленький друг Гаруна ничего не сказал.

— Надо спросить, — предложил Айдахо.

— У нас нет оружия, — сказала Сиона.

— У Наилы есть лазерное ружье, — подсказал Айдахо. — У нас есть ножи… веревка. Я видел веревку в кладовой Гаруна.

— Против Червя? — спросила она с сомнением. — Даже если мы отнимем ружье у Наилы, то оно не причинит ему никакого вреда.

— Но устоит ли против ружья его тележка?

— Я не доверяю Наиле, — вдруг сказала Сиона.

— Разве она не подчиняется тебе?

— Да, но…

— Давай продвигаться постепенно, — сказал Айдахо. — Спроси Наилу, сможет ли она выстрелить из ружья по тележке Червя?

— А если она откажется?

— Убей ее.

Сиона встала и отложила в сторону книгу.

— Как Червь попадет в Туоно? — спросил Айдахо. — Он слишком велик и тяжел, чтобы поместиться в орнитоптер.

— Об этом нам скажет Гарун, — сказала Сиона. — Но я думаю, что он придет так, как он всегда путешествует на дальние расстояния.

Она взглянула на карниз, венчавший стену периметра Сарьира.

— Думаю, что это будет его обычное паломничество в сопровождении придворных. Он пройдет по Королевской Дороге, а сюда войдет на подвеске тележки. — Она посмотрела на Айдахо. — Что ты можешь сказать о Гаруне? — спросила она.

— Странный человек. Он отчаянно хочет быть настоящим фрименом, но понимает, что он не тот, какими были они в мое время.

— А какими они были в твое время, Дункан?

— У них была пословица, которая говорила о них лучше любых ученых книг, — ответил Айдахо.

— Никогда не дружи с тем, с кем бы ты не хотел умереть.

— Ты говорил это Гаруну?

— Да.

— И что он ответил?

— Он сказал, что я — единственный такой человек из всех, кого он знал.

— Возможно, Гарун мудрее всех нас, — сказала Сиона.

Вы думаете, что власть есть самое неустойчивое из достижений человечества? Тогда что вы скажете по поводу явных исключений из этой внутренней нестабильности? Некоторые династии правили веками. Известны очень долговечные религиозные бюрократии. Примите во внимание соотношение веры и власти. Они взаимно исключают друг друга, притом что зависят друг от друга. Бене Гессерит обезопасил себя за стенами веры и просуществовал тысячи лет. Но куда делась его власть?

(Похищенные записки)

— Господин, я просил бы вас дать мне больше времени, — раздраженно сказал Монео.

Он стоял во дворе Цитадели, укрывшись в короткой полуденной тени. Лето лежал прямо перед ним в своей тележке со сдвинутым назад защитным колпаком. Лето только что совершил выезд вместе с Хви Нори, сидевшей в недавно установленном на тележке кресле, расположенном возле лица Лето. Хви проявляла простое человеческое любопытство по отношению ко всей суете, которая творилась сейчас вокруг них.

Как она спокойна, думал Монео. Он подавил

дрожь, которая возникала в нем всякий раз, когда он вспоминал о ее столь близком родстве с Малки. Бог-Император прав. Хви в действительности является такой, какой кажется, — исключительно приятным и понятливым созданием. *Она действительно сошлась бы со мной?* — с недоумением думал Монео.

Мысли о делах отвлекли его от дум о Хви. Пока Лето катал свою невесту вокруг Цитадели, здесь собрались придворные и Говорящие Рыбы. Придворные были разодеты в лучшие свои одежды, украшенные бриллиантами и расшитые золотыми и красными цветами. Говорящие Рыбы были в парадной форме, синий цвет которой оживляли лишь знаки различия. Повозку с вещами, которая следовала в арьергарде, толкали несколько Говорящих Рыб. Воздух был полон пыли и казался тяжелым от звуков и запаха всеобщего возбуждения. Большинство придворных были недовольны, узнав, куда им предстоит направиться. Некоторые немедленно начали скупать для себя тенты и легкие павильоны. Их предстояло выслать вперед, и сейчас все это имущество было свалено на песке возле Туоно. Говорящие Рыбы не воспринимали происходящее как праздник. Настроение их было скорее подавленным.

Они громко высказывали свое недовольство, когда им сказали, что Лето запретил брать с собой лазерные ружья.

— Еще немного времени, — жалобно просил Монео. — Я не знаю, как мы будем…

— При решении многих проблем нет замены времени, — сказал Лето. — Однако ты возлагаешь на время слишком многое. Я не могу больше терпеть задержек.

— Нам понадобится три дня только для того, чтобы добраться до места, — жаловался Монео.

Лето задумался. Ходьба — бег — ходьба: как всегда при паломничестве. До Туоно сто восемьдесят километров. Да, ничего не поделаешь, три дня.

— Я надеюсь, что ты хорошо позаботился о местах стоянок, — сказал Лето. — Должно быть много горячей воды для снятия судорог в икрах.

— Нам будет достаточно удобно, — сказал Монео, — но мне не нравится сама мысль оставить Цитадель в такое время! И вы знаете почему!

— У нас есть средства связи и верные помощники. Гильдия пока не поднимет голову, получив свое. Не волнуйся, Монео.

— Мы могли бы провести церемонию в Цитадели!

Вместо ответа Лето закрыл колпак, отделив

себя и Хви от внешнего мира.

— Это очень опасно, Лето?

— Это всегда опасно.

Монео вздохнул и побежал туда, куда направилась тележка, начав подъем на восток, прежде чем свернуть к югу, чтобы обойти Сарьир. Лето привел в движение тележку, глядя, как вся его пестрая свита устремилась следом, стараясь не отставать.

— Мы все движемся? — спросил Лето.

Хви оглянулась, перегнувшись через него.

— Да. — Она посмотрела ему в глаза. — Почему Монео так переживал?

— Монео только что впервые открыл для себя, что прошедшего мгновения не вернешь.

— Он был в очень дурном расположении духа с тех пор, как ты вернулся из Малой Цитадели. Да что там, он просто не похож на себя.

— Монео — Атрейдес, любовь моя, а ты была создана для того, чтобы ублажать Атрейдесов.

— Нет, я бы знала, если бы это было так.

— Да… ну тогда, может быть, до Монео дошла страшная простота смерти.

— Что было в Малой Цитадели, когда ты был там с Монео? Какова она?

— Это самое уединенное место во всей Импе-

рии.

— Мне кажется, ты уходишь от ответа на мои вопросы.

— Нет, любовь моя. Я разделяю твою озабоченность по поводу Монео, но ему сейчас не помогут никакие объяснения. Он в ловушке. Он узнал, что очень трудно жить в настоящем, бесцельно жить в будущем и невозможно жить в прошлом.

— Мне кажется, что это ты загнал его в ловушку, Лето.

— Но освобождаться ему придется самому.

— Но почему ты не можешь его освободить?

— Потому что он думает, что моя память — это ключ к его освобождению. Он думает, что я строю будущее, опираясь на прошлое.

— Но разве не делается всегда именно так?

— Нет, дорогая Хви.

— Но тогда как?

— Многие думают, что удовлетворительное будущее строится, если удается вернуться в идеализированное прошлое, которое в действительности никогда не существовало.

— А ты, обладая феноменальной исключительной памятью, убежден в обратном.

Лето повернул к Хви свое лицо и испытующе посмотрел в глаза невесте. Из того множества

образов, которые существовали в его памяти, он мог выбрать генетического близнеца для Хви или хотя бы нечто очень похожее. Правда, этот двойник был далек от воплощения живой Хви. Ничего не поделаешь, это было так. Прошлое выстраивало бесконечные ряды безжизненных глаз, которые смотрели вовне, а Хви вся лучилась вибрирующей энергией жизни. У нее были греческие губы, словно созданные для дельфийских речитативов, но она не произносила пророчеств. Ей вполне хватало реальной жизни, она была словно благоухающий цветок, готовый раскрыться навстречу ласковому солнцу.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она.

— Я хочу погреться в твоей любви.

— Да, в любви. — Она улыбнулась. — Мне кажется, что, поскольку мы не можем разделить любовь плоти, нам надо разделить любовь душ. Ты разделишь со мной такую любовь, Лето?

Он отпрянул.

— Ты спрашиваешь меня о моей душе?

— Я уверена, что о ней тебя спрашивали и другие.

Он коротко ответил:

— Моя душа переваривает мой опыт, вот и все,

что о ней можно сказать.

— Я слишком многого от тебя хочу? — спросила она.

— Думаю, что для меня не существует понятия «слишком много».

— Тогда я, полагаясь на нашу любовь, позволю себе не согласиться с тобой. Мой дядя Малки говорил, что у тебя есть душа.

Лето вдруг почувствовал, что не может отвечать. Она же восприняла его молчание как приглашение продолжать.

— Он говорил, что ты — художник в том, что касается исследования души, и прежде всего своей собственной души.

— Но твой дядя Малки всегда отрицал, что у него самого есть душа!

Она услышала грубые ноты в его голосе, но это не заставило ее изменить позицию.

— Все же я думаю, что он был прав. Ты гений души, причем блистательный гений.

— Для гениальности нужно только упорство и неторопливость, но не блеск.

Между тем тележка поднялась на гребень, тянувшийся вдоль периметра Сарьира. Лето выпустил колесное шасси и отключил подвеску.

Хви снова тихо заговорила, ее голос был почти

не слышен из-за скрипа песка под колесами и топота множества бегущих ног.

— Можно я все же буду называть тебя любимым?

Он ответил, преодолевая скованность в горле, которое было уже не вполне человеческим:

— Да.

— Я родилась иксианкой, любимый, — сказала она. — Почему я не могу разделить их механистического взгляда на вселенную? Ты знаешь мое отношение к вселенной, любимый мой Лето?

Он смог лишь удивленно воззриться на нее.

— На каждом шагу я вижу сверхъестественное, — сказала она.

Голос Лето стал хриплым. Даже он сам понял, что в нем зазвучали злобные интонации:

— Каждый человек создает для себя сверхъестественное.

— Не сердись на меня, любимый.

Снова в ответ раздался ужасный хрип.

— Для меня невозможно сердиться на тебя.

— Но когда-то произошло что-то непоправимое между тобой и Малки, — продолжала Хви. — Он никогда не рассказывал мне об этом, но сказал, что всегда удивлялся тому, что ты пощадил его.

— Из-за того, что он многому научил меня.

— Что произошло между вами, любимый?

— Я не хочу сейчас говорить о Малки.

— Прошу тебя, любимый, это так важно для меня.

— Я сказал Малки, что есть вещи, которые люди не должны изобретать.

— И это все?

— Нет. — Лето говорил с явной неохотой. — Мои слова рассердили его. Он сказал: «Ты думаешь, что если бы не было птиц, то человек не создал бы самолет? Глупец! Люди могут изобрести все!»

— Он назвал тебя глупцом? — Хви была потрясена.

— Он был прав. И хотя он отрицал это, но говорил он истинную правду. Он научил меня тому, что есть причины остерегаться изобретений.

— Значит, ты боишься иксианцев?

— Конечно, боюсь! Они могут изобрести катастрофу!

— Но что ты можешь с этим поделать?

— Бежать быстрее их. История — это постоянное состязание между изобретениями и катастрофами. Помогает образование, но его иногда оказывается недостаточно.

— Ты делишься со мной своей душой, любимый, ты знаешь об этом?

Лето отвернулся и начал смотреть в спину бежавшего впереди Монео. Процессия миновала первую мелкую ложбину. Теперь она сделала поворот и начала подниматься на Круговую Западную Стену. Монео двигался, как всегда, ставя ноги одну впереди другой и рассматривая то место, куда предстояло шагнуть. Но все же в нем появилось что-то новое. Лето чувствовал, что мажордом больше не стремится оказаться рядом с лицом своего Императора и не хочет разделять его судьбу. Еще один поворот, на восток, вокруг лениво отдыхающего Сарьира. Монео не смотрел ни влево, ни вправо. Он искал свой путь, свой пункт назначения, свою личную судьбу.

— Ты не ответил мне, — сказала Хви.

— Ты и без того знаешь ответ.

— Да, — заговорила Хви. — Я начала кое-что понимать. Я чувствую некоторые твои страхи. Думаю, что уже понимаю, чем ты живешь.

Он повернулся к ней изумленным лицом и перехватил ее взгляд… Это было поразительно. Он не мог оторвать от нее глаз. Его пронзил глубинный страх, руки его начали трястись.

— Ты живешь там, — сказала она, — где соединяются страх бытия и любовь бытия, соединяются в одном человеке.

Он, не мигая, продолжал смотреть на нее.

— Ты мистик, — продолжала она, — нежный к самому себе только потому, что находишься в самом центре вселенной, смотрящей вовне, смотрящей такими глазами, которыми не может смотреть никто, кроме тебя. Ты боишься разделить это с другими, но хочешь сделать это больше, чем кто бы то ни было другой.

— Что ты видела? — прошептал он.

— У меня нет внутренних глаз и нет внутренних голосов, — ответила она. — Но я увидела господина Лето, которого я люблю, и что я *знаю* то, что ты истинно понимаешь.

Он оторвал от нее взгляд, боясь услышать то, что она сейчас скажет. Дрожь в руках усилилась, теперь трясся весь передний сегмент.

— Любовь, вот что ты понимаешь, — сказала она. — Любовь, и этим все сказано.

Его руки перестали дрожать. По щекам покатились слезы. Из тех мест, где слезы касались форельей кожи, начал подниматься синий дымок. Он почувствовал жжение и был благодарен за эту боль.

— Ты имеешь веру в любовь, — сказала Хви. — Я знаю, что мужество любви может опираться только на веру.

Она протянула руку и вытерла его слезы. Лето удивился, что капюшон из песчаных форелей не сократился, закрыв лицо от чужого прикосновения, как это всегда бывало.

— Знаешь, с тех пор, как я стал таким, ты — первый человек, коснувшийся моей щеки.

— Но я же знаю, кто ты и каким ты был, — просто сказала она.

— Каким я был… ах, Хви. То, что было мною, стало одним только лицом, а все остальное потеряно в памяти, ушло, навсегда растворилось.

— Но не для меня, любимый.

Он снова, но на этот раз без страха посмотрел ей в глаза.

— Возможно ли, чтобы иксианцы знали, что они сотворили?

— Уверяю тебя, Лето, любовь моей души, что этого они не знают. Ты — первый человек, перед которым я так открыла свою душу.

— Тогда я не стану оплакивать то, что могло быть, — сказал он. — Ты — моя любовь, я разделю с тобой свою душу.

Думайте об этом как о пластической памяти, как о той силе, которая влечет вас и ваших ближних к пламенным формам. Эта пластическая память хочет вернуться в свою древнюю форму, в племенное сообщество. Все это находится вокруг вас – феодальные сословия, диоцезы, корпорации, воинские подразделения, спортивные клубы, танцевальные группы, революционные ячейки, плановые отделы, религиозные секты… каждая форма со своими хозяевами и рабами, врагами и паразитами. Тучи отчуждающих приспособлений и самые слова со временем становятся аргументами в пользу возвращения к старым лучшим временам. Я отчаялся научить вас иным путям. У вас прямолинейное мышление, которое чуждо округлой спирали.

(Похищенные записки)

Айдахо вдруг понял, что может взбираться в гору, совершенно не замечая подъема. Это тело, выращенное тлейлаксианцами, помнило такие вещи, о которых на Тлейлаксу даже не подозревали. Его юность протекала много эонов назад, но мышцы были молоды и хранили память той,

давно прошедшей юности. В детстве он учился выживанию в скалах своей родной планеты. И не важно, что те скалы, которые он преодолевал сейчас, были созданы руками человека, они тоже окончательно формировались под действием ветров на протяжении столетий.

Утреннее солнце пекло спину Айдахо. Он слышал, как Сиона пытается закрепиться на узком выступе далеко внизу. Это положение не имело никакой выгоды для Айдахо, но между ним и Сионой произошел спор, в результате которого она согласилась, что им надо совершить восхождение.

Им.

Она не захотела, чтобы он шел один.

Наила, трое ее Говорящих Рыб, Гарун и еще три музейных фримена ждали на песке у подножия Вала, который окружал Сарьир.

Айдахо не думал о высоте Вала. Он думал только о том, куда поставить ногу и за что схватиться рукой. Он думал о легкой веревке, обмотанной вокруг его плеч. Эта веревка и была *высотой* Вала. Он, пользуясь триангуляциями, вычислил высоту на земле и отрезал веревку соответствующей длины. Если веревка достаточной длины, то она достаточной длины. Ее длина равняется высоте

Вала. Все прочее только затуманивало рассудок.

Ощупывая стену в поисках невидимых неровностей, за которые можно было бы ухватиться, Айдахо медленно продвигался вверх по отвесной стене… впрочем, по не совсем отвесной. Ветер, песок, жар, холод и дожди славно поработали над этой стеной в течение трех тысяч лет. Айдахо целый день простоял на песке под стеной, изучая по теням все выступы и неровности, чтобы облегчить себе подъем. Он прочно отпечатал у себя в памяти все видимые с земли неровности, шероховатости, впадины и углубления.

Вот его пальцы ухватились за широкую трещину. Он попробовал, выдержит ли камень его вес. Да, выдержит. Он немного передохнул, прижавшись лицом к теплому камню, не глядя ни вниз, ни вверх. Он находился просто *здесь.* Все дело заключалось в том, чтобы выбрать темп — это было самым важным. Плечи не должны слишком скоро устать. Вес должен быть равномерно распределен между руками и ногами. Пальцы, конечно, травмировались, но пока были целы кости и сухожилия, на кожу можно просто не обращать внимания.

Он прополз еще чуть-чуть вверх. Из-под его руки скатился вниз кусок камня. На правую щеку

просыпались песок и пыль, но он даже не заметил этого. Каждая частица его внимания была сосредоточена на хватке рук и на ногах, которые упирались в едва заметные выступы скальной породы. Он был сейчас пылинкой, созданием, игнорировавшим закон всемирного тяготения… здесь зацепился пальцами рук, там оперся мысками стоп, вот прилип к камню, держась только на силе своей воли.

Один из карманов Дункана оттопыривался от девяти гвоздей, но он пока воздерживался от их применения. С пояса свисал молоток, привязанный на шнуре, узел которого Айдахо мог отыскать по памяти.

Наила проявила упорство и не хотела отдавать лазерное ружье. Однако она подчинилась прямому приказу Сионы сопровождать их. Странная женщина… и странное у нее послушание.

— Разве ты не клялась беспрекословно мне подчиняться? — спросила у нее Сиона.

Упрямство Наилы было преодолено.

Позже Сиона сказала:

— Она всегда выполняет только прямые приказания.

— Тогда нам не придется ее убивать, — заключил Айдахо.

— Я бы не хотела даже пытаться это делать. Ты не имеешь даже отдаленного представления о ее силе и реакции.

Гарун, музейный фримен, который спал и видел, как он станет настоящим наибом старого образца, указал место для восхождения, ответив на вопрос Айдахо: «Как Бог-Император попадет в Туоно?»

— Тем же путем, каким он пользовался во времена моего прапрапрадедушки, — ответил Гарун.

— Но как и где именно? — уточнила Сиона.

Они сидели в пыльной тени гостевого дома, спрятавшись от послеполуденного солнца на исходе того дня, когда было объявлено, что Бог-Император будет сочетаться браком в Туоно. Помощники Гаруна полукругом оцепили место, где находились Гарун, Сиона и Айдахо. Неподалеку прохаживались две Говорящие Рыбы и прислушивались к разговору. Наила должна была появиться с минуты на минуту.

Гарун показал рукой на высокий Вал позади деревни, стена блистала золотом на ярком солнечном свету.

— Королевская Дорога поднимается к тому месту, а оттуда Император спускается, как на

крыльях, с помощью своей машины.

— Это устройство вмонтировано в его тележку, — сказал Айдахо.

— Подвеска, — поддержала его Сиона. — Я ее видела.

— Мой прапрапрадедушка говорил, что они появляются большой группой со стороны Королевской Дороги. Император спускается прямо на деревенскую площадь с помощью своего приспособления, а остальные пользуются веревками.

— Веревками, — задумчиво повторил Айдахо.

— Зачем он являлся тогда? — спросила Сиона.

— Чтобы подтвердить, что он не забыл своих фременов, так, во всяком случае, объяснял мой прапрадедушка. Это была великая честь, но не такая, конечно, как бракосочетание.

Айдахо встал, когда Гарун еще не кончил говорить. С ближнего места был хорошо виден высокий Вал — его подножие выходило прямо на центральную улицу. Вал был виден от основания, ушедшего в песок до верхнего края стены. Айдахо обогнул гостевой дом и вышел на центральную улицу. Там он остановился и взглянул на Вал. В первый же момент он понял, почему все считали, что на него невозможно подняться. В тот момент он не помышлял еще о том, чтобы

косвенно измерить высоту стены. Она могла с равным успехом оказаться равной и пятистам, и пяти тысячам метров. Более важную вещь Айдахо узнал, приглядевшись к стене как следует. По всей ее поверхности шли горизонтальные трещины, разломы, даже узкие террасы приблизительно на высоте двадцати метров над песком, засыпавшим подножие… еще один выступ располагался от земли на расстоянии, равном двум третям высоты.

Он знал, что его подсознание уже произвело необходимые вычисления — эта древняя часть уже примерилась: где схватиться рукой, куда поставить ногу. Это были его руки и его ноги. Айдахо чувствовал себя так, словно он уже взбирается вверх по стене.

Справа, возле его плеча, раздался голос Сионы.

— Что ты делаешь? — спросила она. Девушка подошла к Айдахо бесшумно и теперь смотрела туда, куда смотрел и он.

— Я могу взобраться на стену, — сказал Айдахо. — Если я возьму легкую веревку, то потом с ее помощью смогу втянуть туда более тяжелую. Потом по ней вскарабкаетесь все вы.

Гарун подошел как раз в тот момент, когда Айдахо произносил эти слова.

— Зачем ты хочешь вскарабкаться на Вал, Дункан Айдахо? — спросил он.

Сиона, улыбаясь, ответила за Дункана:

— Он хочет достойно встретить Бога-Императора.

Этот ответ сорвался с ее языка до появления сомнений, до осмотра стены, который сильно поколебал ее первоначальную уверенность. Она не умела лазить по скалам.

Движимый первым порывом, Айдахо спросил:

— Какова ширина Королевской Дороги?

— Не знаю, — ответил Гарун. — Я никогда ее не видел, но говорят, что она очень широкая, по ней шеренгой может пройти очень большой отряд. Там много мостов и площадок для обзора. Говорят, что красивее нет ничего на свете.

— Почему вы никогда не поднимались на стену, чтобы увидеть эту красоту своими глазами? — спросил Айдахо.

Гарун, не говоря ни слова, пожал плечами и красноречивым жестом указал на Вал.

Пришла Наила, и начался спор о восхождении. Айдахо вспоминал этот спор, поднимаясь все выше и выше. Какие они странные — отношения между Наилой и Сионой! Они были как два заговорщика… но они не были заговорщиками.

Сиона командовала, Наила подчинялась. Но ведь Наила была Другом, Говорящей Рыбой, которой Лето доверил первую беседу с новым гхола. Она сама говорила, что с детства воспитывалась при императорской полиции. Сколько в ней силы! При такой силе было что-то зловещее в столь раболепном подчинении Наилы Сионе. Было похоже, что Наила слушает какой-то голос внутри себя и подчиняется именно ему, этому голосу.

Айдахо подтянулся на руках и продвинулся еще немного вверх. Пальцы его ощупывали скалу — вверх, вправо, влево, находя невидимые трещины, за которые можно было ухватиться, куда входили кончики пальцев. Память подсказывала прямую линию восхождения, и он следовал этой линии. Левая нога нашла углубление… выше… выше… медленно… на ощупь. Теперь вверх пошла левая рука… ага, трещины нет, но зато есть выступ. Вот над краем выступа, который он видел снизу, поднялись глаза, вот подбородок, вот он уже уперся в выступ локтями. Перекатившись на выступ, он решил немного отдохнуть на нем. Нельзя ни в коем случае смотреть ни вверх, ни вниз. Только горизонтально. Вдали виднелся бескрайний пустынный горизонт, ветер нес тучи пыли, что сильно ограничивало обзор. Айдахо

видел множество таких горизонтов во дни древней Дюны.

Он быстро повернулся лицом к стене, поднялся сначала на колени, поднял кверху руки и снова начал подниматься, по-прежнему держа в голове картины видимого снизу Вала. Стоило только закрыть глаза, как вся картина возникала перед ним во всех подробностях. Так было в детстве, когда он прятался в скалах от рабства Харконненов — тогда их отряды захватывали во время набегов всех, кто попадался им под руку. Кончики пальцев тем временем нашли подходящую трещину, он подтянулся еще немного вверх.

Наблюдая за ним снизу, Наила все больше и больше чувствовала свое сопереживание восходителю. Айдахо, уменьшенный большим расстоянием, казался таким одиноким на фоне исполинской стены. Должно быть, он знает, что значит быть одному, когда надо принимать быстрые и роковые решения.

Я бы хотела иметь от него ребенка, подумала женщина. *Наш общий ребенок будет сильным и выносливым. Чего хочет Бог-Император от ребенка, который родится от союза Сионы с этим мужчиной?*

Наила проснулась перед рассветом и напра-

вилась на гребень близлежащей дюны, чтобы обдумать о том, что предложил Дункан Айдахо. Был обычный известковый рассвет с горизонтом, затянутым пыльными тучами, потом стальной день и зловещая огромность Сарьира. Она знала, что Бог предвидел все, что должно произойти. Что можно спрятать от Бога? Ничего, даже эту маленькую фигурку Айдахо, который взбирался вверх по стене к самому небу.

Наблюдая за Айдахо, Наила непроизвольно начала играть, положив стену в своем воображении горизонтально. Теперь ей казалось, что Айдахо, как маленький ребенок, ползет по огромному полу на четвереньках. Какой он маленький… и с каждой минутой становится все меньше.

Помощник предложил Наиле воды, которую она с удовольствием выпила. Вода вернула стене верную перспективу.

Сиона находилась на первом выступе и смотрела вверх.

— Если ты упадешь, то попробую я, — сказала она перед восхождением Айдахо.

Сиона обещает Айдахо. Наиле показалось, что это очень странное обещание. Почему они оба хотят попробовать совершить невозможное?

Айдахо не смог отговорить Сиону от этого бес-

смысленного обещания.

Это судьба. Это воля Бога, подумала Наила.

Это одно и то же.

Кусок камня отвалился от того места, где Айдахо за него взялся. Такое случалось уже несколько раз. Наила наблюдала, как падают сверху камни. Они падали долго, кувыркаясь по поверхности Вала, зацепляясь за неровности, попадая в углубления, отскакивая от выступов. Да, глаза обманывали людей — стена вовсе не была гладкой.

Он добьется успеха или не добьется, думала Наила. *Что бы ни произошло, все случится только по воле Бога.*

Однако сердце ее сильно колотилось от волнения. Приключение Айдахо было сродни половому акту, подумалось Наиле. В этом восхождении было что-то пассивно-эротическое. Однако было в этом и некое чудо, которое целиком захватило Наилу. Ей приходилось все время напоминать себе, что Айдахо не для нее.

Он для Сионы. Если выживет.

Если же он потерпит неудачу, свою попытку сделает Сиона. Сиона добьется своего или потерпит неудачу. Наиле стало интересно, испытает ли она оргазм, если Айдахо достигнет вершины стены. Он уже так близко к ней.

После того как из-под его руки сорвался кусок камня, Айдахо перевел дух и несколько раз глубоко вздохнул. Это был очень неудачный момент, и Айдахо решил отдохнуть, ухватившись за стену в трех точках. Не повинуясь его сознанию, свободная рука сама ощупала стену, нашла там едва заметную трещину и ухватилась за нее. Медленно-медленно он подтянулся вверх на этой руке. Левое колено ощутило углубление, в которое можно будет просунуть мыски ног. Он поднял ногу, пощупал нужное место; память подсказывала ему, что вершина близка, но он отшвырнул память, как ненужный сейчас хлам. Это было всего лишь восхождение и знание того, что Лето прибудет завтра.

Лето и Хви.

Об этом тоже нельзя думать. Но оно не уходило. *Вершина… Хви… Лето… Завтра…*

Каждая из этих мыслей приводила его в отчаяние, принуждала его с новой силой вспоминать об удачных восхождениях детства. Чем больше он вспоминал, тем больше таяли его способности. Он был вынужден остановиться и, тяжело дыша, попытаться сосредоточиться. Он должен вернуться к естественному способу восхождения.

Но были ли те способы естественными?

В его мозгу развился какой-то блок. Он мог чувствовать окончательность, безысходность, фатальность того, что могло состояться, но не состоялось.

Лето прибудет сюда завтра.

Айдахо чувствовал, как по его лицу течет пот, обтекая то место на щеке, которым он прижимался к камню.

Лето.

Я нанесу тебе поражение, Лето. Я разобью тебя только ради себя, не для Хви, а только ради себя.

Он почувствовал, что по его телу прошло ощущение очищения. Приблизительно то же самое происходило в ту ночь, когда он готовился к восхождению. Сиона почувствовала, что он лежит без сна. Она начала рассказывать ему историю ее отчаянного бега сквозь Запретный Лес, о своей клятве, которую она дала на берегу реки.

— Теперь я дала клятву, что буду командовать его Говорящими Рыбами, и я сдержу ее, но надеюсь, что это будет не так, как хочет он.

— Что он хочет? — спросил Айдахо.

— У него много мотивов, и я вижу не все. Кто, в самом деле, может понять его? Знаю только, что я никогда не прощу его.

Это воспоминание вернуло Айдахо к ощуще-

нию камня, прижатого к щеке. Пот высох на ветру. Но теперь он нашел в себе силы и сосредоточился.

Никогда не прощу.

Айдахо ощутил в себе призраков всех своих воплощений, всех гхола, которые погибли на службе у Лето. Может ли он поверить в подозрения Сионы? Да. Лето способен убить — убить своим весом, своими руками. Тот слух, о котором рассказывала Сиона, был вполне правдоподобен. К тому же Сиона из Атрейдесов, значит, вряд ли она станет обманывать. Лето стал другим… он больше не Атрейдес, он даже не человек. Он стал не живым существом, а неким природным явлением, непроницаемым и косным, весь его опыт остался внутри него. Теперь Сиона противостоит ему. Настоящие Атрейдесы отвернулись от него.

Как и я.

Обыкновенное явление природы и ничего более. Как эта стена.

Правая рука Айдахо потянулась вверх и ухватилась за острый выступ. Выше ничего не было, и он попытался вспомнить широкую трещину на этом месте, которую он видел снизу. Он не осмеливался признаться себе в том, что достиг вершины… Пока не осмеливался. Острый край

врезался в пальцы и ладони, когда он подтянулся. Он поднял левую руку, донес ее до края и подтянулся вверх. Глаза его достигли уровня рук. Перед ним была… плоская поверхность, а взгляд уперся в… синее небо. Поверхность растрескалась от непогоды, ветров и дождей. Он ухватился за край одной из трещин и потянул себя вверх. Сначала грудь, потом живот, потом бедра. Он перекатился через край и пополз подальше от него, подальше от почти вертикального склона стены. Только тогда он остановился, встал и начал понемногу доверять своим чувствам.

Вершина. Ему не понадобились ни молоток, ни гвозди.

Снизу донесся какой-то слабый звук. Кажется, его приветствуют.

Он подошел к краю и посмотрел вниз. Да, это приветственные восторженные крики. Отвернувшись, он зашагал к середине Королевской Дороги, желая только одного — дать успокоиться дрожавшим от напряжения мышцам, успокоить боль в плечах. Он медленно прошел по кругу, обследуя вершину, а его память в это время оценивала высоту подъема.

Девятьсот метров. Да… приблизительно так.

Теперь его очень интересовала Королевская

Дорога. Это было совсем не то, что он видел по пути в Онн. Во-первых, она была очень широкой — почти пятьсот метров. Полотно дороги было гладким и ровным, серого цвета и возвышалось над краями стены на сто метров. Края были обозначены столбами высотой в человеческий рост. Эти столбы стояли, словно часовые на пути, по которому предстояло пройти Айдахо.

Он добрался до дальнего края стены, противоположного Сарьиру, и посмотрел вниз. Далеко в глубине бушевал зеленый поток воды, пенившейся от ударов о подножие стены. Он посмотрел вправо. Оттуда появится Лето. Дорога и стена поворачивали направо пологой дугой, поворот начинался приблизительно в трехстах метрах от того места, где стоял Айдахо. Он вернулся на дорогу и зашагал по ее краю, следуя по кривизне, которая изгибалась в обратную сторону, образуя перевернутую букву S, а потом сужалась, мягко спускаясь вниз. Он остановился и вгляделся в то, что открылось его взору. Картина приобретала форму и смысл.

В трех километрах отсюда дорога пересекала течение реки по мосту, чьи фермы и пролеты казались игрушечными, уменьшенными расстоянием. Айдахо вспомнил такой же мост на дороге

в Онн, вспомнил его грандиозность, когда идешь по нему пешком. Он доверял своей памяти, думая о мостах так, как думают о них военные — как о переправах или ловушках.

Отойдя влево, он увидел другую стену у противоположного конца моста. Дорога продолжалась там до тех пор, пока не превращалась в прямую линию, уходящую за горизонт. Итак, были две стены, а между ними река. Река текла в рукотворном русле, ее влага скапливалась в канале, направленном на север, в то время как сама река текла на юг.

Айдахо перестал обращать внимание на реку. Она здесь и будет такой же завтра. Он сосредоточил свое внимание на мосту и мобилизовал все свои военные знания и умения. Обследовав мост, он кивнул себе в подтверждение своим мыслям и направился назад по тому же пути, по которому пришел сюда, сняв с плеча легкую веревку.

И только когда веревка скользнула вниз, Наила наконец испытала оргазм.

Что я хочу ликвидировать? Слепое буржуазное преклонение перед мирным консерватизмом прошлого. Это связующая сила, предмет, который объединяет человечество в одно болезненное целое, невзирая на иллюзорное разделение парсеками пространства. Если я могу найти рассеянные кусочки, то их может найти каждый. Если вы вместе, то можете сообща пережить катастрофу. Вы можете быть вместе уничтожены. Таким образом, я демонстрирую ужасную опасность скольжения по жизни, бесстрастной середины, движения без амбиций и цели. Я показываю вам, что так могут вести себя целые цивилизации. Я могу привести вам примеры целых эпох, когда люди жили, медленно приближаясь к смерти, не зная ни волнений, ни забот, даже не спрашивая: «Зачем?» Я показываю вам ложное счастье и затененную катастрофу, которая носит имя Лето, Бога-Императора. Теперь-то сможете ли вы познать истинное счастье?

(Похищенные записки)

Проспав ночь короткими урывками, Лето

проснулся на рассвете, когда Монео вышел из гостевого дома. Королевская тележка была припаркована почти в середине двора, огороженного с трех сторон. Защитный колпак был тонирован, скрывая сидевшего под ним, и был запечатан, чтобы не пропускать влагу. Лето слышал тихий шум механизмов, которые гнали воздух через осушители.

Проскрежетав каблуками по булыжникам двора, Монео приблизился к тележке. Над мажордомом высилась оранжевая, освещенная рассветным солнцем крыша гостевого дома.

Лето откинул колпак, когда Монео приблизился к нему. Запах плесени был неприятен, а насыщенный влагой ветер причинял Лето просто физическую боль.

— Мы прибудем в Туоно приблизительно в полдень, — сказал Монео. — Я бы хотел, чтобы вы разрешили воспользоваться орнитоптерами для охраны с воздуха.

— Мне не нужны орнитоптеры, — ответил Лето. — Мы спустимся в Туоно на подвеске и на веревках.

Лето наслаждался пластическими образами, рожденными в его сознании этим коротким диалогом. Монео никогда не любил паломничества.

Его мятежная юность приучила его к страху перед тем, чего он не понимал или не мог назвать. По сути своей он остался скопищем массы предрассудков.

— Вы же понимаете, что я не хочу использовать орнитоптеры как транспорт, они нужны для охраны…

— Да, это я понимаю, Монео.

Мимо Императора мажордом сквозь открытый край двора посмотрел на речной каньон. Из глубин поднимался застывший в рассветных лучах туман. Он подумал, сколько времени потребуется, чтобы упасть на дно каньона. Тело будет извиваться, извиваться, извиваться… Монео так и не смог, несмотря на страшное желание, подойти ночью к краю каньона и заглянуть в него. Это было таким… таким искушением.

Монео безмолвно взглянул в глаза Лето.

— Учись жизни на моем примере, — сказал Император.

— Господин? — шепотом сказал Монео.

— Сначала меня искушают злом, потом добром. Каждая такая попытка обставляется в зависимости от моей подверженности внешним воздействиям. Скажи, Монео, если я выберу добро, то стану от этого добрее?

— Конечно, господин.

— Вероятно, ты никогда не избавишься от привычки судить, — сказал Лето.

Монео отвернулся и снова начал смотреть на край русла реки. Лето перевернулся, чтобы увидеть, что так внимательно разглядывает его мажордом. На берегах каньона были высажены карликовые сосны. На влажных лапах висели капли росы, каждая из которых сулила Лето боль и страдания. Он очень хотел бы закрыть защитный колпак, но жемчужины, висевшие на ветвях, привлекали его какими-то воспоминаниями, хотя и отталкивали его тело. Эти синхронные, разнонаправленные желания вызвали у Лето настоящее смятение.

— Просто я не люблю ходить пешком, — сказал Монео.

— Таков был фрименский обычай, — возразил Лето.

Монео вздохнул:

— Все остальные будут готовы через несколько минут. Хви завтракала, когда я выходил.

Лето ничего не ответил. Его мысли блуждали в глубинах памяти ночи — одной из многих тысяч, которые переполняли его прошлое — облака и звезды, дожди и чернота разверстого космоса,

ночная вселенная, от одного вида которой у Лето начинало сладко биться сердце.

— Где ваша охрана? — внезапно спросил Монео.

— Я отослал их позавтракать.

— Мне не нравится, когда вас оставляют без охраны!

Хрустальный звук голоса Монео прозвучал в памяти Лето, голос что-то говорил, но без словесных форм — это был просто модулированный звук. Монео боялся вселенной, в которой не было Бога-Императора. Он был готов скорее умереть, чем жить в такой вселенной.

— Что произойдет сегодня? — продолжал спрашивать Монео.

Это был вопрос, обращенный не к Богу-Императору, а к пророку.

— Семя, посеянное сегодняшним ветром, завтра может взойти ивой, — ответил Лето.

— Вы знаете наше будущее! Почему вы не хотите разделить его с нами? — Монео был близок к истерике, отказываясь признать все то, о чем не говорило его непосредственное восприятие.

Лето пронзил мажордома горящим взглядом, взглядом, полным таких чувств, что Монео отпрянул.

— Распоряжайся своим существованием сам, Монео!

Дрожа всем телом, Монео судорожно вздохнул:

— Господин, я не хотел оскорбить вас, я искал только…

— Посмотри вверх, Монео!

Мажордом непроизвольно подчинился и уставил взор в безоблачное небо.

— Что там, господин?

— Там нет надежного потолка, Монео. Только открытое небо, полное изменений. Приветствуй его. Каждое чувство, которым ты обладаешь, предназначено для того, чтобы реагировать на изменения. Неужели это ни о чем тебе не говорит?

— Господин, я пришел только для того, чтобы узнать, когда вы будете готовы двинуться в путь?

— Монео, я прошу тебя быть правдивым со мной.

— Я правдив, господин!

— Но если ты будешь жить в дурной вере, то ложь может представиться тебе правдой.

— Господин, если я и лгу, то… и сам этого не знаю.

— Есть кольцо правды. Но я знаю, чего ты боишься, и не стану говорить.

Монео начал дрожать. Бог-Император был в ужасном настроении. В каждом его слове таилась страшная угроза.

— Ты боишься империализма сознания, — сказал Лето, — и твой страх оправдан. Немедленно пришли сюда Хви!

Монео повернулся и поспешил в гостевой дом. Было такое впечатление, что, войдя в него, он растревожил пчелиный рой. Через секунду из дома высыпали Говорящие Рыбы и окружили тележку. Придворные выглядывали в окна, выходили во двор и собирались под навесом, боясь подойти к нему. В противоположность этому волнению Хви вышла из дома и, покинув тень, прошла к тележке. Голова высоко поднята, глаза ищут его глаза.

Посмотрев на Хви, Лето почувствовал, что успокаивается. На ней было надето золотистое платье, которого Лето еще не видел. Ворот, рукава и манжеты были украшены серебром и жадеитом. Подол, почти волочившийся по земле, заканчивался тяжелой зеленой бахромой, оттенявшей насыщенно-красные клинья.

Остановившись возле тележки, Хви улыбнулась.

— С добрым утром, любимый, — тихо произнесла она. — Чем ты сумел так расстроить бедного

Монео?

Успокоенный ее присутствием и звуками ее голоса, он тоже улыбнулся:

— Я сделал то, что надеюсь делать всегда. Произвел эффект.

— Ты его несомненно произвел. Он сказал Говорящим Рыбам, что ты очень зол и находишься в плохом настроении. Ты страшен, любимый?

— Только для тех, кто отказывается жить, опираясь на собственные силы.

— Ах да. — Она повернулась перед ним, демонстрируя новое платье. — Тебе нравится? Мне подарили его Говорящие Рыбы. Они сами его украсили.

— Любовь моя, — в его тоне послышалось предупреждение, — украшениями готовят жертвоприношение.

Она подошла к тележке, и обратилась к нему, придав лицу притворно торжественное выражение:

— Значит, они принесут меня в жертву?

— Многие из них сделали бы это с радостью.

— Но ты им этого не разрешишь.

— Наши судьбы едины, — сказал он.

— Тогда я не буду ничего бояться. — Она протянула руку и коснулась его руки, покрытой

серебристыми чешуйками, но сразу же отпрянула — по всему телу Лето пробежала дрожь.

— Прости меня, любимый, я забыла, что мы едины только душой, но не плотью, — сказала она.

Кожа из песчаных форелей все еще трепетала от человеческого прикосновения.

— Влажный воздух делает меня особенно чувствительным, — сказал он. Постепенно дрожь улеглась.

— Я не стану жалеть о том, чего не может быть, — прошептала она.

— Будь сильной, Хви, ибо душа твоя принадлежит мне.

Она обернулась на звук, раздавшийся в доме для гостей.

— Монео возвращается, — сказала Хви. — Пожалуйста, любимый, не пугай его больше.

— Монео тоже твой друг?

— Мы друзья по желудку. Оба любим йогурт.

Лето еще смеялся, когда Монео остановился возле Хви. Он осмелился улыбнуться, бросая озадаченные взгляды на женщину. В обхождении мажордома появилось еще больше учтивости, он неким раболепством показывал Лето свое отношение к его невесте.

— У вас все в порядке, госпожа Хви?

— Да.

— Во времена обжорства друзей по желудку надо холить и лелеять, — сказал Лето. — Нам пора отправляться в путь, Монео. Туоно ждет.

Обернувшись, Монео отдал приказ Говорящим Рыбам и придворным.

Лето улыбнулся Хви.

— Мне, кажется, неплохо удается роль нетерпеливого жениха, правда?

Она легко прошла в его тележку, приподняв одной рукой подол юбки. Он развернул ее сиденье. Только усевшись рядом с женихом, она прошептала ему на ухо:

— Любовь души моей, теперь я знаю еще одну твою тайну.

— Пусть она покинет твои уста, — сказал он, играя новой близостью, которая возникла между ними.

— Тебе редко нужны слова, — сказала Хви. — Ты обращаешься прямо к чувствам всей своей жизнью.

По всему его телу прошла волна. Прошло почти несколько секунд, прежде чем он смог говорить, а когда он заговорил, то она едва сумела расслышать его из-за шума кортежа.

— Между сверхчеловеком и не-человеком, —

сказал он, — для меня появилось маленькое пространство человечности. Я — человек. И я благодарю тебя, моя нежная и любимая Хви, за это пространство.

Во всей своей вселенной я не видел закона природы, неизменного и неумолимого. Вселенная представляет нам лишь изменчивые взаимоотношения, которые воспринимаются как законы преходящим короткоживущим сознанием. Это плотское восприятие, которое мы называем самостью, эфемерно и сгорает в пламени бесконечного, мимолетно осведомляя нас о временных условиях, которые служат обрамлением нашей деятельности и изменяются по мере того, как изменяется и сама деятельность. Если вы повесите ярлык на абсолют, то воспользуйтесь его самым подходящим именем: преходящее.

(Похищенные записки)

Наила первой заметила приближающийся кортеж. Сильно потея на полуденной жаре, она стояла возле одного из ограничительных столбов на Королевской Дороге. Внезапная вспышка дальнего отражения привлекла ее внимание. Она всмотрелась в пространство в том направлении и поняла, что увидела солнечное отражение от защитного колпака тележки Лето.

— Они идут! — крикнула она.

После этого она почувствовала голод. В своем волнении и в единстве цели они забыли взять с собой еду. Только фримены взяли с собой воду и то только потому, что «фримен всегда берет с собой воду, когда покидает сиетч».

Наила потрогала пальцем приклад лазерного ружья, висевшего в кобуре на бедре. Мост находился не более чем в двадцати метрах от нее, его конструкции высились над водой фантастическими арками и казались чудовищным нагромождением плоскостей.

Это сумасшествие, подумала она.

Но Бог-Император подтвердил свое приказание. Он потребовал, чтобы Наила во всем подчинялась Сионе.

Приказания же Сионы отличались ясностью и не допускали никаких толкований. А сама Наила не имела времени исследовать смысл распоряжений Бога-Императора. Сиона сказала:

— Когда тележка Императора окажется на середине моста — тогда!

— Но зачем?

Они стояли на приличном расстоянии друг от друга, поеживаясь от утреннего холодка на вершине Барьерного Вала, отчужденные от мира и очень уязвимые.

Суровое выражение лица Сионы и ее тихий, напряженный голос не допускали никаких возражений.

— Неужели ты думаешь, что можешь причинить вред Богу-Императору?

— Я… — Наила смогла только пожать плечами.

— Ты должна подчиняться мне!

— Я должна, — согласилась Наила.

Она внимательно оценила расстояние до приближающегося кортежа, заметив при этом пестрые наряды придворных, синие мундиры ее сестер — Говорящих Рыб… блестящую поверхность тележки ее господина.

Это еще одно испытание, решила она. Бог-Император все знает. Он знает преданное сердце Его Наилы. Это испытание. Приказы Бога-Императора должны быть выполнены как можно точнее и без упущений. Так учат Говорящих Рыб, начиная с детства. Бог-Император сказал, что она должна подчиняться Сионе. Да, это испытание. Чем еще это могло быть?

Она посмотрела на четырех фрименов. Дункан Айдахо расположил их у выхода с моста — они должны были блокировать его. Они сидели спинами к ней, глядя в сторону моста, как четыре коричневых холмика. Наила слышала, как Айда-

хо говорил им:

— Вы не должны ни в коем случае покидать это место. Вы должны приветствовать его здесь. Встаньте, когда он приблизится и низко поклонитесь.

Да, поприветствуйте его хорошенько.

Наила кивнула своим мыслям.

Три другие Говорящие Рыбы, прибывшие на стену вместе с Наилой, были отправлены на мост. Они знали только то, что сказала им Сиона в присутствии Наилы. Они должны были дождаться того момента, когда Императорская тележка окажется в нескольких шагах от них, и начать танцевать, уводя тележку и сопровождение в сторону выступающей точки стены над Туоно.

Если я выстрелами из ружья разрежу мост, то эти трое погибнут, подумала Наила. И все другие, кто идет с нашим Господом.

Наила наклонила голову и посмотрела вниз, в поток. Реки отсюда не было видно, но снизу доносился рев воды и грохот камней, которые волочились по дну сильнейшим течением.

Они все погибнут!

Если только Он не замыслил Чуда.

Пусть будет, что будет. Сиона лучше видит сцену этого чуда. Она — постановщик. Что еще могло

быть на уме у Сионы, если она прошла испытание и теперь на ней надета форма командира Говорящих Рыб? Сиона дала клятву Богу-Императору. Ее испытал Бог, они вдвоем были в Пустыне.

Наила скосила глаза вправо, чтобы увидеть постановщиков этого действа. Сиона и Айдахо стояли плечом к плечу на дороге в двадцати метрах правее Наилы. Они были увлечены разговором, иногда кивали, поглядев друг на друга.

Вот Айдахо взял Сиону за руку — очень странный, хозяйский жест. Он один раз кивнул и зашагал к мосту, остановившись у угловой опоры прямо впереди Наилы. Он посмотрел вниз, потом пересек мост и подошел к другому углу. Снова посмотрел вниз и вернулся к Сионе.

Что за странное создание этот гхола, подумала Наила. После того восхождения она перестала думать о нем, как о человеке. Нет, это какой-то демиург, он стоит близко к Богу, хотя с ним можно спать и рожать от него детей.

Раздавшийся вдалеке крик привлек внимание Наилы. Она повернулась и посмотрела на противоположную сторону моста. Кортеж привычно бежал за королевской повозкой, как это обычно бывает при любом паломничестве. Вот сейчас они перешли на шаг, потому что до моста осталось

всего несколько минут хода. В идущем впереди человеке Наила узнала Монео в ослепительно белой форме, его твердый шаг, высоко поднятую голову. Колпак Императорской тележки был закрыт и блестел на солнце позади Монео.

Знакомая мистерия затопила душу Наилы.

Скоро должно произойти какое-то чудо!

Наила посмотрела вправо, на Сиону. Сиона ответила таким же взглядом и кивнула. Наила извлекла ружье из чехла и поставила его на мост, прислонив к столбу. Сначала по одному кабелю, потом по другому, потом по опорам справа и слева. Ружье показалось Наиле холодным и каким-то чужим. Дрожа, она несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

Я должна подчиниться. Это испытание.

Она увидела, как Монео поднял глаза от дороги и, не меняя походки, крикнул что-то или Императору, или людям, шедшим позади Императорской тележки. Наила не разобрала слов. Монео снова смотрел прямо на дорогу. Наила прижалась к столбу, который почти полностью скрыл ее массивное тело.

Испытание.

Монео увидел людей на дороге и на мосту, разглядел форму Говорящих Рыб и первой его

реакцией было удивление по поводу того, откуда взялись на мосту эти встречающие. Он повернулся и прокричал вопрос Лето, но Бог-Император не соизволил открыть затемненный колпак.

Монео взошел на мост. Тележка скрипела по рассыпанному на мосту песку. В этот момент Монео увидел стоявших на противоположном конце моста Айдахо и Сиону. На выходе с моста, прямо на дороге сидели четыре музейных фримена. В душу Монео закрались нехорошие сомнения, но что-либо изменить было уже нельзя. Он бросил взгляд на реку. Солнечный свет отражался в ней платиновым блеском. Позади громыхала тележка. Течение реки, ход кортежа, важность происходящего и его, Монео, роль в нем, вызывали в его душе чувство головокружительной неизбежности.

Мы — не люди, идущие своим путем, думал он, *мы — первичные элементы, связывающие воедино один отрезок времени с другим. Когда же мы проходим, то все, что остается позади нас, рассыпается, становясь ничем, то есть тем, что очень напоминает не-пространство иксианцев. Это никогда не становится тем же, чем оно было до нашего появления.*

В мозгу Монео зазвучал мотив одной из песен.

Когда-то он слышал, как девушка играла его на лютне. Реальный мир потускнел в глазах Монео, он погрузился в иной мир, мир воспоминаний. Песня была полна желания, желания, чтобы все это миновало, прошло, чтобы рассеялись все сомнения и вернулись мир и покой. Простенький жалобный мотив вился в душе Монео, как дым костра.

Стрекочут букашки в густой траве пампы…

Монео замурлыкал мотив себе под нос:

Стрекот их знаменует конец.
Осень и моя песня – это цвет
Последних листьев
В траве пампы…

Монео самозабвенно кивал головой в такт припеву.

День прошел,
Гости ушли.
День прошел
В нашем сиетче,
День прошел,
Слышен рев бури,

День прошел,
И гости разошлись.

Это была древняя, настоящая фрименская песня, решил Монео. Она рассказывала о нем. Ведь это он всей душой жаждал, чтобы разошлись по домам все незваные гости, улеглись волнения и наступил столь желанный покой. Мир был так близок… но он не мог покинуть службу. Он мимолетно подумал о каких-то досадных помехах, которые возникли на пути в Туоно… Скоро будет видна и деревня. Палатки, еда, столы, золоченые тарелки и украшенные драгоценными каменьями ножи, круглые светильники, украшенные на древний манер арабесками… все будет производить впечатление богатства и надежды на иную, лучшую жизнь.

Но никогда Туоно не станет тем, чем она была раньше.

Однажды, совершая инспекционную поездку, Монео прожил в Туоно два дня. Он вспомнил запах их очагов, на которых готовили пищу — в огонь подкладывали ветви ароматических растений, пламя ярко вспыхивало в темноте. Жители не пользовались солнечными печами — «этих печей не было в древности».

Не было в древности.

В Туоно пахло меланжей. Сладкий, немного едкий запах мускусных растений доминировал… Хотя в нос прежде всего била вонь выгребных ям и мусорных свалок. Он вспомнил краткий комментарий Бога-Императора по поводу своего отчета о поездке.

«Эти фримены сами не понимают, что они утратили. Они воображают, что хранят свои древние обычаи. Это заблуждение всех музеев. Что-то всегда исчезает; сам дух выветривается из экспозиций и улетучивается. Люди, которые основывают музеи, и те, кто приходит в них поглазеть на реликвии, редко задумываются об утраченном навсегда духе. Когда нет жизни, нет и духа».

Монео пригляделся к трем Говорящим Рыбам, стоявшим на мосту. Они вдруг подняли вверх руки и начали танцевать, сладострастно изгибаясь всего лишь в нескольких шагах от него.

Как странно, подумал Монео. *Мне приходилось видеть, как танцуют на улицах другие, но никогда не видел танцующих прилюдно Говорящих Рыб. Они танцевали только на праздниках в подземелье и в своих жилищах и только среди своих.*

Мысль еще продолжалась, когда до слуха Монео

донесся страшный скрежет выстрела лазерного ружья. Мост под Монео начал проваливаться, уходя из-под ног.

Это не может произойти, промелькнуло у него в мозгу.

Он услышал, как тележка начинает забирать в сторону поперек дороги, затем с громким щелчком открылся защитный колпак. Полотно моста медленно опрокидывалось, становясь вертикально, стремительно приближаясь к глазам Монео в то время, как он сам соскальзывал в бездну. Он ухватился обеими руками за кабель и начал медленно вращаться вместе с ним. В этот момент он увидел Императорскую тележку. Она отошла к краю моста, защитный колпак был открыт, внутри стояла Хви, держась одной рукой за сиденье и глядя куда-то мимо Монео.

Раздался чудовищный визг металла, и полотно моста стало опрокидываться еще быстрее. Монео видел, как мечутся, падают и дико размахивают руками люди из свиты. Кабель за что-то зацепился. Руки Монео были вытянуты над головой, а сам он вращался вместе с отрезком кабеля. Потные от страха руки скользили по оплетке кабеля.

Вот он еще раз увидел тележку Лето. Теперь она лежала на боку, зажатая обломками ограждения

моста. Монео отчетливо увидел, как Лето своими рудиментарными ручками пытается схватить Хви, но тщетно. Она, не издав ни звука, выпала из открытой тележки. Золотое платье задралось, обнажив вытянутое в струну тело.

Низкий рык сотряс все тело Императора.

Почему он не включает подвеску. Она выдержит тележку.

Однако лазерное ружье продолжало реветь и скрежетать. Руки Монео с жуткой неизбежностью соскальзывали к концу порванного кабеля, но мажордом успел заметить, как вспыхнули ярким пламенем все четыре подвески тележки, откуда повалил золотистый дым. Вытянув вверх и вперед руки, Монео начал падать.

Дым! Золотистый дым!

Его накидка налезла на голову, развернула его лицом вниз, и он увидел бездну. Внизу был мальстрем кипящей воды — зеркало его прошедшей жизни — тянувшие на дно и выталкивающие течения, движение, собирающее и размалывающее все сущее. В мозгу застряли слова Лето, сказанные им о золотистом дыме: *«Берегись пути посредственности. Пустое скольжение по жизни, бесстрастная посредственность — это все, что представляет себе большинство людей в*

качестве смысла и цели жизни». Монео пронзил экстаз сознания. Вселенная открылась ему, словно в увеличительном стекле, время остановило свой бег.

Золотистый дым!

— Лето! — неистово закричал Монео. — Сиайнок! Я верю!

Накидка сорвалась с его плеч. Монео развернуло в пропасть каньона — но мажордом успел бросить последний взгляд на Императорскую тележку — она медленно сползала с разбитого моста. Из нее выползал Бог-Император.

Что-то твердое ударило Монео в спину. Это было последнее, что он почувствовал в своей жизни.

Лето выскользнул из тележки. В сознании запечатлелась только одна страшная картина — Хви, ударившаяся о кипевшую внизу воду.

Эти буруны — символ конца, погружения в мифы и сны. Последние слова ее были исполнены твердости и покоя: «Я пойду впереди тебя, любимый».

Выскальзывая из тележки, он видел излучину реки, вода сияла множеством серебристых бликов; кривой клинок реки уходил в Вечность и был готов принять Лето в свои мучительные объятия.

Я не могу ни плакать, ни даже кричать, думал он. *Слезы невозможны для меня. Они — вода. Сейчас у меня будет много воды. Я могу лишь стонать от своего горя. Я одинок, более одинок, чем когда бы то ни было.*

Его большое сегментированное тело согнулось в падении, но, падая, он успел заметить Сиону, стоявшую на краю пролома в полотне моста.

Теперь ты все поймешь, подумал он.

Тело продолжало свое вращение. Лето видел, как стремительно приближается река. Вода — это, как сон, населенный рыбами. Он вдруг вспомнил древний пир на берегу выложенного гранитом бассейна — розоватое мясо, дразнящее аппетит.

Я иду к тебе, Хви. Мы будем вместе на пиру богов!

Исполинский всплеск погрузил его в неописуемые мучения. Вода, ее злобный вихрь окружили его со всех сторон. Он ощущал скрежет несущихся мимо камней, когда пытался пробиться вверх по течению, чтобы вырваться из водопада. Тело его инстинктивно изгибалось и билось в непроизвольных судорогах. Перед его безумным взглядом возникла стена каньона — мокрая и черная. Куски того, что совсем недавно было его кожей, срывались с тела и серебряным дождем

сыпались в воду. Песчаные форели покидали его, чтобы начать в воде свою новую жизнь.

Но его муки на этом не прекратились. Лето понял, что у него еще есть человеческое сознание и тело, которое способно чувствовать боль.

Инстинкт подгонял его. Он ухватился за обломок скалы, почувствовал, как ему оторвало палец, почувствовал еще до того, как осознал, что ухватился за камень. Это была лишь тихая нота в страшной симфонии боли.

Течение реки вынесло его к опорам канала, потом, хотя он кричал себе, что и этого достаточно, Лето вынесло на отлогий песчаный берег. Он лежал там, видя, как уносится омывшая его вода, окрасившаяся в синий цвет Пряности. Муки продолжали подгонять. Его тело, тело червя выползло из воды. Все песчаные форели исчезли, и теперь он болезненно чувствовал каждое прикосновение. Утраченная чувствительность восстановилась, но теперь она могла дать ему только боль. Он не мог видеть себя, но чувствовал, что его тело сохранило форму червя, ощущая, как оно извивается, стремясь покинуть губительную воду. Он смотрел вверх, в глазах его плясали языки пламени, освещавшие все фрагменты, которые он видел. Наконец, он понял, где находится.

Река вынесла его к повороту, после которого она навсегда покидала Сарьир. Позади была деревня Туоно, прямо у подножия Защитного Вала — это все, что осталось от сиетча Табр — владения Стилгара, места, где хранилась вся Пряность Лето.

Испуская синий дым, его агонизирующее тело, извиваясь и оставляя голубой след, ползло по прибрежной гальке, мимо камней и валунов к влажной норе, которая была, видимо, остатком древнего сиетча. Теперь это была мелкая, тесная пещера, внутренний выход который был когда-то завален камнепадом. В нос ударил запах сырости и чистый дух Пряности.

В мир его мучений вторглись какие-то звуки. Он повернулся в тесноте пещеры и увидел у входа болтающийся конец веревки. По ней скользнула вниз какая-то фигура. Лето узнал Наилу. Она спрыгнула на камни и, согнувшись, двинулась в пещеру, пристально вглядываясь в ее темноту. Затем с веревки спрыгнула другая фигура. Сквозь огонь, застилавший зрение, Лето увидел, что это Сиона. В грохоте падавших камней Наила и Сиона начали продвигаться к входу в пещеру. Вот они остановились и вперили свои взгляды в него. Появился и третий — Айдахо. Он был охвачен яростью и, словно вихрь, налетел на Наилу.

— Зачем ты ее убила? Ты не должна была убивать Хви!

Наила отмахнулась от него, как от назойливой мухи, — Айдахо покатился по камням. Она прошла ближе к Лето, потом опустилась на четвереньки и посмотрела на него.

— Господин? Вы живы?

Позади нее появился Айдахо, выхватил из чехла ружье. Наила в изумлении обернулась, но он уже поднял ружье и нажал на спуск. Огонь вспыхнул сначала на голове Наилы, потом распространился по всему телу. Она начала распадаться на горящие фрагменты, отлетел в сторону нож, куски обугленной плоти и горящей одежды разлетались по камням. Но Айдахо ничего не видел. С лицом, искаженным яростью, он продолжал изо всех сил нажимать на спусковой крючок до тех пор, пока не иссяк заряд. Огненная дуга погасла.

Сиона ждала именно этого момента. Она подошла к Айдахо и отняла у него бесполезное теперь ружье. Он повернулся к ней, и она поддержала его, чтобы он не упал. Ярость угасла вместе с огнем лазерного ружья.

— За что? — прошептал он.

— Это уже сделано, — ответила Сиона.

Они обернулись и вместе посмотрели на Лето,

лежавшего в темноте пещеры.

Лето не мог даже представить себе, что именно они видят. Он знал, что кожа из песчаных форелей исчезла. На их месте должна была остаться поверхность, покрытая отверстиями, оставшимися на месте ресничек, которые прободали его человеческую кожу. Что же касается остального, то ему оставалось только смотреть на две стоявшие у входа в пещеру фигуры и ждать. Сиона казалась ему женщиной-демоном. Имя его было известно Лето, и он произнес его вслух. Звук его голоса, многократно усиленный под сводами пещеры, долетел до ушей Сионы.

— Ганмия!

— Что? — Она подошла поближе.

Айдахо стоял позади нее, закрыв лицо руками.

— Смотри, что ты сделала с несчастным Дунканом, — произнес Лето.

— Он найдет себе другую любовь. — Как она жестока, таким был и он в своей ранней юности.

— Ты просто не знаешь, что значит любить, — сказал он. — Что ты смогла дать? — Он мог лишь пошевелить руками, вернее тем, что когда-то было руками. — Боже! Чего я лишился!

Она подобралась поближе к нему, потом остановилась и отпрянула.

— Я реален, Сиона. Посмотри на меня. Я существую. Ты можешь прикоснуться ко мне, если осмелишься. Вытяни руку, сделай это.

Она медленно протянула вперед руку и коснулась того места, где раньше был его передний сегмент, в котором она, как в гамаке, пряталась от зноя в Пустыне во время испытания в Сарьире. Ее рука коснулась синей массы, и Сиона отдернула руку.

— Ты прикоснулась ко мне и ощутила мое тело, — сказал он. — Разве это не странно, если не думать ни о чем больше?

Она начала отворачивать лицо.

— Нет! Не отворачивайся! Посмотри на то, что ты сделала, Сиона. Как получилось, что ты можешь прикоснуться ко мне, но не можешь дотронуться до самой себя?

Она бегом бросилась от него.

— Вот в чем заключается разница между нами, — сказал он. — Ты — воплощение Бога. Ты заключаешь в себе величайшее чудо вселенной, но отказываешься коснуться его, увидеть его или поверить в него.

Лето отвлекся, услышав внутри пещеры работу спрятанного там механизма, который записывал его мысли. В этом месте совершенно отсутство-

вала радиация, это было место вне пространства, которое создали иксианцы, здесь не было места сумятице мыслей и душевному неустроению. Здесь отсутствовала связь со всей остальной вселенной.

Но она будет, эта связь.

Он почувствовал, что иксианское печатающее устройство заработало. Теперь оно будет записывать его мысли без команды.

Помните, что я сделал! Помните меня! Я снова буду невиновен в ваших глазах!

Пламя, пылавшее перед его глазами, на мгновение потухло. Теперь перед ним на месте Сионы стоял Айдахо. Что там еще?.. Ах да, это Сиона махнула рукой, выкрикивая команды кому-то наверху стены.

— Ты еще жив? — спросил Айдахо.

Голос Лето прерывался тяжелым свистящим дыханием.

— Пусть они разойдутся, Дункан. Пусть они бегут, спрячутся, улетят на другие планеты. Пусть выберут себе другие миры.

— Будь ты проклят! О чем ты говоришь? Да я бы скорее позволил ей жить с тобой!

— Позволил? Я ничего не позволял.

— Почему ты позволил Хви умереть? — просто-

нал Айдахо. — Мы не знали, что она с тобой.

Он рывком подался вперед. Голова его тряслась.

— Ты получишь утешение, — прошептал Лето. — Мои Говорящие Рыбы отдадут тебе первенство перед Сионой. Будь великодушен с ней, Дункан. Она больше Атрейдес, и в ней семя твоего возрождения.

Лето погрузился в океан своей памяти. Эти смутные мифы вновь овладели его сознанием. Он почувствовал, что сейчас проникнет в то время, которое самим своим существованием может изменить прошлое. Раздались какие-то звуки, и Лето, вопреки рассудку, попытался понять, что это. *Кто-то карабкается по скале?* Пламя снова утихло, и Лето увидел, что рядом с Айдахо стоит Сиона. Они стояли, взявшись за руки, как дети, которые хотят войти в незнакомое место.

— Как он может еще жить? — прошептала Сиона.

Лето собрал все силы, чтобы ответить ей.

— Мне помогает Хви, — сказал он. — За короткое время мы обрели бесценный опыт. Мы объединили наши силы, а не нашу слабость.

— Ты бы посмотрел сейчас на себя, — издевательским тоном произнесла Сиона.

— Да, и молись, чтобы ты стала такой же, — тихо произнес он. — Возможно, Пряность продлит твое время.

— Где твоя Пряность? — спросила она.

— Глубоко, в сиетче Табр, — ответил он. — Дункан найдет ее. Ты знаешь это место, Дункан. Теперь оно называется Табур. Очертания сиетча еще сохранились.

— Зачем ты это сделал? — прошептал Айдахо.

— Это мой дар, — ответил Лето. — Никто не отыщет потомков Сионы. Оракул не видит их.

— Что? — в один голос воскликнули они, придвинувшись ближе к Лето, чтобы слышать тихий голос умирающего Императора.

— Я даю вам новое время, в котором нет параллельных миров, — сказал он. — Все его линии расходятся. На этих кривых не будет конкурирующих точек. Я даю вам Золотой Путь. Это мой дар. Никогда больше не будет соперничества, которое губит вас.

Перед его глазами снова запылал огонь. Муки исчезали, но он по-прежнему воспринимал звуки и запахи с невероятной остротой. Айдахо и Сиона тяжело и часто дышали. Странное кинестетическое чувство передалось от них Лето. Он ощутил боль в связках и суставах, которых давно уже

не было.

— Смотри! — воскликнула Сиона.

— Он распадается. — Это был голос Айдахо.

— Нет, — возразила Сиона. — Это отделяется Червь!

Лето почувствовал, что какая-то его часть погрузилась в приятное тепло. Боль прошла.

— Что это за отверстия в нем? — спросила Сиона.

— Думаю, что там были песчаные форели. Посмотри на форму.

— Я здесь для того, чтобы показать, что один из моих предков заблуждался, — сказал Лето (или думал, что сказал, что, впрочем, одно и то же, поскольку его мысли записывались). — Я родился человеком, но умираю не человеком.

— Я не могу на это смотреть! — крикнула Сиона.

Лето услышал, как она бросилась вон из пещеры, под ее ногами громко застучали камни.

— Ты еще здесь, Дункан?

— Да.

Значит, у меня еще есть голос.

— Смотри на меня, — продолжал Лето. — В материнской утробе я был маленьким кровавым кусочком плоти размером не больше вишни.

Смотри на меня, я сказал!

— Я смотрю, — слабым голосом ответил Айдахо.

— Надеешься увидеть гиганта, а видишь гнома, — проговорил Лето. — После этого начинаешь понимать ответственность, которую несешь за свои действия. Что ты будешь делать со своей новой властью, Дункан?

Воцарилось молчание, потом раздался голос Сионы:

— Не слушай его, он сошел с ума!

— Конечно, — миролюбиво согласился Лето. — Сумасшествие — это тоже метод. Оно сродни гениальности.

— Сиона, ты понимаешь, что он говорит? — Голос жалобный, настоящий голос гхолы.

— Она понимает, — ответил за Сиону Лето. — Это по-человечески: испытать потрясение, которого ты не ожидал и не предвидел. С людьми всегда так. Монео понял это в конце жизни.

— Мне бы хотелось, чтобы он поспешил со своей смертью, — сказала Сиона.

— Я был разделенным Богом, но вы собрали меня воедино, — сказал Лето. — Дункан! Когда я думаю обо всех моих Дунканах, то ты нравишься мне больше других.

— Нравлюсь? — В голосе Айдахо вновь зазвучала ярость.

— В моей симпатии есть нечто магическое, — сказал Лето. — В магической вселенной возможно все. В твоей жизни господствовала фатальность оракула, а не моя. Теперь ты видишь этот мистический каприз и хочешь, чтобы я его рассеял? Я хочу только усилить его.

Другие внутри Лето начали самоутверждаться. Не в силах сопротивляться и наводить порядок, он перестал справляться с этим хаосом. Они начали говорить языком постоянных «если». «Если бы ты только…» «Если бы мы не…» Как хотелось ему заткнуть им глотки!

— Только глупцы живут своим прошлым!

Лето так и не понял, крикнул он эту фразу или только подумал. Ответом была полная тишина — внутренняя и внешняя, но некоторые нити, связывавшие воедино его старую сущность, еще сохранились. Он попытался заговорить, и, видимо, его услышали, потому что Айдахо проговорил:

— Послушай, он пытается что-то сказать.

— Не бойтесь иксианцев. — Голос Лето превратился в едва слышный шепот. — Они могут делать машины, но не могут больше делать ара-

фель. Я знаю, я был там.

Он замолк, собирая силы, которые утекали, несмотря на то, что он старался удержать их. Им снова овладело какое-то возбуждение — голоса начали что-то кричать, перебивая друг друга.

— Прекратите эту глупость! — крикнул он или подумал, что крикнул.

Айдахо и Сиона услышали только шипение.

Помолчав, Сиона сказала:

— Мне кажется, что он мертв.

— А говорили, что он бессмертен, — сказал Айдахо.

— Ты знаешь, что говорит по этому поводу Устное Предание? — спросила Сиона. — Если ты жаждешь бессмертия, то должен отринуть форму. Все, что имеет форму, смертно. За пределами формы царствует бесформенное, то есть бессмертное.

— Ты говоришь, как он, — обвиняющим тоном произнес Айдахо.

— Думаю, что в этом он был прав, — ответила она.

— Что он говорил о твоих потомках… они прячутся… их нельзя найти… что это?

— Он создал новую форму мимикрии, — ответила Сиона, — новую форму инициации. Он знал,

что добился успеха, потому что не смог разглядеть моего будущего.

— Кто ты? — спросил Айдахо.

— Я — новый Атрейдес.

— Атрейдес! — в устах Айдахо это прозвучало как проклятие.

Сиона посмотрела на жалкие останки того, кто некогда был Лето Атрейдесом Вторым… и кем-то еще. Этот кто-то медленно уходил вместе со струйками синеватого дыма, отдающего запахом меланжи. Под тающим телом растекалась синяя лужа Пряности. Остались еще остатки чего-то вполне человеческого — кости с красными прожилками и розовая кожа, которые когда-то были частью вечно детского лица Великого Бога-Императора.

— Я не похожа на него, — сказала Сиона, — но у нас с ним одна суть. Я — то же, что и он.

Айдахо непроизвольно перешел на благоговейный шепот:

— Предки и все это…

— Их множество здесь со мной, но я могу незаметно пройти мимо них, потому что они не видят меня. Старые образы исчезли, осталась только суть, чтобы осветить Золотой Путь.

Она повернулась к нему и взяла его за руку. Ру-

ка Дункана была холодна, как лед. Она осторожно вывела его из пещеры на свет и подвела к веревке, которая звала назад, в мир людей. Там, наверху, ждали их испуганные музейные фримены.

Жалкий материал, из которого придется кроить новую вселенную, подумала Сиона, но им придется служить. Айдахо надо будет нежно соблазнить, а потом появится и любовь.

Когда она оглянулась на реку, то увидела, как узкое искусственное русло расширяется в пойму, раскинувшуюся среди зелени. На горизонте появилась стремительно надвигавшаяся туча.

Айдахо высвободил руку, но был при этом спокоен.

— Управление погодой становится все хуже и хуже, — сказал он. — Монео думал, что это происки Гильдии.

— Отец редко ошибался в таких вещах, — сказала она. — Тебе придется с этим разобраться.

Айдахо вдруг вспомнил, как с тела Лето разбегались в воду песчаные форели — личинки нового червя.

— Я слышала, что сказал Червь, — проговорила Сиона. — Говорящие Рыбы выберут тебя, а не меня.

Айдахо вновь испытал искушение Сиайнока.

— Посмотрим. — Он повернулся и взглянул на Сиону. — Что он имел в виду, когда сказал, что иксианцы не смогут создать арафель?

— Ты просто не читал всех его записок, — ответила она. — Я все тебе покажу, когда мы вернемся в Туоно.

— Но что значит арафель?

— Это темнота священного суждения. Это понятие из древней истории. Все это ты найдешь в его записках.

Из секретного обзора Хади Бенотто относительно открытия в Дар-эс-Балате

Это сообщение меньшинства. Мы, конечно, подчинимся решению большинства касательно тщательного отбора, цензуры и издания записок из Дар-эс-Балата. Но наши аргументы должны быть выслушаны и учтены. Мы знаем, каковы интересы Святой Церкви в этом вопросе, и это не ускользнуло от нашего внимания. Мы полностью разделяем желание Святой Церкви, чтобы Ракис и Священная Резервация Расщепленного Бога не становились «аттракционом для скучающих туристов».

Однако, поскольку теперь в наших руках имеются все записки и доказана их аутентичность и выполнен полный перевод, мы можем судить о замысле Атрейдесов. Как женщина, воспитанная в традициях Бене Гессерит, я понимаю способ мышления наших предков, и у меня есть естественное желание участвовать в том замысле, который открылся нашему взору, — замысле, целью которого было нечто большее, чем превращение Дюны в Арракис, а Арракиса в Дюну, а потом в Ракис.

Нам надо служить интересам истории и

науки. Записки проливают новый свет на воспоминания и личные биографии времен Дней Дункана и Охранной Библии. Мы не можем оставаться небрежными в отношении таких расхожих выражений, как «Клянусь тысячью сынов Айдахо!» или «Клянусь девятью дочерьми Сионы!». Сохранившийся до сих пор Культ Сестры Ченоу приобретает в связи с открытием записок новое значение. Определенно, что новая трактовка Церковью рассказа об Иуде/Наиле требует и новой оценки.

Мы, представители Меньшинства, должны напомнить политическим цензорам, что бедные песчаные черви Ракийской Резервации не могут служить альтернативой иксианским навигационным машинам, так же, как крошечные количества церковной меланжи не составляют коммерческой угрозы для тлейлаксианской синтетики. Нет! Мы просто настаиваем на том, чтобы Устное Предание, Охранная Библия и даже Святое Писание Расщепленного Бога должны быть сравнены с записками из Дар-эс-Балата. Каждая историческая ссылка на времена Рассеяния и Великого Голода должна быть тщательно проверена. Чего мы боимся? Никакие иксианские машины не смогут

сделать то, что можем сделать мы — прямые потомки Сионы и Дункана Айдахо. Сколько вселенных мы освоили и заселили? Никто не может назвать даже приблизительной цифры. Никто и никогда не узнает этого. Неужели Церковь боится случайных пророков? Мы знаем, что никакие пророки не могут ни видеть нас, ни предсказать наши решения. Смерть не может постичь сразу все человечество. Надо ли нам, Меньшинству, присоединяться к нашим рассеянным братьям и сестрам, чтобы быть услышанными? Должны ли мы оставить большинство человечества в темноте и невежестве? Если Большинство заставит нас уйти, то оно само потом не сможет нас отыскать.

Мы не хотим уходить. Нас удерживают здесь жемчужины, зарытые в песок. Мы очарованы тем, как Церковь использует это «солнце понимания». Несомненно, ни один разумный человек в этом отношении не сможет остаться равнодушным к откровениям записок. Опасное, но столь необходимое использование археологии принесет в один прекрасный день свои плоды! Одно то, каким образом с помощью примитивного прибора Лето Второй смог сохранить свои мысли для потомства, может

преподать нам урок истории машин. Было бы преступлением против исторической точности и науки прекратить попытки познать те «перлы сознания», которые содержатся в записках. Потеряем ли мы Лето Второго в его снах или пробудим его для новой жизни, вынесем на поверхность сознания и будем хранить, как кладезь исторической точности? Как может Святая Церковь бояться истины?

Что же касается Меньшинства, то у нас нет сомнения в том, что историки первыми должны услышать все с самого начала. Они должны услышать голос нашего происхождения. Если дело касается только записок, то мы должны просто слушать. Нам надо выслушать наше будущее настолько, насколько позволят это сделать записки из нашего прошлого. Мы не пытаемся предсказать открытия, которые будут сделаны при анализе записок Лето Второго. Мы только утверждаем, что эти открытия должны быть сделаны. Как можем мы повернуться спиной к нашему столь важному наследию? Как сказал поэт Лон Брамлис: «Мы сами есть источник удивления!»